Анатолий КАРПОВ:

*«Шахматы —
моя жизнь,
но моя жизнь —
это не только
шахматы...»*

ДЕВЯТАЯ ВЕРТИКАЛЬ

Ленинскому комсомолу —
в год его 60-летия

ДЕВЯТАЯ ВЕРТИКАЛЬ

●

ЧЕМПИОН МИРА
ПО ШАХМАТАМ
АНАТОЛИЙ КАРПОВ
РАССКАЗЫВАЕТ
О СЕБЕ, СВОИХ ТОВАРИЩАХ И УЧИТЕЛЯХ,
О ВОСХОЖДЕНИИ
НА ВЕРШИНУ ШАХМАТНОГО ОЛИМПА,
О БОЛЬШИХ И МАЛЫХ ШАХМАТНЫХ
БАТАЛИЯХ,
В КОТОРЫХ ОН УЧАСТВОВАЛ.

●

РАССКАЗ ЧЕМПИОНА МИРА
ДОПОЛНЯЕТ МАСТЕР СПОРТА СССР,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ ТРЕНЕР РСФСР,
ЖУРНАЛИСТ
АЛЕКСАНДР РОШАЛЬ.

●

В КНИГЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ
ТРИНАДЦАТЬ ПАРТИЙ
АНАТОЛИЯ КАРПОВА
С ЕГО КОММЕНТАРИЯМИ.

Москва
«Молодая гвардия»
1978

75.581
К26

18 октября 1978 года
из филиппинского
города Багио
пришла
радостная весть —
Анатолий КАРПОВ
вновь подтвердил
свое звание
сильнейшего
шахматиста мира!

К $\frac{70302-263}{078(02)-78}$ 108—78

БАГИО, ФИЛИППИНЫ

ТОВАРИЩУ
КАРПОВУ АНАТОЛИЮ ЕВГЕНЬЕВИЧУ

Дорогой Анатолий Евгеньевич!

Был очень рад получить Вашу телеграмму. Горячо и сердечно поздравляю Вас с победой в ответственном и нелегком матче.

Вся наша страна гордится тем, что в тяжелой, упорной борьбе Вы проявили высокое мастерство, несгибаемую волю и мужество, словом, наш советский характер.

Уверен, что Вы в дальнейшем умножите свои творческие усилия и внесете крупный вклад в сокровищницу шахматного искусства.

Желаю Вам крепкого здоровья, счастья, ярких побед во славу нашей великой Родины.

Л. БРЕЖНЕВ

О КНИГЕ «ДЕВЯТАЯ ВЕРТИКАЛЬ»

Предисловие Михаила ТАЛЯ

Книги-исповеди крупнейших шахматистов, молниеносно исчезнув с магазинных прилавков, давным-давно стали библиографической редкостью. И хотя сегодня шахматных книг издается куда больше, все же придется согласиться, что настоящей шахматной литературы подобного рода по-прежнему не хватает. Но вот совсем недавно упреки, адресованные гроссмейстерам, были наконец-то услышаны: кое-кто из ведущих шахматистов приступил к погашению долга гроссмейстерского клана перед читателями. Правда, до сих пор векселя оплачивались главным образом прокомментированными партиями.

Конечно, в своей книге хочется не только показать партии, но и что-то рассказать. Сегодня же шахматиста едва хватает на регулярные выступления, а на то, чтобы выступать с рассказами (подробными и, главное, искренними), и времени-то уже не остается.

И если партии мы постоянно играем за доской, считая варианты и обдумывая планы (что затем облегчает и ускоряет комментирование), то на описание спортивных, а тем более жизненных ситуаций нам решиться куда труднее. Вот потому-то, пожалуй, и не появляются откровенные беседы гроссмейстеров с читателями, не видно истинной (а не дилетантской) шахматной беллетристики. Так неужто ждать, когда гроссмейстер выйдет «на пенсию» и у него появится время для литературных опытов? Оказывается, есть еще один путь...

У Анатолия Карпова нашлось «alter ego», «второе «я», — журналист, близкий товарищ, с которым он предельно откровенен и которому он полностью доверяет, знающий его с детства. Так что у этой книги два автора: Анатолий Карпов и журналист Александр Рошаль.

Молодой чемпион мира Анатолий Карпов — шахматист, привлекший к себе внимание уже с первых своих ходов; его шахматная жизнь с тех пор как бы проходит на открытой сцене. В восемна-

дцать лет он стал чемпиоиом мира среди юношей, через год — гроссмейстером, еще через год с блеском выступал уже на самых представительных международных турнирах. В его спортивной биографии нет серьезных иеудач, а успехи растут с каждым новым соревнованием. Имя Карпова становится все более популярным, а постоянные победы, как это ни парадоксально, выглядят все более загадочными н труднообъяснимыми.

Предлагаемая книга видится мне интересным опытом творческого содружества двух непохожих авторов. Молодой, задиристый, чего никак не скажешь, глядя на его рациональную игру, чемпион мира Анатолий Карпов и опытный, хотя тоже отнюдь не старый, критически и даже иронически настроенный Александр Рошаль.

Но уж если подходить строго, авторов у этой книги гораздо больше... Соперники Карпова, его конкуренты высказывают на страницах этой книги свое мнение о молодом шахматисте. Их точки зрения выражены прямо, без обиняков и языком тех, кто говорит. На множестве турниров побывал журналист Рошаль, он близко знаком с крупными шахматистами, он брал интервью, пожалуй, у всех ведущих гроссмейстеров мира. И теперь мы отличаем, будто на слух, одного шахматиста от другого. Приятно, что голоса эти не подогнаны под один стандарт, и теперь книга, рассказывая о Карпове, добавляет внимательному читателю кое-что и о других шахматистах, о весьма сложных и запутанных ситуациях в шахматном мире. Здесь сказанное до начала турниров и матчей и тут же сказанное непосредственно после состязаний. Есть мнения, оценки и чрезмерно субъективные. Как правило, их сопровождает анализ, трезво проделанный спустя некоторое время, когда страсти улеглись, когда все встало на свои места. И все это очень, очень интересно.

Книга своеобразна, ее «геометрия» не совсем обычна, хотя, казалось бы, выбрано довольно обычное хронологическое построение. Но буквально в каждой части мы встречаемся с интересными подробностями, будто бы уводящими нас в сторону, однако всегда позволяющими вернуться к основному направлению повествования. Мы словно поднимаемся к вершине ветвистого дерева, изучая при этом всю его пышную крону.

В книге немного шахматных партий, и подобраны они достаточно своеобразно. Я уже отмечал, что самая звонкая часть шахматной биографии Карпова проходила у всех на виду, и шахматисты мира знают в десятки раз большее число партий своего чемпиона, нежели вошло в предлагаемую теперь книгу. Но и подбор приводимых здесь партий в достаточной мере раскрывает подход Карпова к самой шахматной игре. Он дает только выигранные им партии! Что ж, Карпов считает, что шахматная игра — это глав-

ным образом спорт. Это его точка зрения, ее можно принимать полностью или частично, но это точка зрения чемпиона мира. А поскольку игра Анатолия логична и подчинена, так сказать, классическим канонам, согласно которым белые имеют преимущество, то и подавляющее большинство партий Карпова выиграно тогда, когда он имел белый цвет. Впрочем, в этом отношении кое-что начинает меняться. Во всяком случае, в последнее время все чаще в его руках торжествуют и черные фигуры...

...Конечный результат каждой шахматной партии, как бы она ни протекала, укладывается всего в три цифровых измерения — 1, $1/2$, 0. Но цифры эти не могут оставаться без наполнения, их неизменно сопровождает подробный и захватывающий рассказ о наиболее памятных соревнованиях, о шахматах, о людях шахмат.

Здесь как раз мы и сталкиваемся с оригинальным для шахматной литературы приемом — мы слышим двух авторов, которые почти не говорят «одним голосом», а чаще выступают самостоятельно или ведут как бы диалог. И касается это не только ходов в шахматной партии, но и жизненно важных шагов.

Жизнь Карпова пока еще укладывается всего в двадцать семь лет. Но, как выясняется, и это уже немало. Здесь и детские годы, и школа, оконченная с отличием, и отличная защита университетского диплома. Здесь не только всегда отличные шахматные результаты, но и рассказ о своеобразном характере чемпиона, о его склонностях, о его увлечениях. О его деятельности популяризатора шахмат, о Карпове — общественном человеке, члене ЦК ВЛКСМ.

В этой книге многое впервые. Об этом новом с интересом узнают и любители и специалисты шахмат и с пользой для себя воспримут те, кто еще почти ничего не знает о нашей великой игре.

ВЕРТИКАЛЬ КАРПОВА

Предисловие А. РОШАЛЯ

Свой путь к высшему из шахматных титулов Анатолнй Карпов прошел так, словно от его иачала (первых партнй в детской секцин Дворца металлургов Златоуста) до конечной точки (звания чемпнона мира) была выстлана ковровая дорожка: нн остановок, ни отступлений, ни отклонений. Ои пришел в мир шахмат, когда был нужен ему больше всего.

«Когда я праздновал свое пятндесятилетие, то не мог предположнть, что через три дня — 23 мая 1951 года — роднтся шахматный геннй. В двадцать три года получить официальное право оспарнвать званне чемпиона мнра смоглн лншь Таль и Карпов. Шахматная карьера Карпова блестяща. Что можио пожелать ему? Еслн звания чемпиона, то оио н так близко, н мы иадеемся, что он будет лучшим из всех чемпноиов».

Слова этн прииадлежат презнденту Международной шахматиой федерации Максу Эйве. И были сказаны они на том самом вечере, на котором чествовали победнтеля фннального матча претендентов. На Аиатолия Карпова былн нацелены кинофототелепушкн. Итервью нли хотя бы автограф спешили взять у иего не только профессиональные журиалисты, но даже коллеги-гроссмейстеры.

В тот момент Карпов, по существу, уже стал чемпноном, но нн сам он, нн Эйве, ии весь шахматиый мир этого еще не зиалн. Пройдет полгода, прежде чем последует отказ Фншера отстаивать свое звание, и в сверкающем хрустальнымн люстрами беломраморном Колонном зале на плечи Анатолия Карпова будет возложен лавровый веиок двеиадцатого в историн шахмат чемпиона мира.

Издавиа замечено, что на шахматном горизонте крупные фнгуры появляются не в одиночку, а как бы волнами, с некоторым нтервалом. У нас, к прнмеру, после войны было два таких «девятых вала»: сначала М. Тайманов, Ю. Авербах, Е. Геллер, Т. Петросян, затем Б. Спасскнй, М. Таль, Л. Полугаевский, Л. Штейн... Мы ждали новую волну. А она все не появлялась из среды тех ребят, которые рослн в особых условнях военного временн. Им ие хватало

много как раз в том возрасте, когда организм еще не окреп и когда закладывается фундамент всестороннего развития. Михаил Таль как-то поделился впечатлениями от своей педагогической практики, которую он проходил в 1958 году как студент последнего курса филологического факультета: «В моем ведении были шестой, восьмой и девятый классы. Уже после первых уроков мне стало ясно: двенадцати-тринадцатилетние заметно выигрывали по сравнению со своими более старшими товарищами. Они могли легко весь урок слушать рассказ преподавателя, в то время как на лицах восьмиклассников уже после 15—20 минут появлялось выражение не только скуки (это можно было бы отнести за счет учителя), но и усталости».

Есть и другие причины задержки новой волны (субъективные), и в их числе, как ни парадоксально, наличие блестящей плеяды шахматистов старшего поколения. Общественное честолюбие было, если можно так выразиться, пресыщено громкими победами советских гроссмейстеров. К этому все привыкли и успокоились. И только когда тлеющий огонек интереса к спортивным результатам на международной арене стало раздувать из-за рубежа шумное, хотя и прерывистое, дыхание Роберта Фишера, поддержанное Бентом Ларсеном, Лайошем Портишем и некоторыми другими, только тогда мы забеспокоились.

Был к тому же единственный высший титул, который мпочем не давался нам в руки, — титул чемпиона мира среди юношей. (Из советских мастеров выиграть его удалось к этому времени лишь Спасскому в 1955 году.) И потому, очевидно, луч общественного интереса был нацелен на этот титул и мощь этого интереса росла с каждой новой неудачей.

Шли годы, а у нас ни один новый молодой шахматист экстракласса не появлялся. Даже далекие от шахмат люди стали вдруг интересоваться возрастом наших гроссмейстеров. А журналисты, те прямо требовали допустить юных к ответственным соревнованиям.

И словно воротились столь памятные старшему поколению времена шахматной горячки. После многолетнего штиля пошла довольно высокая «новая волна». Ее предвестником, а затем и лидером стал Анатолий Карпов.

Недаром говорят, что главное — появиться вовремя. И тогда слава способна авансировать своего избранника. Карпову она выдала самые высокие авансы. Но если главное — вовремя появиться, то трудней всего оправдать выданные авансы. Тем труднее, чем они выше.

Верно, Карпов — человек счастливой судьбы. Однако уж никак не ее баловень. Талант — залог, но не гарантия счастья. За счастье надо уметь бороться. И это Карпов умел.

Когда он занялся шахматами, у него не было ни специальных книг, ни постоянного серьезного тренера высокой квалификации. В отличие от всех своих предшественников-соотечественников — Ботвинника, Смыслова, Таля, Петросяна, Спасского, — выросших в шахматных центрах, Карпов делал первые шаги без компаса, практически на ощупь. Потом были и книги, и превосходный тренер Семен Абрамович Фурман, которому Карпов во многом обязан тем, что стал самим собой, и который помог ему прямо и ровно пройти крутую дорогу к шахматному Эвересту. Но прежде чем они нашли друг друга, юный Толя Карпов многое постиг и до многого дошел сам.

«Баловень судьбы» и «кумир публики» — понятия, неизменно сопутствующие друг другу. Но Карпов был уже гроссмейстером, имел за плечами множество побед и титулов, а ему все еще приходилось защищаться и чуть ли не оправдываться, отстаивая свои взгляды на шахматы. Отчего? Почему?

Сыграл тут известную роль и жесткий, кремнистый характер этого молодого человека, без комплексов и предрассудков. Но важнее другое.

— Не только любители, но и многие гроссмейстеры, — говорил сам Карпов, — не хотят признать моего подхода к шахматам. Для меня шахматы прежде всего борьба. Во главу угла я ставлю спортивное начало. Противника надо победить, и к этому я стремлюсь в каждой партии. Я никогда или почти никогда не играю на ничью, но что делать, если позиция не позволяет рассчитывать на большее? Разве это миролюбие? Пусть называют как угодно, я вижу в этом реалистический подход к игре.

А вот как отвечает Карпов на вопрос, что он предпочтет, если надо выбирать между комбинационным путем, на котором его ждут большие выгоды, и эндшпилем лишь с небольшими шансами на выигрыш:

— Я оценю турнирное положение. Прикину, как чувствую себя сегодня, как работает голова. Посмотрю, кто сидит против меня. И только взвесив все это, приму решение... Но если я вижу единственно правильный путь, то выбираю только его, с кем бы ни играл.

Дилетанты возражали: «А как же стиль? Ведь каждый великий шахматист — это стиль».

Пишущим на шахматные темы журналистам Тигран Петросян однажды пытался втолковать:

— Каждый гроссмейстер — довольно сложная личность, представление о которой не всегда соответствует действительности. Таль — не только «жертвы», Фишер — не только «электронная машина», а Петросян — не только «осторожность».

Ко всему прочему, многое определяется и самим общим направлением современной шахматной мысли. А характерная тенденция 70-х годов — рост спортивности.

— Этим и объясняется, — говорит Карпов, — некоторая неудовлетворенность «эстетов», сторонников «чистого искусства», которым подавай комбинационные партии и непременно сразу с несколькими изюминками. Но комбинации, острые атаки хороши, когда вытекают из всей тщательно продуманной и технически совершенной игры, а не являются следствием грубых ошибок и просмотров. При высоком классе игры подлинная красота спрятана значительно глубже, чем проникает обычно глаз любителя острых ощущений.

Напомним, все это утверждал и отстаивал человек, которому едва минуло 20 лет. Что, презрев соблазн пожертвовать какими-то из своих убеждений, дабы взамен получить роль «любимца публики», он, по возрасту еще юноша, сумел остаться самим собой.

Карпов никогда не стал бы Карповым, если бы с детских лет, умея выслушивать самые добрые советы самых мудрых людей, не выработал бы в себе умения всегда принимать окончательное решение самостоятельно. Даже если советчики сам Михаил Ботвинник или опытный и рассудительный тренер Семен Фурман. В этой книге нам еще предстоит не раз столкнуться с доказательствами самостоятельности молодого гроссмейстера. Именно ей, самостоятельности, и принадлежит особая роль в выработке шахматного стиля Карпова. Да, стиля Карпова, того самого стиля, который еще пять-шесть лет назад не хотели или не умели увидеть дилетанты или, наоборот, страдающие манией величия «авторитеты».

Каков же он, этот стиль?

Наблюдая игру Карпова со стороны и сам играя с ним, никак не можешь отделаться от ощущения, будто все фигуры сцеплены невидимыми нитями. Сеть эта движется неторопливо, понемножку накрывая неприятельские клетки и в то же время удивительным образом не уступая свои. Действия его легки и непринужденны, он не делает неловких движений и не рвет связующие нити. Международный гроссмейстер Игорь Зайцев, глубоко чувствующий шахматы, как-то сказал мне: «Ты понимаешь? Я не понимаю. Вроде бы мы все играем по частям, а один Карпов как-то целиком. Какая-то сплошная векторная диаграмма!..»

Такой талант глубже, чем обычное позиционное дарование, и куда реже встречается, нежели острое комбинационное зрение. Комбинационный талант — «дар божий», а вот над шлифовкой позиционно-стратегического умения кое-кто из ведущих гроссмейстеров работал двадцать лет.

Талант может иметь неодинаковую природу — Таль и АнтиТаль. Разные самородки соизмеримого масштаба. Михаил Таль дол-

го был непонятен своей яркой сложностью. Анатолий Карпов непонятен своей простой, своей не бьющей в глаза ровностью света.

У одного не поддающийся прогнозам частокол обострений, у другого все продумано и гармонично. Таль даже в зрелом возрасте ни в чем не признает золотой середины — или Цезарь, или никто! (Ему как-то сказали, что, мол, вот если бы он относился к жизни, как Ботвинник, то и остался бы чемпионом мира. А он ответил, что предпочитает месяц прожить «по Талю», нежели всю жизнь «по Ботвиннику» — иначе он не остался бы самим собою.) Карпов, в душе восхищаясь способностью Таля лихо и безрассудно атаковать, тем не менее «доволен своей рассудительностью» (именно так он и говорил, еще не будучи гроссмейстером).

— Таль однажды сказал, что я исповедую шахматный реализм. Вероятно, он прав, — признается Анатолий. — Рискованная игра в стиле шахматных мушкетеров нравится любителям острых ощущений, но мне она не по душе. Я стараюсь трезво оценить свои возможности и не ломать себя. Мне приятно было смотреть партии Таля, но я всегда знал, что стиль его не для меня. Я же хотел найти в шахматах что-то свое.

Рационализм Карпова странным образом не отталкивает молодежь, чьим признанным лидером он является. Недовольство им порой выражают разве что романтики более старшего поколения. Но практицизм Карпова не в гроссмейстерских ничьих, а в отбрасывании лишних «фантазий», в полном и почти презрительном отказе от «чистого искусства».

Многие называют его строгим позиционным шахматистом. Да, он уважает законы и считает шахматы замечательной логической игрой. И при всем том Карпов блестяще считает варианты и все чаще дает образцы великолепно проведенных атак. В его багаже немало очков, добытых чисто тактическим оружием. Сколько красивых побед одержал он на всемирной Олимпиаде 1972 года в Югославии! Его партия с многочисленными жертвами признана лучшей на межзональном турнире в Ленинграде. Самыми интересными (и опять же красивыми!) в претендентских матчах 1974 года справедливо названы победы Карпова. Уже в звании чемпиона мира он провел немало головоломно сложных поединков. Опять парадоксально, не правда ли? Да, но только на первый взгляд.

Он против «рискованной игры в стиле шахматных мушкетеров», но если многообразная шахматная жизнь все-таки заставляет его порой надевать костюм мушкетера, то на время он становится д'Артаньяном с его гасконской сметкой и хитростью и никогда — Атосом, хотя и благородным, но каким-то неземным и оттого легкоуязвимым.

— У этого шахматиста практически нет уязвимых мест, — удивился Таль, когда поближе познакомился с Карповым.

Вот он, ответ на многие вопросы! Не дать сопернику играть в «свою игру», получать «свои позиции» — это его любимый прием — значит самому уметь действовать в каком хочешь ключе, поскольку противники встречаются разнообразнейшие.

Карпов любит анализировать самые различные позиции. При этом он то и дело приговаривает: «Так, так... А может быть, сначала все же уйти королем, чтобы не мешался?..» — и зеленые глаза его скользят по доске, а выразительные тонкие пальцы, словно колдуя, ни на минутку не остаются в покое. Он давно достиг в анализе большого мастерства, и к нему многие обращаются за помощью. Карпов — незаменимый помощник тренеров в командных соревнованиях. Так, в 1971 году на командном первенстве СССР Р. Билунова, шахматистка из команды, где на юношеской доске выступал Карпов, отложила эндшпиль, который тогдашний чемпион мира Спасский быстро оценил как ничейный. Карпов не поверил и взялся найти выигрыш. Через день, действуя в начале доигрывания по рекомендациям Анатолия, Билунова достигла выигрышного положения, но затем ошиблась, и встреча все-таки закончилась вничью. У Билуновой даже слезы навернулись на глаза: «Толя весь выходной потратил на анализ, а я его так подвела!» Над Карповым потом подшучивали: «Как тебе не стыдно — женщину до слез довел...»

Трагикомично, но этот случай «женского плача» в его шахматной жизни не единичен. Когда он выиграл заключительную партию у Спасского в полуфинальном претендентском матче, одна из сильнейших шахматисток, Валентина Козловская, жена Игоря Бондаревского, тренировавшего экс-чемпиона мира, не выдержала и расплакалась. Впрочем, как тогда выяснилось, плакала Козловская из-за Карпова уже не впервые, был еще один случай, когда он, двенадцатилетний малыш, выиграл у нее блиц...

Молниеносные партии... Блиц! Дуэль! Первые щелчки «выстрелов»... И вот уже пулеметной дробью стучат по доске фигуры. Увернуться от опасного хода, и тут же ответить хладнокровно и коварно, и опять увернуться, чтобы напасть. А отмеренные между соперниками десять шагов-минут (по пять у каждого) истекают, и развязка неизбежна.

Было время, Карпов страстно увлекался блицем. На первой сессии заочной школы Ботвинника он ночи напролет гонял с товарищами пятиминутки. Не довольствуясь этим, устраивал «комплексный зачет» по игре в домино, шашки, шахматы. И неизменно выходил победителем. Еще раньше, в детские годы, Анатолий выиграл

множество молниеносных турниров в Златоусте, где он девяти-десятилетним мальчиком легко побеждал всех взрослых.

— Шахматисты любят пятиминутки, — говорит Карпов. — Впрочем, есть исключения — Ботвинник, например. Он, чуть ли не единственный среди крупных гроссмейстеров не играет молниеносных партий. Зато Таль — другая крайность: даже во времена своих болезней он прятал от врачей под подушкой часы с двумя циферблатами и, сгорая от нетерпения, поджидал в больничной палате новых визитеров. Среди посетителей, помнится, бывал и я, юный тогда мастер, которого к экс-чемпиону мира приводил наш общий друг Алик Бах. Перед отъездом на мировое юношеское первенство 1969 года матч (правда, с больным Талем) закончился вничью — 10 : 10, и гроссмейстер сказал: «Полный порядок, можно ехать спокойно!»

Я и сейчас считаю, что блиц — это достаточно интересно. Но, пожалуй, чрезмерно увлекаться им не следует, да и много времени отнимает, потому что затягивает, как болото. Раньше во время обычных соревнований я часто играл и пятиминутки, теперь сам себе это запретил.

Как видите, и здесь Карпов остается самим собой. Он рационален даже в своих увлечениях и придерживается все той же золотой середины. Но здесь, когда «включается», становится неудержим.

В 1972 году после первого круга всесоюзного молниеносного турнира, где участвовали чуть ли не все сильнейшие шахматисты, Карпов значительно отставал от лидировавшего одесского гроссмейстера Владимира Тукмакова. Все устали — турнир был большой, — а худенький Карпов во втором круге развил невиданную скорость и настиг лидера. Они разделили первое-второе места, но главный приз был все же присужден Тукмакову. Утомительное то соревнование надолго отбило у Карпова вкус к блицу, но он не забыл своей, как почему-то считал, неудачи. Когда ему довелось побывать в Одессе, нашел случай встретиться с Тукмаковым в матче из многих пятиминуток. После счета 0 : 13 соперник поднял руки вверх...

Его самолюбие бросается в глаза не сразу, а лишь после внимательного и долгого наблюдения. Нет, это не болезненное тщеславие. Поражения мучительны для него, он обязательно ищет реванша и не успокаивается, пока его не добьется. Он игрок, игрок в лучшем смысле этого слова.

Попробуйте понаблюдать за ним, скажем, у бильярдного стола. Играет он удивительно сердито. А если, выигрывая, вы начнете еще, чего доброго, подшучивать над ним, может обидеться всерьез. Перед вами туча, еще минуту назад смотревшаяся безмятежным облачком. От стола не уйдет, а если и впрямь окажется слабее, то будет искать свободный час, чтобы набить руку и отомстить обид-

чику. И вот что характерно: рассерженный донельзя на себя, на вас, играет с головой, хитро, смекалисто, не теряя самообладания.

В большинстве игр, где надо считать и думать, ему почти не находится равных соперников. Кто знает, может быть, именно эта страсть игрока, свято верящего в свои силы, и звала его на матч с Фишером, звала, даже когда стало ясно, что американский гроссмейстер выдвигает неприемлемые условия. Показательно, что уже после присвоения ему титула чемпиона мира Анатолий Карпов публично заявил, что он хочет и готов сразиться с бывшим чемпионом. Он желал играть! И здесь дело не в том, что Карпов опасался, будто кто-то без победы над Фишером не поверит в его чемпионские полномочия. Дело в характере. Международный гроссмейстер Юрий Разуваев говорил о Карпове: «Они, с Урала, все такие... Я какому-то мальчишке в Златоусте предложил во время сеанса одновременной игры ничью в равной позиции, так он, знаете ли, даже не удостоил меня ответом!»

Завоевав право на участие в матчах претендентов, Карпов сказал: «Я всегда хочу быть первым. Если бы я не был шахматистом, то все равно в чем-то стремился быть первым, ну, скажем, не первым, так одним из лучших. Ну а в шахматах? В шахматах тем более. Иначе глупо играть серьезно. И, кроме того, если не быть первым, то, значит, терпеть поражения. А кому приятно терпеть поражения? Звание чемпиона мира завоевывали всего 11 человек. И вполне возможно, я не повторю их достижений. Но этот вариант я не хочу сейчас анализировать...»

Великая балерина Галина Уланова, побывав на одной из партий финального матча претендентов, была поражена той естественной уверенностью движений, какую она подметила у Карпова, свободно прогуливающегося по сцене. При этом она обратила внимание на удивительную самоуглубленность будущего чемпиона: для него, казалось, ничего, кроме шахматной доски и соперника, не существовало. Рассказывают, что Александр Алехин в моменты наивысшей концентрации внимания за доской, если его неожиданно отрывали, не мог ответить на самые элементарные вопросы — так он весь «уходил в позицию». Похожим качеством обладают и другие крупнейшие шахматисты.

Карпов тоже глубоко уходит в позицию, он весь внимание и сосредоточенность, но... Спросите у него в этот момент о чем-нибудь совсем постороннем или о том, о чем вели с ним разговор несколько дней назад, и он безо всякого усилия включится в беседу, словно только что остановился на полуслове. Он замечает, где сидят в зале его знакомые, что они делают. На всемирной Олимпиаде в Ницце игровой зал по размерам не уступал футбольному полю, а вокруг напряженной партии Карпова толпились любители

шахмат, и вдруг после игры он спросил меня: «А о чем это ты разговаривал добрых десять минут с женой Спасского?»

Его темперамент скрыт от постороннего взгляда. Но выдают глаза. «Они, эти глаза, — сказал известный актер Ростислав Плятт, — более тяжелые, чем должны бы быть у него».

Глаза... Его ощупывающий и пронизывающий взгляд порой нелегко выносить. В такие минуты даже стороннему наблюдателю становится не по себе.

— Знаю за собой эту привычку поглядывать на соперника. Думают, наверное: стараюсь что-то выведать? Пожалуй, бывает. Но вот Таль, например, хочет своим взглядом что-то внушить, а я — только выведать...

В шахматы играют живые люди. Они изучают друг друга, они подвластны чувствам. Значит, существует постоянный контакт. Значит, есть внутреннее ощущение партнера. Значит, шахматная доска не разделяет соперников, а, точно чувствительнейший проводник, передает ток высочайшего напряжения от одного к другому.

Ток этот идет по линиям доски. Те линии, что, разъединяя, соединяют партнеров, названы в шахматах вертикалями. Именно их чаще всего стараются вскрыть, чтобы своими тяжелыми, сильнейшими фигурами ворваться в неприятельский лагерь.

На восьми вертикалях сшибаются фигуры. На восьми видимых вертикалях. А где же сталкиваются характеры?

Эту вертикаль ощущают только двое сидящих напротив. Она, эта девятая вертикаль, — вертикаль характеров. За нее борьба идет самая ожесточенная. Победа здесь чаще всего служит сигналом к последующему наступлению по всей доске. На этом невидимом фронте Карпов располагает огромными силами и всегда готов призвать новое пополнение из тайников своей бойцовской натуры. Здесь, на девятой вертикали, он, безусловно, доминирует.

Глава I

«ВЫБОР»

— «Карпов Евгений Степанович, служащий», «Карпова Нина Григорьевна, домашняя хозяйка» — так всегда писал я в разных официальных бумагах, отвечая на вопрос о родителях. Но это для анкет. Себе же мог сказать ясно и попросту про обоих одни и те же слова: «рабочие люди». Потому что всегда — сколько себя помню — видел и мать и отца за работой.

Они и познакомились на заводе — такие «заводские браки» вообще частое явление в больших уральских городах. Отец после окончания техникума работал старшим мастером на уральском заводе, на этот же завод пришла работать с курсов плановиков и моя мама. Отец был на хорошем счету, его выдвигали на производстве и даже хотели назначить заместителем главного инженера машиностроительного завода. Однако требовалось продолжить образование. Заочно этого сделать ему не удалось, а учиться в другом городе отец никак не решался, поскольку в ту пору у нас в семье уже было двое детей. Я родился, когда сестре Ларисе исполнилось всего пять. Маме пришлось оставить работу. Забот и хлопот мы доставляли ей немало. Но мама настояла, чтобы отец из Златоуста отправился в Москву в Высшее техническое училище имени Баумана за дипломом инженера-механика, благо курс наук для опытного техника там был сокращен.

И о сестренке Ларисе я мог бы сказать все те же два слова: «рабочий человек». Она бегала в шко-

лу, помогала матери по хозяйству, нянчила меня, так как я в раннем детстве подолгу болел, да так серьезно, что врачи опасались за мою жизнь.

Нетрудно представить себе, какая атмосфера царила в такой семье, тем более если учесть, что рано потерявший отца Евгений Степанович с юных лет был человеком самостоятельным, своими руками добывал хлеб насущный, и это обстоятельство предопределило его характер — жесткий, а когда требовалось, и крутой. В такой семье ребенок с самого рождения — нет, не сознает, а с молоком матери впитывает чувство: главное в жизни — труд, а отдых — состояние временное, труд завершающее и труду предшествующее. В такой семье редко вырастают лежебоки и белоручки.

— Первое представление о том, что это за игра такая — шахматы, получил я года в четыре или около того. Отец, приезжая домой, по вечерам играл с кем-либо из своих друзей, и можно было часами неотрывно наблюдать за загадочными передвижениями фигурок по клетчатой доске. Чуть позже он познакомил меня с правилами и даже сыграл со мной несколько партий. Проиграв все до одной, я готов был удариться в слезы. И расплакался бы, если б не слова отца: «Без проигрышей нет и выигрышей, а станешь реветь — вообще не буду с тобой больше играть». Быть может, именно тогда бессознательно, интуитивно начал я постигать важнейшую премудрость шахмат: угроза страшнее исполнения...

Нина Григорьевна: «Как-то Толик заболел, и я отобрала у него доску. Но пришлось быстро вернуть: вижу — глаза у него в потолок, и, ей-богу, коней в уме переставляет... Он вообще еще и в школу не пошел, а здорово в уме считать умел».

— Мне повезло. Тогда в шахматы входил Михаил Таль. Это имя все знали и все за него болели — еще бы, молодая звезда. Наш Златоуст охватила настоящая шахматная лихорадка. У нас во дворе эта игра на время

вытеснила все прочие мальчишеские забавы. Мы резались в шахматы целыми днями. И когда мне пришла пора идти в первый класс, я уже на равных играл со старшими ребятами. Они-то, и прежде всего самый постоянный мой партнер Саша Колышкин, уговорили родителей разрешить мне посещать шахматную комнату Дворца спорта металлургического завода. Саша упросил руководителя кружка Алексея Ивановича Пака включить меня в турнир на выполнение третьего разряда, приведя веский аргумент: «Он, Карпов, и меня, Колышкина, уже постоянно обыгрывает».

Саша Колышкин был старше Анатолия на пять лет. Он учился в одном классе с его сестрой Ларисой. И жил в одном доме с Карповыми. Но и значительно позже среди близких Анатолию людей не было почти ни одного его ровесника. Возможно, проявившаяся с самого детства взрослость карповского характера как-то притягивает к себе.

Нынешний чемпион мира помнит буквально всех лучших шахматистов Златоуста и областного центра — Челябинска, с которыми ему довелось играть в юные годы. Помнят и они его. Уже будучи претендентом на мировое первенство, Карпов в сеансе одновременной игры в редакции газеты «Комсомольская правда» встретился с челябинским шахматистом, который передал ему письмо от Тамары Калашниковой с приглашением посетить родные места. Это та самая Калашникова, про которую мама Карпова рассказывала: «Прибегаю, бывало, во Дворец металлургов вечером за Толиком, а мне говорят: «Его Калашникова уже домой увела».

Был, правда, случай, когда маму, Нину Григорьевну, обманули. Толя, как всегда, играл молниеносные партии во Дворце, правило было традиционное: проигравший «вылетает», победитель продолжает играть со следующим претендентом. Короче, как говорят шахматисты, «игра на высадку». Его никак никто не мог «высадить». И едва успели предупредить, что за ним пришла мама, маленький Толик юркнул под стол, а Саша Колышкин, краснея, сообщил Нине Григорьевне, что сын ее уже дома. Однако больше на подобный обман они не решались.

Первый визит Анатолия в качестве чемпиона был в город его детства Златоуст. Он перерезал ленточку у вхо-

да в только что открывшийся шахматный клуб и тут же провел сеанс одновременной игры, взяв реванш у всех, кому хоть раз проиграл в детстве, включая и многократного чемпиона города Семена Гинзбурга. Лишь одна партия в том сеансе закончилась вничью, партия Карпов — Колышкин.

— Когда я выполнил норму первого разряда, мне не было еще и десяти лет. Но формально первый разряд присвоили лишь через несколько месяцев, на юношеском первенстве РСФСР в городе Боровичи. Даже в этом юношеском турнире я оказался самым младшим и к тому же еще был маленького роста: мне под ноги ставили скамеечку, а на стул клали подушку, чтобы уравнять с рослыми соперниками. Иногда, чтобы лучше видеть доску, приходилось проводить чуть ли не целую партию на ногах, стоя около шахматного столика. Эти соревнования, единственный раз в жизни я начал сразу с двух нулей, затем набрал $3^1/_2$ очка в четырех следующих партиях и опять потерпел поражение — от здоровенного парня из Краснодарского края. Не выдержал, удрал из зала и разревелся. Потом взял себя в руки и достойно закончил турнир.

То был первый мой выезд за пределы области, а до этого постоянным шахматным маршрутом был железнодорожный отрезок от Златоуста до Челябинска. В областной центр я выезжал вместе со своими взрослыми друзьями — Калашниковым, Зюляркиным и другими — в составе команды на матчи со сборной Челябинского тракторного завода и на личные турниры. Там познакомился с Леонидом Ароновичем Гратволом, отличным педагогом, отдававшим своим воспитанникам всю душу. (Именно благодаря этому тренеру выросли в Челябинске молодые, но уже известные Евгений Свешников, Геннадий Тимощенко, Александр Панченко.) Помог Гратвол и моему становлению.

Не стану перечислять все многочисленные соревнования, в которых я тогда принял участие. Но первенство Челябинской области, завершившееся в январе 1963 года, упомянуть надо бы. В последнем туре я играл со своим «куратором» Л. А. Гратволом. В случае победы выполнял норму кандидата в мастера, а Гратвол, победив меня, завоевывал бы важное для себя очко.

Десятки болельщиков окружили наш шахматный столик. Я играл белыми. Долгое время на доске царила атмосфера примерного равновесия, а когда стало ясно, что черные не имеют шансов победить, Гратвол предложил мне подписать мир. Но я уже видел ход, который был началом форсированного маневра, ведущего к выигрышу...

Вместе с пятью другими ребятами меня направили в Москву, на сессию только что созданной школы Ботвинника: сессии проводилась в дни зимних и летних каникул. Я побывал, кажется, на трех таких сессиях. Ботвинник просматривал наши партии, мы вместе их анализировали, смотрели также лучшие партии, сыгранные гроссмейстерами в тот период. Подход Ботвинника к шахматам и, конечно, его непосредственные замечания по поводу моей игры и моего совершенно бездарного разыгрывания дебютов — все это производило на меня большое впечатление. Я стал читать шахматную литературу, ибо до знакомства с Ботвинником единственной прочитанной мною книгой был сборник избранных партий Капабланки. И, может быть, именно партии Капабланки и повлияли на стиль моей игры. Ботвинник же изменил мое отношение к шахматам, однако еще не настолько, чтобы я стал заниматься ими очень серьезно. Даже не зная теории, я мог играть на равных со своими тогдашними противниками, уповая лишь на интуицию и способности.

Вообще в то время я особого впечатления на Ботвинника не произвел. В книге «Три матча Анатолия Карпова» он писал так: «В сеансе одновременной игры с часами я в выигранной позиции зевнул ему (то есть мне) ферзя, но тем не менее свел партию вничью».

Но на самом деле все было тогда несколько по-иному. Когда я увидел, что гроссмейстер зевает ферзя, то обратился к мастеру, ассистенту Ботвинника, чтобы тот предложил сеансеру взять ход назад. Экс-чемпион мира отказался, и тогда я, не желая получать «незаконное» очко, умышленно допустил ответный просмотр, приведший партию к ничьей.

В юности мне приходилось встречаться в сеансах не только с Ботвинником, но и с будущими своими соперниками по претендентским матчам.

Считаю, что сеанс — дело исключительно полезное. Особенно в тех районах, где нет своих сильных шахмати-

стов, где трудно достать учебную литературу и самостоятельно совершенствоваться.

С сеансами у меня связаны и комические воспоминания.

Однажды в Златоусте давал сеанс один приезжий мастер. Поскольку я был маленького роста и собой совсем неприметный, то беспрепятственно бегал от доски к доске и подсказывал участникам сеанса. А ведь у меня был уже разряд кандидата в мастера, и поступать так не следовало. Конец этому положила мама, которая вдруг появилась в игровом зале и насильно увела меня домой спать... Прошли годы, и вот, когда после чемпионата РСФСР 1970 года в Куйбышеве я уже сам давал сеанс на досках, наверное, на тридцати пяти, тоже повстречался с одним юным нарушителем правил. Лихой паренек при переходе со мной в эндшпиль украл, пожалуй, темпа три сразу, а когда я попытался его усовестить, он начал спорить, что, мол, сеансер ошибается. Я попросил его маму задержаться вместе с сыном, и по окончании игры на всех остальных досках повторил всю эту партию, доказав, что мой соперник занимался обманом. Конечно, восстановить в памяти все ходы было непросто (еще в дебюте паренек остался без фигуры, и дальнейшая борьба была лишена всякой логики), но я вспомнил их — этого требовали соображения педагогического порядка и мой престиж.

Так говорит шахматист Анатолий Карпов. А тот худенький малыш Толя Карпов, бегавший между столиками и подсказывавший ходы, еще не был шахматистом. Верно, он уже участвовал в турнирах, имел звание кандидата в мастера и даже был знаком с Михаилом Ботвинником. Но раньше всего и главным образом он был школьником, учеником — сперва златоустовской, а затем — когда отца перевели в Тулу главным инженером завода — тульской средней школы. И хотя шахматы отнимали у него уйму времени и умственных сил, однако в те годы они все-таки еще были развлечением. Средоточием же главных обязанностей оставалась школа.

— Почетные грамоты я получал после каждого класса. А после окончания семилетки школа № 3 города

Златоуста выдала мне удостоверение, свидетельствующее, что мое имя вносится в школьную летопись.

Тульскую школу № 20 — математический класс — я закончил с золотой медалью. Школьные знания оказались основательными, и я поступил на механико-математический факультет МГУ.

Ныне меня многие спрашивают:

— Как же случилось, что выпускник специального математического класса бросил мехмат и перешел на экономический факультет?

А что мне было делать? По складу мышления я действительно математик. И, вероятно, шахматы ближе к математике, чем к любой из наук. И все же серьезные занятия тем и другим несовместимы. Я это понял после первого курса. Мне приходилось часто уезжать на соревнования, а математика — это главным образом практические занятия. По теории я не отставал, а на практику времени не хватало. Я встал перед выбором — математика или шахматы. И я оставил математику и перевелся в ЛГУ на экономический факультет. Как всегда в таких случаях, переплелось множество обстоятельств. Так уж получилось, что не в Москве, а в другом городе оказались более близкие друзья, там же, в Ленинграде, жил Семен Абрамович Фурман — крупнейший шахматный специалист, прекрасный тренер и прекрасный человек. Человек, который сделал сознательной — скажем так — мою жизнь шахматиста.

Итак, восемнадцатилетний Анатолий Карпов, проявивший незаурядный талант в шахматах и математике — двух отраслях человеческой деятельности, предъявляющих особые требования к уму и интеллекту человека, — встал перед выбором. И пусть не вполне отчетливо, пусть интуитивно, сделал этот выбор.

А может, точней было бы сказать так: они — шахматы и он — выбрали друг друга? Потому что иначе и быть не могло.

СПОРТИВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАТОЛИЯ КАРПОВА С МОМЕНТА ЗАВОЕВАНИЯ ИМ ЗВАНИЯ МАСТЕРА

			В	Н	П
1966	«Мастера против кандидатов в мастера»		5	10	0
	Командное первенство СССР средн юношей (6½ из 8)	1-я доска младшего возраста	5	3	0
	Матч юношеских комаид СССР и Скаидннавии	6-я доска	1		1
1966/67	Тршинец (Чехословакня)	1-е место	9	4	0
1967	Отборочный турнир к юиошескому первенству мира	5-е место	3	1	3
	Спартакиада РСФСР	2-я доска	4	1	2
	Всесоюзная Спартакиада школьников	2-я доска	5	4	0
1967/68	Гронииген (Голлаидия)	1-е место	6	8	0
1968	Матч СССР — Югославня	2-я доска юиошей	3	1	0
	Матч юиошескнх команд СССР н Скандииавии	2-я доска	0	1	1
	Чемпиоиат Московского университета	1-е место	7	6	0
	Комаидиое первенство СССР в Рнге	1-я доска юношей	9	2	0
1969	Отборочный матч-турнир к юношескому первенству мира	1-е место	5	5	2
	Матч юиошеских команд СССР и Югославии	3-я доска	2	2	0
	Комаидный турннр дружествеиных армий в Варшаве	запасиой	1	0	0
	Комаидный чемпиоиат Вооруженных Сил СССР	2-я доска	5	1	1
	Чемпионат мира среди юношей, Стокгольм	1-е место	12	5	0
	Матч Веигрия — РСФСР в Будапеште	юиошеская доска	0	2	2
1970	Чемпиоиат РСФСР (полуфинал первеиства СССР) в Куйбышеве	1-е место	8	9	0
	Каракас	4—6-е места	8	7	2
	38-й чемпиоиат СССР в Риге	5—7-е места	5	14	2
1971	Полуфиниал 39-го чемпиоиата СССР в Даугавпилсе	1-е место	9	8	0
	XVIII студенческая Олимпиада в Пуэрто-Рнко	3-я доска	7	1	0
	Командный чемпиоиат Вооруженных Снл СССР	1-я доска	3	3	1

			В	Н	П
	Командный чемпионат СССР в Ростове-на-Дону	юношеская доска	6	1	0
	39-й чемпионат СССР в Ленинграде	4-е место	7	12	2
	Мемориал Алехина в Москве	1—2-е места	5	12	0
1971/72	Рождественскнй турнир в Гастингсе (Англия)	1—2-е места	8	6	1
1972	Всесоюзная Олимпиада в Москве	2-я доска	4	3	2
	XIX студенческая Олимпиада в Граце (Австрия)	1-я доска	5	4	0
	XX всемирная Олимпиада в Скопле (Югославия)	1-й запасной	12	2	1
	Сан-Аитонио (США)	1—3-е места	7	7	1
1973	Будапешт	2-е место	4	11	0
	Матч-турнир сборных команд СССР в Москве	1-я доска	2	2	0
	Межзональный туриир в Ленинграде	1—2-е места	10	7	0
	Комаидиый чемпионат Европы в Бате (Англия)	4-я доска	4	2	0
	41-й чемпионат СССР, высшая лига, в Москве	2—6-е места	5	11	1
	Мадрид	1-е место	7	8	0
1974	Четвертьфинальный матч претендентов с Полугаевским в Москве	выигрыш	3	5	0
	Полуфинальный матч претендентов со Спасским в Ленинграде	выигрыш	4	6	1
	XXI всемирная Олимпиада в Ницце (Франция)	1-я доска	10	4	0
	Финальный матч с Корчным в Москве	выигрыш	3	19	2
1975	3 апреля — провозглашен чемпионом мира				
	Порторож — Любляна (Югославия)	1-е место	7	8	0
	Спартакиада народов СССР в Риге	1-я доска	4	3	0
	Милан. Круговой отборочный турнир	2-е место	3	7	1
	Полуфинальный матч с Петросяном	ничья	0	4	0
	Фииальный матч с Портишем	выигрыш	1	5	0
1976	Скопле	1-е место	10	5	0
	Командный Кубок СССР в Тбилнси	1-я доска	2	4	0
	Амстердам	1-е место	2	4	0
	Манила	2-е место	1	4	1
	Монтилья (Испания)	1-е место	5	4	0

			В	Н	П
	Чемпионат СССР, высшая лига, в Москве	1-е место	8	8	1
1977	Бад-Лаутерберг (ФРГ)	1-е место	9	6	0
	Командное первенство Европы в Москве	1-я доска	5	0	0
	Лас-Пальмас (Испания)	1-е место	12	3	0
	Турнир, посвященный 60-летию Октября, в Ленинграде	4—5-е места	5	10	2
	Тилбург (Голландия)	1-е место	5	6	0
1978	Бугойно (Югославия)	1—2-е места	6	8	1

Глава II

МАСТЕР

...Турниры, турниры, турниры... Турнирами, а не годами измеряется жизнь шахматиста. Турниры и подготовка к будущим, турниры и отдых после прошедших. Шахматы становятся главным делом, делом жизни. А где еще, как не в нем, главном деле, наиболее полно созревает, развивается и проявляется характер человека?

После одного из трудных юношеских турниров отправили Карпова отдыхать во всероссийский пионерский лагерь «Орленок», а там предоставили право быть сфотографированным у развернутого Красного знамени. В 1966 году он был принят в комсомол и стал мастером спорта по шахматам.

Шевенинген

— Посвящение в мастерское звание произошло в Ленинграде, на турнире «Мастера против кандидатов» (шевенинген). Пройдет несколько лет, и турниры с таким названием исчезнут у нас из шахматной практики. Слишком уж легко производились кандидаты в следующее шахматное звание. Согласно шевенингенской системе (по имени голландского города, где она впервые была опробована) как мастера-экзаменаторы, так и кандидаты-экзаменуемые друг с другом не играют. Интерес младших по званию понятен: выполнил определенную норму — перешел в следующий ранг. Существовала, правда, норма и для мастеров, но, выполнив ее, они лишь подтверждали свое звание. А это не обязывало их всегда играть в полную силу.

До того времени, до ленинградского шевенингена, я вообще не играл с сильными шахматистами — это был мой первый турнир, где я один на один встретился с мастерами. Во многом помог мне мой секундант, тульский мастер Анатолий Мацукевич. Впрочем, как выяснилось, я тогда уже достиг мастерской силы — результат мой вообще оказался третьим во всем соревновании. А ведь опередившие меня имели фору: они играли с кандидатами, я — с мастерами.

Перевыполнив норму на 2 очка, я стал мастером. Не без удовольствия вспоминаю по крайней мере две из сыгранных тогда партий: в одной я победил Александра Николаевича Чистякова, «пересчитав» в осложнениях известного мастера комбинационного стиля. В другой моим соперником был видный методист и теоретик Григорий Ионович Равинский. У него был накоплен громадный опыт разыгрывания типовых позиций из испанской партии. Мне удалось победить его черными, надвинув пешки ферзевого фланга и осуществив переход в характерный эндшпиль, который часто получается из подобных позиций.

Турнир проходил как раз во время первенства мира по футболу, и некоторые шахматисты старались побыстрее закончить свои партии, чтобы успеть к экранам телевизоров. Помню, как после сорока ходов я получил в партии с одним из мастеров эндшпиль: конь и две пешки против коня. Перевес явный, но соперник не желал сдаваться, и я начал подумывать о возможности отложить партию, чтобы доиграть ее на следующем сеансе. На всякий случай справился у главного арбитра о теоретической возможности отложить партию (поскольку время игры еще далеко не истекло, а я не очень-то разбирался тогда в таких тонкостях). Смотрю, судья уже несет мне конверт, чтобы положить в него бланк с записанным ходом. Говорю ему: «Нет, я откладывать не хочу, я просто поинтересовался, имею ли я на это право». Тогда мой соперник заявляет судье: «Если он не будет откладывать партию, то я отложу — я тоже тороплюсь». Под общий хохот арбитр объяснил опытному мастеру, что он играл слишком медленно, надолго задумывался, и теперь согласно шахматным правилам отложить партию имеет право только его противник, то есть я. Правда, дело до этого не дошло: мастер вскоре все же сдался... Возможность откладывания партии в наиболее удобный момент — од-

но из преимуществ, которые при случае может получить «быстродействующий» шахматист. Тогда я впервые по-настоящему окунулся в эту привычную для бывалых турнирных волков ситуацию. Как известно, каждому из партнеров на первые 40 ходов отводится по два с половиной часа и при доигрывании по часу на все последующие отрезки длиною по 16 ходов. И если соперник затратил, к примеру, 2 часа, а вы все 2,5 и при этом хотите отложить партию и записать свой 41-й ход, то вам придется «взять на себя» не израсходованное партнером время...

«Победа Толи Карпова»

Именно такой заголовок предпослал Анатолий заметке, которую написал по просьбе мастера Я. Нейштадта для журнала «Шахматы в СССР». Другие заголовки тогда ему еще просто не приходили в голову. Речь в той заметке шла о выигрыше первого международного турнира в его жизни.

— На этот турнир я бы не попал, если бы не ошибка. Неизвестно, кто ее допустил, но именно она и привела меня вместе с первокурсником Минского университета Виктором Купрейчиком в город чехословацких металлургов Тршинец. Гостеприимные хозяева международного турнира были крайне удивлены, увидев прибывших к ним двух юнцов. Оказывается, они имели в виду пригласить двух «молодых мастеров». В Москве же текст телеграммы истолковали так, будто речь шла о турнире юношей.

Однако что делать — раз приехали, так надо играть! И мы засели за шахматные столики.

Так как мы немного опоздали, то сначала нам пришлось играть по две партии в день. Тем не менее именно в этих турах игра мне удалась. В первом я обыграл Яна Смейкала, а потом пошло и пошло... Меня жаждал остановить Купрейчик: как старший в нашей «делегации», он хотел показать лучший результат. Партия наша сложилась довольно любопытно. Но мне удалось-таки его перехитрить.

Судьба первого места решилась довольно быстро. Соперники никак не могли приспособиться к моему совсем небогатому дебютному репертуару — я играл главным

образом уже вышедший тогда из моды закрытый вариант сицилианской защиты и испанскую партию. В общем, я не потерпел ни одного поражения и обеспечил себе первенство за тур до конца.

В последний день я пришел на встречу с инженером местного завода по фамилии Рутка. Настроен я был вполне миролюбиво — меня устраивала и ничья. Но инженер набросился на меня столь яростно, что и мне пришлось сражаться вовсю. Уже после того, как он сдался, я узнал: единица была ему необходима для выполнения какого-то квалификационного норматива. Огорчился я за Рутку, но спорт есть спорт. В итоге взял 11 очков из 13, обогнав на полтора очка Купку и Купрейчика. За ними был Смейкал, дальше Новак и Сикора — все члены чехословацкой сборной.

Первый зарубежный турнир. Первый Новый год за границей, далеко от дома. Первый репортаж в иностранной газете. Ее, эту газету, до сих пор хранят мои родители. В ней отчет о встрече молодых советских мастеров с учащимися техникума в городе Мельник. Внизу незнакомая женщина, приславшая газету в Тулу, приписала красными чернилами: «Сердечный привет из Чехословакии. Мама».

Кубок Нимейера

— И следующий, 1968 год я встретил «вдали от родных берегов», в Голландии, стране выдающихся конькобежцев и известных шахматистов. Как раз на новогодний вечер пришелся блицтурнир, который мне удалось выиграть, набрав $13^1/_2$ очков из 16.

Но, разумеется, не ради этого скоротечного сражения отправили меня в дальний вояж на север незнакомой страны, в город Гронинген. Блицтурнир проводился в единственный свободный от игр день в главном турнире.

С этим турниром у меня связана одна любопытная история. Английского (да и никакого другого, кроме русского) языка я тогда еще совсем не знал, а послали меня за границу одного-одинешенького. Чтобы ненароком не заблудился, дали мне специальную «сопроводительную бумагу», в которой было написано, что я, советский шахматист, направляюсь в город Гронинген на международный турнир, и содержалась просьба помочь мне найти дорогу. Я был удовлетворен, но когда сел в поезд,

то вдруг подумал: «Ну хорошо, я покажу бумажку, а как пойму, что мне ответили?» Сложность командировки заключалась еще и в том, что надо было сначала доехать до голландской станции Амерсфорт, там совершить пересадку, а уже дальше — прямым путем до Гронингена.

К счастью, в Амерсфорте меня встречал известный издатель шахматной литературы господин Витхауз. Витхауз подождал, пока немногочисленная публика ушла с перрона и на нем остался лишь мальчик, к которому он и подошел. Мы выпили кофе, а затем подоспела электричка на Гронинген, и мой новый знакомый усадил меня в нее, предварительно попросив проводника «приглядывать за ребенком», чтобы я никуда не пропал...

Пройдет год, и это соревнование получит официальное название «юношеский чемпионат Европы», и за победу в нем будут присуждать звание международного мастера. Но то через год. Тогда же турнир называли Кубком Нимейера (по имени главы табачной фирмы, субсидировавшего состязание сильнейших европейских юниоров). Именно юниоров, поскольку в нем могли выступать шахматисты в возрасте до 21 года.

Жили мы в уютном отеле «Терминус Ноорд», расположенном по соседству с «Мартини-холлом», где игрался турнир. Все было хорошо, только в игровом зале постоянно стоял терпкий запах табака. Пакеты этого табака нам потом преподнесли в подарок, но, не в обиду хозяевам будь сказано, я никогда его курить не пробовал, и меня страшно удивило, что мальчишечки (ну совсем дети), посещавшие турнир, тут же раскуривали громадные самокрутки.

Турнир состоял из двух этапов: полуфиналы и финал. Полуфинал — это семь туров по швейцарской системе. Победив в первых двух партиях и сведя остальные вничью, я разделил второе-шестое места и вышел в финал.

Мой первый ход в первой партии финала — против Шауфельбергера — сделал «сам» доктор Макс Эйве, любимец голландской публики. Я показал на свою королевскую пешку, и гроссмейстер сыграл e2 — e4.

Через восемь с лишним лет, 24 апреля 1975 года, на чествовании двенадцатого чемпиона мира президент ФИДЕ М. Эйве вспомнит этот день. «Статистики подсчитали, — скажет он, — что в своих важнейших соревно-

ваниях на пути к мировому первенству Карпов сделал в общей сложности 3000 ходов. На самом деле их 2999. Один, первый, ход сделал я. Так что с моей легкой руки Анатолий Карпов стал чемпионом мира».

— После трех туров финал возглавил Тимман. Я отставал от него на пол-очка. В четвертом туре мы встретились. На столь короткой (семь туров) дистанции эта партия оказалась решающей. Проигравший Тимман уже не мог прийти в себя за оставшиеся дни и потерпел еще два поражения. Исход турнира был предрешен, ибо шедший на втором месте Андраш Йоха даже не пытался меня догнать.

Тогда под фамилией Йоха выступал венгерский шахматист, ныне гроссмейстер, которого все знают уже под именем Андраша Адорьяна. Кстати, в полуфинале он опередил меня, и я был доволен, что быстро взял у него реванш.

М. М. Ботвинник: «Карпов легко победил на традиционном турнире европейских чемпионов-юношей в Гронингене. Умный спортсмен, он всегда знает, когда надо играть на выигрыш, когда надо сделать быструю ничью. В шахматных кругах на Западе его даже критиковали за ряд коротких ничьих в гронингенском турнире. Само по себе это, конечно, не очень хорошо, но заслуживает удивления и признания, что шестнадцатилетний мастер умело применял спортивную тактику, свойственную лишь зрелым гроссмейстерам».

Встреча, счастливая для всех

Два человека познакомились как раз вовремя, в самый нужный момент и для одного, и для другого, и — не побоимся громких слов — для советских шахмат вообще. Они познакомились — будущий чемпион мира Анатолий Карпов и будущий тренер чемпиона мира Семен Фурман — осенью 1968 года, а меньше чем через год Карпову предстояло возвратить нашей стране юношескую шахматную корону, которая была утрачена тринадцать лет назад и о возвращении которой мы мечтали все эти долгие годы.

Они встретились, когда сборная команда Вооруженных Сил готовилась к командному первенству СССР 1968 года в Риге.

Впрочем, познакомились они гораздо раньше, еще в 1963 году. А было это так.

Семен Абрамович Фурман, не раз выполнявший роль консультанта выдающихся шахматистов, помогал Ботвиннику во время его матча на первенство мира с Петросяном. Когда одна из партий была отложена в неясном положении, осторожный Фурман посоветовал Ботвиннику делать ничью. Ботвинник же, переоценивая свои шансы, думал только о победе. Тут как раз под Москвой общество «Труд» проводило свой учебно-тренировочный сбор, руководители его нуждались в высококвалифицированных лекторах. Вот и «отправил» Ботвинник рассердившего его консультанта давать советы и читать лекции приехавшим с разных концов России не слишком сильным шахматистам. (Правда, через два дня Фурман был вновь отозван в Москву, поскольку не послушавшийся его Ботвинник проиграл отложенную позицию.) В семье Карповых сохранилась фотография: Фурман читает лекцию в небольшой аудитории, а над одним из столов едва виднеется голова маленького Толи Карпова, который вместе со взрослыми дядями внимательно слушает заезжую знаменитость.

А вот рассказ самого Фурмана об их первой встрече, первой по его «летосчислению»:

«Армейские шахматисты проходили тренировочный сбор перед командным чемпионатом. Карпов был привлечен для игры на первой юношеской доске. Там мы и познакомились. Это был худощавый бледнолицый юноша, на вид несколько флегматичный. Казалось даже, что он с трудом переставляет шахматные фигуры. Неужели такой способен на высокие спортивные достижения?»

(Впервые увидавший его Эдуард Гуфельд сказал: «Этот мальчик никогда не будет гроссмейстером — он слишком легкий». На что Ефим Геллер живо среагировал: «Ну, конечно, каждый мерит на свой аршин. Ты, например, стал гроссмейстером, когда вес твой достиг ста...»)

«Да, природа не одарила Карпова богатырским сложением, — продолжал Фурман, — зато наградила его редким шахматным дарованием и силой духа. И еще трудолюбием и скромностью. Когда я начал заниматься

с Карповым, то сразу понял, что он очень способный шахматист с большими перспективами. И я не ошибся. С того момента я как тренер армейских шахматистов взял постоянное шефство над Карповым и помогал ему готовиться к соревнованиям.

Не раз мне приходилось помогать крупным шахматистам, но никогда я не получал такого удовольствия от совместных занятий, как с Карповым. Дело, разумеется, и в том, что другие были уже сложившимися гроссмейстерами и я не мог существенно повлиять на их развитие. С Толей же совсем другое дело — он рос на моих глазах, мы вместе трудились и старались избавляться от недостатков».

Натаскивание — это когда учат не ка̀к думать, а тому, что̀ думать. Фурман же всегда стремился, чтобы его рекомендации как можно больше соответствовали творческой индивидуальности подопечного. Он, крупнейший знаток дебютов и теории шахмат вообще, стал для Карпова на первых порах своего рода говорящей книгой, заменил ему толстенные тома дебютных справочников, помог сориентироваться в океане вариантов. И до сих пор Петросян (он раньше тоже пользовался услугами Фурмана), когда смотрит партии Карпова, по-особому подносит указательный палец к самой важной в этот момент клетке доски и, картинно сложив губы трубочкой, распевно-грассирующим голо́сом, точь-в-точь как ленинградский гроссмейстер, заключает: «Рука Фурмана».

Одну за другой «выдавал на-гора» Фурман свои многолетние заготовки, с улыбкой приговаривая при этом: «Соперников нужно окружать новинками, как на охоте лис красными флажками». Во время совместной работы с Карповым решающее слово в их редких творческих разногласиях принадлежало шахматным фигурам. Если в анализе принимала участие целая группа шахматистов, то Фурман непременно устанавливал свой стул рядом с карповским, разве что чуточку сзади, и, вооружившись сигаретой, нахохлившись, словно наседка, готов был дать отпор всем несогласным с мнением «его Толи». Оппонентам возражал Карпов, который, занеся руку над доской и чувствуя локоть старшего друга, время от времени спрашивал: «Семен Абрамович, да?» А тот, оглядывая собравшихся вокруг с непередаваемой гордостью, приговаривал: «Так их, так их, чтобы лучше изучали материальную часть». Лишь изредка он

позволял себе сам передвинуть какую-нибудь пешечку, и это почти всегда подводило итог дискуссии. И тогда тренер и ученик смеялись дуэтом.

Среди сверстников

Выступление на первой юношеской доске в команде Вооруженных Сил принесло Карпову выдающийся результат: девять побед, две ничьи и ни одного поражения. Это, однако, не освободило Анатолия от отборочного соревнования кандидатов на участие в стокгольмском турнире, который должен был определить чемпиона мира среди юношей. Шансы еще двух соискателей — харьковчанина Михаила Штейнберга и ереванца Рафаэля Ваганяна — расценивались уж никак не ниже. Если же быть совсем точным, общественное шахматное мнение отдавало тогда предпочтение Штейнбергу. Этот мальчик, который родился в январе 1952 года, стал мастером в четырнадцать лет — единственный пока случай в истории наших шахмат. К пятнадцати годам он уже привез в СССР первый Кубок Немейера, а вскоре удачно выступил во взрослом массовом чемпионате страны (проводившемся по швейцарской системе) и завоевал там специальный приз «За лучшее окончание» — тоже уникальное достижение для шахматиста такого возраста. И тут же еще успех — в первенстве общества «Спартак», где Миша Штейнберг занял второе место, пропустив вперед одного гроссмейстера — А. Суэтина и оставив позади двух — В. Симагина и А. Лилиенталя, а также целую группу известных мастеров.

Список достижений Рафика Ваганяна был пусть и не так длинен, но тоже довольно внушителен. В свои неполные восемнадцать лет он успел завоевать третье место в полуфинале первенства СССР, турнире, где состав обязательно очень силен и борьба за выход в финал всегда упорна и ожесточенна.

Не приехал на отборочный турнир четвертый, самый младший участник, тогдашний чемпион страны среди школьников А. Белявский, и это послужило поводом к тому, чтобы добавить к четырехкруговому турниру еще два круга. Однако и в основное и в дополнительное время А. Карпов не оставил конкурентам никаких шансов. И получил путевку в Стокгольм.

— Когда я прибыл в столицу Швеции, где проводи-

лось юношеское первенство мира, состояние особой ответственности и барьер, воздвигнутый прежними неудачами, поначалу очень действовали на меня, мешая взять себя в руки, и дела довольно долго не налаживались.

Своими главными конкурентами я считал Андраша Адорьяна и шведа Ульфа Андерссона. Но в последний момент появился прежний чемпион мира среди юношей пуэрториканец Хулио Каплан, и я решил: этот будет еще поопасней тех двух. Уже после выяснилось, что я ошибся. Каплан слишком рвался опередить меня и лишился даже второго места.

Первую партию я выиграл, но противник мой, как быстро выяснилось, был из аутсайдеров. Во второй я не сумел одолеть швейцарца Вернера Хуга. На третью пришел простуженный и не мог заставить себя считать варианты. А партия оказалась жесткая и драматическая. Я недооценил силу филиппинца Эугенио Торре. Сначала у меня было лучше, потом я принял жертву пешки и попал под атаку. Продумал минут сорок. Видел, как Торре волнуется, ходит по комнате... А тут вот еще что случилось. На наших часах флажок начинает подниматься примерно за три минуты до контроля, а у них, в Швеции, — за одну. Я сначала почему-то об этом забыл, а потом вспомнил и, заторопившись, сделал плохой ход. Остался без пешки. Мог сохранить сильную проходную, но решил отдать ее и построить на другом фланге крепость, а крепости-то и не получилось... Затем зевнул еще одну пешку, и позиция стала совсем безнадежной.

При первом доигрывании Торре не раз ошибался, начал зачем-то гоняться королем за моей ладьей, и партия была снова отложена, но уже с шансами на ничью, которую я благополучно и сделал при втором доигрывании.

Между доигрываниями этой партии я успел выиграть у австрийца. Волнение прошло. Удачно сложился финиш полуфинала: сыграл вничью с шотландцем Маккеем, а все другие конкуренты «перерубились» между собой, и независимо от исхода последнего тура мне был уже обеспечен выход в главный финал «А». Последнюю партию я выиграл и занял, таким образом, в полуфинале первое место.

Не по душе мне такие вот коротенькие отборочные турниры — они съедают нервы участников. Идеальной

системой отбора считаю ту, что применяется на юношеском первенстве Европы в Голландии, — общий турнир по швейцарской системе.

В финале мне игралось куда легче и спокойнее, чем в полуфинале. Стали даже поговаривать в кулуарах, будто я нарочно слабо начал — вроде бы хотел усыпить бдительность партнеров. На самом деле никакой военной хитрости не было. Просто по ходу турнира пришли внутренняя уверенность и хорошее настроение.

Улучшению настроения способствовали и два, так сказать, привходящих обстоятельства. Во-первых, в Стокгольм на гастрольные встречи с Ларсеном приехал Спасский, и мы с ним погуляли по городу, поужинали вместе. Во-вторых... в тот день я, как всегда, пришел в зал за пару минут до начала партии, уселся за столик и задумался о чем-то своем. Вдруг слышу, кто-то на чистом русском языке, без акцента произносит мое имя: «Анатолий!» Оглянулся — никого знакомых нет. Потом опять тот же голос снова окликает меня. Выяснилось, что это мой отчаянный болельщик, какой-то старец, попавший в Скандинавию еще до первой мировой войны. Не ударять же в грязь лицом перед соотечественником!

Если же брать турнир в целом, то своей победой я в большей мере обязан тому, что был хорошо и всесторонне подготовлен к нему Семеном Абрамовичем Фурманом, который помог мне разобраться во многих шахматных премудростях и подсказал, как выстроить стройную систему изучения игры.

О том, что это не дежурные слова, обычно адресуемые победителем тренеру, свидетельствует сам Фурман:

— Подготовка к первенству мира велась в нескольких аспектах. Прежде всего шахматисту очень важно познать самого себя. Это не так просто, особенно в юношеском возрасте. Нам с Анатолием удалось выявить сильные и слабые стороны в его игре, полностью оценить его способности. Так, например, оказалось, что Анатолий не совсем в ладах с теорией дебютов. Но такой пробел легкоустраним, и мы его довольно скоро ликвидировали. Правда, дебютный репертуар Карпова все еще был довольно ограничен, но мы и не старались его расширить. Тогда наша главная задача состояла в том, чтобы добиться успеха в конкретных соревнованиях, и я старался

углубить знания Карпова в определенных дебютных схемах.

Меня обрадовала природная черта его дарования — тонкое позиционное чутье, то есть та особая интуиция, которая всегда отличает больших шахматистов. Я обратил внимание также на мастерское разыгрывание Карповым окончаний и на техническую четкость ведения партии.

Но как наиболее рационально использовать эти достоинства в предстоящем соревновании?

При изучении партий будущих соперников Карпова у меня сложилось впечатление, что зарубежные юноши в основном хорошие тактики, но слабые стратеги. Они, как правило, ищут удобного момента для нанесения тактического удара и редко заботятся о стратегической целостности партии. Поэтому мы решили, что Карпов будет избирать такие дебюты, такие схемы развития, которые бы не давали его соперникам возможности безнаказанно обострять игру. Как показало будущее, эта линия ведения борьбы полностью себя оправдала.

Пришлось обратить внимание на физическую подготовку Анатолия. Я рекомендовал ему ежедневно делать утреннюю гимнастику. Во время тренировочного сбора он часто играл в бадминтон, настольный теннис, катался на лодке.

Сначала мы отдыхали под Москвой, а затем перебрались под Ленинград, в Зеленогорск с его почти скандинавским климатом.

Была ли у нас уверенность в конечном успехе?

Скажу откровенно: у меня стопроцентной уверенности не было. Я не совсем хорошо был знаком с игрой соперников Анатолия, да и окончательный состав турнира стал известен лишь накануне первого тура. Правда, я отлично знал силу Карпова, знал, на что он способен. Но ведь все относительно и познается в сравнении.

Что до самого Анатолия, то он в общем себе цену знает. Мне кажется, что перед Стокгольмом его уверенность в победе гармонировала с его силой.

Конечно, никто не мог предвидеть, что Карпову удастся выиграть в финале восемь партий подряд. Подобной задачи перед ним никто и не ставил, да и сам он не рассчитывал на такую серию побед. И все же это не было случайностью. Карпов оказался исключительно способным учеником. Он сумел творчески развить то,

чему научился при подготовке к турниру. Даже те идеи, которые не вытекали из данного конкретного дебюта, Карпов использовал в другой игровой обстановке.

Повторюсь: перед Карповым стояла задача получать такие позиции, в которых тактические ухищрения его противников были бы обречены на провал. Это означало, что построение должно быть надежным, а план игры — логически вытекать из требований самой позиции. Все же некоторым шахматистам иногда удавалось обострить игру и «затащить» Анатолия на путь тактической борьбы. Но тогда они оказывались в неблагоприятных условиях, так как действовали антипозиционно. По этим партиям можно судить и о тактических способностях Карпова. Поэтому «курс на солидность» объяснялся не слабостью комбинационного зрения Карпова, а целесообразностью и надежностью.

Великолепная игра Карпова и его поведение снискали симпатии шведских любителей шахмат. Вот один только пример. Во время чемпионата Анатолий простудился. Шведы были очень обеспокоены и буквально засыпали его лекарствами, а один из стокгольмцев принес в гостиницу термос с горячим чаем. Анатолий быстро поправился. И мне кажется, что его выздоровлению помог не столько горячий чай, сколько горячая участливость гостеприимных хозяев. На финише турнира пробиться к столику, где играл Карпов, стало просто невозможно. Помню даже случай, когда публика, взобравшаяся на подоконник, чтобы лучше разглядеть нашего шахматиста, сорвала отопительную батарею и пришлось срочно вызывать ремонтную бригаду...

И вот Толя — чемпион мира среди юношей, международный мастер. А что же дальше? Многие признанные гроссмейстеры были в прошлом юношескими чемпионами. Но немногие из них добивались значительных успехов. Войдет ли в семью гроссмейстеров Карпов?

Любопытно, что не только чемпион, но и другие участники этого стокгольмского турнира стали известными шахматистами: У. Андерссон, Э. Торре, А. Адорьян, К. Рогофф, Л. Фогт, Х. Каплан, В. Хуг.

— Выиграв чемпионат мира среди юношей, я получил звание международного мастера — преодолел тем самым колоссальное препятствие, которое стоит на пути

каждого талантливого мастера. У нас в СССР очень много хороших шахматистов, а международных турниров, к сожалению, проводится еще недостаточно, и поэтому возможностей для получения звания международного мастера не так уж много. А только это звание обеспечивает радушный прием у организаторов зарубежных турниров. И когда мне удалось с первого же раза преодолеть этот барьер, то передо мной сразу открылась дорога на международные соревнования...

Возвратившись из Стокгольма домой, в Тулу, я увидел множество писем и телеграмм, поздравлявших меня с победой. Лишь тогда я по-настоящему оценил, как важна была она, эта победа, для моих соотечественников. Победа, которой они заждались, в которой уже изверились за давностью лет, отделявших ее от прошлого успеха Спасского.

Среди телеграмм была и такая: «Поздравляю блестящей победой. Миша Штейнберг».

К чести Миши, горечь неудачи в отборочном турнире не помешала ему по достоинству оценить успех тогдашнего своего невольного обидчика, о чем свидетельствовала эта телеграмма. Однако имя Штейнберга стало понемногу исчезать из больших шахмат.

Когда-то Вольтер, человек выдающегося ума, недоуменно сетовал: «Я употребил на шахматы, пожалуй, больше времени, чем на какое-либо дело. Я их люблю, увлекаюсь ими, а отец Адам, эта тупица, постоянно меня обыгрывает без всякого сожаления». Верно, шахматное дарование своеобразно. И все же примеры подавляющего большинства крупных шахматистов подтверждают: дарование это присуще людям, которым по плечу большие дела и в других областях жизни. Миша Штейнберг блестяще закончил школу и механико-математический факультет Харьковского университета. Скорей всего его ожидало будущее незаурядного математика. Не исключено, что и в шахматах он еще сказал бы весомое слово — после окончания университета он вернулся было к активным выступлениям и успешно сыграл в трех турнирах. «Ожидало будущее...», «сказал бы свое слово...» Ни того, ни другого не случилось — Миша Штейнберг, не встретив своего 25-летия, умер от тяжелой и неизлечимой болезни.

Конкурс интересов

Среди поздравительных телеграмм, полученных Карповым после чемпионата мира, была и еще одна, посланная его бывшим соперником Ильей Микляевым. Талантливый харьковский мастер подавал большие надежды, но вдруг оставил шахматы и долго не давал о себе знать. Теперь эта телеграмма многое разъяснила. На ней стояла такая подпись: «Мастер спорта, кандидат медицинских наук». Илья шахматам предпочел медицину — закончил медицинский институт, стал врачом-реаниматором, защитил диссертацию...

В этом сила шахмат — они признаки природной интеллектуальной одаренности, они помогают ее выявить и развить. Однако — парадоксально, но факт — в этом и их слабость, уязвимость. Наступает момент, и начинается «конкурс интересов», и шахматам приходится вступать в борьбу за своих избранников, в борьбу с физикой, математикой, медициной... А кто подсчитает, какие потери понесли они в этой борьбе, когда вступивший на извилистую шахматную «тропу войны» был еще совсем юн? Можно лишь приблизительно представить себе, за скольких мальчиков, достигших уровня, скажем, второго разряда, подумали и решили их мамы и папы: «Стоп, хватит, показал, что умеет соображать, а теперь пора применить это умение к делу». И — вполне вероятно — прощай, будущий гроссмейстер!

...Мы уже говорили в прошлой главе о том, что свой первый выбор между шахматами и математикой Анатолий Карпов сделал в известной мере интуитивно, не решив еще окончательно, что станет главиым делом его жизни. Но даже прииняв решение и переехав в Леиинград, он все равно взялся за изучение новой для себя и достаточно трудной науки — экономики. И как взялся!

Профессор Сергей Борисович Лавров, прекрасно понимая, как трудно совмещать спортсменам напряжение тренировки и частые выступления в соревнованиях с учебой в университете, признавался, что у него не поднималась рука «завалить» Толю Карпова на экзамене.

— Но, с другой стороны, — говорил профессор, — я не мог себе представить, чтобы Карпов пришел на экзамен неподготовлеиным. Когда он уезжал в Ригу на

первый свой чемпионат СССР, то больше всего боялся, что у него останутся «хвосты».

За несколько дней до отъезда Анатолий, получив четверку, опять засел за учебники. Не спал. Явился в университет снова и попросил проэкзаменовать его повторно. Удивленная и оттого особенно строгая преподавательница битый час задавала «физкультурнику» хитрые вопросы. Упрямый студент отвечал уверенно и безошибочно. Так он расстался со своей четверкой.

И это перед самым чемпионатом страны! Первым в его жизни.

Глава III

ГРОССМЕЙСТЕР

Существует такая мрачная шутка: «Гроссмейстером может стать всякий, но не всякому для этого хватает и жизни».

Фурман, похоже, к тому времени уже лучше всех знавший своего ученика, так отвечал на привычный вопрос:

— Гроссмейстером Анатолий, на мой взгляд, будет несомненно. Но когда? Думаю, года через два. Однако зависит это не только от его подготовленности, но и от возможности участия в крупных соревнованиях. Чем раньше начнет он встречаться с шахматистами экстра-класса, тем скорее станет гроссмейстером.

— А ведь верно; я был уже юношеским чемпионом мира, международным мастером, бывалым путешественником, ради шахмат пересек границы нескольких стран, но ни разу еще в жизни не встречался в серьезных (турнирных!) партиях ни с кем из гроссмейстеров.

Такая возможность испытать себя и обогатиться новым опытом, какого я до сих пор был лишен начисто, вскоре представилась. Меня допустили к участию в первенстве РСФСР 1970 года, турнире более трудном, чем национальные чемпионаты большинства стран. Мастер, его победитель, хоть формально и не получал повышения в спортивном звании, но всем становилось ясно: практически он уже достиг или почти достиг гроссмейстерской силы. Ну а тот турнир, о котором шла речь, был особенно труден: четверка его при-

зеров завоевывала право участвовать в финале первенства СССР. И среди прочих на это право претендовали три гроссмейстера — Н. Крогиус, В. Антошин и ныне покойный А. Зайцев. Я стал чемпионом РСФСР. Но главное, пожалуй, заключалось в том, что был получен ответ на вопрос: готов ли я играть на равных с опытными шахматистами и бороться за гроссмейстерское звание?

Солнечный удар

— Вскоре после первенства РСФСР у меня появилась возможность сопоставить свои силы и с зарубежными гроссмейстерами на большом международном турнире в Каракасе.

Международный турнир в Каракасе проводился под покровительством президента республики — большого любителя этой игры. И с тех пор шахматы в Венесуэле получили настоящее признание и заняли подобающее им место. До этого шахматы в Венесуэле не были в почете. Они считались игрой азартной, и ввоз в эту страну деревянных шахматных фигурок облагался солидной пошлиной.

На жеребьевке я вытянул шестой — «счастливый» — номер, тот же, что достался мне на чемпионате РСФСР. Предзнаменование и верно оказалось добрым, по крайней мере, так выглядело поначалу... И хотя я упустил выигрыш при доигрывании партии первого тура с американским гроссмейстером Бисгайером, но тут же подряд обыграл двух других гроссмейстеров — венгра Барца и югослава Парму (кстати, бывшего чемпиона мира среди юношей).

Волнение мое, естественное для новичка турнира такого класса, развеялось, дела шли прекрасно: $4^1/_2$ из 5; затем 5 из 6... В седьмом туре опять победа над гроссмейстером — бельгийцем О'Келли. И вот я единоличный лидер — 6 из 7! Участники с удивлением поглядывали на таблицу, которую возглавил «мальчишка». Я же мысленно уже примеривал себе «гроссмейстерские погоны» — до желанного титула было рукой подать...

Когда после седьмого тура мы прогуливались с Леонидом Штейном по городу, нам встретился Ивков. «Уже гроссмейстер!» — дружелюбно воскликнул югослав. А на следующий день Ивков, играя со мной, пожертвовал

пешку и тут же предложил ничью. Я отказался от ничьей, но настроиться на борьбу после такого предложения уже не сумел, голова работала вяло, ходы стали инертными. А соперник, наоборот, бросился в атаку, готовя новые и новые жертвы — терять ему было нечего! Я проиграл.

Самое обидное и обескураживающее ждало меня после партии, когда Ивков показал, как я мог не только спастись, но и получить отличную позицию.

В то время Карпов грезил шахматной универсальностью Спасского и объяснял это тем, что умение вести борьбу в любом ключе дает возможность без видимых усилий переключать регистр шахматной партии — будь то спокойные мелодии позиционного маневрирования или бурные аккорды комбинаций. Тогда еще такое переключение рождало иногда фальшивые ноты, доставляло ему огромные переживания. Моцарт, услышав однажды, как за стеной фальшивит трубач, упал в обморок. Карпов обладал абсолютным шахматным слухом, но далеко еще не абсолютным исполнительским умением. В партии с Ивковым он вдруг сам почувствовал фальшивые ноты в собственном исполнении, начал казниться, а потом с ним и вовсе случилось то, что иначе как шахматным обмороком не назовешь.

— «Обморочное состояние» прошло не сразу. На следующий день белыми едва устоял против аргентинца Панно (тоже экс-чемпиона мира среди юношей), потом проиграл Кавалеку, потом с трудом добился ничьей против молодого исландца Сигурионссона. Вот оно, опасное ощущение близости цели!..

Отношения между шахматистами на том турнире были самыми доброжелательными. Хотя, конечно, не обходилось и без казусов... Эквадорец Йепес, сделав свой сороковой ход, не успел перевести часы. Позиция у меня была и так выигрышной, но зачем же играть дальше, если флажок на циферблате часов соперника упал? Согласно правилам я попросил поставить мне единицу, но неожиданно и судья и партнер запротестовали. Только вмешательство сразу нескольких опытных шахматистов, в том числе гроссмейстера Панно, пользовавшегося у

южноамериканцев непререкаемым авторитетом, позволило разрешить этот конфликт.

Оскар Панно оказал нам, советским шахматистам, на этом турнире и другую услугу. Он пригласил к себе в гости меня и Штейна и, увидев, как мы рассматриваем его прекрасный просторный номер (комната, в которой мы со Штейном жили вдвоем, была значительно меньше), предложил поменяться. С удовольствием и благодарностью приняли мы предложение Панно, который потом шутил, что «поменял обладание светлым центральным полем e4 на угловое темное поле h8».

Новая комната находилась рядом с бассейном. Из-за этого бассейна и произошел с Карповым уже не шахматный, а самый настоящий обморок. Турнир заканчивался. Анатолий решил искупаться и позагорать, и это перед большим сеансом одновременной игры, который давали все участники турнира!

— В один из моментов игры я подошел к столику, думал-думал и, сделав первый попавшийся ход, вдруг буквально рухнул. Хорошо еще, что кто-то успел подставить мне стул. Пришел в себя не сразу и был отправлен в отель. Оказалось, я получил солнечный удар. Еще собираясь на сеанс, я сознавал, что перегрелся у бассейна и чувствовал себя плохо. Но считал: отказаться от игры не вправе...

Гроссмейстерскую норму я все же выполнил и даже досрочно, правда, не по своей «вине». Случилось это так. Изнывая от жары, сидели мы со Штейном у себя в номере в одних плавках и играли в искусственно усложненную карточную игру. Раздался стук, и «при полном параде», в галстуке и в темном костюме, вошел американец Аддисон. Мы обрадовались еще одному компаньону и хотели тут же обучить его своей игре. Однако Аддисон извинился, сказал, что должен срочно улетать домой, и попросил меня не возражать против того, чтобы партия с ним из последнего тура была сыграна раньше. Я согласился, судья турнира дал разрешение, партия закончилась вничью. И на последний тур пришел я уже гроссмейстером.

* * *

В начале XX века людей, рискнувших посвятить шахматам жизнь, было совсем мало. Вместе с периодически менявшимися любителями они образовали довольно постоянный состав участников немногочисленных в ту пору международных турниров. Того, кто хоть однажды брал первый приз в заметном турнире, считали гроссмейстером. Звание «большой мастер» присваивалось... общественным мнением.

За год до рождения А. Карпова ФИДЕ провела ревизию в своих рядах и официально выдала удостоверения международных гроссмейстеров шахматистам, добившимся наиболее выдающихся результатов. Критерий был сформулирован весьма расплывчато, и, казалось, число носителей высшего звания сразу резко увеличится. Но все же ко времени, когда нынешний чемпион мира ходил еще в коротких штанишках, всякий любитель шахмат мог, не задумываясь, как выученное наизусть стихотворение, отчеканить в минуту весь список международных гроссмейстеров. Теперь такое не под силу никакому шахматному статистику. Даже знаток с отменной памятью не перечислит гроссмейстеров, не прибегая к записям. Установленные во множестве турниров нормы выполняются много раз, и множится число гроссмейстеров, множится число стран, где они живут.

Порой приходится слышать, будто нынешние гроссмейстеры играют слабее бывших. Утверждать такое — значит вообще отрицать прогресс шахмат. Другое дело, что группа обладателей высшего звания, прежде компактная и однородная, стала «разнокалиберной». Все орудия — орудия, но у каждого свой калибр...

Теперь введена специальная шкала. Американский профессор Арпад Эло изобрел формулу, которая с учетом класса соперников, количества и результата партий, сыгранных в соревнованиях, называет некое число, условно эквивалентное практической силе любого шахматиста. Этот индивидуальный коэффициент (рейтинг) как бы определяет — правда, не совсем официальное — место мастера или гроссмейстера в обширной и многоступенчатой иерархии. Впрочем, любой более или менее квалифицированный болельщик, и не прибегая к ранг-листу Эло, на глазок, без грубой ошибки определит: этот гроссмейстер экстра-класса, этот где-то совсем рядом с батаре-

ей главного калибра, этот тоже хорош, этот больше теоретик, а тот, пожалуй, не превосходит сильно играющих и глубоко мыслящих мастеров...

...Выполнив установленный норматив с первой же попытки, Анатолий Карпов попал в избранное, но достаточно многолюдное и разношерстное общество. Он оставил позади трудный рубеж, однако отчетливо сознавал: следующий будет не легче. Ему, девятнадцатилетнему, предстояло пробивать дорогу к вершине шахматного Олимпа в компании самолюбивых людей, где никто без борьбы не уступает места другому. Предстояло доказать всем, и себе в том числе, что его место среди шахматных орудий главного калибра.

Он знал, что это трудно. Теперь ему предстояло узнать, как это трудно: его ждали чемпионаты страны.

«Высшее общество»

38-й чемпионат страны стал первым в жизни Карпова. И тоже, кажется, впервые в жизни его по-настоящему тогда ругали за качество игры — 14 ничьих из 21 партии! Пожалуй, никому из тех, кто одновременно с ним вышел на всесоюзную арену, — ни Владимиру Тукмакову, ни Юрию Балашову, ни Рафику Ваганяну, которые тоже вскоре стали гроссмейстерами, не доставалось так, как ему. Но, может, потому и были столь резкими эти упреки, что Карпов оказался в тот момент самым молодым гроссмейстером, от него многого ждали, с него непомерно строго спрашивали?!

Самыми суровыми и непримиримыми критиками были журналисты. Они не хотели прощать ему слишком осторожной игры и серии коротеньких ничьих. Гроссмейстеры, каждый из которых пережил в своей шахматной жизни, помимо взлетов, и неудачи, а с ними и неудовольствие публики и прессы, пытались найти объяснение. Так, Таль высказывал предположение, что Карпов еще слишком уважителен к старшим партнерам, не успел избавиться от робости перед ними.

Фурман защищал своего ученика:

«В его положении сейчас трудно экспериментировать. Он обязан показать хороший результат, обеспечивать себе спортивный успех. Вот и приходится сдерживать эмоции, творческие порывы, играть суховато. Путь, прямо скажем, далекий от идеала. Но ведь если работать

с настоящим прицелом на будущее, так лучше бы Толя сыграл не очень успешно по спортивным показателям, но плодотворно, творчески...»

— Да, где-то подспудно мною еще владела робость, и поэтому я действовал чрезмерно аккуратно и, стараясь показать прочную игру, не претендовал на очень уж многое, но и не желал провала. Я тогда поставил перед собой задачу проиграть как можно меньше. Сделать это было непросто, так как в дебютном отношении я был подготовлен еще очень недостаточно и черными часто попадал в тяжелые позиции. Но, быть может, оттого, что дебют у меня с самого детства был поставлен плохо и только в последнее время я избавился от этого недостатка, — быть может, оттого у меня появилась та изворотливость и еще упорство, с какими я действовал в трудных позициях. Как говорится, нет худа без добра, жизнь заставила!

В том году я часто играл в турнирах и как раз во время чемпионата почувствовал усталость — отсюда и осторожность. К тому же я изрядно уступал многим участникам в знании теории — отсюда и моя тактика. Но, признаюсь, я несколько переусердствовал, сделав в начале турнира восемь ничьих подряд. Особенно тяжело приходилось с гроссмейстерами — со всеми, кроме Антошина, я имел черный цвет. С Корчным — то была вообще моя первая партия с таким сильным шахматистом — уже по дебюту я попал в трудное положение... Между прочим, не в обиду моему тренеру будь сказано, я всегда именно во встречах с Корчным получал в дебюте плохие позиции, когда слено слушался Фурмана. Уж очень хорошо Корчной изучил Фурмана, который раньше долгое время с ним сотрудничал, и поэтому зачастую ловко использовал это обстоятельство, предугадывал начальные ходы, какие мне предлагал делать тренер. И только впоследствии, почувствовав это, я, внимательно выслушав совет, стал поступать по-своему (речь идет о подготовке к встречам с этим хитрым соперником). И когда я действовал таким образом, Корчной ничего в дебюте уже не мог со мною поделать. Но тогда, в Риге, я еще был недостаточно самостоятельным шахматистом.

Ну а в той партии, попав в трудное положение, я

удачно защищался и уже почти полностью уравняв позицию, но в какой-то момент, очевидно, устав, не использовал появившиеся шансы и в конце концов проиграл. Напряжение было огромное, а я еще не привык к подобным нагрузкам.

В двенадцатом туре я одержал наконец свою первую победу, затем еще одну... Расхрабрился было, но тут же был разгромлен мастером Олегом Дементьевым. Кончилось, правда, все относительно благополучно — я набрал в итоге «плюс три», и этот результат позволил разделить пятое-седьмое места. Для дебютанта это не так уж плохо.

Рижский финал не был выдающимся турниром. Получился он каким-то, я бы даже сказал, пасмурным. Возможно, потому, что не допустили Таля, который, видите ли, не участвовал в отборочных состязаниях. А в Риге шахматы без Таля не праздник. Не выступало и еще несколько сильнейших шахматистов. Но лично для меня то обстоятельство, что начал я отнюдь не с самого трудного из чемпионатов, сыграло положительную роль. Я понял: да, играть здесь тяжело, но все же не настолько, как это выглядело в пугавших меня рассказах старших. И еще выяснилось, что я в состоянии спасать трудные позиции против самых сильных шахматистов. Словом, турнир меня успокоил.

Уже полуфинал следующего чемпионата — он проходил тоже в Латвии, в Даугавпилсе, — к спокойствию добавил мне изрядную дозу уверенности. Он показал, что я заметно превосхожу полуфинальный уровень, а значит, достиг настоящего гроссмейстерского класса. И хоть чемпионат СССР 1971 года в Ленинграде собрал очень сильный состав, я питал уже весьма смелые надежды.

В нем играли Таль, Смыслов, Штейн, Полугаевский, Геллер... А всего двадцать два участника. Ужасная нагрузка! Нормальный турнир — это шестнадцать-восемнадцать человек. А так тура после семнадцатого шахматисты попросту обалдевают. Тем более при поистине потогонном регламенте: три тура — доигрывание, два тура — снова доигрывание, и только затем выходной день. Нигде у нас так не трудятся — восемь рабочих дней подряд! К концу такого соревнования у шахматистов остаются запальчивость, амбиция — все, что угодно, кроме необходимого вкуса к игре.

Я играл в общем-то неплохо. Однако преследовало меня невезение. Защитившись было от Смыслова, расслабился и проиграл ему. С Ваганяном не заметил несложной комбинации. С Савоном в подавляющей позиции (и в его цейтноте!) упустил выигрывающее продолжение, а потом неудачно проанализировал отложенную позицию, не использовал оставшихся шансов, и он сумел сделать ничью. Именно это обстоятельство во многом предопределило общую победу Савона в чемпионате. Наша партия игралась в одиннадцатом туре, а с учетом времени ее доигрывания к моменту завершения этой встречи у всех уже было сыграно по тринадцать-четырнадцать партий. Савон принадлежит к тем шахматистам, которые после поражения обычно ломаются, а тут, получив такой «допинг», он заиграл с большим подъемом и вообще не проиграл ни одной партии. Были у меня и другие срывы. Не сумел, например, довести до победы технически выигранную позицию с Балашовым, где имел могучего коня против его плохого слона.

Никто не «подарил» мне в том турнире ни пол-очка, я же раздарил их во множестве. Бывает же так: не везет, и все тут...

Так я не попал в тройку призеров ленинградского чемпионата, оставшись четвертым, но тем не менее я миновал предварительный отбор на пути не только к зональному, но и к межзональному турниру. Этому способствовали итоги моих выступлений, последовавших за первенством страны 1971 года.

Мемориал Алехина

— 18 участников, и все, как один, гроссмейстеры! Причем четверо в разное время были чемпионами мира — вот какой сильный состав собрал этот турнир, состоявшийся в ноябре — декабре 1971 года.

Если бы турнир не был столь почетным и заманчивым, пришлось бы отказаться от приглашения. Устал я к тому времени страшно. Первую половину года вообще не играл, зато вторую не вылезал из-за доски. Июнь — полуфинал первенства страны, июль — студенческая Олимпиада, август — сразу два командных чемпионата (страны и Вооруженных Сил), сентябрь и октябрь — финал первенства СССР.

На жеребьевке Карпов никак не мог открутить голову сувенирной матрешке, в которой прятался его порядковый номер, и это дало повод какому-то шутнику из зрителей воскликнуть: «Силенок маловато... Как же он выдержит такой турнир!»

Московская шахматная публика любит уютный и привычный для нее зал ЦДКЖ — так сокращенно называется Центральный Дом культуры железнодорожников, который остряки предлагают переименовать в ЦДКШ, поскольку здесь часто проводятся турниры. В первые дни алехинского мемориала над густозаселенной сценой и переполненными зрительскими рядами витала атмосфера недовольства — слишком много было коротких и бесцветных ничьих. Какой-то экспансивный болельщик даже не выдержал и в нарушение всех канонов поведения публики на турнирах выкрикнул: «Товарищ судья, да запретите же вы, наконец, эти ничьи!» И главный арбитр, бывалый и не теряющийся ни при каких обстоятельствах человек, на сей раз не осадил нарушителя, а только беспомощно развел руками... Лишь ближе к концу, когда половина состязаний осталась позади, борьба приняла более острый характер. Пришлось менять тактику и нашему «юному рационалисту», как порой уже называли Карпова. К тому времени у него была только одна победа — над относительно слабым участником венгром Л. Лендьелом — и девять ничьих!

— И тут я решил: пан или пропал! Стоять на месте больше нельзя — противники впереди очень трудные. А в очередном туре как-никак играю белыми.

И партия эта, в которой я победил Властимила Горта, партия, удавшаяся и в спортивном и в творческом отношении, стала для меня переломной в турнире. Она-то в итоге и привела к дележу первого-второго мест с Леонидом Штейном.

Поразительнее всего то, что Карпов ни на пол-очка не отступил от своей тактики, какой он придерживался с самых первых шагов в турнирных выступлениях. В его игре трезвость не перешла в скептицизм (а согласно одному из точнейших афоризмов писателя Феликса Кривина: «Скептицизм — опьянение трезвостью»). Показа-

тельно поражение, которое нанес новичок турниров экстра-класса шахматному патриарху Бронштейну. В той партии чуть не с дебюта младший «схватил» пешку, и в шуме пресс-бюро все расслышали тихий и медленный голос Фурмана: «Когда у Толи лишний материал, он выигрывает. Тут у меня к нему претензий нет». На следующий день Карпов взял пешку и у Корчного... В последнем туре он обыграл еще и тогдашнего чемпиона СССР Владимира Савона.

Сразу после турнира в номере высотной гостиницы «Ленинград» мы втроем скромно отметили успех Анатолия. Не смущаясь присутствия Карпова, Фурман откровенно говорил:

— Для меня лично успех Толи не является неожиданностью хотя бы потому, что на протяжении последних лет его результаты стабильны и с каждым турниром повышаются. Конечно, я не мог рассчитывать, что он поделит первое место, но примерное количество очков, которые наберет, прикидывал. Считал, что у него будет «плюс четыре» — «плюс пять» (на языке шахматистов это превышение числа побед над числом поражений). Место в турнире не всегда определяется очковым балансом, все зависит оттого, как складывается борьба. Но ровный состав турнира предопределял, что такой показатель будет соответствовать очень высокому месту.

Когда М. Ботвинник услышал по телефону, что А. Карпов стал одним из победителей Мемориала Алехина, он, по свидетельству его собеседника, воскликнул: «Запомните сегодняшний день, 18 декабря 1971 года. Взошла новая шахматная звезда первой величины».

А через несколько дней другой экс-чемпион мира, Т. Петросян, в большой статье «Что год минувший нам оставил?», опубликованной в еженедельнике «64», писал:

«На фоне великолепного состава участников Мемориала успех Карпова особенно заметен. Отрадно, что он уже не просто подает надежды, но и оправдывает их. Устаешь читать и слышать о молодых шахматистах, которые показывают превосходную игру, но... Превосходная игра — понятие довольно обтекаемое. Нельзя же всю жизнь быть только любимцем, демонстрирующим «творческую игру», но постоянно иметь в турнирной графе

слишком мало очков! Хорошая игра должна сопровождаться хорошими результатами. И вот сегодня, говоря о Карпове, я могу подтвердить, что мне нравятся его очки, его подход к шахматам, нравится его спортивный характер, его расчетливость. Понравилось, как он на финише турнира включил дополнительную скорость, подсчитав, очевидно, заранее, что имеет благодаря молодости больше сил, нежели старшие, и рывком обошел многих, словно мы стояли на месте.

Думаю, что на сегодняшний день именно Карпов является нашей главной надеждой, может быть, именно он в ближайшие годы станет самым труднопреодолимым препятствием на пути западных шахматистов к мировой шахматной короне».

Рождественские будни

Новый, 1972 год. Анатолий Карпов встретил его в Гастингсе — английском городе, название которого о многом говорит уму и сердцу каждого, кто интересуется шахматами. Гастингский рождественский турнир — самый старый и самый живучий из всех существующих традиционных международных турниров. Эти шахматные фестивали проводятся с 1895 года. Тогда наш М. Чигорин уступил лишь известному американскому шахматисту Г. Пильсбери, но зато опередил В. Стейница, Эм. Ласкера, З. Тарраша и других своих знаменитых современников. Позже в Гастингсе выступали Х. Р. Капабланка, А. Алехин, М. Эйве, М. Ботвинник, В. Смыслов, М. Таль, Б. Спасский, П. Керес, С. Флор... Так много корифеев, что при перечислении можно и забыть кого-нибудь.

...Любопытно, что далеко не все участники, приехав в Гастингс, получают право разместиться в знаменитом «Куинс-отеле», и только самые почетные сразу с вокзала направляются в «Королевские покои». Шахматный мир (а с ним и организаторы турнира) быстро признали в лице Карпова не просто «одного из», а гроссмейстера экстра-класса. Вполне возможно, что номер в привилегированном отеле был не только признанием, но и авансом. Если так, то Карпов быстро оправдал этот аванс...

Из дневника Карпова:

«Третий Новый год за границей. Прежде мне всегда сопутствовала удача, брал первые места. Думалось:

как-то получится теперь, когда выступают гроссмейстеры Бирн, Глигорич, Найдорф, Унцикер, известные мастера Андерссон, Мекинг, Пфлегер?..

Из Лондона в Гастингс добирались поездом. На этом коротком — чуть более полутора часов — отрезке пути я успел набрать множество нешахматных впечатлений. Удивительно странно выглядят, например, новогодние елки, окруженные не снегом, как у нас, а зеленой травкой: девять градусов тепла! В витринах и на афишах забавные деды-морозы — ну прямо мои ровесники, и бороды у них совсем нет.

И 31 декабря и 1 января — игра в шахматы! Партия, проводимая в последний день старого года и отложенная, доигрывается ровно в девять вечера по местному времени. В Москве как раз бьет полночь. Вспоминаются дом, друзья и близкие, но... многое, конечно же, зависит и от возникшей позиции. Праздник рождества, во время которого принято делать друг другу приятное, уже прошел, и на подарки рассчитывать не приходилось...

Когда-то эти турниры проводились, как правило, при десяти участниках. На короткой дистанции одно поражение могло роковым образом повлиять на конечный результат, и шахматисты избегали риска. Было слишком много ничьих. Поэтому англичане пришли к выводу о необходимости поломать традицию и увеличить число участников. В 1972 году в главном турнире играли уже шестнадцать человек.

Обстановка в большом зале оказалась трудной. Наш турнир шел параллельно с мастерским турниром, играющих и зрителей было предостаточно, публика находилась от участников в двух-трех метрах. До нас доносились все разговоры и замечания.

Сделав в первом туре ничью с Пфлегером, я выиграл три партии подряд и после еще одной ничьей снова одержал три победы. Тут я почувствовал, что силы мои на исходе. За последние восемь месяцев я сыграл около ста партий и, говоря откровенно, просто выдохся. Бороться, как прежде, уже не мог и проиграл важнейшую партию своему единственному конкуренту — Корчному.

Перед последним туром он опережал меня на полочка и в заключительный день не стал рисковать, сделав быструю ничью с Найдорфом. Вопрос о первом месте решался в моей партии с англичанином Марклендом.

Ценой невероятных усилий мне удалось одолеть соперника и разделить первое место. Играть было особенно трудно от сознания того, что еще три тура назад я был впереди на полтора очка, а теперь отстаю. Забавно, что через полгода на студенческой Олимпиаде я обыграл этого же Маркленда без всякого напряжения.

Борьба за третье место шла между Бирном и Мекингом. Успех, верней, счастье сопутствовало бразильцу. Так, Пфлегер против Мекинга в лучшей позиции забыл сделать контрольный сороковой ход. Очень некрасивый случай произошел во встрече Мекинг — Боттерилл. Соперники находились в цейтноте, на восемь ходов у них оставалось по две-три минуты. Мекинг положил руку на кнопку часов и не давал англичанину их переключать. Судья этого не заметил, а Боттерилл растерялся и в два хода проиграл партию. Все были крайне возмущены...»

Первые олимпиады

Незадолго до алехинского мемориала и вскоре после Гастингса довелось Анатолию Карпову сыграть в двух студенческих олимпиадах: в 1971 году в Пуэрто-Рико и в 1972 году в австрийском городе Граце. Сначала на третьей доске, затем на первой. Надо ли удивляться тому, что на обеих олимпиадах наша команда, в Пуэрто-Рико имевшая в составе трех, а в Граце четырех гроссмейстеров (всего выступают по 4 основных и по 2 запасных участника), вышла победительницей. Впечатляют масштабы победы: в одном из этих турниров советская сборная опередила второго призера на восемь очков, в другом на девять.

Вот как рассказывает об игре Карпова на командных студенческих первенствах мира тренер нашей молодежной сборной Анатолий Быховский: «Те олимпиады понастоящему открыли для меня Карпова. Вот хотя бы такая любопытная деталь. В Пуэрто-Рико он имел к последнему туру семь очков из семи. И вдруг довольно спокойно согласился на ничью со сравнительно слабым шахматистом из Колумбии. Я не сразу понял его решение — неужели это отсутствие честолюбия, подумалось в первый момент. Только позже я убедился, что Карпову важен основной результат: победа его команды, первое место на своей доске, а стремление к дешевым, по-

казным эффектам ему чуждо. Тогда же, в 1971 году, на меня неизгладимое впечатление произвели легкость и изящество его игры. Обычно он первым заканчивал свои встречи, тратя на обдумывание не более часа. Его противники после поражений выглядели какими-то растерянными, казалось, они совсем не понимали замыслов и ходов юного гроссмейстера. На мой взгляд, у Карпова столь самобытный игровой стиль, что даже затруднительно назвать его шахматного предшественника, а это всегда признак подлинного таланта.

Выделяло Карпова еще одно качество: он стал подлинным лидером нашего коллектива, к нему все шли за советом, все просили помочь проанализировать отложенные позиции (а в этом он подлинный виртуоз!), и трудился Анатолий для команды в поте лица.

Вспоминаю, как в Граце в 1972 году он встретился с западногерманским гроссмейстером Робертом Хюбнером. Мы всегда трудно играли с командой ФРГ, а тут еще Хюбнер опережал Карпова в соревновании за лучший результат на первой доске. Тот самый Хюбнер, которого лишь с минимальным перевесом победил в претендентском матче Петросян (и тот Хюбнер, который вскоре после студенческого первенства опять блестяще выступил на всемирной Олимпиаде в Скопле). Встреча была принципиальной во всех отношениях, она должна была как бы определить расстановку сил на несколько лет вперед и показать, как же выглядит Карпов в сравнении с ведущим молодым западным гроссмейстером. Анатолий доказал, что понимает позицию и тоньше и глубже!»

* * *

В Центральном шахматном клубе СССР есть специальный стеклянный стенд для призов, и среди многих завоеванных советскими шахматистами, пожалуй, самый ценный — большой золотой кубок Гамильтона Рассела. Английский лорд учредил эту награду для сильнейшей команды мира в 1927 году, когда на его родине состоялась первая шахматная Олимпиада.

С тех пор раз в два года Международная шахматная федерация (ФИДЕ) проводит эти турниры под девизом: «Мы все — одна семья». Лишь в годы второй мировой войны и сразу после нее шахматисты не смогли собрать-

ся вместе. В 1950 году, после одиннадцатилетнего перерыва, эта прекрасная традиция была возобновлена.

В 1952 году в Хельсинки впервые приехала сборная Советского Союза. С тех пор жизнь Кубка, который прежде часто менял адреса, стала куда спокойней — он обосновался в Москве и только вместе со своими постоянными хозяевами отправляется на «Турниры наций», чтобы затем возвратиться восвояси с очередной надписью на золотых боках — СССР.

Популярность шахматных олимпиад огромна. Если в первой из них участвовало 16 команд, то на XX, юбилейную, в Скопле съехались представители 63 государств.

Скопле рождался дважды. В первый раз он появился на свет две тысячи лет назад, когда возле реки Врдар возникли первые македонские поселения. Второй — после страшного землетрясения 1963 года, подобно Фениксу, Скопле восстал из пепла. Люди мира протянули руку помощи югославскому городу, и город стал символом международной солидарности. И сейчас разве что мемориальный памятник — разрушенное здание старого железнодорожного вокзала с часами, остановившимися в момент первого подземного толчка, — напоминает о страшной катастрофе.

Подготовка к Олимпиаде (она началась за два года до соревнований) потребовала дополнительных усилий и больших капиталовложений. Были построены новые отели — роскошный «Континенталь» в центре города, где разместились большинство делегаций и богатые туристы, и напоминающая описанные Ремарком уютные альпийские гостиницы «Панорама», расположенная за городом, у подножия гор, где жили всего несколько команд, в том числе и сборная СССР. К началу турнира появилась еще олимпийская деревня и три корпуса действующей теперь ярмарки. В просторных и светлых залах ярмарки и проходили состязания шахматистов и шахматисток (в Скопле одновременно проводилась и женская Олимпиада). В главном из этих помещений шахматные столики окаймляли зал. Зрители располагались на многоярусных склонах огромного конуса, который был возведен посередине этого круглого зала. С плоской усеченной вершины «горки» специальная телеустановка передавала изображение досок с наиболее интересными партиями на мониторы, установленные в пресс-центре. Олимпиаду обслуживало одиннадцать различных специаль-

ных служб. Сто переводчиков, 80 демонстрантов, 70 судей, 200 шоферов, врачей, контролеров были одеты в оригинальную униформу. Все это придавало соревнованиям особую праздничность. Перед началом каждого тура участникам вручали пакет с шоколадом и вафлями.

Олимпиада заняла видное место в жизни Югославии. В единственный свободный день специальный самолет «дуглас» доставил большую делегацию шахматных олимпийцев в Белград, где их принял президент СФРЮ Иосип Броз Тито. Маршал стоял в середине большого зала, а длинная цепь знаменитых шахматистов проходила мимо него, и каждому он пожимал руку, с некоторыми обменивался несколькими словами. Потом Тито сфотографировался в кругу чемпионов. Прямо из дворца гостей президента доставили вновь на аэродром, и они возвратились в Скопле.

Шестьдесят три команды были разбиты на восемь полуфинальных групп. При разбивке учитывался средний коэффициент команды по системе американского профессора Арпада Эло, который выводился из индивидуальных коэффициентов членов каждой команды. Все математические операции находились в ведении нескольких молодых людей и одной умной кибернетической машины. Она же занималась прогнозами и почти безошибочно предсказала исход борьбы в полуфиналах. Средний коэффициент команды СССР был, разумеется, самым высоким — 2625 (обычно считается, что 2600 — это рубеж экстра-класса). Далее следовали: Югославия — 2527, Венгрия — 2509, ФРГ — 2498, Чехословакия — 2483, ГДР — 2460, Болгария — 2449. Команда США выступала не только без Фишера, затребовавшего сверхвысокий гонорар, но и без Эванса и Ломбарди, и имела восьмой на Олимпиаде средний коэффициент.

Олимпийская команда, как правило, состоит из четырех основных и двух запасных участников, хотя деление это весьма условно, поскольку — во всяком случае, в советской сборной — нагрузка падала на всех почти одинаковая. (Занятость участников зависела и от самочувствия, и от спортивной формы.)

С 1952 года на десяти олимпиадах выступали лишь 14 советских гроссмейстеров, в Скопле к ним добавились Анатолий Карпов и Владимир Савон — они стали соответственно первым и вторым запасными. Окончательный состав сборной выяснился лишь за несколько дней до

отлета в Югославию. Имена пяти гроссмейстеров были известны: Петросян, Корчной, Смыслов, Таль, Карпов. А вот шестой... Ждали возвращения из Рейкьявика советской шахматной делегации. Сможет ли Спасский возглавить команду после окончания труднейшего матча на первенство мира? Увы, когда он вернулся из Исландии, стало ясно: экс-чемпион мира устал и не примет участия в Олимпиаде. И в последний момент в команду был включен чемпион СССР В. Савон.

...Запасные 1958 года Т. Петросян и М. Таль, подготавливая молодых к тому, что первый матч сборная команда по традиции проведет основным составом, с юмором рассказывали А. Карпову и В. Савону о первых своих злоключениях.

— Помнишь, Миша, — спрашивал Петросян Таля, — как старики держали нас в черном теле? Мы работали за доской целую неделю, а когда транслировался футбольный матч СССР — Англия, нам с тобой так и не предоставили обещанного отгула!

— Да-да, — весело, в тон ему подхватил Таль. — Мне всегда хотелось играть в шахматы. Но тот день был исключением. Что поделаешь, у дебютанта сложная роль, особенно если формально он числится запасным. А ты ведь, Тигран, и в 1960 году тоже был запасным. Трудную же тебе школу пришлось пройти!

Запасные-72 с тем большим успокоением внимали предшественникам, что помнили: М. Таль всего через два года после своей первой Олимпиады, а Т. Петросян через пять лет стали чемпионами мира...

Начиная со второго тура, А. Карпов и В. Савон включились в игру. Савон слишком нервничал, выступал неудачно и впоследствии большую часть времени провел «на скамейке запасных». Выступление же Карпова стало одним из самых ярких событий Олимпиады. Причем на сей раз Анатолий действовал не в своей, ставшей для обозревателей привычной манере, а гораздо разнообразнее и явно острее. Разменов фигур он избегал и свою стратегию объяснял потом опасением, что размены могут приблизить эндшпиль, а с ним и возможную ничью.

Полуфинал для команды СССР сложился безоблачно, хотя во время матча с Кубой прозвучал первый тревожный звонок. Тут дела наших гроссмейстеров поначалу складывались неудачно. Впрочем, это не относится к Карпову, который сыграл в тот день великолепную пар-

тию против самого опытного шахматиста в кубинской сборной Э. Кобо. После дебюта кубинец попал под тяжелый позиционный пресс юного гроссмейстера. Он затратил массу сил на проведение псевдоосвобождающего маневра на ферзевом фланге, а Карпов между тем нацелил свои фигуры на королевские покои черных. Сигнал к наступлению подала рванувшаяся вперед белая пешка...

М. Ботвиннику приписывают слова: «Если Таль жертвует фигуру — берите ее, если жертвую я — проверьте варианты, а если Петросян — откажитесь от принятия жертвы». Говоря это, тонкий психолог хотел, очевидно, подчеркнуть различие в отношении к риску со стороны представителей разных игровых стилей. Позиционные шахматисты семь и более раз отмеряют, прежде чем отрежут, и потому их редкие пожертвования, как правило, приносят точно рассчитанные дивиденды уже через несколько ходов. Карпов хотя и отличается от Петросяна, но тоже близок (по крайней мере, так было в 1972 году) к братству позиционных шахматистов. Так или иначе, его соперник Кобо, не задумываясь, отклонил предложенную жертву ферзя, но и это кубинца не спасло.

Олимпиада дала большую работу статистикам. Они даже выясняли в числе прочего, кто меньше весит—Анатолий Карпов или его сверстник из Швеции, только что ставший гроссмейстером Ульф Андерссон. Каким-то образом было подсчитано, что в первой половине Олимпиады больше всего автографов дал Таль, за ним шел гроссмейстер из Белграда Любоевич и лишь немногим уступал им Карпов. Однако вскоре Карпов самым серьезным образом начал угрожать ранее никем не превзойденной в Югославии популярности Таля (на любой улочке Старого города узнавали экс-чемпиона мира, за ним маршировали мальчишки, появление его в пресс-центре, как по команде, поднимало репортеров на ноги, вооружало их микрофонами и кинокамерами). И те же газетчики по ходу турнира все больше интересовались Карповым, пытаясь договориться с ним относительно интервью, «абсолютно необходимого» для их издания. Что поделаешь, репортерам нужны были новые звезды. И не только им. Приехавший из США шахматный мастер-ветеран и меценат И. Туровер не сводил глаз с юного советского гроссмейстера и говорил, что видит в нем главного соперника Р. Фишера. И он не ошибся...

— В первом туре финала жребий определил нам в соперники сборную Венгрии — сильную, молодую, перспективную команду. Встречу мы проиграли — $1^1/_2:2^1/_2$.

Поражения, особенно от главного конкурента, отражаются на состоянии команды. Тем не менее мы в бодром настроении отправились на следующую встречу — с командой ФРГ. На первой доске ожидалась принципиальная партия недавних соперников в претендентском матче Хюбнер — Петросян. День этот оказался для нас удачным. Только поистине драматический случай с Петросяном не позволил добиться крупного счета.

А произошло вот что. Петросян по дебюту попал в тяжелую позицию, цепко защищался и (как в старые добрые времена) с честью вышел из жаркого сражения. На последние семь ходов у него оставалось пять минут в позиции, ничейный исход которой становился все более очевидным. Понятным выглядело желание Петросяна после трудной защиты сделать ничью по возможности надежнее, с помощью крепких ходов. И вот на последующие четыре хода он израсходовал все оставшееся время...

Организаторы Олимпиады, желая помочь шахматистам в цейтноте, заказали часы с флажком, падающим в тот момент, когда минутная стрелка достигает его середины. Вторая же половина флажка показывает оставшееся до контрольного время по цифрам, нанесенным на циферблат мелким шрифтом. Это оказалось удобным лишь для рекламы. Ведь шахматист, испытывая недостаток времени, не имеет возможности рассматривать цифры, а определяет оставшееся время по положению флажка.

Петросян и не подозревал о такой особенности часов. Взглянув на них (как выяснилось потом, за две-три секунды до контроля), он подсчитал, что времени еще достаточно, и продолжал обдумывать очередной ход. Но флажок упал, и сразу же подошел судья и зафиксировал просрочку времени. Растерявшийся и расстроившийся Петросян слегка приподнялся на стуле, взял часы, внимательно посмотрел на флажок, подошел к капитану команды Кересу и потребовал подать протест. Но какой же может быть протест, когда просрочено время?! Вечером, за ужином, один из югославов сообщил Петросяну, что все происходившее транслировалось по телевидению. «Если бы я знал об этом, непременно разбил бы часы», — ответил Петросян. Просрочка времени

произошла в его турнирной практике впервые. До конца Олимпиады он не мог забыть эту партию, но говорил о ней уже в шутливо-ироническом тоне.

Матч с Голландией — и еще одна неприятность: проиграл Савон. В конце концов победу мы одержали, но с минимальным перевесом.

Надолго запомнилась следующуя встреча — с болгарской командой гроссмейстеров. Шахматисты Болгарии играют крепко, а нам очки нужны были позарез. От венгров мы уже отставали на два очка, от югославов — на $1^1/_2$. Матч с болгарами складывался удачно, и хороший результат был, казалось, не за горами. Но в отель мы отбыли с одной ничьей Петросяна и тремя неясными отложенными позициями.

На следующий день Талю удалось выиграть на первый взгляд ничейный эндшпиль с разноцветными слонами. Еще одно очко преподнес нам Трингов — в конверте не оказалось бланка с записанным им ходом, и согласно правилам болгарину было зачтено поражение. Впоследствии сам пострадавший рассказывал, как все произошло. Записав ход, он остановил часы и задумался. В этот момент к нему подошел партнер и начал обсуждать партию. Увлекшись беседой, Трингов машинально положил бланк с записанным ходом в карман, а пустой конверт заклеил и отдал судье.

Моя партия с Падевским стала в какой-то степени знаменательной. Она была последняя, проигранная нашей командой на Олимпиаде. Падевский с первых же ходов получил белыми чуть худшую позицию. Меня подвело слишком сильное желание наказать противника за очень уж пассивную тактику. Я затратил много времени на поиски форсированных выигрышных продолжэний, попал в цейтнот и упустил преимущество. Однако в худшей позиции не хотелось предлагать ничью, хотя, как я чувствовал, противник был готов на нее согласиться в любой момент. Прерванная позиция была нами далеко не лучшим образом проанализирована, и, не оказав после бессонной ночи должного сопротивления, я проиграл эту отнявшую столько сил партию.

К пятому туру, к матчу с шахматистами ГДР, наша команда подошла со слабым результатом (9 из 16) и отставала уже на три (!) очка от югославов и на $2^1/_2$ — от венгров.

Во время обсуждения состава на встречу с ГДР было

отмечено, что каждый из предыдущих четырех туров финала приносил нашей команде нового неудачника. Проигрыши эти стали уже предметом шуток. Ко мне, например, обратился международный мастер из Польши Беднарский с таким вопросом: «Жребий брошен, кому сегодня проигрывать?» Я в тон ему ответил, что уж в матче с Польшей мы постараемся уберечь единственного члена советской команды, который останется к этому туру без поражений!

Карпов, заметьте, лишь вскользь упоминает про обсуждение состава на встречу с командой ГДР. На самом же деле состоялся довольно горячий разговор. Досталось всем. В том числе и опытнейшим тренерам — гроссмейстерам Кересу, Антошину, Фурману. Особенно резко высказывался «запасной» игрок Карпов, который критиковал плохую подготовку к матчам и особенно халатный, некачественный анализ отложенных партий. Ветераны команды, выдающиеся гроссмейстеры с неподдельным удивлением наблюдали за юным дебютантом; в глазах у некоторых так и читалось: «А он-то из молодых, да ранний!»

Обстановка в штабном номере станет более понятной, если напомнить читателю, что совсем недавно проигрыш одной партии кем-нибудь из членов сборной СССР считался событием, а тут — поражение за поражением. Гроссмейстеры переглядывались: «Кто следующий?» Но тогда же наши шахматисты со всей серьезностью решили придерживаться старого правила командных соревнований: никто не должен проигрывать, а уж выигравший в таком сильном составе непременно найдется. До конца Олимпиады без «нулей» прошли Смыслов и Таль, а команда заиграла много увереннней.

— С шахматистами ГДР мы играли просто великолепно. До лидеров стало уже рукой подать, а к девятому туру наша команда была на втором месте, отставая от югославской всего на пол-очка.

Несколько неожиданно общую победу во встрече с Югославией принес Смыслов. Играл-то он черными! То ли жертвой, то ли просмотром пешки он смутил Любоевича. Соперник допустил ошибку и вынужден был рас-

статься с качеством. Остальное, как говорится, было делом техники, которой Смыслову не занимать.

На игру с американцами мы настраивались очень решительно, поскольку отстававшие на очко венгры встречались с ослабленной сборной Испании и не скрывали радужных надежд. Я обыграл Бисгайера. Интерес вызвала встреча Таля с Бенко. Их шахматное знакомство имеет богатую историю. Еще в турнире претендентов 1959 года Бенко, проиграв Талю три партии, заявил, что тот его гипнотизирует, и на последнюю партию явился в темных очках. С тех пор прошло много лет. Бенко сменил черные очки на светлые, но в Скопле и они не уберегли его от неприятностей. Проиграв в очередной раз Талю, Бенко отказался подписать бланк. Пришлось эту процедуру проделать капитану американской команды.

За три тура до финиша сборные СССР и Венгрии сравнялись. Нас это равновесие в общем устраивало: два из последующих матча предстояло провести с аутсайдерами — испанцами и аргентинцами. Сначала удалось с крупным счетом выиграть у испанцев и создать запас в очко. Венгры же с трудом одолели румын. В этот момент все решили, что «дело сделано» — первое место обеспечено и нам остается только пойти и получить свои очки у шахматистов Аргентины.

Все неприятности этого последнего матча начались с моей партии. Решив «выигрывать спокойно», я неожиданно попал под сильнейшую атаку. Отбив первый натиск, успел предложить ничью, которая и была принята. Смыслов получил технически выигранную позицию, но на пятом часу игры, пропустив несложный удар, во избежание худшего согласился на ничью. А в это самое время венгры с крупным счетом выигрывали у команды Голландии. Но когда венгр Форинтош, почувствовав, что от его партии зависит судьба команды, разнервничался и просмотрел мат в два хода, тут же в нашем матче Керес принял предложение аргентинского капитана о двух ничьих, и мы закончили игру со счетом 2:2.

Перед последним туром венгерские шахматисты отставали от нас лишь на пол-очка, а делить первое место для советских шахматистов равносильно проигрышу Олимпиады...

...Карпов был слишком занят в последнем туре, и потому приведем здесь вместо рассказа гроссмейстера от-

рывок из репортажа, переданного тогда же в Москву по телефону вторым автором этой книги:

«...На последний тур команда СССР вышла после дискуссии по составу. Безоговорочно играть хотел, пожалуй, только Карпов... Тогда же было решено: черными стоять против румын крепко, а белыми попытаться давить. Тактика эта диктовалась выводом: венгры не должны крупно выиграть у ФРГ (западногерманская команда проиграла до того на Олимпиаде вообще всего один матч — сборной СССР со счетом $1^1/_2 : 2^1/_2$).

По дороге на свою игровую площадку советские шахматисты невольно задержались у демонстрационных досок матча Венгрия — ФРГ. И обнаружили, что гроссмейстеров Хюбнера и Дарги в команде ФРГ нет. Нервы еще больше напряглись — уж не ищут ли другие шахматисты спортивной сенсации, какой наверняка станет проигрыш советскими гроссмейстерами первого места?

Однако злого умысла здесь не было. Гроссмейстер Лотар Шмидт (он судил матч на первенство мира в Рейкьявике и потому, уставший и перенервничавший, не был включен в свою западногерманскую олимпийскую команду) пояснил: Хюбнер обеспечил себе первое место на первой доске и не хочет рисковать им, а Дарга уступил свою доску Пфлегеру, получившему таким способом шанс побороться за гроссмейстерский титул. Но наши шахматисты этого еще не знали, и их задача во встрече с Румынией казалась архитрудной. Вот как протекала борьба.

Петросян черными отказывается от ничьей, незамедлительно предложенной Георгиу: тот по привычке «проверяет» именитого партнера. Корчной сидит насупившись, он злится на свои предыдущие партии и вообще на всех вокруг, но ходы делает на сей раз быстро, энергично, почти со стуком. Таль с дымящейся сигаретой как заведенный семенит по ковровой дорожке к столикам матча Венгрия — ФРГ и обратно, потом опять туда и обратно... Карпов почти все время стоит рядом со своим стулом, глядя то вниз — на свою доску, то вдаль — на демонстрационные доски, где западногерманские шахматисты один за другим попадали в тяжелые позиции. (Правда, там вскоре вничью закончилась встреча Хехт — Билек.)

Проходит как бы не два матча на четырех досках, а

один сразу на восьми. Очки общие: все, что потеряет команда ФРГ, должна отыгрывать команда СССР.

Рибли получает ладью, слона и коня против одного мечущегося по доске ферзя Кестлера. Этого не видят те, кто следит только за матчем Румыния — СССР. Они лишь слышат аплодисменты, когда венгр приносит своей сборной очко. И тут же, будто вступив в соревнование со зрителями той трибуны, «наши зрители» устраивают овацию молодому советскому гроссмейстеру Карпову, который красивым ударом сравнивает счет в заочном соревновании с венграми...

Вечером Анатолий Карпов сидел и долго раздумывал, какую из сыгранных им партий подать на соискание приза за красоту игры. Потом лукаво, по-мальчишески улыбнулся:

— А что, я ведь, кажется, неплохо играл на Олимпиаде?

И Михаил Таль признался мне:

«Если быть совсем честным, то только сейчас, в Скопле, я понял, что Карпов действительно способен на наивысшие достижения. Он и раньше показывал отличные результаты, но в творческом отношении его игра меня не впечатляла. Теперь я чисто по-шахматному восхищаюсь партиями Карпова. Таких партий Карпов сыграл на Олимпиаде один чуть ли не больше, чем все остальные члены команды, вместе взятые. Когда сегодня предлагают показать что-нибудь интересное из сыгранного в Скопле, мы с трудом находим подходящие примеры, а у Анатолия другая трудность — он никак не может выбрать, какая из его партий наилучшая».

А теперь о том, почему рассказу о XX всемирной шахматной Олимпиаде отведено такое значительное место в книге. Да, в сугубо шахматном плане Карпов к тому моменту уже перерос своих соперников на последних досках других команд, и встречи с ними — события, казалось бы, куда менее значительные, нежели борьба со знаменитыми гроссмейстерами в сильных индивидуальных турнирах. Однако обращает на себя внимание сам стиль побед Карпова на Олимпиаде и то, что как раз с осени 1972 года в большинстве соревнований, где он участвовал, именно партии Карпова были признаны лучшими и его чаще, чем других шахматистов, отмечали специальными призами за самые высококачественные произведения.

«Жареные цыплята»

Вскоре после второй мировой войны выдающийся музыкант Пятигорский, чья жена была чемпионкой Соединенных Штатов по шахматам, организовал в Санта-Монике на свои средства первоклассные соревнования. Потом на смену музыканту пришли коммерсанты. Но всех решил переплюнуть техасский миллионер Чорч, разбогатевший на продаже жареных цыплят и являющийся владельцем торговой фирмы, располагающей большой сетью ресторанов, магазинов и бензозаправочных станций. В конце 1972 года он организовал большой шахматный турнир. Прием был устроен на широкую ногу. Когда шахматисты сходили в Сан-Антонио с самолета, то к зданию аэровокзала они направлялись по специально выстланной красной нейлоновой дорожке. Оказывается, здесь был создан специальный комитет «Красного ковра», занимающийся встречами особенно приятных и почетных гостей.

И все же выполнить намеченную программу-максимум — сделать турнир в Сан-Антонио крупнейшим в истории США — миллионеру не удалось, хотя, конечно же, соревнование это все же стало значительным явлением в международной шахматной жизни.

Не было Фишера (американский мастер Г. Колтановский так объяснил его отсутствие: «Поскольку была опасность, что Фишер потребует в качестве гонорара все дело господина Чорча, мы решили Бобби не приглашать»). Не приехал и другой американский гроссмейстер — Роберт Бирн, которого заменил его брат Дональд. Если же говорить о сильнейших европейских гроссмейстерах, то все они, исключая разве что Хюбнера и Любоевича, собрались в Сан-Антонио.

И все же такой турнир, выходящий по масштабу за рамки рядовых соревнований, имел для каждого участника престижное значение, а для молодого Карпова тем более еще и потому, что будущий чемпион мира мог близко познакомиться с теми, кто вскоре встанет на его пути к шахматному трону. Познакомиться не по записанным партиям, а за доской, подолгу живя с ними бок о бок, открывая для себя сильные и слабые стороны их характеров.

— Поначалу играл я весьма прилично и набрал много очков — семь из восьми. Конкурировали со мной в

этих турах сначала Ларсен, потом Керес. И вот ситуация. Ларсен стоял лучше в партии с Кересом, скорей всего мог выиграть, но отложил с лишней пешкой в ферзевом эндшпиле. Домашний анализ показал, что у Кереса достаточные шансы на ничью. Убедившись в этом, мы, как часто бывает, стали «баловаться» — смотреть разные продолжения, так сказать, «в порядке бреда». Наткнулись на комичный вариант, при котором проигрывает уже Ларсен, если решит идти к победе напролом, сломя голову, уже в абсолютно ничейной позиции. Невероятно, но факт: именно эта самая лишняя пешка не даст его королю вырваться из матовой сети, в которую он сам и залезет. Смешно? Нереально?.. На другой день, гуляя по городу, я заглянул в турнирный зал на доигрывание. И вижу — король Ларсена уже запутался в матовой сети и ему пора было сдаваться! От этого удара Ларсен не сумел оправиться. Вскоре отстал и Керес.

И я вышел вперед. Но затем и меня подвела партия с Портишем, которую я провел весьма неудачно. Где-то мой соперник, игравший белыми, выпустил перевес, но в хорошей позиции я совершил просчет и тут же «сгорел». Любопытно, что мы с Кересом допустили одинаковую психологическую ошибку. Еще по дороге в Сан-Антонио, в Далласе, советские шахматисты повстречали Портиша. Он, давший только что сеанс одновременной игры на 65 досках, выглядел крайне утомленным. Видя, что качество его игры и на этом турнире не очень высокое, мы стремились использовать это обстоятельство, и оба были наказаны. После неудачного старта Портиш набрал в десяти последних турах девять очков (!). Не правда ли, выразительный штрих к портрету?

Сан-Антонио добавил новые детали и к характеристике Энрике Мекинга — «шахматного Пеле» из Бразилии, который в ту пору, несмотря на возраст, известен был не только как шахматист с большим будущим, но и своими, мягко говоря, эксцентрическими выходками. По образному выражению Петросяна, это по его милости «на организацию соревнований «Жареные цыплята» все-таки кинули свою хрустящую тень».

Когда в начале турнира я конкурировал с Ларсеном, Мекинг подошел ко мне и спросил: «Знаете, что я отложил партию с Ларсеном в лучшем положении?» — «Знаю». — «Хочу попросить вас помочь мне при домашнем анализе». Я решительно отказался. Ведь Мекинг на-

деялся на мою помощь потому, что таким способом я сумел бы отодвинуть подальше от себя конкурента. Но чем больше выгод сулит такая сделка, тем она более неспортивна. Впрочем, в партии со мной Мекинг вел себя вполне корректно. Мы играли с ним в последнем туре. После неудачи с Портишем, а затем и с Капланом, где мне не удалось добиться победы, меня догнали Портиш и Петросян. Обычно, когда я иду на обгон, то играю хорошо на финише, когда же лидирую, почему-то притормаживаю: синица уже в руках, и не хочется рисковать. И тут я шел делать ничью, которая гарантировала мне дележ первого места. Мы сели за столик, и я заметил: Мекинг глядит на меня затравленным зверьком. Почему? Он ведь играл в турнире неудачно, и для него последняя партия не имела значения. Но он почему-то волновался больше меня. Потом, почувствовав, что меня устраивает ничья, тут же заулыбался.

Не только иностранцам, соотечественникам тоже все более полно и новыми гранями разносторонней своей личности открывался будущий чемпион. Возвратившись из Сан-Антонио, Петросян, человек характера независимого, которого не так просто заразить чужими увлечениями, рассказывал:

«Боюсь, что общение с Карповым в Сан-Антонио мне дорого обойдется. Оказалось, Анатолий — страстный филателист. Я же никогда ранее собиранием марок серьезно не увлекался. Разве иногда привозил в подарок друзьям марки на шахматные темы и оставлял себе просто так, на память по одному экземпляру. Общение с Карповым, увлеченным и эрудированным собирателем, поколебало мою непричастность к этому хобби. Во всяком случае, вернувшись из Сан-Антонио, я стал считать имеющиеся у меня марки коллекцией и, кажется, впервые назвал несколько марок, купленных для друзей, дубликатами...»

Шутки шутками, а со временем между Петросяном и Карповым, для которого марки давняя страсть, который знает о марках буквально все и коллекция которого сейчас насчитывает десятки тысяч экземпляров, развернулось настоящее соперничество. Возвращаясь из Ниццы со всемирной Олимпиады, Петросян отыскал в Париже редкую и очень дорогую марку и гордо объявил, что у «конкурента» такой наверняка нет. В ответ Карпов толь-

ко усмехнулся и отпарировал, что купил подобную давно и намного дешевле.

...Незаурядный во многих отношениях турнир «Жареных цыплят» был отмечен еще и тем, что здесь состоялась первая встреча Карпова и Фишера. Вот как запомнилась она, эта встреча, младшему по возрасту:

— В тот день мы играли последний тур, и вдруг начало партий почему-то отложили минут на десять-пятнадцать. Не понимая, что происходит, я подошел, кажется, к Кересу и спросил: в чем дело? Он сказал, что ждут Фишера. Мне непонятно было, почему из-за Фишера надо откладывать начало тура. Положено начинать в два часа, мы пришли, сидим, уже десять минут третьего — так почему надо ждать? Он же не участник турнира! А если бы он был участником, ему бы включили часы, и все. И начался бы тур. Но так уж получилось, что в знак уважения к Американской шахматной федерации, к организаторам турнира участники не стали противиться. Сидим, ждем. Появился Фишер вместе с Эйве, затем Фишер поднялся на сцену, поздоровался с каждым участником. Вот и все мои впечатления. А дальше я уже играл и больше Фишера не видел. В тот же вечер он, кстати, и улетел. Могу лишь сказать, что внешне он тогда произвел на меня достаточно приятное впечатление...

Глава IV

КАНДИДАТСКИЙ МАКСИМУМ

Существует такое выражение: «Все мы довольны своим умом и никто — положением». Даже самые скромные люди где-то в тайниках души склонны считать собственные достижения явно заниженными в сравнении со своими возможностями. Точность выводов из самоанализа — редкий дар. Мы уже не раз имели случай убедиться, что Анатолий Карпов им наделен. На каждом из отрезков своего шахматного пути он ставил перед собой очередную задачу, всегда очень значительную и одновременно, как показывали дальнейшие события, выполнимую.

1973 год открывал решающий этап нового цикла борьбы за первенство мира. Сильнейшие приступали к выявлению соперника тогдашнего чемпиона Роберта Фишера. Вместе с лауреатами зональных соревнований и имеющими особые шахматные достижения гроссмейстерами в межзональный турнир решено было пригласить и победителя матча между двумя последними чемпионами мира среди юношей — А. Карповым и швейцарцем В. Хугом. Швейцарская федерация, трезво оценив мизерность шансов своего представителя, уступила Карпову это место без игры, позднее попросив, однако, включить Хуга во вторую межзональную группу в Бразилии...

Карпов так определил свою задачу в межзональном турнире: максимальная программа — первое место, минимальная — место в тройке, дающее право участвовать в претендентских матчах.

Смелый и в то же время гибкий план! Заметьте, верный своему рационалистическому подходу к любому делу, он не наметил цель огульно: «попасть в число претендентов», хотя и она сама по себе значительна и почетна. Он предусмотрел и лучший и худший варианты. Он учел, что оба победителя межзональных групп вместе с финалистами прошлого цикла будут иметь преимущество при жеребьевке над остальными четырьмя кандидатами — теми, кто займет на межзональных состязаниях в Ленинграде и Петрополисе вторые и третьи места. Но и «быть первым и только первым» — так он тоже не сказал себе. Слишком уж дорого может обойтись в конкретной турнирной ситуации погоня за журавлем. Зачастую крохотная дистанция в пол-очка отделяет счастливца от неудачника, оставшегося за пределами премируемой тройки. Ничего не стоит потерять и синицу. Слишком дорог и неоправдан такой риск — следующая попытка может состояться лишь через три года.

Теперь мы знаем: Карпов — и это тоже в его духе — осуществил план-максимум. Но знаем мы и другое. Уже став победителем межзонального турнира, он сказал фразу, которую до сих пор считает своим долгом вспомнить каждый пишущий о Карпове: «Это не мой цикл». Не опровергает ли она того, что говорим мы о точности его самооценки? Или надо отнести эту фразу к разряду тактических уловок с целью усыпить бдительность партнеров?

Нет, Анатолий Карпов остался верен себе и здесь. Хотя за его плечами были уже победы на алехинском мемориале, в Гастингсе и Сан-Антонио, хотя еще до начала ленинградского межзонального он в двухкруговом матч-турнире трех сборных СССР — первой, второй и молодежной — сумел набрать три очка из четырех, взяв их поровну — по полтора — у Спасского и Тайманова. Хотя он завоевал первое место в межзональном турнире, он был искренен в своем заявлении, ибо тогда ему предстояло впервые в жизни встретиться с имеющими богатый опыт матчевых встреч сильнейшими гроссмейстерами именно в матчах. Это совсем особое состязание, со своими законами, своей спецификой. Здесь Карпов был абсолютным новичком.

Однако мы несколько забежали вперед. Вернемся к началу межзонального турнира. Такие турниры всегда пестры по составу. Среди шахматных звезд первой величины обязательно попадается несколько представи-

телей молодых шахматных стран, где шахматная игра еще не слишком развита. От этой пестроты и сложность в распределении шахматистов на два турнира. Очень непросто сделать их хотя бы примерно равными по силе участников.

Бент Ларсен, этот обычно столь бесстрашный викинг, еще до турнира писал переводчику своей книги на русский язык, что весьма расстроен неправильной разбивкой на две группы и с таким настроением ему в Ленинграде будет трудно стать победителем. Приглядевшись к списку участников, Михаил Таль пришел к выводу, что в Ленинград съезжается немало шахматистов, которые любят и умеют играть на максимальный результат в любом состязании. Он предвидел гонку по ухабистой дороге, где успеха добьются не те, кто медленно крутит педали, а кто, крепко держась за руль, давит на них что есть мочи и при этом уверенно сидит в седле, не давая выбить себя из него никаким превратностям судьбы.

А когда репортер попросил Таля назвать вероятную тройку победителей в Ленинграде, тот, согласно кивнув головой, вдруг сказал, что в число избранных обязательно войдет шахматист, которого сегодня еще явно недооценивают. Спасский, отвечая на тот же вопрос, подтвердил: «Двое будут из числа фаворитов, а один — мистер Икс!» Но кто окажется этим загадочным «мистером Икс»?

В середине турнира подозрение пало на чехословацкого гроссмейстера Яна Смейкала. Правда, сделав контрольный 40-й выигрывающий ход против аргентинца Кинтероса, он не успел перевести часы, и ему засчитали поражение. Зато потом он сумел выиграть семь партий подряд. Постоянно пребывая в цейтнотах, этот выдержанный молодой человек находил время пошутить: «Я начинаю волноваться лишь в тот момент, когда флажок на часах уже поднимается».

Во второй раз Смейкала приостановил еще более молодой западногерманский гроссмейстер Роберт Хюбнер. На предыдущем межзональном турнире Хюбнер как раз и оказался тем самым «мистером Икс», нежданно-негаданно выскочившим из-за спин нескольких других кандидатов в претенденты. Его игра на Олимпиаде в Скопле, где он обошел лидеров всех команд, не проиграл ни одной из восемнадцати партий и в двенадцати одержал великолепные победы, давала веские основания полагать,

что именно Хюбнер (вместе с Ларсеном) может помешать кому-то из советских гроссмейстеров добиться успеха.

Но, однако, в Ленинград из Кельна Хюбнер приехал после работы над университетским дипломом, работы, которая почти полгода не позволяла ему прикасаться к шахматам. Хюбнер просил сажать его за столик в самой глубине сцены, где меньше слышен тысячеместный зрительный зал. За этим столиком действовал он чересчур спокойно, без огонька: видимо, разыгрывался. И все же как-то незаметно подкрался к лидерам. Но вдруг был легко побежден совсем еще тогда неопытным кубинцем Эстевесом. Зря Хюбнер не прислушался к словам этого «охотника за гроссмейстерскими скальпами», который, назвав мат, объявленный им самому Талю, чудом, тут же добавил, что, если удастся повторить этот номер еще с кем-нибудь из гроссмейстеров, он, Эстевес, будет считать задачу на турнире выполненной.

В итоговой таблице вслед за четвертым, Смейкалом, пятое и шестое места Хюбнер разделил с Ларсеном. Датчанин в отличие от западногерманского гроссмейстера блестяще стартовал — пять побед и лишь одна ничья с филиппинцем Эугенио Торре. Удивительно, но именно эта потерянная половина очка удручающе подействовала на Ларсена. Он даже убежал тогда от корреспондентов, с которыми всегда был любезен. Правда, датчанин уже успел «приоткрыться» одному из них, отвечая на вопрос, чего ему, Ларсену, не хватает как шахматисту.

— Раньше не хватало объективности в оценке позиции и своих возможностей, сейчас — упущенного времени.

Стоило Ларсену потерпеть поражение в первой же принципиальной схватке, как он зашатался, а вскоре и вовсе упал. Согласно диагнозу Карпова, «когда обостряется конкуренция, у Ларсена просто не выдерживают нервы».

Что же до «мистера Икс», то им оказался американец Бирн. Человек собранный и спортивный, он сумел обойти Смейкала, Хюбнера, Ларсена.

Роберт Бирн готовил эту сенсацию. Иначе как понять сказанное неразговорчивым американцем уже в самом начале турнира: «Я себя считаю человеком, который может многих удивить». И удивил. 45-летний седой гроссмейстер, чей скрытый темперамент, как утверждают его

друзья, прорывается разве что в громовых аплодисментах на балетных спектаклях с участием Майи Плисецкой или Марго Фонтейн.

Что «мистер Икс» появится в тройке, предсказывали. Но чье место он займет? На этот вопрос не брался ответить никто. Однако подразумевалось: во всяком случае, не Таля, одержавшего перед тем длинную серию триумфальных побед. Но...

Когда во время партии лишь привычка бороться с недугом (привычка такая есть, видимо, только у него) позволяет усидеть на стуле, можно больше ничего не объяснять. Уговаривали оставить турнир, но это означало оставить его как минимум на три года, до следующего межзонального. И вот уже сыграна половина партий. Все-таки уйти? Но это означает поставить в таблицу несколько «плюсов» (тех же единиц) борющимся за выход в тройку конкурентам и тем самым создать неравные условия. Последнее усилие — и появляются первые единицы... Но поздно...

А что же Карпов?

Как ни странно, и его положение оказалось сложным. Формула «дома и стены помогают» опасна, если применять ее прямолинейно. Из зала — глаза близких, почти физически ощущаешь их переживания. К тому же, согласитесь, в своем городе труднее избежать отвлекающих встреч с приятелями, приглашений в гости, ответов на вопросы журналистов, которые считают тебя обязанным только им дать интервью — ты же наш, ленинградский. А телефонные звонки! Автографы... Стоило Анатолию остановиться, а не бежать от любителей, как вырастала плотная толпа, из которой долго нельзя было выбраться. И Карпов решительно отказывался давать автографы.

Конечно, все это на первый взгляд кажется несущественным, но, кто знает, может быть, столь полное сосредоточение всех физических, нервных и, понятно, шахматных сил и позволило Карпову показать редкий для соревнований такого уровня результат — $13^1/_2$ из 17.

«Главное, оставаться самим собой» — таков лозунг Карпова с таким добавлением: «Обстановка диктует стратегию». В этих вроде бы не слишком вяжущихся одно с другим высказываниях нет противоречия. Все время он словно опровергал Аристотелево изречение: «Что молодо, не может оставаться спокойным». Не особенно

огорчился вторым (после Е. Геллера) местом в Будапеште, играючи набрал в матч-турнире сборных команд СССР три из четырех, отдохнул в Сочи, отправился в Ленинград на межзональный. Корреспонденту спокойно сказал, что в этом трехлетнем цикле Фишер, возможно, еще останется чемпионом, однако в следующем его победит кто-то из молодых... Спокойная храбрость — качество качеств. И еще характер человека, знающего себе цену и не суетящегося по дороге к цели.

Карпов был не очень доволен жеребьевкой межзонального: надо хорошо стартовать, а тут выпал черный цвет в первой партии с кубинцем Эстевесом. Партия эта была отложена в позиции с определенным перевесом, но соперник сохранял еще явные шансы на ничью. Все дни, предшествовавшие доигрыванию, Фурман анализировал отложенную партию. Потом включился Карпов и, не продумав и минуты, решительно отверг первый же ход проделанного большого анализа. Фурман даже обиделся: «Ты сразу отказываешься от того, над чем я так много работал...» Карпов был категоричен: «Нет, это продолжение я все-таки смотреть не буду». Последующий новый разбор и победное доигрывание доказали: его уникальная интуиция и тут не подвела.

В состязании, где ставки так велики, работа, связанная с приобретением каждого очка, каждой половинки, «подобна добыче радия». Но и среди этих приобретений всегда есть особые, давшиеся еще трудней остальных. Они-то и бывают решающими, они-то вдохновляют, вселяют уверенность, а порой... выбивают из колеи.

Вот некоторые из таких именно партий Карпова.

Встреча с «раненым Талем». К моменту откладывания тот имел, как казалось, реальные шансы на выигрыш.

— Вечером дома я мучительно искал ничью, которая то появлялась, то вдруг куда-то исчезала. У Фурмана кошки скребли на душе, но он старался меня успокоить — доигрывание, мол, не скоро, есть еще время поискать спасение. Слабое утешение. Я заснул тревожным сном...

И случилось то, с чем нередко сталкиваются люди умственного труда, — неожиданный ход, ведущий к спасительному решению, был найден во сне! Перед доигрыва-

нием, продолжая анализ, я вспомнил все свои ночные рассуждения, но не этот злосчастный ход. И только в зале все удалось восстановить полностью. Впрочем, Таль действовал не лучшим образом, и для достижения ничьей сильнодействующего этюдного средства не понадобилось.

Именно после этой партии американец Цукерман, секундант Бирна и друг Фишера, воскликнул: «Ну, если уж он (Карпов) спасает такие позиции, то победить его вообще невозможно!»

...Еще одна партия — с колумбийцем Куэлларом. Такие шахматисты, заранее понимая тщетность попыток борьбы за высокое место, видят свое турнирное предназначение в снятии одного-двух наиболее почетных скальпов. На первых страницах шахматной истории их имена обычно остаются под громким титулом «грозы гроссмейстеров». Кто знает, быть может, именно их лавры виделись Куэллару, когда он неотрывно смотрел на позицию рокировки Карпова. Южноамериканский шахматист в эти минуты действовал в стиле североамериканских хоккеистов: словно канадцы шайбу, вбросил он в «зону Карпова» пешку, а вслед за ней послал несколько своих белых фигур. Защищаться против таких форвардов всегда очень трудно, особенно если они не только любят, но и умеют атаковать. Отражая остроумные угрозы соперника, обычно быстродействующий Карпов попал в цейтнот, но все же, изловчившись, ускользнул с лишней пешкой в руках.

Это очко отняло много нервной энергии и у Карпова и у Фурмана. Когда потом, опаздывая на следующий тур, их машина выскочила на середину улицы и шофер начал сигналить, требуя дорогу, отрешенный от всего вокруг Фурман вдруг устало и рассеянно спросил: «Кто это так сигналит?» И очень удивился, услышав в ответ: «Это мы сигналим».

К финишу очков у Карпова оказалось много, но не отставали и конкуренты. Ясности не было до предпоследнего тура, до встречи со Смейкалом, которому необходима была только победа. И если бы чехословацкий гроссмейстер своего добился, то шансы Карпова на выход в соревнования претендентов, только что такие очевидные, вдруг сразу становились бы проблематичными. Это был по-настоящему критический момент.

— Мой соперник преподнес мне сюрприз, сделав первый ход королевской пешкой. Я решил ответить ему, в свою очередь, тоже сюрпризом и применил в сицилианской защите не очень детально подготовленную идею. Смейкал отлично разобрался за доской и тонкой игрой получил заметное преимущество. Правда, все это потребовало от него большой затраты времени на обдумывание, он не нашел решающего продолжения, а перед самым откладыванием еще и зевнул пешку. Мне по-человечески было жаль его. Но отложенная позиция и мне не гарантировала победы. Недаром Смейкал накануне сказал знакомому корреспонденту, что партию он все равно не проиграет... На доигрывание я опоздал — по дороге сломалась машина, и пришлось добираться на метро и пешком. Войдя в зал, я увидел расстроенного Смейкала — он снова переживал, что накануне упустил столь реальные шансы на победу. В конце концов Смейкал сдался. Это означало, что мне обеспечен дележ первого места.

Я испытывал удовлетворение не только спортивным результатом в ленинградском межзональном турнире, но и чисто творческой стороной своей игры — желанное сочетание для любого шахматиста. Мне удалось пройти всю дистанцию без поражений и сыграть несколько хороших партий, одна из которых — с Кинтеросом — была признана лучшей в турнире.

Так уж случилось, что исход борьбы за первенство мира решился спустя много месяцев в матче шахматистов, разделивших первое место в ленинградском межзональном, в матче Карпов — Корчной. Проиграв единоборство, потерявший объективность Корчной скажет немало желчных слов про своего молодого соперника. После же окончания межзонального турнира в Ленинграде Корчной сделал такое заявление:

«Выиграть состязание претендентов мне вряд ли удастся. Среди моих соперников есть «неудобные» шахматисты. Я вообще считаю, что обыгранное Фишером поколение уже не может с ним успешно бороться. Эта задача по плечу молодежи. Справится ли с ней Карпов? Не знаю. Последние выступления Карпова показали, что как турнирный боец он, видимо, не уступает Фишеру...»

И далее:

«Карпов растет от турнира к турниру. В одном из сво-

их выступлений я сказал, что в этом цикле никто не сможет выиграть у Фишера. У Карпова для этого еще недостаточно опыта и знаний. Может быть, Анатолий Карпов поверил мне и потому сказал журналистам, что это «не его цикл»? Конечно же, намерение Карпова бороться за самое высокое место в межзональном ни для кого не было сюрпризом. В этом турнире он играл более зрело, чем раньше. Карпов становится большим турнирным бойцом, не останавливающимся при необходимости перед риском, способным драться за победу в каждом поединке. При этом он весьма практичен, не допускает грубых ошибок. Игра его напоминает теперь игру Спасского в лучшие годы — собранность в каждой встрече, ровность во всех стадиях партии, отсутствие явных оплошностей».

Сорок первый

Едва развеялся дым межзональных сражений, пять шахматистов, попавших в число претендентов, вновь сели за доски в крупнейшем турнире. Для всех пяти он стал самой настоящей разведкой боем перед матчами, где раньше или позже им предстояло скрестить оружие. Пока же они встретились в Москве, на 41-м чемпионате СССР, который впервые в истории советских шахмат имел такое официальное наименование: «Чемпионат страны (высшая лига)». Это добавление в скобках и предопределило выдающийся, даже по меркам наших чемпионатов, состав турнира, ведь была еще и первая лига, куда допускались гроссмейстеры, относительно неудачно сыгравшие в полуфиналах, и наиболее сильные мастера. В «высшее же общество» — в высшую лигу — вошли четырнадцать участников текущего трехлетнего цикла борьбы за первенство мира (безвременно умершего Леонида Штейна заменил чемпион мира среди юношей Александр Белявский) и победители четырех полуфиналов. Первенство 1973 года сразу же получило и неофициальное название — «Чемпионат чемпионов». Еще бы: за турнирные столики 41-го чемпионата сели абсолютно все лучшие шахматисты страны.

В итоге вся пятерка претендентов оказалась во главе турнирной таблицы, лишний раз доказав закономерность своего претендентского положения и продемонстрировав высокую форму.

А чемпионом стал Борис Спасский. После победы над

Тиграном Петросяном в матче 1969 года это было высшее достижение Спасского, проведшего последние турниры в погоне за «жар-птицей» так предательски покинувшей его спортивной формы. Во время чемпионата секундантом Спасского опять был гроссмейстер Игорь Бондаревский. Союз, распавшийся незадолго до матча с Фишером, возобновился, и многие склонны приписать Бондаревскому, человеку с жестким и требовательным характером, немалую долю в удаче экс-чемпиона мира.

После соревнования новый чемпион страны выглядел усталым.

— А еще говорят, победа в первенстве далась вам легко?..

— Карузо тоже пел легко и свободно, только во время концерта ему часто приходилось менять рубашки, — без улыбки ответил на этот вопрос победитель.

Про игру Карпова в турнире Спасский сказал:

— Хотя Анатолий, как всегда, действовал старательно, у меня сложилось впечатление, словно он все-таки немножко не «доводил» себя. Быть может, связано это с тем, что он уже израсходовал изрядное количество сил в предыдущих соревнованиях, но полной законченности в его игре на чемпионате не было. Однако очевидно, что она у него есть, — потенциально Карпов, бесспорно, сильнее, чем был здесь.

— Впервые в тот год я нацеливался на титул чемпиона страны. Право на такую цель мне давали стабильно высокие разультаты в ряде соревнований после первенства 1971 года.

Но взять первое место помешала мне прежде всего определенная раздвоенность. С одной стороны, хотелось выиграть первенство, с другой — нельзя было полностью «раскрываться», потому что впереди маячил четвертьфинальный претендентский матч с Полугаевским. Необходимо было экономить силы и дебюты.

Начал я, если иметь в виду очки, так здорово, как никогда раньше. И все же даже в тех партиях, которые я выиграл, как, например, с Савоном и Белявским, меня не покидало ощущение какой-то неудовлетворенности собой. Чувствовалось, что игра не очень идет. Порой приходилось просто переламывать себя и партнеров. Так было и в шестом туре, когда я выиграл напряженную партию у Корчного.

Следующая партия — со Спасским — едва не выбила меня из колеи. Я добился хорошей, очень хорошей, а быть может, даже форсированно выигранной позиции. Но не выиграл и вообще чуть не проиграл. Да еще в довершение всего тогда же и простудился. В восьмом туре я совершенно неожиданно проиграл Петросяну. Неожиданно потому, что я уж никак не настраивался на борьбу и ожидал быстрой ничьей. Петросян до этой партии сделал семь ничьих подряд и перед нашей встречей выглядел настроенным весьма миролюбиво. Это поражение стало для меня хорошим уроком на будущее...

Поняв, что моя спортивная и физическая форма оставляет желать лучшего, я не стал насиловать себя, не стал лезть на рожон. Вот почему, хотя и не очень уж был доволен занятым местом, считаю свой результат вполне приличным, тем более что в конце удалось все же преодолеть спад. Очков на финише я набрал меньше, чем на старте, но качество игры было выше.

Думаю, победа Спасского в чемпионате не была столь уж убедительной и многообещающей для него. Экс-чемпион мира стоял проигранно со мной, форсированно мог проиграть Корчному, имел тяжелую позицию против Кузьмина... Проиграй он любому из нас, и выигравший уже делил бы с ним первое место. И еще. Взгляните на таблицу результатов повнимательнее. Кого обыграл тогда Спасский? Всех занявших последние места. Обыграл при помощи старого багажа: скажем, Рашковский, Тукмаков зачем-то играли с ним различные варианты сицилианской защиты, которые Спасский тщательнейшим образом готовил еще к матчу с Фишером, Свешников тоже проиграл в постоянно избираемом им варианте.

Петросян, Полугаевский и я действовали, как велосипедисты на знаменитом тульском велотреке во время спринтерских гонок. Мы следили друг за другом и не стремились уходить вперед, чтобы, как говорят гонщики, «ветер не ударил в лицо». До остальных нам дела не было.

Спасский же вовсю крутил педали. Он выкладывался полностью, не приберегая для матчей претендентов какие-то теоретические откровения, щедро демонстрировал свои планы в ряде систем, сознавая: перед матчами претендентов ему надо почувствовать свою силу. Все предшествующие международные соревнования он провел, я считаю, на низком уровне, возможно, еще сказывалась

депрессия после матча с Фишером. Теперь ему надо было во имя будущего преодолеть психологическую травму, вернуть уверенность, ощутить вкус настоящей победы. И он добился своего.

Для всех претендентов этот чемпионат оказался очень сложным турниром. Фактически у нас вообще нет турниров, где можно экспериментировать. Допустим, я начал бы экспериментировать — а время от времени это необходимо, — но игра не сложилась, и я провалился — тогда на следующий крупный турнир могут уже послать не меня. Так и приходится экспериментировать с оглядкой на результаты.

Полугаевскому, моему предстоящему сопернику, этот турнир был не нужен — он позже других пробился в восьмерку претендентов. Он устал, поэтому играл предельно рационально, хотя обычно вкладывает в шахматную партию все свои силы, все знания. А здесь было видно, что он в общем-то играет вполсилы. Я отчасти тоже играл вполсилы, но не потому, что мне не нужен был этот турнир, — как раз мне нужно было хорошо в нем сыграть. Просто я почувствовал: нахожусь в плохой форме. Хотя в некоторой степени это хорошо, что я еще не вошел в форму. Так как основные испытания начинались после чемпионата. И форсировать форму в ходе турнира, по-видимому, не имело смысла. Полугаевский не хотел показывать все, что он знает о дебютах, и я тоже. Мы следили друг за другом по ходу турнира. Я, правда, у его партий останавливался редко, собираясь их посмотреть потом. Он же часто подходил к моему столику.

И Петросян, конечно, помышлял лишь о том, чтобы не особенно отставать от других претендентов. У него все мысли были о Портише. В их предыдущих встречах явный перевес складывался у Портиша, хотя я не думаю, что в матче это имеет особенно большое значение. Более важным могло оказаться то, что Петросян еще ни разу у Портиша не выигрывал. Это всегда грозит обернуться некоторым психологическим барьером. Впрочем, случается и обратное.

Я полагал, что и Корчной не будет особенно выкладываться. Сначала и он играл вполсилы, но потом его заело, особенно после поражения в партии со мной, в шестом туре он включил передачу на всю катушку и работал в каждой партии с самого начала до конца. Работал и работал. Вообще у него очень многое зависит от

настроения. Если он в хорошей форме и в хорошем настроении, то играет как зверь. А нет формы — он играет на голом честолюбии, и игра ему дается с колоссальным трудом, и он мучает других и ищет виноватых.

Можно было лишь предположить, что если Корчной окажется в нормальной форме и настроении, то Мекинга он победит, если же игра у него не пойдет, то уже первый матч для него будет очень напряженным и неприятным.

До межзонального турнира в Бразилии я бы никогда не решался назвать Мекинга в числе будущих претендентов, хотя не сомневался, что он шахматист талантливый. Но он значительно усилился, очень много работал и сыграл на межзональном турнире достойно.

Мне, конечно, было лестно узнать мнение Мекинга, что, дескать, только он и я можем отнять у Фишера звание чемпиона мира. Я подумал тогда: а в самом деле, неплохо было бы встретиться с Мекингом в финальном матче претендентов... Но это было маловероятно. Я считал, что мы оба — и я и Мекинг — еще достаточно сырые шахматисты, чтобы пробиться в финальный матч. Все мои крупные международные турниры пока что можно пересчитать по пальцам. Это, конечно, очень мало, чтобы реально претендовать на звание чемпиона мира. Надежды вернее возлагать на будущий трехлетний цикл борьбы за это звание. Потому-то я и сказал журналистам: «Это не мой цикл».

По медвежонку ли дерево?

— Претенденты сделали генеральный смотр собственным силам и наметили план последнего этапа подготовки к матчам. Я принял приглашение сыграть на большом турнире в Испании. К предполагаемому моему вояжу Ботвинник, например, отнесся отрицательно. Он считал: чем лучше выступлю я в Мадриде, тем хуже пойдут мои дела в претендентских матчах. У меня было иное мнение. И я не ошибся.

Турнир в Мадриде был первым крупным международным турниром, где мне удалось единолично выиграть первый приз, не поделив его ни с кем. До того долгое время я только цеплялся за первое место, но кто-нибудь непременно становился рядом со мной. Правда, «соавторы» менялись, а я оставался, но все равно делить первое место

мне уже порядком надоело. Именно об этом я думал перед началом турнира, хотя главным образом все же ставил перед собой тренировочные цели.

Для шахматиста название этой страны — Испания — непременно ассоциируется с названием города — Пальма-де-Мальорка. Там в течение ряда лет организовывались большие международные турниры. А в 1973 году турнир проводился в Мадриде — городе, где почти четыреста лет назад, в 1575 году, состоялся первый международный турнир в истории шахмат вообще, турнир, в котором сражались итальянские мастера Леонардо и Паоло Бои и испанцы Лопес и Альфонсо Серон.

— Мадрид оставил на память мне много ярких впечатлений. Особенно запомнилась поездка в Эскуриал — мемориальный дворец испанских королей в Пиренеях. С экскурсией этой связан один комичный случай.

Поехали мы все, кроме Портиша, который прибыл в Мадрид задолго до турнира с женой и, видимо, имел в тот день какие-то личные причины остаться дома. Всю дорогу Уолтер Браун развлекал Ульфа Андерссона и Хулио Каплана тем, что показывал им свои партии. Добравшись до места, мы отправились разыскивать вход во дворец, потеряв из виду тройку увлеченных беседой молодых шахматистов.

Осмотрев дворец в Эскуриале, мы вернулись к автобусу, и я заметил всех трех в буфетике. Они попивали какие-то напитки и вяло передвигали шахматные фигурки. «Во дворце-то были?» — спрашиваю их. «Нет, не были». — «Зачем же ехали за полсотню километров? В шахматы можно и в отеле играть...»

В принципе я ничего, кроме уважения, не питаю к людям, увлеченным своим делом. Молодым советским шахматистам надо учиться трудолюбию у своих зарубежных сверстников. Но я не хочу впадать и в крайности — никогда не соглашусь, что в мире, кроме шахмат, нет ничего иного. Шахматы — это моя жизнь, но не вся моя жизнь — это шахматы...

Условия игры в турнире были своеобразные и нелегкие. Он проходил в одном из холлов первого этажа гостиницы «Кастельяна». Перед каждым туром организа-

торы, заботясь о свежем воздухе, основательно проветривали помещение, и во время дебюта бывало прохладно. Затем небольшой зал постепенно заполнялся, и в миттельшпиле была уже нормальная температура. К концу тура страсти распалялись и, несмотря на строгий запрет, зрители закуривали. Атмосфера сгущалась, становилось душно, и в эндшпиле случались промахи...

Впрочем, зевок в партии первого тура с Помаром я допустил отнюдь не в эндшпиле. У меня было все время чуточку лучше, я хотел многого, а он вроде вообще ничего не хотел. Притупилась бдительность. Я просмотрел несложный удар, и Помар получил качество за пешку. Потом я хотел было предложить ничью, но, поскольку не очень рисковал, решил еще немного поиграть... И выиграл.

Большую часть мадридского турнира я играл, как говорят шахматисты, «на технику», не особенно выкладываясь, помня о том, что предстоит четвертьфинальный матч претендентов с Полугаевским.

Тем временем вперед ушел немецкий гроссмейстер Вольфганг Ульман. После одиннадцати туров за лидером, отстав на очко, двигалась тройка советских шахматистов и Властимил Горт.

— В двенадцатом туре я выиграл у Ульмана. Побед добились и мои соотечественники, и мы все трое догнали лидера. Дело довершил мой тренер, который и сам на следующий день, как бы принимая соперника от меня, тоже обыграл его. Правда, Фурман потом неожиданно проиграл испанцу Рикардо Кальво и не смог поделить со мною первого места. Я же финишировал хорошо, за что был отмечен специальным призом и стал наконец-то единоличным победителем крупного международного турнира. Вообще качеством своей игры я остался доволен и не без оснований с оптимизмом смотрел в будущее, считая, что генеральная репетиция накануне соревнований претендентов прошла удачно.

В один из вечеров в гостиничном холле был вывешен список лучших шахматистов 1973 года, составленный по результатам голосований шахматных журналистов. Мое имя в этом списке стояло первым. Собственно, для меня

это не было неожиданностью, поскольку спортивные результаты всего шахматного года предопределяли такой итог. (Впрочем, то, что было ясно для меня, совсем не было очевидным для некоторых других; один журналист, например, поставил меня в предлагаемом им списке на одиннадцатое место.) На торжественном закрытии вместе с первым призом этого представительного соревнования мне был вручен также международный приз «Шахматный Оскар» — премия лучшему гроссмейстеру года, пожалуй, самая почетная сейчас награда после золотой медали чемпиона мира.

Я взглянул на статуэтку, изображающую герб Мадрида, — забавный медвежонок пытался взобраться на большое, крепкое дерево — и подумал тогда о матчах претендентов, которые меня ожидают... Заберется ли мой медвежонок на вершину?

Глава V

ПРЕТЕНДЕНТ

Чем ближе подбирается альпинист к заоблачной вершине, тем труднее уберечься от головокружения. Карпов встал у отметки «четвертьфинал», у отметки, до которой удавалось в истории шахмат добраться немногим. Но ясность мысли и трезвость оценок остались прежними, «карповскими».

Москва: Полугаевский

— Нас с Фурманом настораживало полное отсутствие у меня опыта матчевых встреч, но все же я считал, что мое положение более предпочтительное. Сам же Полугаевский расценил в печати свои шансы на успех в тридцать пять процентов. Думаю, что он явно поскромничал.

При подробном ознакомлении с творчеством соперника мы с моим тренером установили, что Полугаевский прекрасно играет в позициях, требующих точного, конкретного расчета, и теряется в позициях без конкретного плана, требующих учета каждого хода противника, со всевозможными слабостями и фиксированным пешечным расположением. Дебютный репертуар Полугаевского узок и постоянен для столь классного шахматиста. А по мнению Фурмана, к матчу с Полугаевским у меня уже были достаточно глубокие, хотя, может, и не слишком обширные знания в дебютах. Наш «план кампании» вкратце выглядел так: Полугаевский любит позиции счетного характера — не давать ему их получать на доске. Узость дебютного репертуара соперника облегчала за-

дачу. Внешне матч вылился в ярко выраженную теоретическую дуэль, как и предсказывали многие авторитеты. Конечно, по партиям нельзя утверждать, что мне удалось «похоронить» четырежды встречавшийся вариант сицилианской защиты. Но одно точно — именно этот вариант оказался ключом к Полугаевскому.

Многие после матча порицали Полугаевского за то, что он играл «не свои» позиции, но ведь это была не его вина, а результат наших усилий.

Как видим, все было рассчитано заранее. И шло по плану, тем более что Полугаевского соблазняли получаемые им после дебюта вполне хорошие позиции. Однако он не учел, что «вообще хорошие» позиции могут быть конкретно для него не столь уже перспективными, а Карпов, наоборот, в них отлично ориентировался. Кроме того, наперед зная, что соперник и далее будет применять тот же дебют, Карпов получал возможность с каждым разом все более усиливать варианты.

Впрочем, начало выглядело отнюдь не безнадежным для Полугаевского. Из-за отсутствия опыта Карпов не сразу вошел в игру. К тому же в четвертой партии Полугаевский дома нашел интересную дебютную идею и получил прекрасную позицию.

Вот тут-то, во время четвертой и позже пятой партии, настал критический момент матча. На первый план выступили психология и крепость нервной системы.

Полугаевский на последнем часу борьбы — а это тоже учитывалось при подготовке — из-за постоянных счетных операций часто попадает в цейтнот, нервничает и ошибается. Так и случилось в четвертой партии — он начал выпускать преимущество, достигнутое ценой затраты огромных усилий. Это заметили далеко не все даже самые квалифицированные зрители. В пресс-центре матча многие специалисты тогда недоумевали, почему Карпов не воспользовался вдруг представившейся ему возможностью форсировать ничью. И только хорошо знающий Карпова его товарищ еще по юношеским соревнованиям Балашов с обычной своей невозмутимостью точно поставил диагноз: «А зачем ему ничья? Он уже давно играет на выигрыш».

Выйдя на улицу после того, как эта партия была отложена, Карпов, чуточку удивленный и смущенный, про-

изнес: «Кажется, теперь я выигрываю...» В это еще не очень верилось, но к утру правильность оценки Карпова подтвердилась.

Не успев за ночным анализом ни поспать, ни перекусить, Карпов отправился на доигрывание. Там его ждал сюрприз: Полугаевский избрал продолжение хоть и не сильнейшее, но зато такое, которое Карпов не изучал. Подобная «смена декораций» кого угодно собьет с толку. К чести Карпова, усталый и невыспавшийся, да еще в условиях ограниченного времени, он нашел тонкий путь к победе.

На следующий день сказалось, вероятно, переутомление. Карпов выглядел вялым и играл инертно. Полугаевский — последний раз в матче — сумел пустить в действие свою очередную домашнюю заготовку. Белые получили абсолютно выигрышную позицию. Спасаясь от немедленного проигрыша, Карпов отдал ладью за слона. Тут-то и произошло на первый взгляд невероятное — то, что объясняют везением, гипнозом, колдовством.

Приведу слова Михаила Таля, как раз в этот момент приехавшего в Москву и появившегося в Доме литераторов, где игрался матч: «Зашел сначала в пресс-бюро, посмотрел на позицию. Вижу — Полугаевский должен выиграть... Затем вошел в турнирный зал, посмотрел на сцену — не поверил собственным глазам: Карпов похаживает с таким самоуверенным видом, будто это у него лишнее качество и шансы на выигрыш. Даже слегка улыбается каким-то своим мыслям. А Полугаевский смотрит на позицию с испугом. Э, думаю, так просто он эту партию не выиграет. И точно — куда там выиграть, Лева доигрался до того, что сам должен был радоваться, когда на ничью уполз. Это надо же — так держать себя в руках, как Карпов, в самых тяжелых ситуациях. Соперник это всегда чувствует...»

Так выглядело это из зала. А со сцены?

— А у меня в это время в голове все вертелся и вертелся мотив популярной песни, где есть такие слова: «Все, как дым, растаяло...» Наверное, подсознательно я имел в виду преимущество в счете, добытое с таким трудом в прошлой партии. Тем не менее эта настойчиво повторявшаяся строка из песни меня вроде бы убаюкала. Сидел я как ни в чем не бывало, словно у меня вполне

приличная позиция. И тут Полугаевский, кажется, поверил в мое спокойствие...

Должен сказать, что в матчах вообще — где-то с третьей или четвертой встречи — начинаешь уже как бы ощущать своего противника, его настроение, и его, быть может, даже желания. Иногда угадываешь мысли, по крайней мере, направление, в котором работают эти мысли. Вероятно, и Полугаевский почувствовал, что мне уже ничего не страшно, что я уже внутренне засчитал себе ноль и потому абсолютно спокоен. Но ему-то, ему-то еще надо добиваться победы, и ко мне — не правда ли, забавно звучит в такой ситуации? — вроде бы перешло психологическое преимущество. И это его убило!

Разуваев рассказал мне как-то историю, случившуюся с ним в Югославии. У него был дикий цейтнот в партии с Кинтеросом. Флаг на часах уже начал подниматься, а позиция все еще неясная. У Кинтероса тоже немного оставалось времени, но все-таки побольше. Вот он быстро делает ход, переводит часы. Флаг Разуваева начинает ползти вверх. А тот вдруг берет чашечку кофе, медленно-медленно пьет... и не спеша делает ход. Аргентинец, как увидел все это, враз обомлел, и руки у него даже затряслись. Партию ту он сгубил хода в три-четыре — так на него подействовало спокойствие соперника (а был это никакой не психологический прием, просто у Разуваева вообще реакция замедленная). По-моему, Полугаевский оказался в схожем с Кинтеросом положении. Правда, партию он не проиграл — просто невозможно было, но ничью почел чуть ли не за благо.

Вероятно, имея в виду прежде всего перипетии этой партии, Полугаевский после матча признался: «Сейчас, оглядываясь назад, отчетливо вижу свои промахи, допущенные при подготовке к матчу. Уделив много времени чисто шахматной работе, я не сконцентрировал должным образом свое внимание на необходимости правильно подготовиться психологически». Карпов великодушно согласился, что крупный счет не отражает подлинного соотношения сил, счет этот скорее зеркало психологического состояния его соперника.

Возможно, так оно и было. Но шестая, лучшая в матче партия свидетельствует, что и в чисто шахматном отношении будущий чемпион мира явно превосходил сво-

его противника. Весьма любопытное резюме после матча сделал гроссмейстер Алексей Суэтин:

«Я не хочу сказать, что ни психологическое состояние Полугаевского, ни его дебютный репертуар никак не влияли на исход матча. Влияли, конечно. Но основная причина столь тяжелого поражения — в игре победителя. У Карпова изумительная техника, находящаяся на службе у здорового практицизма. Он играет легко, быстро, точно оценивает позицию, причем создается впечатление, что аналитические весы Карпова куда более чувствительны, чем у его соперников. Многократно отмечалось, что у Карпова маловато опыта. Это справедливо. Но заметьте, как быстро гроссмейстер набирает этот опыт. Студент Карпов, играя, все время учится. И учителя, капитулируя, ставят ему высший балл».

Ленинград: Спасский

Карпова в то время сравнивали с молодым д'Артаньяном, присоединившимся к трем мушкетерам, но фаворитом перед полуфинальным матчем все же считался Спасский. Многим казалось, что в четвертьфинале не столько Карпов победил Полугаевского, сколько тот проиграл как-то сам по себе. Лишь Ботвинник усмехнулся: «Точно так же «непонятно» он обыграет и Спасского». Да осторожный Петросян предрек борьбу «не менее интересную, чем поединок любого из участников с Фишером». Ну а подавляющее большинство прогнозов предвещали победу Спасскому. Правда, месяц спустя их авторам пришлось прибегать к дипломатическому искусству, которое, как известно, состоит и в том, чтобы предсказывать будущие события и уметь объяснять, почему предсказания не сбылись.

Впрочем, гороскопы, обещавшие успех экс-чемпиону мира, были далеко не беспочвенны. Как метко заметил Марк Тайманов, обаяние имени Бориса Спасского в сердцах его многочисленных поклонников не померкло даже после рейкьявикского потрясения. Широта творческого диапазона, гармоничность стиля, спортивное рыцарство, даже внешняя элегантность Спасского — все влекло к нему тогда широкие симпатии. Успех в сильнейшем по составу чемпионате СССР и убедительная победа в четвертьфинальном матче с Бирном стали особенно весомыми аргументами в пользу Спасского. Карпов с его неко-

торой сухостью стиля, рационализмом, сдержанностью и огорчительной для репортеров и публики скупостью высказываний выглядел на этом фоне не слишком респектабельно.

На пресс-конференции перед открытием матча приехавшего в Ленинград Эйве спросили: «Говорят, вы отдаете некоторое предпочтение Спасскому. Почему?»

«С 1969 по 1972 год Спасский выступал мало и не очень-то успешно, — пояснил президент. — Его игру никак нельзя было сравнивать с той, какую он демонстрировал в период своего интереснейшего единоборства с Петросяном. А теперь он вновь обрел былую спортивную форму. Однако, — тут же оговорился Эйве, — в развитии молодых талантливых шахматистов случаются качественные скачки. Трудно угадать, сделает ли теперь такой скачок Карпов. Если сделает, то я не исключу возможность выигрыша им и звания чемпиона мира».

Шахматный стиль Анатолия Карпова Эйве так охарактеризовал:

«Пожалуй, больше других Карпов напоминает Капабланку, хотя есть и одно важное отличие. Когда разыгрываешь партии Капабланки, невольно мелькает мысль: ой, как все просто, и я бы так мог. Партии же Карпова поначалу поражают своей стратегией, кажущейся нелогичностью, но вскоре становится ясно, что как раз в его игре и заключается высшая логика. Так же как и кубинец, молодой ленинградец особенно упорен в трудных позициях; Капабланку и Карпова роднит еще одна черта — крайне редкие проигрыши. В Венгрии, например, вышли две книги: «Капабланка выигрывает» и «Капабланка проигрывает». Первая представляет собой весьма объемистый том, вторая — тоненькую брошюрку. Думаю, что аналогичные книги о Карпове могут выглядеть так же».

На церемонии открытия Карпов сидел в президиуме бледный и поникший. Лишь родители и близкие друзья знали, что он нездоров — температура подскочила до 39. Непосвященные же объяснили его состояние волнением перед встречей с таким грозным соперником. И только на другой день, когда должна была играться первая партия, стало известно, что Карпов болен; матч начался с перерыва. Уж после Карпов и его тренеры сообразили, что с разрешения врача можно было попытаться отложить начало состязания, вместо того чтобы сразу ис-

пользовать один из двух разрешенных регламентом перерывов. Сразу же эта мысль не посетила никого. Пришлось пожертвовать столь дорогим тайм-аутом, который так мог пригодиться в трудную минуту напряженного — из двадцати партий или до четырех побед — матча...

Через день они сели за доску на сцене Дворца культуры имени Дзержинского — уверенный в себе, бронзовый от загара горного курорта, рослый и стройный мужчина и бледный, не оправившийся еще от недомогания и оттого чуть сутулившийся, худенький юноша.

Спасский пришел во Дворец первым. Судья пустил часы белым, но Карпов опаздывал, и Спасский удалился за кулисы. Наконец Карпов появился, присел, быстро двинул вперед королевскую пешку, опять встал. Тут они встретились и обменялись рукопожатием. Полуфинальный матч начался.

Пожалуй, нет в мире более опытного матчевого бойца, чем Борис Спасский. Но и в его богатейшей матчевой практике к тому времени было не так уж много случаев, когда первая партия оказывалась результативной. До этого матча он лишь дважды начинал с побед, еще два раза с поражений, а шесть партий закончились вничью. Одиннадцатый матч начался победой, одержанной к тому же черными. Легко представить себе настроение захватившего лидерство. Можно понять и состояние проигравшего, тем более что много лет Спасский был для него тем человеком, на которого он равнялся.

Уходя после безнадежного доигрывания домой, расстроенный Фурман не забыл, однако, напомнить Карпову, что Фишер тоже проиграл Спасскому первую партию, но это не помешало ему выиграть матч.

На следующую партию народ ломился во Дворец имени Дзержинского. У входа огромная толпа мешала опоздавшим проникнуть в зал. Среди опоздавших был Таль. Пробивая дорогу ко входу, он не преминул взглянуть на демонстрационную доску, выставленную прямо на улице. Посмотрел...

«И не поверил глазам, — делился потом своими впечатлениями Таль. — Неужели это репортаж из Одессы, со второго полуфинала, и Петросян опять играет черными? Лишь в такой «комбинации» была возможна отчетливо просматривающаяся защита Каро-Канн. Все оказалось реальнее и одновременно фантастичнее... Это Карпов на 1. e4 ответил 1... c6».

Чтобы понятным было недоумение Таля, нам надо возвратиться назад, к тому времени, когда матч еще не начался, а «в штаб-квартире» Карпова разрабатывалась операция под кодовым названием «удары с обеих рук».

Опыт прошлых матчей Спасского показывал: надеясь на свое преимущество над партнерами в миттельшпиле и окончаниях, он готов дать любому из них фору в дебюте и не очень тщательно готовился к матчам в дебютном отношении. Потому и было решено применить против него как можно больше различных неожиданных схем. Чтобы успешно использовать такую тактику, Карпову пришлось проделать огромную предварительную работу. Никто не представлял себе объем этой работы. Так, знаток дебютов Е. Геллер писал тогда: «Анатолий Карпов по разносторонности своему сопернику уступает. Это проявляется, в частности, в ограниченности дебютного репертуара. Белыми Карпов играет только 1. e4, а черными придерживается одной-двух систем...» В ту пору Геллер еще не мог знать, что молодой гроссмейстер уже совсем не тот, каким он себе его представляет. Так же судил о Карпове и Спасский. И ошибся.

Встретившись во второй партии с неожиданным ответом на первый ход, Спасский уже на семнадцатом предложил ничью. Белыми. И это после столь бурного старта!

— Могу лишь предположить, — рассуждал тогда Карпов, — что Спасский, видя мое болезненное состояние, просто пожалел меня. Спортивное благородство всегда его отличало. Но возможно и другое объяснение, более правдоподобное. Защита Каро-Канн, которую я применил впервые в жизни, оказалась для Спасского полной неожиданностью, и он решил до времени воздержаться от активных операций. Вряд ли до начала матча он надеялся на бескровную победу. Но после легкого выигрыша стартовой партии у него, думаю, сложилось превратное впечатление о моей игре вообще. Этот выигрыш сослужил ему плохую службу.

...То, что случилось со Спасским, не новость в шахматах — Петросян после утери звания чемпиона мира ошеломил всех признанием: «Никогда не прощу себе, что выиграл у Спасского первую партию нашего матча!»

Нечто подобное бывает не только в шахматах. Карпов, которого во время футбольного первенства мира 1974 года поразила команда Голландии («Вот у кого все фигуры работают!»), сказал затем о выигрыше Спасским первой партии:

— Его, как и голландцев в финальном матче с командной ФРГ, вдруг самого разоружил столь легкий гол в мои ворота «на первой же минуте».

До мачта со Спасским его молодой соперник совершенно не был уверен в том, что ему удастся добиться окончательного успеха. Вера в успех росла по ходу борьбы, и огромную роль в этом сыграли сначала вторая, а потом и третья партии, показавшие, что «план кампании» избран единственно верный. Получив передышку, выздоровев и убедившись, что все идет нормально, Карпов заиграл в свою настоящую силу. Спасскому, вообще говоря, принадлежит огромная роль в популяризации так называемого «психологического уклона» в шахматах. Но теперь он встретил в Карпове достойного последователя, который в этом отношении пошел еще дальше.

Бондаревский, долголетний тренер Спасского, немало сделал для создания мифа о психологической устойчивости своего подопечного. Еще в 1966 году Петросян в первом мачте на первенство мира со Спасским поставил это утверждение под сомнение. Позже никому долго не удавалось воспользоваться этим уроком, так как психология вступает в действие лишь при соизмеримости чисто шахматных сил соперников. Спасский же был сильнее и только в лице Фишера в 1972 году встретил шахматиста, который, обладая громадной практической силой, сумел найти и ключи к отнюдь не такому уж устойчивому характеру Спасского. Отбросив, разумеется, методы «психологической войны» Фишера, Карпов в чисто шахматном плане пошел по схожему пути: меняя дебютные схемы, он не позволял сопернику как следует подготовиться дома, заставлял его нервничать.

...Совершенно неожиданно Карпов сыграл в третьей партии 1. d4 и после оживленной борьбы сравнял счет. Потом две напряженные ничьи и победа черными при доигрывании шестой партии...

Фурман был убежден: главной причиной поражения Спасского в матче с Фишером явилось то, что он уступал в дебюте:

«Уроки матча Фишер — Спасский были, разумеется, учтены нами при подготовке к полуфинальному поединку Карпова со Спасским. Отсюда «премьера» на ленинградской сцене защиты Каро-Канн, неожиданный отказ Карпова в ряде партий от первого хода королевской пешкой... Были у нас и другие задумки, но матч закончился задолго до двадцатой партии. Вышло так, что Спасскому, как и раньше Полугаевскому, не удавалось получать свои любимые позиции».

Но это схема. На деле все было куда сложней.

Упустив ничью при доигрывании шестой партии, расстроенный Спасский был полностью переигран в седьмой. То ли близость желанной развязки повлияла на Карпова, то ли все-таки — единственный раз в матче! — сказалась его молодость: он в один момент принял импульсивное решение, и в отложенной позиции у него уже не оказалось выигрыша.

— Не помню, чтобы когда-нибудь я не побеждал в позициях, до такой степени подавляющих, — сетовал Карпов. — А когда дома после многочасового анализа убедился, что приходится соглашаться на ничью при помощи вечного шаха, было до горечи досадно. Не мог заснуть и до рассвета искал себе занятие. В восьмой партии черными попал под страшную атаку. Таль даже сказал мне тогда, что он не знает, выиграл ли бы он эту партию белыми, но черными проиграл бы наверняка и очень быстро. И все же мне удалось защититься. В девятой явилась прекрасная особенность шахмат: положение любой фигуры, пусть хоть в варианте, обязательно влияет на оценку позиции.

А началась эта девятая так. Как обычно, мы поздоровались, оба по привычке поправили фигуры, арбитр пустил часы. И я сыграл 1. e2 — e4, вернувшись к тому самому ходу, после которого проиграл первую партию. И Спасский вдруг судорожно двумя руками начал с совершенно отрешенным видом снова, по второму разу, поправлять и без того аккуратно стоящие фигуры. Занервничал... Скорее всего и этот удар последовал с неожиданной стороны. Дело в том, что в отличие от Фишера, который менял дебюты после относительных неудач, я, наоборот, отказывался от схем, которые приносили успех. Так, в одиннадцатой партии белыми я

Встреча с Генеральным секретарем ЦК КПСС,
Председателем Президиума Верховного Совета СССР
товарищем Леонидом Ильичом Брежневым.

Юный Толя Карпов дает сеанс одновременной игры (1966 г.).

Члены сборной команды школьников России — Геннадий Тимощенко, Анатолий Карпов и Юрий Балашов. 1966 г.

Матч СССР — Югославия. За шахматной доской самый молодой в стране мастер спорта Анатолий Карпов. *Рядом* — Михаил Штейнберг.

Анатолий Карпов — чемпион мира среди юношей.

Представители новой волны — Рафаил Ваганян, Владимир Тукмаков, Олег Романишин, Борис Гулько.

На конгрессе в Ницце чемпионы мира Анатолий Карпов и Нона Гаприндашвили.

За игрой Анатолия Карпова наблюдают Тигран Петросян и Михаил Таль.

«Белая ладья» — в «Артеке».

Перед дальней дорогой...

Х. Печ (Испания) вручает Анатолию Карпову очередного «Оскара».

Чемпион мира и юный шахматист Володя Севастьянов (Камчатка).

«На самом краешке земли»... Вулканологи Камчатки знакомят чемпиона мира с достопримечательностями родного края.

Сеанс одновременной игры в Петропавловске-Камчатском...

На защите диплома.

Среди делегатов XVIII съезда ВЛКСМ.

Сеанс.

Фото В. Мусаэльяна, В. Галактионова, В. Кутырева, М. Харлампиева, Д. Донского, ТАСС и из семейного архива Карповых.

сыграл уже 1. d2—d4. Спасскому, вероятно, было довольно тяжело готовиться к встречам со мной...

Широко известно по-своему замечательное высказывание Спасского: «Для меня шахматы — это прежде всего справедливая игра. Если вы допустили ошибку, даже не обязательно шахматную, а, скажем, чисто человеческого свойства, например, проявили пренебрежение к партнеру, легкомыслие, то за доской обязательно должны понести возмездие!»

После мачта с Карповым экс-чемпион мира мог бы повторить эти слова, отнеся их на свой счет, и подытожить ими свое поражение. Он не сумел вовремя понять, какую могучую силу набрал его партнер и как шахматист, и как психолог.

Предсказания Полугаевского

«Я был расстроен, узнав, что жребий свел меня с Карповым. Понимал, что мне предстоит тяжелейшее испытание — матч с уникальным шахматистом. Но я, естественно, не считал, что у меня нет никаких шансов. Я видел до матча свои определенные козыри. Однако в ходе игры выяснилось, что я свои козыри выпустил — так было, например, в четвертой и пятой партиях, — а Карпов взял все, что представилось».

Спустя два месяца после этого Карпов вышел уже против Спасского. Газеты пестрели прогнозами. «Советский спорт» опубликовал и мнение Полугаевского, который писал о «третьем рождении Спасского», о том, что экс-чемпион мира снова сумел нацелить себя на длинную дорогу борьбы. Он писал и о том, что его природной выдержке может позавидовать любой. И делал вывод: «Многие гроссмейстеры считают Спасского более сильным. И я думаю, что Спасский глубже, динамичнее, разностороннее Карпова. Но, так сказать, в абстрактном шахматном исчислении, вне тикающих рядом шахматных часов, вне обстановки борьбы, вне разницы в возрасте. А с учетом всего этого я не возьму на себя смелость быть столь категоричным в утверждении о победителе. Матч мне представляется исключительно трудным для обоих противников, где огромную роль сыграют те бесконечные нюансы, предусмотреть которые заранее

невозможно. Особо интересен матч еще и потому, что в нем сталкиваются два сильных характера, один выработанный, другой природный».

Матч окончился в пользу Карпова.

«Да, я опубликовал в «Советском спорте» статью, в которой вроде бы не отдавал предпочтения Карпову, — объяснял потом Полугаевский. — Да, прямых прогнозов в статье не было, но тот, кто стремился глубже вникнуть в смысл моих суждений, мог понять, что я не только не исключал, а скорей даже предсказывал победу Карпова. И если уж на то пошло, мои домашние и мой тренер Владимир Багиров знают, что я даже допускал большой перевес Карпова. Почему? Качество игры Спасского в чемпионате страны, хотя он был первым, лично у меня вызвало определенные сомнения. И в матче с Бирном, хотя Спасский и на этот раз победил, его игра была далеко не безгрешной. Карпов же от турнира к турниру набирал все более высокий класс. К тому же я предполагал, что Спасский вряд ли сможет оценить Карпова объективно — тут нельзя доверять тому, что видишь на поверхности, у Карпова все скрыто в глубине. Плохую службу Спасскому сослужил и мой матч с Карповым: Спасский мог сделать вывод, что в отдельных партиях Карпова спасало лишь чудо...»

Определенные противоречия, которые придирчивый читатель, быть может, усмотрит в позиции Полугаевского, объяснимы. Коррективы вносит время — класс Карпова возрастал с поразительной быстротой.

Любопытно, что Полугаевский, еще готовясь к встрече с Карповым и просмотрев тогда около 250 его партий, нашел немало общего у Карпова с Фишером. Оба они в дебюте играют «в прямые шахматы». Какой смысл вкладывал Полугаевский в это свое определение? И Фишер и Карпов готовы вступить в принципиальный теоретический спор... когда верят в правильность своей дебютной линии. А верят в это они почти всегда — они применяют обычно только тщательно продуманные и отшлифованные продолжения в заранее отработанных ими системах. В то же время техника Фишера и Карпова исключительно высока, и трудно найти в ней изъяны, хотя играют они, пожалуй, быстрей всех сильнейших гроссмейстеров.

«Молчание» Спасского

После матча 1972 года с Фишером он почти не давал интервью. Правда, перед началом очередного претендентского цикла Спасский, только что выиграв чемпионат СССР, сказал буквально следующее: «Мне очень нравится Карпов. Прежде всего тем, как он плотно играет. Он дает содержание, действует с напряжением, у него есть законченность. Плотность... Плотность шахматного мышления. Бывают яркие звезды, но мерцающие, а он — ровного света».

И еще перед самым отъездом в Ленинград на матч с Карповым, отвечая на вопрос о своем сопернике, он говорил: «Впервые я встретился с Анатолием Карповым за шахматной доской в конце 1965 года, когда вместе с гроссмейстером Игорем Бондаревским мы дали сеанс одновременной игры юношеской команде Российской Федерации. Партия с Толей оказалась довольно интересной и закончилась вничью. Карпову было тогда всего четырнадцать лет, однако по сообразительности и быстроте реакции он заметно превосходил своих более старших товарищей. Любопытно, что в постановке партий и дальнейшем ведении игры уже в то время бросались в глаза необычные для его возраста солидность и серьезность. Сейчас многие эксперты связывают с именем Анатолия Карпова завтрашний день наших шахмат. Молодой гроссмейстер, несомненно, обладает большим талантом и выделяется среди восходящих звезд своими ровными и высокими достижениями. Манера игры Карпова всегда основана на трезвой оценке позиции — его не прельщают внешние эффекты. Можно добавить, что ленинградский шахматист имеет хорошо продуманный дебютный репертуар». Далее, отдавая должное видному теоретику гроссмейстеру Фурману, шахматному наставнику Карпова, Спасский акцентировал внимание на крепких нервах и воле к победе своего соперника.

А на вопрос о том, допускает ли он возможность неудачи в этом матче, Спасский ответил: «Меньше всего я думаю о спортивной стороне поединка. Главное — понять, что представляет собой Карпов как претендент на шахматную корону. Если я увижу, что он понимает шахматы глубже меня и рассчитывает варианты точнее, то приму возможную неудачу спокойно. Она не вызовет у меня досады. Тем более что все мы должны быть гото-

вы к тому, чтобы уступить свое место молодым талантам. Впрочем, я надеюсь лет пять или шесть сохранить свои позиции. Если мне удастся выиграть соревнования претендентов, то к матчу за шахматную корону приду в другом настроении, чем два года назад. Тогда я растратил свой нервный заряд еще до того, как сел за столик на сцене Дворца выставок в Рейкьявике. Теперь постараюсь не повторить старых ошибок».

Эти прежние высказывания Спасского позволяли понять многое, в том числе и уверенность экс-чемпиона мира в своей победе над Карповым, которого он ставил при этом достаточно высоко. И конечно, обыграв Карпова в первой же партии и уже подумывая о будущем матче с Фишером, Спасский никак не мог предположить, что через месяц все кончится его поражением.

После полуфинального матча Спасский и вовсе перестал высказываться публично, словно дал обет молчания. Вот все, что удалось от него услышать по телефону после окончания матча с Карповым:

— Сейчас ничего не могу сказать. И не знаю, когда скажу.

Мнение Таля

«Победа Карпова над Спасским по целому ряду причин на меня произвела еще большее впечатление, чем выигрыш Корчного у Петросяна. Еще раньше я отмечал, что в одесском матче многое будет зависеть от того, кто захватит инициативу в свои руки, кто сумеет навязать свою манеру ведения боя. В ленинградском поединке меня прежде всего интересовал вопрос, как перенесет первое поражение Карпов, не привыкший получать нули, не имеющий иммунитета к проигрышам.

И вот первая же партия. Она продолжалась достаточно много ходов, но Карпова в этой встрече почти не было видно; слабый силуэт его показался только в конце. Спасский победил за явным превосходством. К тому же эта злосчастная простуда и вынужденный тайм-аут. Честно говоря, я думал, что, несмотря на все показное внешнее спокойствие, Карпов начнет «разваливаться». В слове «показное» нет ничего обидного — Карпов все время на виду, а это, поверьте, непросто. (Полагаю, когда он говорил, что нынешний цикл розыгрыша мирового первенства — не его, то внутренне очень желал обмануться.)

Я думал: ну Карпов хороший защитник, ну начнет упираться и все-таки после такого поражения теперь уж наверняка проиграет матч. И вот вторая партия, потом третья... Сначала защита Каро-Канн, затем 1. d2—d4. Это уже, знаете ли, речь не мальчика, но мужа. Вспоминаю свой матч 1965 года со Спасским. Меня уговаривали где-то после пятой партии: «Бросай ты свое e2—e4. Меняй пластинку. Отвлеки его». Но я тогда уже «завелся». А сегодняшний Карпов хотя и помоложе того Таля, да не завелся.

Дебютный репертуар Карпова поставлен, будто голос у очень хорошего певца. И он бережет его. Когда Толя играл со мной в последнем чемпионате СССР, он, вероятно, опасаясь, что я могу сыграть сицилианскую защиту с d6 и a6 (делаю я это довольно часто), отказался от 1. e2—e4. Ларчик открывался просто: Карпову предстоял четвертьфинальный матч с Полугаевским, шахматистом, в чей дебютный репертуар прочно входит сицилианская защита, — так зачем же заранее раскрываться? Кстати, он все время действовал подобным образом. В той партии с Карповым я задумался над тем, как играть черными, поскольку дома предполагал, что соперник пойдет пешкой от короля. На всякий случай решил сыграть славянскую защиту. Мол, хочет делать ничью — пускай меняется на d5. Ну а если не хочет... Я играю эту позицию примерно пятый раз в жизни (последний, кажется, году в 1952-м), а он будет играть впервые. Поставил Карпов со мной дебют, как Фурман с Кузьминым. И вообще многие его начала — защита Нимцовича, староиндийская — по всем контурам напоминают постановку дебюта Фурмана. В этой стадии молодой шахматист верит своему наставнику совершенно беспрекословно. И верит не зря. Семен Абрамович исключительно здорово чувствует дебют и вообще по пониманию игры шахматист огромный...

. И что же Борис? В любом элементарном наставлении по психологии сказано, что успех следует развивать. Но как бы не так! Выиграл Спасский первую партию, а во второй — почти демонстративный отказ от борьбы. Ну хорошо — противник сыграл Каро-Канн, ну пусть неожиданность. Но неужели нет способа белыми попытаться захватить инициативу, самому уйти от апробированных схем? Ясно, что Каро-Канн не случайно появился в репертуаре Карпова, ясно, что просмотрены

партии Спасского, — так делай вывод, сам уходи в сторону. Борис же сыграл так, что Карпову, строго говоря, не понадобилось ни одного труднонаходимого хода, чтобы уравнять позицию. А разыгрывание Спасским староиндийской защиты в третьей партии? Все не так, как следует в этом варианте...

И вот что интересно. С Полугаевским в начале матча у Карпова игра или получалась, или не получалась, удавалась или не удавалась; иногда он «выскакивал», иногда что-то упускал. То же со Спасским. И потом — взрывной финиш, который я склонен объяснить укрепившейся по ходу соревнования верой в себя.

Потрясающее впечатление произвела на меня концовка девятой партии. Когда шахматист находит единственный ход (все остальные ходы проигрывают), ему ставят два восклицательных знака. Это вполне понятно: заслужил. Но как оценить, когда шахматист из многих хороших продолжений выбирает такое, после которого сразу становится очевидно — оно, именно оно выигрывает! Мы в пресс-бюро смотрим за Спасского возможную жертву пешки, доказываем, что она недостаточна и что, преодолев трудности, белые все же должны победить, а Карпов делает ход, после которого и жертвы-то никакой нет, и вообще у черных нет ничего. И вопросов больше нет. Окончание девятой партии производит совершенно неизгладимое впечатление. Меня в общем-то удивить довольно трудно. Но Толя сделал это, затратив на десять или восемь прекрасных заключительных ходов минут этак пять.

Десятую и одиннадцатую партии матча я попросту не берусь комментировать. Особенно последнюю. Она точная копия двадцать первой партии из матча Спасского с Фишером в Рейкьявике. Там Борис провел все заключительные встречи с какой-то выжимкой, с надрывом. Старался, старался, старался... Не получилось! Нет, он не махнул рукой на результат — это его рука сама махнула. Спасский скорее всего хотел и дальше играть изо всех сил, он из тех шахматистов, которые сознательно не сдаются. Случилось это подсознательно...

Прошу прощения за невольные параллели и воспоминания, от которых не могу отделаться. Однако состояние Спасского мне знакомо. Это же было со мной в двадцать первой партии матча-реванша с Ботвинником. Когда я садился за доску, то считал, что, даст бог, я

выиграю эту, двадцать первую, потом белыми — двадцать вторую, вдруг получится — двадцать третью, а в последней — уже будет игра. Все так, только ту самую двадцать первую я играл, словно ребенок, и был подвергнут заслуженной экзекуции. Наверное, выиграй я ее, следующую играл бы лучше. Не получилось! И у Спасского не получилось ни против Фишера, ни против Карпова.

Полуфинальный матч был практически закончен в восьмой партии, когда Спасский не смог ее выиграть. Лично я ни на секунду не сомневался, что эта партия после атаки Спасского, начатой ходом 24. h6, скоро эффектно закончится. А после хода 25... Кf6 (Карпов его сделал достаточно быстро) выигрыша не нашлось. Это удар еще больший, чем иной проигрыш. Когда такие позиции не выигрываются, начинаешь терять уверенность. В голову лезет всякая чертовщина типа: «А можно ли вообще у него выиграть?»

«Можно ли у него выиграть вообще?» Вопрос этот после матчей с Полугаевским и Спасским воспринимается не как «лезущая в голову чертовщина», а всерьез и в полный рост встал перед шахматным миром. Не одну партию выиграть, а матч. И вопрос не умозрительный, а сугубо практический. Трехлетний цикл борьбы за шахматное первенство мира подходил к своему пику. Предстоял финал, а далее матч за шахматную корону. Делегатам очередного конгресса ФИДЕ, который должен был состояться в Ницце — столице XXI шахматной Олимпиады, — было предложено выработать регламент матча между Фишером и победителем финальной встречи претендентов.

Ницца: Олимпиада и конгресс

Два финалиста претендентских матчей, три экс-чемпиона мира и один «просто» гроссмейстер — Геннадий Кузьмин — таким был состав нашей сборной на очередной шахматной Олимпиаде. Анатолий Карпов, выступавший на первой доске, мечтал встретиться с Фишером. Но лидер американской команды в Европу не поехал...

Все резонно ожидали, что шахматисты СССР будут иметь значительное преимущество, и действительно, вско-

ре из Ниццы начали поступать лаконичные, как военные сводки, сообщения о победах советских гроссмейстеров на Олимпиаде. Рекордное число — 73 команды были распределены на этот раз на восемь предварительных групп. По два коллектива из каждой такой группы попадали в главный, второй, третий и последующие финалы. В своей предварительной группе советская команда никаких проблем не имела — четыре матча были выиграны с «сухим» счетом, в двух потеряно всего по пол-очка и еще в двух — по очку. Опередив соперников на восемь очков, команда СССР уверенно заняла первое место и вышла в главный финал.

В финалах последних олимпиад основными конкурентами советских шахматистов в борьбе за золотые медали неизменно становились команды Венгрии и Югославии. И здесь казалось, что венгры могут составить сильную конкуренцию. Однако этого не случилось. Вскоре выяснилось, что венгерские шахматисты не выдерживают длительной нагрузки и их команда работает чересчур импульсивно. Замечено к тому же, что настроение коллектива слишком часто зависит от позиции Портиша: когда он выигрывает, все другие тоже действуют с подъемом, когда проигрывает — унывают. В третьем туре филиппинцу Торре удалось победить Портиша — проиграла и вся венгерская команда, которая так до конца и не смогла оправиться от этого неожиданного удара. Югославы, в свою очередь, проиграли венграм уже на самом старте и после этого все время находились на почтительном расстоянии от лидера и вели борьбу только за второе место.

У советских же шахматистов на сей раз никаких срывов не было. Умело маневрируя своим ровным составом, где запасные участники не уступали основным, команда СССР все больше и больше отрывалась от конкурентов. Восемь матчей подряд выиграли в финале советские гроссмейстеры, прежде чем была сделана первая ничья (с венгерской командой). Но к этому моменту сборная СССР уже шла впереди с отрывом в четыре очка.

...Центральное помещение Дворца выставок, где проходил турнир, залом назвать трудно. Это скорее огромный крытый стадион, зеленый ковер которого придает ему сходство с футбольным полем. Там, где на стадионах обычно расположена одна из меньших трибун, —

грандиозная контурная карта мира. А в центральном кругу этого «футбольного поля» ввысь, под купол, откуда спускаются многочисленные флаги, уходит колоссальная белая ладья. Когда Любоевич впервые вошел в этот турнирный зал, он восторженно воскликнул: «Если бы Фишер видел, где ему предстоит играть, он, безусловно, согласился бы участвовать в Олимпиаде!» По оценке участников, помещение это было идеальным для игры. Довольны были и зрители, получившие возможность следить за каждой партией с близкого расстояния.

Под стать обстановке в зале была и вся атмосфера Олимпиады. Погода в Ницце — этом едва ли не самом фешенебельном европейском курорте — всегда превосходная, и, освободившись от игры, шахматисты с удовольствием присоединялись к отдыхающим на Лазурном берегу. Здесь происходило множество забавных историй. В числе зрителей на Олимпиаде, например, постоянно находились знаменитый в прошлом теннисист Педро Гонзалес и известный киноактер Омар Шариф, который считается также одним из сильнейших в мире игроков в бридж. Но на этот раз они разыгрывали между собой бесконечные шахматные матчи. Проходили они с явным перевесом Гонзалеса. «Надеюсь, теперь вы убедились в том, что теннис обладает гораздо большим интеллектуальным потенциалом, чем бридж», — торжествующе сказал он на прощание своему партнеру...

Праздничное настроение не покидало и наших гроссмейстеров, и их тренеров: ничто не могло помешать команде завоевать приз, установленный для победителей Валери Жискар Д'Эстеном, президентом Франции.

Рассказывает Карпов:

— В полуфинале я довольно легко выиграл все свои четыре партии. В финале, в первом туре, когда Уильямс из Уэльса сдался мне, его товарищи сочли это решение преждевременным: «Карпов никогда не сдался бы в такой позиции, будь он на твоем месте». — «Будь он на моем месте, — возразил Уильямс, — он бы никогда не получил белыми такой позиции!» Потом я «по привычке» обыграл Горта. Он вообще со мной почему-то тяжело играет... А когда Вольфганг Унцикер из ФРГ так порусски вслух обругал после нашей партии свою позицию «с этим дурацким черным конем, который никак не мог выпрыгнуть из клетки», то я от неожиданности чуть не свалился со стула.

...Итак, никто даже не мечтал оспаривать у советской команды золотые олимпийские медали. Но за серебро и бронзу шла ожесточенная борьба. Югославам удалось доказать, что они по праву считаются второй шахматной державой мира. Американцы догнали болгар и по числу побед выиграли спор за бронзовые медали. Для команды США, выступавшей без Роберта Фишера, третье место было несомненным успехом.

Оставим, однако, в стороне чисто спортивную сторону шахматного праздника в Ницце. А расскажем о конгрессе ФИДЕ, который заседал здесь же и был приурочен к ее пятидесятилетию. Главный вопрос, обсуждавшийся на конгрессе, — о предстоящем матче за мировое первенство между Фишером и победителем финального матча советских гроссмейстеров.

Но давайте начнем с конца, с той чудной южной ночи, когда в роскошном городском парке состоялось празднование и фейерверк в честь закрытия конгресса и Олимпиады.

Многоцветная, многоголосая, многоязыкая толпа. Гулко стучат каблуки танцующих. На эстрадах соревнуются оркестры. Мелодии национальных французских танцев и ритмы ультрасовременной музыки. Чопорные костюмы и вызывающие шорты и майки с автографами знаменитых шахматистов. Пестрота звуков, расцветок, впечатлений...

Но прислушайтесь к разговорам шахматистов — участников бала. Все ведут речь только об одном — о предстоящем матче за шахматную корону. Неразлучные швед Андерссон и голландец Тимман считают, что Фишер выйдет на матч за свой титул. Надежда югославских шахмат Любоевич полагает, что Фишер боится сесть за доску, что чемпиона преследует психологическая неуверенность, или, как говорится, «болезнь старта». Американец Ломбарди говорит: «Если Фишер снова, как в Рейкьявике, пригласит меня в секунданты, я, конечно, пойду. Но, возможно, он играть не станет». Уже позже, по дороге в Париж, старейший аргентинский гроссмейстер Найдорф недоумевал, почему, если Фишер отказывается от своего титула, финальный матч претендентов проводится не по регламенту матчей за мировое первенство.

Неужели и впрямь Фишер не станет играть?

Всякое повидавший Петросян, усмехаясь, говорит:

— Эти господа все сделают, как пожелает Бобби, и Фишер сядет за шахматный столик на тех условиях, какие он им продиктует.

Ну а вот и Эд Эдмондсон, директор-распорядитель Шахматной федерации США. Высокий и моложавый, стоит он в кругу многочисленных почитателей с бокалом легкого вина. Отставной подполковник ВВС США, человек сильный, умный и хитрый. Неожиданно для всех он избрал карьеру шахматного деятеля.

— Что намерена предпринять Шахматная федерация США, чтобы без борьбы не потерять титул чемпиона мира? — спросил его советский журналист.

— Молиться! — отвечает Эдмондсон, но выражение его лица отнюдь не набожное. — Молиться за Фишера, хотя он и подвел нашу команду, не приехав на Олимпиаду. Впрочем, мы довольны третьим местом, которое могло бы стать вторым, если бы ваши шахматисты играли более сильно с нашими конкурентами. Но вы ведь этого никогда не напишете...

— Почему же? Обязательно напишу, как напишу и то, что ничьи в матче американцев с венгерскими, например, шахматистами явились результатом еще менее напряженной борьбы, — быстро ответил журналист.

Эдмондсон ласков и предупредителен, однако интервью не получается.

Откуда ни возьмись появляется маленький, в очках, со сбитым набок галстуком Фред Крамер. Американский адвокат, человек, близкий к чемпиону мира, явно навеселе.

— Спрашивайте меня, я на все вопросы могу ответить, — просит он и тут же сам начинает быстро-быстро говорить. — Глупый конгресс. Они убили матч за мировое первенство. Я знаю гроссмейстеров, которые плакали оттого, что не увидят Фишера за доской...

— По-вашему, такой матч не состоится?

— Фифти-фифти.

— Значит, сохраняется все-таки пятьдесят процентов за то, что Фишер одумается?

— Нет. Ставлю половину за то, что ФИДЕ не пересмотрит свое решение.

— А почему он вообще не играет? Может, болен?

— Ерунда! Ему просто не создают приемлемых условий. А физические и шахматные кондиции у него пре-

восходные. Играет в теннис и много работает над шахматами. Живет полной жизнью. У него семь комнат, он принимает гостей... Но, но, но... — вдруг останавливает себя качнувшийся Крамер, — Бобби не простил бы мне, если бы узнал, что я заговорил о его личной жизни.

— Чемпион мира...

— ...Фишер — чемпион мира по правилам ФИДЕ, но он уже себя таковым не считает.

Здесь самое время раскрыть читателям содержание телеграммы, которую Роберт Джеймс Фишер прислал в адрес конгресса ФИДЕ, когда узнал, что его требования не поддержаны делегатами.

«...Мне стало известно, что мои предложения большинством голосов были отклонены. Тем самым ФИДЕ высказалась против моего участия в чемпионате мира 1975 года. Поэтому я слагаю с себя титул чемпиона мира ФИДЕ».

Не просто чемпиона мира, а «чемпиона мира ФИДЕ»! Этот нюанс в телеграмме Фишера уловили все, кто ознакомился с ее дословным содержанием. Короче, выдающийся гроссмейстер недвусмысленно угрожал выходом из Международной шахматной федерации.

...Рекомендация Центрального Комитета ФИДЕ, который заседал перед Генеральной Ассамблеей, была четкой и вновь подтвердила ранее принятые решения: «Матч на первенство мира проводится до шести побед одного из участников при общем лимите в тридцать партий; если ни одному из соперников по истечении тридцати встреч не удастся добиться шести выигрышей, победителем признается ведущий в счете; в случае равного счета после тридцатой партии чемпион мира сохраняет свое звание».

Еще накануне начала работы Генеральной Ассамблеи Фишер направил свое первое «послание конгрессу». Говорят, что телеграмма, которая официально зачитана не была, содержала 803 слова и отражала позиции чемпиона по ряду вопросов, главным образом по регламенту матча за мировое первенство. Американские делегаты на конгрессе скрупулезно выполняли наказ своего гроссмейстера и высказывались буквально по каждому пункту. К примеру, Крамер настаивал на том, чтобы арбитр матча, «который видит слишком много», не имел права выступать в печати как журналист не только во время соревнования, но даже и после него. Будущего

главного арбитра «спасло» замечание одного из членов бюро ФИДЕ: «Мистер Крамер не умолкает и на три минуты, а хочет, чтобы судья матча молчал всю свою жизнь».

Но чего же все-таки добивался Фишер?

Он хотел, чтобы матч проводился до десяти побед одного из соперников (а не до шести, как было решено ранее) и общее число играющихся партий не ограничивалось, а при счете побед 9 : 9 чемпион мира сохранял бы свое звание.

Не нужно иметь специальной математической подготовки, чтобы сообразить: речь идет о начальном преимуществе в два очка, какое желал получить для себя Фишер. В самом деле, нельзя же при таких условиях выиграть у чемпиона 10 : 9, а как минимум, только 10 : 8.

В шахматном мире давно появился парламент — конгресс ФИДЕ, однако шахматный король пытался поставить себя над этим парламентом или, по крайней мере, заполучить право «вето», которым сможет пользоваться бесконечно!

На заседаниях конгресса царила более чем демократическая обстановка, бравшие слово говорили подолгу и по нескольку раз выходили на трибуну. Каждое появление Эдмондсона на трибуне происходило как-то незаметно, он шел на сцену будто к себе домой.

— Пункт повестки дня — играть матч за мировое первенство до шести или до десяти побед, — говорил он, — вызовет, видимо, большую дискуссию. Надо бы сделать перерыв, подкрепиться, перекусить, — и тут же американец направлялся к выходу.

Вы видели тренера баскетбольной или волейбольной команды, когда он берет тайм-аут? Игроки собираются в кружок, а он, чье каждое слово ловится и запоминается, — он словно хочет обнять всех своих игроков, подбодрить упавших духом, охладить пыл чрезмерно разгорячившихся... Умелый тренер Эд Эдмондсон во время перерыва переходил от одной группы делегатов к другой. А потом, когда перерыв кончался, он проходил по проходу вдоль рядов и, беззвучно шевеля губами, считал «свои» голоса.

Итак, шесть или десять? Крупнейшие шахматные державы, преимущественно европейские, говорят: шесть. Страны Американского континента и представители Азии, где пока мало известных шахматистов и где не

все понимают, что матч может превратиться в соревнование на выносливость, — те говорят: десять.

За игру до шести побед проголосовали 24 делегации, до десяти — 26, 12 воздержались. Но предложение играть без лимита провалилось с треском. Принят был компромиссный вариант — играть матч до десяти побед с лимитом в тридцать шесть партий. В остальном прежняя рекомендация Центрального Комитета ФИДЕ оставалась в силе.

...Вот тут-то и пришла вторая телеграмма Фишера, «постановляющая часть» которой уже цитировалась. После того как телеграмма эта была зачитана на одном из последних заседаний конгресса, страсти разгорелись с новой силой. Мексиканский делегат, как представитель одной из стран, берущихся за проведение матча, убеждал пойти на уступки Фишеру:

— Очень плохо, если матч на мировое первенство будет организован вне рамок ФИДЕ. Давайте не забывать, что именно Фишеру шахматы и ФИДЕ во многом обязаны своей возросшей популярностью, и давайте не будем ограничивать общее число партий.

— А вы действительно уверены, что это будет последняя уступка Фишеру? — последовал вопрос из зала, оставшийся без ответа.

Ультиматум Фишера, не пожелавшего лично прибыть в Ниццу, многих задел за живое. Вот как выступил темпераментный крепыш из Доминиканской Республики, неожиданно повлиявший на настроение представителей ряда стран Центральной и Южной Америки:

— Я знаю, что сказанное мною сейчас уменьшит число моих друзей... Я являюсь личным другом Бобби и преклоняюсь перед его интеллектом, перед его всегдашней твердостью в защите своих жизненных принципов. Но сегодня мы, подобно шекспировскому герою, стоим перед выбором: «Быть или не быть?» Действительно, мой друг сделал много для шахмат, но сейчас надо решать: «Или ФИДЕ, или Фишер».

Прения грозили стать бесконечными. Но председательствовавшего на конгрессе М. Эйве, кажется, убедили слова делегата из Туниса:

— Если идти по пути пересмотра своих же только что принятых решений, то уже сегодня следует переизбрать и президента ФИДЕ.

И все же последним на сцену прорвался Крамер,

Из-под какого-то кресла он извлек заранее припрятанную там пластиковую табуретку. Взобравшись на нее и возвысившись таким образом над трибуной, он долго просил снять пункт об ограничении общего числа партий в матче на первенство мира. Спустившись, Крамер на глазах у всех уговаривал отдельных делегатов. Некоторые согласно кивали головами, но позже, в момент голосования, их почему-то не оказалось в зале. Результаты этого (тогда казалось, последнего) референдума: за пересмотр прежнего решения — 17, против — 35, воздержались представители 12 стран.

Эд Эдмондсон в заключительном слове сказал:

«Во-первых, я думаю, мы достаточно устали, и пора со всем этим кончать. Теперь по поводу только что принятого решения. Интересы США не были поддержаны, и мы потерпели поражение. Мне жаль, что большинство проголосовало против нас. Но я хочу сказать ребятам из Доминиканской Республики и другим, которые изменили прежним взглядам: от этого они не стали нашими врагами».

Конгресс ФИДЕ направил Фишеру послание, в котором просил его одуматься и пойти навстречу многомиллионному шахматному миру.

Но давайте снова вернемся в праздничный парк...

...Обычно долгий шум раздражает Карпова. Тем не менее в Ницце, на самом берегу Средиземного моря, в парке, где чествовали победителей всемирной шахматной Олимпиады, где громыхала музыка и не умолкали голоса «массовиков-затейников» из парижского телецентра, он поначалу выглядел полностью раскрепощенным и откровенно веселым. Но по мере того, как гостеприимные хозяева с чисто французской непосредственностью все усложняли рекламные трюки, с лица Карпова начала стираться улыбка. А когда его и Спасского усадили за диковинные шахматы и красавица француженка (говорят, мисс Франция-72) попыталась водрузить в центр доски свою серебряную туфельку, тут уж Карпов и вовсе укрылся под привычную броню строгой сдержанности. В конце праздника он вроде бы уже казнился — зачем, дескать, мне все это?

Потом неожиданно предложил: «Пройдемся?» И, оставив удивленную компанию, быстро — он всегда торопится — зашагал вдоль берега.

Сначала шли молча, потом разговорились.

— Как в университете?

— Это что, интервью? — косится Карпов, но тут же примирительно усмехается: — Приходится чаще брать тайм-ауты. Впрочем, вот недавно сдал английский, который может пригодиться в любой момент.

— Да, на конгрессе реплики тебе подавали в основном по-английски...

Лицо Карпова становится жестким, губы самолюбиво сжаты, как на тех снимках, где он отказывался позировать.

На конгрессе ФИДЕ Карпов решительно выступил против пересмотра правил розыгрыша первенства мира. Кое-кто из делегатов его перебивал, да и председательствующий не поддержал, а, наоборот, заметил, что он-де повторяет говорившееся прежде. Карпов сердито покраснел, молчал почти минуту и уже совершенно спокойно добавил: «Рассматриваю эти реплики как неуважение». И спустился в зал, где ему аплодировали некоторые из тех, кто только что мешал договорить.

— Я бы на твоем месте!..

Карпов бросает на меня такой взгляд, что сразу становится неловко за свое дипломатическое невежество.

Уже совсем светло, часов пять утра.

— Пора спать — как-никак у тебя спортивный режим!

— Да ничего, завтра не играть. И вообще я с детства привык ложиться поздно.

От берега разволновавшегося Средиземного моря дорожка поворачивает к отелю «Меридиан». Глянув на плящущие неоновые буквы, Карпов вдруг тихо говорит:

— Эх, сейчас бы уральских пельменей — мама здорово их готовит!

Глава VI

БОЛЬШАЯ ИГРА

Оценки и прогнозы

Александр Алехин в свое время говорил, что знает многих, умеющих играть на выигрыш, и очень мало таких, которые умеют играть на ничью. Позже соотношение это резко изменилось — к сожалению, в пользу тех, кто поклоняется «его высочеству полуочку». Но логика спорта, как правило, приводила на высшие ступени шахматной иерархии лишь тех, кто обязательно стремился к победе. Так было во все времена.

...Рассудительный и внешне спокойный Карпов отвергает гроссмейстерские ничьи:

— Для меня шахматы — это прежде всего борьба. Поэтому во главу угла я ставлю спортивное начало.

Как видим, цель — обязательная победа. А каковы средства достижения этой цели?

Доктор медицинских наук Виктор Малкин, много наблюдавший известных шахматистов, утверждает, что они делятся на людей интуитивного и логического (аналитического) склада мышления.

Карпов куда ближе к интуитивным шахматистам. По определению ученого, «интуитивное мышление развивается на основе неосознанного обобщения накопленного опыта». Неосознанного! Вот почему блестящую интуицию демонстрируют порой «вундеркинды», которые накапливают опыт стремительно и к которым многие относили Карпова. Однако назвать его полностью интуитивным шахматистом все же нельзя — он чет-

ко и быстро считает, уверенно чувствует себя в осложнениях и, кстати, вполне осознанно обобщает накопленный опыт.

Во время всемирной шахматной Олимпиады в Ницце голландец Ян Тимман отметил, что Корчной по-прежнему попадает в цейтноты, Карпов же, наоборот, действует легко, с большим запасом и никогда не испытывает недостатка времени на обдумывание. Именно это, по мнению Яна, определит то преимущество, которое Анатолий Карпов будет иметь в предстоящем финальном матче. Швед Ульф Андерссон и венгр Лайош Портиш считали шансы соперников примерно равными. Опытнейший аргентинский гроссмейстер Мигель Найдорф отдавал предпочтение Карпову, а чехословацкий гроссмейстер Властимил Горт, обратив внимание на постоянную высокую спортивную форму Карпова (что, кстати, подтвердила и Олимпиада), в то же время сделал предположение, что Корчной в Ницце несколько берег силы, уверенный, что советская команда и без его «лишних очков» будет первой. Горт утверждал, что финальный поединок станет «борьбой нервов».

Сравнительно охотно оценивая плюсы игры обоих претендентов, советские гроссмейстеры тем не менее свои окончательные выводы чаще всего делали осторожно. Лев Полугаевский отметил, что на стороне Карпова возраст, стабильность результатов, постоянный и неуклонный прогресс («Со Спасским он играл уже значительно сильнее, чем со мной...»). Евгений Васюков видел неоспоримые плюсы Карпова в постоянстве его высокой спортивной формы, а Корчного он назвал шахматистом неожиданных возможностей («Корчной — единственный, кто сумел до сих пор нанести Карпову целых два поражения»).

Эдуард Гуфельд: «Перед каждым матчем Карпова я отдавал предпочтение его многоопытным соперникам и... ошибался. Возможно, я ошибусь снова». Марк Тайманов говорил о ровности игры и растущей силе Карпова и о том, что его соперник порой все же слишком «раскрывается». О возможном победителе он вообще как бы не захотел говорить и ограничился утверждением: «По-моему, Карпов рано или поздно будет чемпионом мира». Кстати, это высказывание в известной мере перекликалось с мнением знаменитого датчанина Бента Ларсена — тому по шахматному стилю

ближе был Корчной, но рассудок подсказывал: «Карпов».

Давид Бронштейн полагал, будто все уже давно предопределено сравнительной степенью подготовки обоих претендентов, о которой непосвященным ничего не известно.

«Да, будущее лучше всего известно самим участникам матча. Но Карпов ведь сам сказал, что это пока еще «не его цикл», — заметил экс-чемпион мира Василий Смыслов. Ушел от ответа и прежде такой категоричный в оценках Михаил Ботвинник...

Ни в одном соревновании Карпов не терпел пока еще более двух поражений, а матч должен был играться до пяти побед кого-либо из соперников (правда, число партий ограничивалось двадцатью четырьмя). Неуклонно поднимавшаяся вверх линия Карпова, на которой обозначены только первые или близкие к ним места, а рядом синусоида Корчного, отмечавшая неимоверные перепады спортивной формы. Эти и другие данные «табели о рангах» были заложены в электронную машину одного из московских институтов. Машина «присудила» победу Карпову со счетом 5 : 2...

А что думали сами участники финального матча?

Незадолго до его открытия прохожие на улице задали Корчному вопрос, кто выиграет: он или Карпов? Тот резко и твердо ответил: «Выиграю я!» Это было самовооружение и самоутверждение человека, который сознательно укреплял свою волю и свою веру. Недаром Михаиль Таль подметил, что никогда ранее не видел неистового Корчного таким рассудительным и хитрым, как в этом цикле розыгрыша мирового первенства. Всю свою шахматную жизнь он торопил время, а теперь время заторопило его — ведь ему было уже 43 года!

Цель жизни Карпова в спорте — корона чемпиона мира, и он никогда не скрывал этого. Но, как читатели уже заметили, у молодого гроссмейстера куда более сдержанный характер, чем у его зрелого соперника. В метро трое бравых парней, узнав Карпова, попросили у него автограф и спросили, как он сыграет этот матч. «Будем играть...» — уклончиво ответил Карпов.

Большинство обозревателей задавались риторическим вопросом: молодость или опыт? В римскую армию времен Юлия Цезаря набирались воины от 25 до 40 лет, этот возраст считался оптимальным для тяжелых рат-

ных дел. Старший из финалистов этот возраст уже превзошел, а младший его еще не достиг. Однако духовная стойкость, благоразумие, удивительный талант Анатолия Карпова сделали его старше своих 23 лет.

Оба соперника «вооружались». Не последнюю роль играла в этом вооружении и общая физическая подготовка. Немало раньше писалось о том, каким хрупким выглядит Карпов. И теперь в подмосковном доме отдыха, где Анатолий готовился к матчу, он с упоением купался в озере, вполне квалифицированно греб, в его комнате рядом с ракетками для бадминтона лежала книжка известного гимнаста Шахлина с советами, как стать сильным. И в то же время под Ленинградом ежедневно делал зарядку и бегал кроссы окончательно бросивший курить Корчной — тоже совсем не тот, который когда-то терял сознание на занятиях физкультурой.

На «ход» — полминуты

Необычное интервью перед началом финального поединка Анатолий дал еженедельнику «64». Условия гроссмейстеру были поставлены «жесткие»: время на обдумывание каждого вопроса — 30 секунд. Замешкаешься более чем на полминуты, и будет записана просрочка времени и согласно шахматным правилам — «баранка» — ноль.

Карпов выдержал условия безукоризненно — осечек не было.

Ознакомившись с текстом этой необычной беседы, режиссер, народный артист СССР Юрий Александрович Завадский воскликнул, что перед ним законченный портрет Карпова — наисовременнейшего молодого человека, наделенного редким самообладанием и целеустремленностью. Карпов, по его мнению, бесконечно верит в свои жизненные принципы, о чем свидетельствуют молниеносные уверенные ответы на вопросы порой интимные и самые неожиданные.

Интересно, увидят ли читатели то, что разглядел в ответах Анатолия Карпова выдающийся режиссер...

Итак, интервью.

— За что ты любишь шахматы?

— Ну и вопрос! Они же для меня — все!

— Твой идеал в шахматах?
— Идеалом может быть лишь образ собирательный. Ближе всего к нему подходит, по-моему, Капабланка.
— Что главное в игре — импровизация или анализ?
— Это зависит от характера позиции.
— Лучше атаковать или контратаковать?
— По духу мне ближе контратака, но если подвернется атака — не откажусь.
— К какой фигуре питаешь тайную слабость (не считая, конечно, самого короля)?
— К той, которая лучше всего выглядит на доске.
— Мучает ли призрак цейтнота?
— Нет, не мучает.
— Веришь ли в проблему трудного соперника?
— Пока нет.
— Самое радостное событие в жизни?
— Надеюсь, оно ждет меня впереди.
— Самое большое огорчение?
— Н-не помню... Такой вопрос — и всего тридцать секунд на обдумывание... Нет, не помню. Что же, пусть эта моя первая «просрочка времени» станет моим последним огорчением.
— Чем занимаешься после поражения?
— Тем же, что и после победы.
— А после трудной победы?
— Еще некоторое время нахожусь в игре, анализирую, но вскоре непременно стараюсь полностью отвлечься.
— Твоя самая трудная партия вообще?
— Встреча с филиппинцем Торре в отборочном турнире юношеского первенства мира 1969 года. Она решала, быть или не быть мне в финале. Партия складывалась сначала хорошо для меня, потом — не очень, потом — снова хорошо, затем — плохо, откровенно плохо, безнадежно... При втором доигрывании удалось добиться необходимой ничьей.
— Представь ситуацию: решающая партия назначена на понедельник, тринадцатое число, дорогу тебе перебежала черная кошка...
— Тринадцатое число для меня счастливое — это я проверил много раз. Кошку обойду не из суеверия, а чтобы не думать о том, что будет, если не обойду...

— Веришь ли в случайности в игре?

— Да. И в игре, особенно на высшем уровне, они могут повлиять на шахматную судьбу. Однако со случайностями, как и с судьбой, можно и нужно бороться.

— Ты танцуешь, куришь, выпиваешь?..

— Танцую, но плохо. И не люблю. Даже в юности не баловался курением и другим не советую. Выпиваю только по общим большим праздникам и по своим — малым.

— Любимое блюдо?

— Уральские пельмени, их мама здорово готовит.

— Время года?

— Зима и лето. На Урале, где я родился и вырос, другие времена года коротки, вот и привык.

— День недели?

— Суббота: впереди — воскресенье.

— А месяц?

— Май — много праздников, да и родился я в мае.

— Какие места нравятся больше всего?

— О, таких много. Озеро Тургояк в Челябинской области, куда на выходные дни ездил с родителями, — природа Урала столь же красива, как Подмосковье. А из городских районов — стрелка Васильевского острова и Кировский проспект в Ленинграде, Московский Кремль, своеобразен и ни с чем не сравним Париж...

— В каких странах бывал?

— Могу назвать абсолютно точно — в пятнадцати.

— А где хотел бы побывать?

— Всюду, куда закинет шахматная судьба и где не бывал.

— Самое веселое воспоминание из зарубежной поездки?

— В 1971 году в Пуэрто-Рико мы всей нашей студенческой сборной ухитрились втиснуться в малюсенький «фольксваген» и отправились на пляж. Незаметно все «обгорели», да так, что двигаться не могли. А тут финал начинается. В турнире участвовали девять команд — нечетное число. Значит, какая-то одна в каждом туре будет отдыхать. Я выхожу тянуть жребий — и достаю первый номер. Ура! Мы завтра свободны от игры!

— Учебный предмет, который был или остается для тебя самым интересным?

— В школе — математика и география, сейчас — политэкономия.

— Кем мечтал стать в детстве?

— Как говорят родители, летчиком, обещал всех покатать на самолете.

— Кем бы стал, если бы не был шахматистом?

— Стал бы... шахматистом.

— Кем бы хотел видеть своих детей?

— Стоит ли об этом сейчас думать?

— Назови наиболее уважаемую, на твой взгляд, профессию.

— Врач.

— Твои увлечения, хобби?

— Их много: книги, филателия, спортивные зрелища, кино, театр — словом, все, что помогает играть хорошо в шахматы.

— Любимый писатель?

— Лермонтов.

— Кинофильм?

— Киноэпопея «Освобождение».

— Певец или певица?

— Больше других, пожалуй, Муслим Магомаев.

— А книга?

— Романтические поэмы Лермонтова и «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова.

— Любимый вид спорта?

— Как болельщик люблю игровые виды. Нравятся гимнастика, легкая атлетика.

— Футбол?

— Любимой команды нет, «болею» за тех, кто хорошо играет.

— Спортсмен, который нравится?

— Брумель и Ботвинник — люди, которые снова и снова побеждали не только соперников, но и себя.

— Мешает ли популярность?

— Во многих случаях да. Не дают отдохнуть.

— Сколько часов в день уделяешь шахматам?

— Смотря сколько времени осталось до соревнования. Вообще же плодотворно можно работать максимум до пяти часов в день, а дальше уже начинается работа с малой отдачей.

— Будешь ли когда-нибудь тренировать?

— Не уверен. Тяжелое занятие. Из меня не очень хороший учитель. Многие вещи давались легко, и я, наверное, не смогу «почувствовать» человека, который не понимает то, что для меня естественно.

— Действует ли реакция зала во время игры?

— Безусловно, мешает.

— А поведение соперника?

— Нет, не очень. Хотя если он ведет себя неприлично, то это неприятно.

— Много ли у тебя друзей?

— Не так просто найти друга, а тем более шахматисту. Друзей немного, но надеюсь, все они верные, и стараюсь платить им тем же.

— Какие черты тебе нравятся в людях?

— Целеустремленность и умная смелость, а в женщинах — красивая скромность.

— А наоборот: черты, наиболее неприятные?

— Лживость и трусость.

— Твой любимый герой?

— Герой нашего времени.

Двадцать четыре поединка

Матч проводился в лучших залах Москвы, часто переезжал с места на место, отчего и прозван был «матчем на колесах». Первая часть его проходила в Колонном зале Дома Союзов. Интерес к встрече популярных гроссмейстеров был так велик, что порой приходилось перекрывать движение транспорта в непосредственной близости от Дома Союзов. Уже на торжественном открытии свободных мест не было. После приветственных слов главный арбитр гроссмейстер Альберик О'Келли из Бельгии, старательно говоря по-русски, огласил важнейшие пункты регламента и приступил к жеребьевке. Карпов достал из конверта табличку с фамилией своего соперника, передав ему таким образом право выбора цвета. Тот с нарочитым интересом стал вглядываться в глаза арбитра... и угадал: в левой руке О'Келли оказалась шкатулка с белой пешкой. Это означало, что в первой и во всех нечетных партиях белыми будет играть Корчной.

...Пресс-центр соединен со сценой четырьмя телевизионными экранами. Группами расположившись вокруг

шахматных досок, гроссмейстеры и корреспонденты анализируют позиции, периодически поглядывая на экраны. Пожалуй, в начале матча (до своего отъезда на международный турнир в Манилу) наибольшее внимание в пресс-центре привлекал к себе Петросян. Корреспонденты то и дело обращались к нему: «Тигран Вартанович, а как надо играть?» — «Когда я это знал, то сидел на сцене, а не здесь», — отшучивался экс-чемпион мира.

После напряженнейшей ничьей в первой партии Карпов одержал блистательную комбинационную победу во второй.

При всей условности многих дебютных названий в толстенных шахматных справочниках они порой оказываются удивительно меткими и остроумными. Так, систему сицилианской защиты, разыгранную во второй партии матча, давным-давно окрестили «вариантом дракона». И впрямь — вглядитесь-ка в причудливые контуры черной пешечной цепи, родившейся сразу после дебюта, — вы явственно различите изогнувшееся тело затаившегося чудища...

При рокировках в разные стороны все или почти все решают скорости встречных атак на обоих флангах. Белые, не считаясь с жертвами, уже много раз хоронили этот вариант, опережая соперника с атакой против его короля. Однако «дракон» снова и снова оживал, больно ударяя своим пешечным хвостом в центре и на ферзевом фланге слишком беззаботных игроков. Вот и теперь гроссмейстер Е. Васюков, знаток этого варианта, наблюдая за тем, как Карпов пошел на форсированное продолжение с жертвами пешек, заметил: «Или черные отобьются и медленно выиграют, или быстро проиграют».

Карпов блестяще провел атаку, и эта разновидность дракона (вариант встречается и в других «подвидах») была повержена, по мнению многих, всерьез и надолго.

После искрометного второго поединка третья партия выглядела несколько пресноватой. Но и в ней отчетливо просматривался подспудный драматизм. Вообще же многие ничейные и на первый взгляд ничем не примечательные партии в матчах на высшем уровне содержат глубокий психологический подтекст. И дело даже не только в ходах соперников, но и в их поведении, реакции на происходящее вокруг. К примеру, когда на одно из доигрываний Карпов опаздывал, Корчной на сцене

старательно и демонстративно спокойно вчитывался в журнал «Юность»...

Новая, если можно так выразиться, кульминация наступила в шестой партии, когда Корчной черными применил недостаточно подготовленный «русский вариант». Еще в дебюте он задумался сначала на сорок минут, а вскоре и еще на пятьдесят! Исход встречи был предрешен: попадать против Карпова в цейтнот — дело безнадежное. Некоторые зрители никак не могли понять, почему Корчной думает над весьма очевидным продолжением. (На самом же деле он думал уже над тем, что вскоре придется сдать партию.)

Особенно удачно угадывал ходы соперников присутствовавший на шестой партии знаменитый балетмейстер Игорь Моисеев — страстный любитель шахмат и практически очень сильный игрок, установивший свой персональный приз для победителя матча — шахматы редкой работы.

«А хотите, я расскажу, как познакомился с Фишером? — спросил Моисеев, и журналисты загорелись от нетерпения. — Это было в 1958 году, во время наших первых гастролей в Нью-Йорке. После одного из выступлений ко мне за кулисы прошла молодая женщина и, поблагодарив за концерт, спросила, не хочу ли я познакомиться с ее младшим братом. «Ему всего пятнадцать лет, — сказала она, — но он уже самый сильный шахматист Америки». Мне представили Бобби Фишера. Не помню, о чем мы с ним разговаривали, помню только, что я предложил ему сыграть в шахматы. Юноша с улыбкой согласился. К сожалению, в театре не нашлось шахмат. Если бы я знал, какого партнера теряю!» — закончил свой рассказ знаменитый балетмейстер.

Седьмой партией началась длинная серия ничьих. Они были далеко не мирными, как и сама седьмая партия, первая в этой внешне унылой веренице «половинок».

— Именно седьмая по счету партия во всех моих предыдущих матчах — и с Полугаевским и со Спасским — оказывалась какой-то странной. С Полугаевским, к примеру, эта партия могла стать последней в матче, потому что к тому времени я вел со счетом 2 : 0. Я постепенно переиграл соперника и уже, видимо, в вы-

игранной позиции упустил шансы. Затем со Спасским. Более выгодную позицию представить трудно: и пешка лишняя, и позиционный перевес, и ходить черным нечем. Но — тоже ничья! С Корчным я опять добился заметного перевеса в седьмой, но в решающий момент опять-таки победа выскочила из рук. Говорят, число «семь» счастливое. Верь после этого приметам!

Начиная с седьмой партии последовала серия из десяти ничьих подряд. В этой серии одна партия резко выделяется среди остальных, это тринадцатая. Считаю ее одной из лучших в матче. Я играл черными. До тридцатого хода все шло очень хорошо. Соперник избрал неудачный план, и я получил перспективную позицию. Но после тридцатого хода мы оба попали в цейтнот. Я все еще продолжал делать ставку на выигрыш, хотя реальных перспектив на успех уже не было. В сильном цейтноте мы перестали записывать ходы и сделали на три или четыре хода больше, чем положено до контроля. Кажется, на сорок третьем ходу я в последний раз упустил вариант, форсированно приводивший к ничьей. Вернее, не упустил, а опять-таки намеренно отказался от него. Выяснилось, однако, что я неправильно оценил позицию (скорее всего находился под впечатлением того, что происходило на четырнадцать-пятнадцать ходов назад), и партия была отложена в очень тяжелой для меня позиции. При доигрывании все же удалось избежать поражения. Увы, это одна из немногих партий, хорошо проанализированных в матче. Двенадцать первых ходов сделаны по анализу. Противник попал в следующий цейтнот — в этой партии все контроли проходили для него тяжело: как только кончался контроль, падал флажок, он задумывался примерно на полчаса над первым же ходом после контроля, попадал в следующий цейтнот, и так до девяносто шестого хода. И полной неожиданностью для него оказалась позиционная «ничейная стойка». Очень интересная позиция получилась: у Корчного лишняя пешка, все фигуры активны и один ход до превращения проходной пешки в ферзя. И... нет выигрыша. Безусловно, огромное разочарование для атакующего.

...Любопытно было наблюдать пресс-центр во время этого доигрывания. Большинство считало, что соперник Карпова вот-вот одержит победу, и лишь Полугаевский,

сам отличный защитник, видя, как обороняется Карпов, то и дело произносил: «Колоссально!» Время шло... В руках уставших корреспондентов появились новые бланки для записи (один такой бланк рассчитан на восемьдесят ходов). Для партии, шедшей на побитие всех рекордов, готовились заголовки вроде «Первая сотня позади!» или «100-ходовая война». Но вот в переполненном Центральном шахматном клубе (там проходило доигрывание) на демонстрационных досках перестали воспроизводиться ходы претендентов, часы пробили десять вечера. Как раз в это мгновение в закрытой комнате, где доигрывалась партия, к шахматному столику сделал шаг арбитр, державший в руках конверт. Над своим девяносто шестым ходом размышлял Карпов. Поскольку время игры истекло, записывать ход было предложено ему.

Однако «второго сеанса» доигрывания не последовало. Корчной вынужден был согласиться на ничью.

После еще трех ничьих в семнадцатой партии он достиг перевеса. Ходы его в эти минуты дышали энергией, он резко и смело ставил на лучшие клетки свои фигуры, словно ввинчивая их в доску, четко и быстро переключал часы. Но вдруг его будто накрыла неуверенность, он пассивно отступил назад. В дальнейшем, в цейтноте, уже в примерно равной позиции, быть может, чуть-чуть более приятной для Карпова, Корчной попался в ловушку. Он видел идею, но просчитался в одном из вариантов и на сорок третьем ходу сдался ввиду неизбежного мата.

3 : 0 в пользу Карпова. Ничья в восемнадцатой партии «с позиции силы». Затем девятнадцатая партия была отложена в положении, где после длительного ночного анализа Карпову удалось поставить правильный диагноз: при доигрывании должна получиться ничья, хотя и требуется еще определенная точность при длительном маневрировании. Перед доигрыванием Карпов ложится отдохнуть, а когда незадолго до отъезда на игру он встает, его секунданты предлагают более короткий, форсированный путь к ничьей. Тщательно отрабатывать этот путь уже не оставалось времени, и Карпов, приняв предложение, проиграл. Разумеется, виноват был в этом поражении и он сам тоже... Счет становится 3 : 1.

В Концертном зале имени П. И. Чайковского, где игрались очередные партии матча, его участникам были отведены комнаты для отдыха. Корчной обычно задерживался после игры и отдыхал там, но, когда закончи-

лась 21-я партия, он быстро уехал. На другой половине долго одиноко сидел Карпов, допустивший грубую дебютную ошибку... 3 : 2.

Игравший белыми Корчной на эту коротенькую, 19-ходовую партию затратил всего-то 23 минуты: он использовал заготовленный дома вариант, и сил на игру у него вроде бы совсем почти не ушло. Между тем, когда слон Карпова напал на белую ладью, его соперник, вместо того чтобы обойти эту прозрачную ловушку, неожиданно направился к судейскому столику и, извинившись, спросил у арбитров, может ли он рокироваться, когда ладья под боем. Потрясенные судьи развели руками — ничего подобного в их многолетней практике не случалось: неужели гроссмейстер забыл шахматные правила, неужели он не шутит?!

В обстановке всеобщего ажиотажа и напряженности последних дней матча Карпов выглядел абсолютно спокойным. Сделав ход, он начинал прогулку вдоль сцены по ковровой дорожке, при этом, казалось, успевал не только оценить позицию на доске, но чуть заметным наклоном головы поздороваться с кем-то из знакомых в зале. Противник же, наоборот, после хода, как правило, тут же резко направлялся в глубь сцены, где для него было установлено специальное кресло, и, отвернувшись от зала, приковывал напряженный взгляд к демонстрационной доске, машинально перебирая специально приготовленные для этих моментов четки. В трех последних партиях соперники еще контрастнее, чем обычно, являли собой абсолютно противоположные натуры.

24-я партия. Проводилась она в Театре эстрады — на этой сцене с 1961 по 1969 год игрались четыре матча за мировое первенство... Сквозь толпы шахматных болельщиков, которым не досталось билетов, с трудом пробираются М. Таль, затем Б. Спасский... Тут же в фойе на ходу они дают автографы, интервью. Таль: «Более нервного и жесткого в психологическом отношении матча не припомню». Спасский: «Сочувствую гроссмейстерам — они ведь играют уже двадцать четвертую партию!»

Карпову тоже знаком этот «шахматный зал». В 1966 году он, пятнадцатилетний, бывал здесь на первом матче Т. Петросяна с Б. Спасским и, к удивлению авторитетов, предугадывал чуть ли не все ходы, делавшиеся затем на сцене. Забавно, что позже, в 1969 году, на втором матче тех же соперников, Карпову уже не

удавалось с той же легкостью решать подобную задачу. Помнится, гроссмейстер А. Лилиенталь тогда пошутил: «Постарел, Толя, постарел...»

Так неужели с опытом труднее предсказывать шахматное будущее? Казалось бы, наоборот, зная прошлое, сделать это куда легче. Но...

В новейшей шахматной истории, пожалуй, не было случая, когда решающая, последняя партия матча на высшем уровне резко меняла результат состязания. Многие такие поединки проходили по одинаковому сценарию: имевший перевес в счете избирал прочнейшее построение, отстающий пытался его пробить, а затем, оказавшись уже в трудной ситуации, сам же предлагал ничью; мир подписывался, так сказать, «с позиции силы», в почти выигрышном для лидировавшего положении. Экс-чемпион мира президент ФИДЕ доктор М. Эйве и Т. Петросян заранее предсказывали похожее течение последней партии и в нынешнем матче.

Интересно, наверное, вспомнить, что ситуации, сходные с описываемой, случались в богатой шахматной жизни и М. Эйве и Т. Петросяна. Так, в 1935 году перед началом последней партии своего матча с А. Алехиным лидировавший в счете М. Эйве заявил своему сопернику, что согласится на ничью в любой момент этой партии. И ничья таки потом была зафиксирована, когда М. Эйве уже имел перевес, но и без реализации этого перевеса голландский гроссмейстер обеспечил себе победу и звание чемпиона мира. Еще любопытнее два случая из шахматной жизни Т. Петросяна. Двадцать третья партия его второго матча с Б. Спасским была отложена в тяжелейшем для Тиграна Вартановича положении. В ночь с 16 на 17 июня 1969 года Петросян пришел к выводу, что нет смысла продолжать борьбу и портить себе сорокалетие (17 июня у него день рождения). Едва дождавшись утра, он направился к телефону, чтобы сообщить, что сдает отложенную позицию и не приедет на доигрывание. Однако Петросяна опередил «встречный» звонок — главный арбитр А. О'Келли сообщал, что Спасский предлагает ничью, которая обеспечивает ему и титул чемпиона мира. Или другой случай. В полуфинальном матче претендентов в 1971 году Петросян вел в счете с разницей в одно очко против Корчного. Вот Петросян записывает на бланке сильнейший ход и... предлагает ничью. Противник отказывается. Петросян делает этот, по суще-

ству, выигрывающий ход на доске. Контроль прошел, партия откладывается. Корчной подумал-подумал и спрашивает: «Ну что? Ничья, или мне сдаваться?» Петросян отвечает: «Ничья».

Словом, опыт помогает предсказателям. В районе тридцатого хода заключительной партии финального матча Т. Петросян заметил: «Корчной, что бы ни говорили, очень не любит проигрывать. Вероятно, сейчас он предложит ничью, а Карпов, наверное, не захочет выигрывать». Буквально через минуту толстенные стены пресс-центра будто содрогнулись от громовых аплодисментов переполненного зала...

Анатолий Карпов:

— Полагаю, что должен был выиграть этот матч с более крупным счетом. Почему я так считаю? Потому что сам знаю, что где-то расслабился, где-то сыграл хуже, чем мог. Весь матч по характеру его течения я делю на четыре основные части: первые шесть партий, следующие одиннадцать, еще четыре и последние три встречи.

Я быстро включился в борьбу, захватил лидерство и, что еще важнее, инициативу; соперник в это время как бы «раскачивался». И то, что он потерпел всего два поражения, — счастье для него. Затем на втором этапе матча (когда последовали десять ничьих подряд и моя победа в семнадцатой партии), пытаясь переиграть партнера в чуть лучших, а порой и просто равных положениях, я переступал грань, за которой начинались мои трудности. Моя тактика была основана на желании вытянуть противника на длительную борьбу, но, перегибая палку, я был вынужден сам спасать уже ухудшавшиеся позиции, что стоило мне неимоверных усилий. Игра блекла, и теперь уже я «включался», лишь оказавшись на краю пропасти.

Наконец, в семнадцатой партии, после того, как соперник в цейтноте допустил серьезную ошибку, мне удалось повести в счете 3 : 0. После этого матч должен был закончиться к партии этак двадцатой... Почему же этого не произошло? Всему виною «крамольная» мысль; матч закончился, так зачем нужны дополнительные усилия, осталось ведь только приходить и подписывать бланки последних партий... На этом, третьем этапе я и начал

бить, как принято у плохих футболистов, ведущих в счете, «по аутам» и был закономерно наказан (хотя в чисто шахматном смысле два моих поражения можно объяснить и грубыми аналитическими ошибками). Как ни странно, второй «ноль» подействовал на меня благотворно. Трезво оценив обстановку — счет в мою пользу, из трех оставшихся партий в двух играю белыми, — я почти сразу успокоился и заиграл в нормальные шахматы. Своими действиями на этом, четвертом, заключительном отрезке матча остался вполне удовлетворен; у меня как бы открылось второе дыхание, в то время как соперник изнемог и морально и физически...

Длительность матча, огромное нервное напряжение, острота спортивной борьбы, высокая цель — конечно же, все это не могло не сказаться на творческой стороне соревнования. Однако наш матч — на взгляд некоторых любителей шахмат, суховатый и слишком технический, что ли, — имеет и свои несомненные достоинства. Хотя мы пытались выигрывать один у другого равные, а иногда просто скучные позиции и некоторые партии заканчивались вничью, когда на доске оставались одни короли, все же, несмотря на это, не было грубых ошибок, если не считать тех двух аналитических «зевков» в девятнадцатой и двадцать первой партиях, и неточностей оказалось заметно меньше, чем в прошлых подобных состязаниях. Скажем, матч Спасский — Фишер в 1972 году в Рейкьявике был зрелищнее, но ошибок там случалось неизмеримо больше, чем теперь, да и напряжение борьбы было куда меньшим.

Еще перед полуфинальным этапом Корчной заявлял, что знает дебютную теорию лучше всех троих других претендентов — Спасского, Петросяна и Карпова, — но в матче со мной он избегал спорных и острых вариантов. Ни в какие творческие дискуссии не вступал. Белыми «бегал» по всем малоизвестным вариантам, придумывал новые и сомнительные продолжения и целые дебюты, а «выловил» меня только в одной, двадцать первой партии. Черными же буквально третировал ничейными тенденциями во французской защите. Только в этой защите мы с тренерами не справились с поставленными перед собой задачами. Не был достаточно четко проанализирован вариант французской защиты — основной в дебютном репертуаре Корчного. И это главный пробел моей подготовки. Да и во время самого матча мы недостаточно тща-

тельно готовились к партиям, поэтому во всех «французских встречах», за исключением, пожалуй, восемнадцатой партии, соперник получал вполне приемлемые позиции и даже добивался равенства буквально при выходе из дебюта. Таким образом, я, по существу, остался в матче почти без белого цвета, это лишний раз подчеркнуло неудовлетворительность моей сугубо шахматной подготовки к состязанию. На сей раз не особенно удачно была налажена и моя домашняя аналитическая работа, следствием чего явились два прямо-таки нелепых проигрыша.

Важнейшей составляющей частью всей моей подготовки была подготовка, так сказать, психофизическая, и если в психологическом плане все же были допущены кое-какие просчеты (к примеру, недооценка соперника), то в физическом отношении я был подготовлен на сей раз превосходно. Я даже ни разу не простудился, что раньше со мной случалось довольно часто. Не исключено, что поддержанию хорошей физической формы способствовало и постоянное пребывание на даче за городом, где я жил на берегу озера в отличных условиях, в окружении чудесной природы, нагуливая на свежем воздухе в подмосковном лесу периодически терявшийся «аппетит к игре».

«Но, — может спросить читатель, — если вы говорите, что отлично себя чувствовали, почему же тогда использовали все дни, отведенные регламентом матча «для болезней»? Я использовал эти дни лишь для восстановления игрового настроения, поддержания все того же «шахматного аппетита». Например, во время одного из своих тайм-аутов я по приглашению моего товарища космонавта Петра Климука посетил Звездный городок под Москвой и внимательно ознакомился там с музеем Юрия Гагарина...

Я не считаю нужным скрывать, что положение, при котором оговорены возможные перерывы только «по болезни», является на самом деле практически фикцией. Куда более логично прежнее положение, при котором шахматист мог взять перерыв по своей воле, исходя из своих, одному ему известных ощущений. Ведь гораздо проще оговорить число разумно необходимых тайм-аутов и предоставить решение вопроса об их использовании самим участникам. А контролировать состояние играющих должны они сами, потому что кто же больше их заинтересован в этом?!

Говорят экс-чемпионы мира

Макс Эйве:

«Финальный матч претендентов прошел в трудной, изнурительной борьбе. Матч был интересен, на мой взгляд, в плане психологической дуэли двух очень разных соперников».

Василий Смыслов:

«В финальном матче соперники вели борьбу с огромным напряжением, полностью мобилизовав все свои возможности».

Борис Спасский (в конце концов он все-таки нарушил «обет молчания»):

«Это был цикл Анатолия Карпова. Все матчи — у Полугаевского, у меня, у Корчного — он выиграл хорошо. В данный момент Карпов объективно, несомненно, сильнейший. Финальный претендентский матч по продолжительности был равен прежним матчам на первенство мира. Карпов вел борьбу, если можно так сказать, в технически силовом плане, не раскрывая полностью своего творческого потенциала. Такой стратегический план кажется мне верным. Надо учесть, что именно на Карпова впервые обрушились повышенные нагрузки нового регламента отбора претендентов».

Тигран Петросян:

«Мне много раз пришлось принимать участие в состязаниях претендентов. Играл матчи и на первенство мира. Обычно специалисты и участники высказывают мнение, что соревнования высшего уровня не оправдывают творческих надежд. Думаю, можно сделать такое сравнение: занимаясь, совершенствуясь, шахматист как бы накапливает капитал, а когда дело доходит до соревнований на первенство мира, он этот капитал только тратит. Ничего удивительного в этом нет. Все подчинено одной цели — добиться победы.

Кое-кто говорил, будто финальный матч претендентов не оправдал ожиданий в творческом плане, был скучным.

Но это поверхностная точка зрения. В матче был ряд замечательных партий. Например, независимо от того, нашел Карпов вариант за доской или это плод домашнего анализа, но идея атаки, которую он провел во второй партии, в «варианте дракона», с жертвой по пятой линии, прежде была неизвестна. Такая партия может служить творческой реабилитацией всего матча. Вообще же требовать от гроссмейстеров, ведущих борьбу за первенство мира, чтобы их партии были только творческими откровениями, несправедливо».

Михаил Таль:

«Мне кажется неверным говорить только об итогах последнего матча. Впечатление будет полнее, если рассмотреть весь цикл матчей претендентов. В нем будущий победитель выступал как бы в трех ролях.

С Полугаевским это был, несмотря на молодость, зрелый психолог, сумевший тонко использовать человеческие слабости в характере партнеров. Зная, что его соперник, когда имеет полную чашу преимущества, обычно боится пролить из нее хоть каплю, он играл так, что заставлял опытного гроссмейстера расплескивать все. Зная желание Полугаевского, несмотря ни на что, доказывать безупречность своих концепций, он обратил это упрямство себе на пользу.

Со Спасским мы увидели настоящего вдохновенного шахматиста, одинаково грозного в атаке и цепкого в защите. В чисто шахматном отношении наиболее впечатляющим был матч Карпова со Спасским. Да, экс-чемпион мира был не в форме и играл не лучше, чем против Фишера (впрочем, пожалуй, и не хуже), но и победа Карпова над ним не менее убедительна, чем победа Фишера. Если в одиннадцатой партии матча на звание чемпиона мира Спасский одержал свою вторую победу (во второй партии Фишеру было засчитано поражение за неявку), то в одиннадцатой партии его матч с Карповым вообще уже был кончен.

С Корчным Карпов был уже не мальчик, но муж, сумевший выдержать беспримерный по своему спортивному напряжению поединок.

Карпов все время прогрессирует и еще весьма далек от своего потолка. Не сомневаюсь, что к матчу с Фишером он будет еще сильнее».

Комплексы, комплексы...

Условный шахматный мир — это мир жесткой спортивной борьбы и конкуренции, он сродни миру военному, а потому позволительны некоторые аналогии.

Наполеон утверждал, как известно, что настоящим полководцем может стать лишь человек, обладающий выдающимся талантом и несгибаемым характером. Ботвинник применительно к шахматам дополнил эту формулу еще двумя слагаемыми — здоровье и специальные знания. Если же говорить языком математики, шахматная сила есть некая равнодействующая четырех составляющих, величина которых непостоянна. Первая — природный дар. Не будучи особенно одарен от природы, крупным шахматистом не станешь. Любопытно, что среди шахматистов как бы заключено негласное соглашение: не обсуждать, кто одареннее. Это считается почти неприличным.

Но тем не менее бытует мнение, что Таль — это эталон природной одаренности, что самый разнообразный шахматный арсенал среди современных шахматистов имеет универсал Спасский, что по физической выносливости долго не было равных Смыслову. Находили и эталон самого волевого шахматиста... В этом ряду нет Ботвинника, а между тем в наши дни именно он дольше всех оставался чемпионом мира. И пусть кто-нибудь скажет с уверенностью и доказательно: в каком из четырех компонентов Фишер в период своих наилучших результатов уступал кому бы то ни было? Чемпионом становится тот, равнодействующая шахматной силы которого в данный момент наиболее высока. И это особый, шахматный талант — доказать, что ты сегодня самый сильный. Для успеха в единоборстве шахматист должен правильно оценить лучшие стороны соперника, попытаться нейтрализовать их, а самому использовать свои козыри. Классическим примером остается матч-реванш Таль — Ботвинник, когда почти пятидесятилетний Ботвинник сумел погасить комбинационное пламя своего молодого соперника. Полугаевский же признался, что он свои козыри во время матча с Карповым выпустил. А Спасский, похоже, растерял их еще по дороге к матчу...

В своих оценках гроссмейстеры все-таки не нарушают неписаной конвенции больших шахматистов и не касаются темы природной одаренности. Я же не связан этой

«конвенцией» и расскажу забавную историю. Как-то, уже достаточно давно, я играл с одним мальчишкой легкие блицпартии-пятиминутки. Играли, играли, а я ни разу не мог его победить, проигрывая и худшие, и равные, и лучшие позиции. Думаю, что за чертовщина, я все же имею звание мастера... А мальчишка вдруг привстал, пристально посмотрел мне в глаза и сказал, слегка улыбаясь: «А может, я просто сильнее играю?» Мальчишку того звали Толей Карповым...

В шахматах сильнее тот, кто выигрывает. А вот почему Карпов выигрывает — ответить на этот вопрос можно по-разному. Воля, здоровье, шахматный арсенал? А может, все-таки необычная природная одаренность?

Для всех, кто близко знаком с современной шахматной элитой, абсолютно очевиден — и это не зависит от личных симпатий — удивительный природный талант (а к некоторым, пожалуй, можно применить и еще более сильное определение) Василия Смыслова, Михаила Таля, Тиграна Петросяна, Бориса Спасского, Роберта Фишера, Анатолия Карпова. Все они, словно ракеты, стремительно врывались в шахматный мир и затем, используя наиболее сильные свои качества, становились чемпионами.

Если правомерно примененное как-то сравнение ведущих шахматистов с великими музыкантами — Паганини, Чайковским, Моцартом... — то, говоря о Корчном, напрашивается сравнение его с Сальери. Аналогия диктуется тем образом Сальери, какой нарисован в пушкинской драме, и тем Корчным, какой раскрывается нам, когда этот гроссмейстер встает из-за шахматного столика. Разговаривая с Корчным после игры, поражаешься его раздраженности. Но добро бы — только этому. Он открывает клапан для желчных эмоций, которые профессионально (и все равно хуже, чем большинство гроссмейстеров) сдерживает во время партии, и дает волю своей необъективности. А если речь идет о его молодом и высокоодаренном победителе, то Корчному далеко не всегда удается скрыть элементарную зависть, облеченную в форму отыскивания чужих недостатков. Могут возразить: Сальери-то признавал гениальность Моцарта... В душе Корчной тоже признает, но вслух отрицает. И потому мы имеем дело всего лишь с разновидностью «комплекса Сальери», помноженного на необъективность.

В современных (шахматных) условиях попытка «ото-

мстить» партнеру за его более высокий талант свелась к умалению этого таланта, к желанию поменяться с ним местами — он, дескать, всего лишь волевой шахматист, но в творческом отношении я сильнее.

Что еще мог сделать Корчной? Не поступать же, как пушкинский персонаж... И он шумно, что было мочи, хлопнул дверью!

Направленный Шахматной федерацией СССР для участия в международном турнире в Амстердаме (июль 1976 года) гроссмейстер В. Корчной после окончания соревнования отказался вернуться в СССР.

Корчной мотивировал свое решение тем, что, находясь в СССР, он якобы был лишен возможности участвовать в соревнованиях «по своему выбору» и подвергался «давлению» во время финального матча претендентов на мировое первенство и после него.

В действительности же, говорилось в специальном заявлении Шахматной федерации СССР, в течение более четверти века советская шахматная организация создавала Корчному, как и другим гроссмейстерам, благоприятные условия для проявления его способностей, совершенствования мастерства и достижения высоких спортивных результатов. Что касается участия в соревнованиях, то Корчной многократно выезжал в различные страны мира и только в последние годы играл в Великобритании, США, ФРГ, Франции, Испании, Югославии.

Утверждения Корчного о том, что какие-то официальные органы или лица якобы мешали ему добиться победы, попросту смехотворны. Еще ни один шахматист в истории борьбы за мировое первенство не прибегал к подобным нечестным объяснениям причин своего поражения.

Болезненное самолюбие, непомерное тщеславие, апломб Корчного в отношениях с коллегами и соперниками за шахматной доской были известны, на это не раз обращалось его внимание, и каждый раз Корчной каялся и обещал сделать необходимые выводы. Во время финального претендентского матча он подавал необоснованные апелляции, допускал грубость по отношению к арбитру и сопернику, а после проигрыша в желчных и безответственных интервью для зарубежных изданий неуважительно отзывался о победителе и всячески принижал его игру и результаты соревнования в целом.

Такое поведение Корчного вызвало единодушное осуж-

дение спортивной общественности и любителей шахмат, и тогда ему пришлось принести свои извинения сопернику. В письме в газету «Советский спорт» Корчной публично признал свою неправоту. Однако, как теперь стало ясным, его «покаяние» было лишь маской озлобленного индивидуалиста.

Шахматная федерация СССР приняла решение: за поступок, недостойный советского спортсмена, дисквалифицировать Корчного и лишить его званий заслуженного мастера спорта, гроссмейстера и мастера спорта СССР.

Полностью одобрили это решение Шахматной федерации СССР свыше тридцати советских гроссмейстеров, которые в своем письме в «Советский спорт», в частности, писали:

«Встречаясь с Корчным за шахматной доской, многие из нас не раз сталкивались с проявлением его зазнайства и бестактности. Многое прощалось Корчному, щадилось его болезненное самолюбие, и эта терпимость, видимо, воспринималась им как должное. Теперь, попросив защиты от надуманных преследований у голландской полиции, Корчной свои мелкие личные обиды пытается возвести в ранг международных проблем».

Свою точку зрения на поведение Корчного высказал и Анатолий Карпов:

— Решение Корчного покинуть Родину меня глубоко поразило и огорчило. Поразило потому, что вопреки утверждениям Корчного никаких помех для его творческой деятельности в стране, которой он обязан всем, что помогло полностью раскрыть его дарование, не было и не могло быть.

Наоборот, всем известно, что для него, как и для всех советских спортсменов, были созданы условия, о которых наши коллеги на Западе могут лишь мечтать... Утверждать обратное нечестно и непорядочно...

Разделяя возмущение советской общественности недостойным поведением Корчного, я поддерживаю решение Шахматной федерации СССР о лишении его спортивных званий и права представлять на мировой арене советскую шахматную школу...

Оказавшись в обстановке, где его вообще ничего больше не сдерживало, Корчной принялся чернить всех и вся. Антисоветски настроенные «околошахматные люди» уме-

ло способствовали развитию дурных качеств в характере беглого эмигранта.

Корчной объявил форменную войну уже не только своим бывшим соотечественникам. Примерно через год югославская газета «Спортске новости», выходящая в Загребе, напечатала небольшую заметку, в которой говорилось, что во время своего выступления в Загребском университете датский гроссмейстер Бент Ларсен подверг резкой критике вышедшую в Голландии автобиографию Корчного. По словам Ларсена: «Некоторые лица, ставшие невольными актерами поставленного Корчным спектакля, возмущены той ролью, которую он заставляет их играть, и теми ремарками, которые он вкладывает в их уста». В этой связи Ларсен, в частности, упомянул и чрезвычайно способного молодого гроссмейстера Яна Тиммана. На вопрос о том, какое впечатление произвела книга Корчного на него лично, Б. Ларсен ответил так: «Она отнюдь не принадлежит к тем, которые читаются с захватывающим интересом. Должен сказать, что на меня самое отталкивающее впечатление произвели, например, выпады Корчного против Михаила Таля, которые иначе как идиотскими не назовешь. Впрочем, все прекрасно понимают, что Корчной «насовал» в свою книгу как можно больше «сенсаций» ради денег».

К сожалению, спортивная жизнь устроена так, что за шахматную доску порой приходится садиться вместе с тем, кому в обычной жизни не пожелаешь подать руки...

Глава VII

ПРЕТЕНДЕНТ СТАНОВИТСЯ ЧЕМПИОНОМ

Итак, есть победитель претендентского цикла Анатолий Карпов, и есть недвусмысленное телеграфное заявление Роберта Фишера конгрессу в Ницце: «Снимаю с себя титул чемпиона мира». Это — дано. Спрашивается: кто же новый чемпион мира?

Если следовать правилам формальной логики, ответ прост — Анатолий Карпов, первый претендент. Но жизнь не всегда укладывается в фигуры силлогизмов. Прежде чем все придет к своему логическому завершению, будет еще сломано немало дискуссионных копий и пролито чернил, отшумят десятки словесных водопадов и самые бывалые шахматные дипломаты используют самые сложные закулисные ходы. Не станем никого за это строго порицать. Отвлекаясь пока от личных мотивов, которыми руководствовался кое-кто из вдохновителей того «исторического бума», признаем: шахматный мир жил в предвкушении единоборства двух выдающихся мастеров, мечтал стать свидетелем титанического состязания.

Мечтам этим не суждено было осуществиться. Но совесть одного из двух героев несостоявшегося сражения чиста: Карпов сделал все, чтобы матч состоялся.

Прежде чем стать претендентом, он сыграл шестьдесят партий в отборочных соревнованиях. Это был и межзональный турнир, и три матча претендентов с выдающимися шахматистами современности. И все шестьдесят партий были сыграны за невероятно короткий срок.

Вы помните, далеко не все пункты регламента, принятого конгрессом в Ницце, выглядели в глазах Карпова разумными, тем не менее он с ними согласился.

Во время церемонии закрытия финального претендентского матча президента ФИДЕ М. Эйве спросили, как поступит он, если по истечении установленного срока Фишер все-таки не примет вызова претендента. Президент ФИДЕ тогда ответил:

«Если до 1 апреля 1975 года Фишер не сообщит, что принимает вызов, я прерву свое трехмесячное турне по странам Африки, которое намечено на весну, и вылечу в Москву, чтобы провозгласить Карпова двенадцатым чемпионом мира».

Однако сторонники Фишера не складывали оружия. Отдадим должное Эду Эдмондсону. Возможно, он, как собирался, и молился после конгресса в Ницце о сохранении шахматной короны для своего отечества. Но отдавал молитве не все время и силы. Ему хватило их и для того, чтобы стать инициатором нового, внеочередного конгресса, для того чтобы завербовать новых сторонников в поддержку требований Фишера.

Снова шахматный мир погрузился в тревожное ожидание. На этот раз, правда, ненадолго. Первый в истории ФИДЕ внеочередной конгресс был назначен на 17 марта в Голландии. В его повестке дня был все тот же вопрос — регламент матча на звание чемпиона мира (матча, один из участников которого по-прежнему хранил гробовое молчание). Перед началом работы Максу Эйве было передано открытое письмо Михаила Ботвинника:

«Дорогой профессор, мы с Вами являемся последними могиканами из племени чемпионов, действовавших в первой половине нашего столетия, и вряд ли кто другой лучше нас понимает опасности, угрожающие сейчас шахматному миру...

Как-то пришлось мне прочесть рассказ Марка Твена о незадачливом женихе, который в канун свадьбы неизменно попадал под трамвай, что каждый раз было связано с какой-нибудь ампутацией. Вот и возникает философский вопрос: каким калекой должен стать жених, чтобы невеста (которая его горячо любит) отказалась наконец от замужества? Позволительно в связи с этим спросить: сколько лет должен не выступать в соревнованиях чемпион (талант которого все высоко ценят), чтобы

шахматный мир понял наконец, что общие интересы превыше любых эгоистических?

Ранее, когда мы сидели за шахматным столиком, профессор, меня иногда в смятение приводили Ваши неожиданные ходы. Надеюсь, что и сейчас Вы найдете ход, который одобрит шахматный мир и вернет Вам симпатии и доверие как Ваших коллег, так и любителей шахмат (в том числе и советских, и американских). В этом справедливом деле Вы всегда можете рассчитывать на содействие своего старого друга.

М. Ботвинник».

Конгресс в Берген-ан-Зее был менее представительным, нежели в Ницце, и заседал он недолго. Незначительным большинством голосов конгресс принял предложение Фишера играть матч без ограничения числа партий. Однако столь же незначительным большинством конгресс отказал Фишеру в последнем пункте его требований — в получении преимущества в два очка еще перед началом соревнований. Характерно, что за отклонение «поправок Фишера» голосовали почти все крупные и наиболее влиятельные шахматные федерации, насчитывающие в своих рядах подавляющее большинство международных гроссмейстеров и мастеров. Так, из федераций шестнадцати стран, представленных в первой (сильнейшей) группе команд XXI всемирной Олимпиады, только три — США, Филиппин и Уэльса — голосовали за поправки, все остальные против.

Как видите, Эдмондсон, хоть и не добился стопроцентного результата, все же потрудился не зря. Он максимально использовал несовершенство структуры ФИДЕ.

«Все мы — одна семья», — прекрасный девиз. Однако ничто не может доводиться до абсурда, иначе грозит обернуться своей противоположностью. У делегатки Вирджинских островов на конгрессе в Берген-ан-Зее спросили, сколько организованных шахматистов она представляет. Оказалось — шестьдесят. Эта дама имела два голоса, поскольку часть островов принадлежит англичанам, а часть — американцам. В СССР несколько миллионов шахматистов и сорок гроссмейстеров, но наша делегация имела всего один голос.

Так или иначе, постановление конгресса гласило: «Матч на первенство мира играется до десяти побед одного из участников, общее число партий не ограничивается».

Затаив дыхание следил шахматный мир за развитием событий до, во время и после конгресса. В орбиту шахматных — точнее, околошахматных — страстей были втянуты тысячи еще недавно совсем безразличных к судьбам этой игры людей. Что уж говорить о заинтересованных лицах?

В самый острый момент Анатолий Карпов благоразумно решил поберечь нервы, уехал из Москвы и «спрятался» в Туле у родителей. Там от любимого занятия — разбора огромной коллекции марок — его неожиданно оторвали протяжные телефонные звонки.

— И тут разыскали, — с досадой поднялся Карпов, а потом, прикрыв рукой трубку и недоуменно пожав плечами, шепнул: — Белград. С чего бы это?

Звонил югославский гроссмейстер Светозар Глигорич, и было слышно, как Анатолий твердо ответил ему:

— Я очень хочу играть матч, но не уверен, что такое же сильное желание есть и у Фишера.

В 1972 году подобная же «телефонная миссия Глигорича» соединила Фишера со Спасским — тогда американский гроссмейстер, видимо, тверже верил в свою удачу, и их матч состоялся. Теперь же Фишер молчал.

В этой, без преувеличения, уникальной ситуации Карпов, верный себе, ни разу не потерял головы. Он — и это известно всем — был против матча до десяти побед без ограничения общего числа партий.

И тем не менее Карпов подчиняется решению чрезвычайного конгресса об отмене ограничения общего числа партий в матче.

Ну а не пугает ли его Фишер? Как расценивал он, Карпов, собственные шансы?

— По-моему, долгое время Фишера у нас недооценивали, говорили: вот погодите, встретится с ним в матче настоящий советский гроссмейстер, и все встанет на свои места — Фишер непременно будет побежден. Затем ударились в другую крайность. Даже сильнейшие гроссмейстеры стали порой высказываться в том духе, что, дескать, борьба с чемпионом мира безнадежна, и прикидывали только счет, с каким они проиграли бы матч Фишеру. Убежден, что истина лежит где-то посередине. Небезуспешно бороться с нынешним чемпионом можно, как и со всяким, пусть даже выдающимся, шахматистом.

Но только при условии настоящей всесторонней подготовки. Понятно, никаких гарантий победы при этом давать нельзя, но надо гарантировать полную мобилизацию всех сил.

Матч с Фишером может и не состояться. Но я все равно буду готовиться тщательнейшим образом. При любых обстоятельствах работа даром не пропадет. Изучение творчества Фишера, вероятно, позволит мне усилить и обогатить свою игру.

Теперь нет смысла нервничать. Волноваться можно было, когда чрезвычайный конгресс еще не состоялся и я мог предполагать, что там будут приняты абсолютно все требования Фишера. Если это случилось бы, тогда я просто не имел бы морального права играть матч. Но когда я узнал, что конгресс прошел не под диктовку Фишера, моментально успокоился. Мне стало ясно: либо матч состоится, либо я сразу — чемпион мира.

Последние дни марта Карпов жил на тренировочной базе в Новогорске вместе с хоккеистами сборной СССР. Досрочно отослав телеграмму в штаб-квартиру ФИДЕ со своими пожеланиями о месте проведения матча с Фишером, он отправился на розыски известного хоккейного форварда Владимира Викулова, которому перед ужином проиграл партию на бильярде, и, верный себе, теперь спешил «наказать обидчика». Лишь удовлетворив свое самолюбие, он присоединился к собравшемуся в холле у радиоприемника остальному обществу: хоккеисты и Семен Фурман, его тренер, ждали последних известий — наступила ночь на первое апреля. Но шахматной информации они так и не услышали.

Рано утром хоккейная команда улетала на свой чемпионат. Хоккеисты тепло попрощались с Карповым. Спортсмены по русскому обычаю пожелали друг другу «ни пуха ни пера». Послав по традиции их «к черту», Анатолий сказал ребятам:

— Ожидания кончились, завтра все станет ясно и определенно!

Он ошибся еще на сутки.

Эйве отложил провозглашение нового чемпиона мира до 3 апреля, все еще надеясь получить весточку от Фишера. Но тот отказался садиться за доску без предварительной форы в два очка.

Показательно, что ведущие гроссмейстеры мира — В. Горт, Б. Ивков, Б. Ларсен, А. Матанович, М. Найдорф, Т. Петросян, М. Таль, В. Ульман и многие другие — полностью поддержали позицию А. Карпова, а в поддержку притязаний Р. Фишера не высказался никто.

Мигель Найдорф: «Хотя он и выдающийся шахматист, предполагаю: даже если бы было принято условие, что при счете 9 : 9 он остается чемпионом мира, Фишер все равно нашел бы предлог, чтобы не играть».

Бент Ларсен: «Если Фишер хочет уйти с шахматной сцены, он свободен это сделать, а другие свободны высказывать свои предположения о причинах такого решения».

«Не Карпов, а Фишер уклонился от встречи. Карпов же не раз демонстрировал готовность идти на компромисс во имя спасения матча. Единственное, что он не смог сделать, — это силой усадить Фишера за доску» (газета «Хер цу», Гамбург).

«Анатолий Карпов — самый достойный носитель титула чемпиона» («Таймс», Лондон).

Из датской газеты «Актуэльт»: «Конечно, все мы с нетерпением ждали матча Фишер — Карпов, но дальнейшие попытки спасти матч за счет фактического представления «картбланш» Фишеру не только не способствовали бы достижению цели, но и неизбежно поставили бы под угрозу единство и целостность мирового шахматного движения».

А бельгийская «Сите» остроумно заметила: «Фишера порой сравнивают с его великим соотечественником Полом Морфи. Однако, по крайней мере в одном отношении, они антиподы. Морфи, доказав свое превосходство над современниками, заявил, что не намерен больше ни с кем играть, не давая форы. Фишер же, наоборот, дал понять, что он не намерен ни с кем играть, не получая форы».

Да что там говорить, если соотечественники и все бывшие секунданты чемпиона мира гроссмейстеры Уильям Ломбарди, Роберт Бирн, Ларри Эванс сочли его требования несправедливыми!

3 апреля Международная шахматная федерация провозгласила двенадцатым в истории шахмат чемпионом мира советского гроссмейстера Анатолия Карпова.

24 апреля 1975 года в Москве в Колонном зале Дома Союзов состоялась торжественная церемония, о которой

уже писалось в начале этой книги. В своем выступлении президент ФИДЕ доктор Макс Эйве, в частности, сказал:

«Я восхищен выдержкой нового чемпиона мира Анатолия Карпова, его глубокой порядочностью и спортивными качествами, проявленными на протяжении всего этого времени, то есть почти года, пока длилась вся эта история.

В правилах, принятых в Ницце, были учтены многие пожелания Фишера, в частности, игра до десяти побед — нововведение, которое было не в пользу претендента. Карпов принял его. В марте нынешнего года чрезвычайная ассамблея еще раз пошла навстречу требованиям Фишера, отменив лимит партий. Карпов, руководствуясь лучшими спортивными соображениями, согласился и с этим.

Но, как вы знаете, ассамблея отклонила последнее требование Фишера (преимущество в два очка). Приближался окончательный срок ответа. Друзья Фишера делали все возможное, чтобы убедить его играть, но бесполезно. Фишер молчал, и, когда этот последний срок прошел, был провозглашен новый чемпион мира. Анатолий Карпов вместе с любителями шахмат во всем мире может сожалеть о том, что матч не состоялся и он не смог в спортивной борьбе доказать свое право на титул, но ведь Фишер имел все возможности защищать свое звание. И место проведения матча, и арбитр были выбраны с учетом его желаний. Упрямство Фишера или еще какие-то качества его характера, чего я, как и многие другие, недопонимаю, не позволили ему воспользоваться этим правом и выполнить свой долг по отношению к шахматному миру.

Что же касается Карпова, то мы все уверены: он будет достойным чемпионом и еще не раз продемонстрирует свою силу на различных соревнованиях».

А вот что сказал в ответном выступлении Анатолий Карпов:

— ...Я счастлив, что высший шахматный титул, или, как это принято говорить, «шахматная корона», вернулась в нашу страну, богатую историческими шахматными традициями и всемирно известную своей высокой шахматной культурой. Именно эти традиции отечественной шахматной школы, выдвинувшей целый ряд чемпионов

и чемпионок мира, позволили мне в сравнительно короткий срок овладеть шахматным мастерством и достичь успехов в условиях острой, как никогда ранее, конкуренции между многими выдающимися гроссмейстерами.

...Конечно, я отчетливо понимаю, что мой личный вклад в мировую шахматную сокровищницу невелик, может быть, и потому, что на большее еще не хватило прожитых мною лет. Звание чемпиона мира накладывает на его носителя высокую ответственность и большие обязанности. Я приложу все усилия к тому, чтобы достойно их выполнять. Я готов сотрудничать с ФИДЕ в деле укрепления ее единства и авторитета, дальнейшего развития и пропаганды шахмат в моей стране и во всем мире.

Мне кажется, что одна из главных обязанностей чемпиона мира — быть играющим шахматистом, чтобы люди разных стран видели чемпиона за шахматной доской, а гроссмейстеры и мастера могли бы помериться с ним силами, поучиться у него и научить кое-чему его самого. Поэтому я твердо намерен систематически выступать в отечественных и международных соревнованиях...

Интересна и точка зрения нового чемпиона мира, высказанная в не столь официальной обстановке:

— Фишер попал в неблагоприятную психологическую ситуацию. Для него было бы проще, если бы он встретился с кем угодно из прежних своих соперников — ведь всех, кроме меня, он уже обыгрывал, все были старше его — это тоже немаловажно. Теперь же все получалось сложнее. Мы с ним прежде за доской не встречались — не попадали в одни турниры. Разминулись. Значит, меня он не обыгрывал и не опережал нигде. Я вышел на большую арену как раз в то время, когда он прекратил выступления в турнирах. Были «годы Фишера», но потом самые высокие результаты стал показывать я, стал выигрывать турнир за турниром. Такое не может не произвести впечатления — и шахматный мир разделился. Тем более что молодость импонирует болельщику, а я моложе Фишера на восемь лет. Эта ситуация тяжело влияла на Фишера. Ведь он привык, что все за него, все его поддерживают, все за него болеют. И, может быть, именно с этой «переменой климата» он справиться как раз и не смог.

Не знаю, чей шахматный лагерь был больше, мой или его, но общие спортивные прогнозы были для меня неблагоприятны. Фишер должен победить — это считалось

чуть ли не аксиомой. Но я полагал, что шансы на выигрыш есть и у меня. Сколько их конкретно — такой оценки я не делал, просто определил: шансы есть. И с каждым днем увеличивал их своей работой.

Для подготовки к матчу с Фишером я имел на руках большой материал. И я, хоть и заочно, неплохо изучил Фишера. Речь идет не только о чисто шахматной стороне дела — в этом отношении выдающийся американский гроссмейстер имел полное право называться сильнейшим.

Но внимательное изучение всех деталей его прошлых поединков показывает, что громкие победы со столь впечатляющим счетом — следствие не только его шахматного превосходства, но и психологического давления, которое оказывалось на партнеров. Постоянно создавалась ужасно нервная обстановка и до игры, и во время ее — протестами, требованиями... Кроме отличных произведений, вместе с Фишером ворвалась в творческий шахматный мир такая суета и неразбериха, что срочно вдруг понадобились дипломаты, ораторы, юристы... Раньше шахматисты вполне могли договариваться на своем языке, а теперь это стало почти невозможно, ибо требовалось доказывать прежде такие простые и ясные истины. Думаю, впрочем, что многое из этих «чудес» шло не от самого Фишера, а от его окружения. Не исключаю, что он далеко не всегда догадывался, какой фон создают его люди, как целенаправленно и умело они действуют на нервы его соперникам, чтобы отвлечь их от чисто шахматной борьбы.

Но от кого бы это ни шло — к этому я готовился тоже.

Сам матч обещал быть интересным. Я собирался показать в нем все, на что способен, — и очень жалею, что он не состоялся. Его значение для шахмат было бы трудно переоценить. Он мог стать новым взрывом в шахматном мире, популярность шахмат поднялась бы еще выше. Правда, при одном условии: если бы матч не затянулся. А такая вероятность существовала — чрезмерная затяжка грозила принести шахматам вред. Каждое большое спортивное событие имеет вполне определенную общественную силу, ее масштабы надо видеть и оценивать реально. Скажем, никакой матч не в состоянии вызывать к себе интерес (я уже не говорю о большем — держать в напряжении) на протяжении полугода. Все-таки должен быть виден конец: это проясняет перспективу и с приближением к финалу содействует взвинчиванию эмоций.

Очень жаль, что матча не получилось. Однако моей вины в том нет, ибо существуют принципы, от которых отступать я не могу. А Фишер — в этом уж вина целиком его — оказался таким человеком, который не ограничился частичными приобретениями и, пусть меня извинят за резкость, пожелал попросту «сесть на голову». К чему это? Ведь ему и так уже почти во всем уступили. Неизвестно, какие еще требования он бы выдвинул, если бы ему и до конца продолжали идти навстречу.

Поскольку я очень хотел играть этот матч и не сделал ничего, препятствующего ему, то, когда меня провозгласили чемпионом мира, я тут же заявил, что по-прежнему готов сыграть с Фишером. Естественно, не на условиях, продиктованных им, а самых разумных условиях, которые бы благоприятствовали проведению такого матча и помогли бы продемонстрировать лучшее, что имеем в своем арсенале мы оба. Чтоб это были настоящие шахматы, а не борьба на износ. Я готов был встретиться с Фишером лично, но ответа на свою телеграмму не получил...

Глава VIII

ПОСЛЕ МАТЧА, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

— Как только стало ясно, что матч с Фишером не состоится, я решил, что неплохо бы самому поиграть. Правда, это нарушало установившуюся традицию — все мои предшественники в преддверии чемпионства обещали не прекращать выступлений в турнирах, но, добившись цели, слова не сдерживали. Получалось по поговорке: «Обещанного три года ждут», а три года и есть срок между матчами на звание чемпиона мира. Но я-то оказался в особом положении. Матч с Фишером не состоялся, а инерция, предстартовое напряжение были велики. Играть следовало хотя бы с профилактической целью — чтобы «сбросить пар». Да и проверить свою подготовку не мешало. Я был в форме, полон сил, уверен в себе — в самом деле, отчего не поиграть?

Меня спрашивают иногда: а так ли был я настроен, если бы матч с Фишером все же состоялся? Конечно же, нет! Пережившие это испытание гроссмейстеры утверждают, что такой матч отнимает несколько лет жизни. И это не фраза. Не забираясь в историю, вспомним, как тяжело отразилась нагрузка на участниках единоборства в Рейкьявике. Спасский около двух лет после этого был неузнаваем, от него оставалась лишь тень прежде уверенного в себе бойца. И Фишер тоже прекратил свои выступления и, быть может, занялся восстановлением сил... Как бы отразилось подобное напряжение на мне? Я знал, что меня ждет, готовился к этому, бесспорно, тотчас возвратиться в шахматы (в особен-

ности если бы матч затянулся) я бы не смог, но со временем сделал бы это непременно. Подразумеваю — в ранге чемпиона, иначе рассуждение теряет смысл.

Моя годовая норма соответствует четырем-пяти турнирам. Других на это не ориентирую. У каждого своя норма. Для некоторых условием сохранения спортивной формы должно быть постоянное участие в турнирах. Для меня же критерий — ощущение вкуса к игре, к шахматам.

Югославский дневник

— Первый турнир, который я проводил в новом звании, был турнир памяти выдающегося югославского гроссмейстера Милана Видмара. Он проводился в двух городах: Портороже и Любляне. Атмосфера далеко не простая, можно даже сказать — психологически тяжелая. С одной стороны, я законный чемпион, победил всех претендентов на звание чемпиона мира, и победил достаточно уверенно... Но доказать свое превосходство над прежним чемпионом мне не пришлось, а ведь это был Фишер, кое для кого олицетворявший шахматного «бога». Тут все слова и объяснения бесполезны. Сколько бы я ни говорил, что не вижу за собой вины, сделал все от меня зависящее, чтобы матч (на разумных условиях) состоялся, — слова доходят до ума, но сердце их не воспринимает. А болельщик живет именно сердцем и потому упрямо твердит: «Нет, надо было, чтобы матч обязательно состоялся...» Да разве я когда-нибудь хотел другого?

Растопить ледок, сломать определенное отчуждение некоторой части любителей шахмат, завоевать всеобщее признание можно было только одним — победами. Новыми победами... И вот я лечу в Югославию.

Из дневника:

«31 мая мы прилетели в Любляну. Встречал нас председатель Шахматной федерации Словении. Милый, достойный человек. Во время войны ему пришлось побывать в концлагере, после победы работал одним из советников главы республики. Сейчас на пенсии, но для шахмат делает много и является одним из организаторов нынешнего международного турнира.

Переезд в Порторож занял чуть более часа. На следующий день — жеребьевка. В первом туре играть мне пришлось сразу с Портишем, белыми».

— Садясь за доску, я ставил перед собой задачу просто играть в шахматы, а не брать реванш во что бы то ни стало. Но, конечно, я не забывал и о том, что Портиш — один из немногих оставшихся гроссмейстеров, который нанес мне «безответное» поражение в 1972 году в Сан-Антонио, и это поражение стоило мне чистого первого места: пришлось довольствоваться дележом. Но на этот раз очко у Портиша взял я.

Кроме Л. Портиша, С. Фурмана, Л. Любоевича, в турнире участвовали сильные гроссмейстеры: югославы С. Глигорич, Д. Велимирович, Б. Парма, венгр З. Рибли, В. Горт из Чехословакии... Но отнюдь не только они представляли серьезную опасность в отдельных личных встречах. Именно тут я впервые почувствовал, насколько тяжело — и психологически, и физически — играть в высшем звании. Есть всем известное и от времени и употребления стершееся изречение: против чемпиона все играют с особым подъемом. От частого повторения оно не перестало быть истиной. Понятно, конкуренту почетно и с точки зрения практических турнирных выгод ценно взять очко именно у чемпиона. А уж аутсайдеры — те вдвойне опасны. Шахматист, который неудачно начал турнир и потерял в нем все шансы на пристойное место, начинает играть спустя рукава. Но только не с чемпионом! Он готов отдать все заработанные им ранее небольшие очки за одно-единственное — отнятое у чемпиона мира. За это очко неудачнику все спишется, оно для него едва ли не единственный способ разом реабилитировать себя за все прошлые упущения.

Из дневника:

«После первой половины дистанции турнир из Порторожа перекочевал в Любляну. Я шел впереди — шесть очков из восьми. На новом месте сразу выиграл еще две партии, создав разрыв, и борьба за первое место прекратилась. Вторым, отстав на очко, был С. Глигорич. Только усталость в конце состязания не позволила С. Фурману подняться выше дележа третьего места с З. Рибли и В. Гортом».

— Своим результатом я был доволен. Собирался вернуться на Родину сразу после окончания турнира, чтобы успеть немного отдохнуть перед Спартакиадой народов СССР, но пришлось задержаться на несколько дней: тур-

нир вызвал огромный интерес в Югославии, и я получил множество приглашений от местных шахматных организаций.

Из дневника: «...День начался очень рано, в половине пятого. Ехали на машине быстро, но в аэропорт Загреба чуть не опоздали: движение вокруг очень интенсивное. Самолетом за 45 минут добрались до города Дубровника. Здесь нас встречал гроссмейстер Д. Чирич, против которого я сделал ничью в сеансе во время европейского юношеского турнира в Гронингене в 1968 году. Теперь вместе осмотрели Дубровник. Красивейшее место. Старая крепость, узенькие улочки, что-то есть турецкое. Огромное количество туристов и мало зелени, сильная жара. Часа через три поехали дальше через гористую местность и сплошные камни в городок Чаплин, где, по преданию, около двух тысяч лет назад была «птичья столица» (судя по названию местности, имеются в виду цапли).

В этом городке всего тысяч шесть жителей, но они сумели выставить 25 довольно прилично играющих участников сеанса против меня, столько же против Фурмана и еще порядка 500 «наблюдателей». (А перед началом маленькие музыканты сыграли в нашу честь «Рябинушку» и «Калинку».) Меня уговорили сделать ничью в партии с директором местной кондитерской фабрики. Но, согласившись на ничью, директор все смотрел и смотрел на позицию — искал выигрыш за меня. Потом серьезно попросил проанализировать позицию и, убедившись в безнадежности своего положения, «аннулировал результат» и признал себя побежденным. Выиграл я там у одного 12-летнего паренька, который недавно в сеансе взял очко у Глигорича. Выиграл в педагогических целях — чтобы не зазнавался.

Фурман закончил свой сеанс через час после меня, и вместе с председателем скупщины мы поехали в Почитель. Эта старинная турецкая крепость стоит на пути от моря к Сараеву, в исключительно живописном месте. Сейчас там есть колония художников, которые платят за питание и постой своими работами.

Далее на нашем пути был Мостар. Основная его внешняя достопримечательность — старинный горбатый мост высотою в 26 метров. Очень быстрое течение имеет

здесь река Неретва. Для туристов ребятишки «по таксе» прыгают в нее с этого моста...

Мой сеанс, опять же на 25 досках, оказался довольно сложным (проиграл 2 партии при 5 ничьих).

Во второй половине дня поехали на партизанское кладбище. Грандиозный ансамбль! В войну в Мостаре был свой партизанский отряд, который чуть ли не в полном составе несколько раз, не опасаясь облав, оставался на отдых в городе. Партизаны имели прекрасную конспирацию, но все же потеряли в те годы около тысячи человек.

В Сараево мы прибыли как гости издательства, где выходят шахматные книги. Вечером — сумасшедшая программа. Семен Абрамович дает сеанс на заводе автобусов и велосипедов, а мое основное выступление в соседнем городке шахтеров и металлургов на спортивном фестивале крупнейшего в Югославии производственного объединения. Но сначала я должен был поехать с Фурманом на «его» завод и там тоже сыграть на десяти досках. Лишь затем отправился на «свой» фестиваль, откуда вернулся в час ночи усталый, опирающийся на сувенирную трость, сделанную в виде отбойного молотка...»

«...Осмотрели одну из самых больших мечетей в Югославии. Было это как раз в пятницу, когда у мусульман творятся молитвы. По верхнему кольцу минарета ходил глашатай и, обращаясь во все стороны, зазывал на вечернюю службу. Мечеть вся застелена дорогими коврами. Босые мусульмане молятся сидя, причем всегда лицом в сторону Мекки. Женщины обычно не принимают участия в молитвах, но если и да, то обязательно располагаются позади мужчин. Свое название — Сараево — город получил в турецкие времена от караван-сараев, так как служил базой для проходящих войск и обозов. В плане вероисповедания он неоднороден: примерно 60 процентов жителей — мусульмане, остальные — католики и православные. Но, что любопытно, на религиозной почве нет столкновений.

Увлекательное место — турецкий базар, где можно купить почти все, где прямо при покупателях появляются самые разнообразные поделки, где на глазах у почтенной публики чеканят тарелки, подносы, чайники.

Сеанс одновременной игры затянулся, потому что мы давали его одновременно с Фурманом. Дело в том, что

организаторы очень неудобно поставили столы, образовав для сеансеров общий квадрат: сделав на всех досках ход, нужно было по диагонали «вхолостую» топать метров 15—20 обратно к первому столику. Уложиться за 3 часа не удалось, на самолет опоздали, и пришлось отправляться в Лозницу на машине.

Прибыли к обеду. Нас встретили местные организаторы, представитель Шахматной федерации Сербии (в Югославии республиканские федерации сильны и весьма самостоятельны), второй секретарь посольства СССР и работники советского телевидения, которым я прямо за обедом давал интервью для программы «Время» (при этом с первого раза не сработала техника, и мне уже в понятном настроении пришлось повторяться).

Сеанс проводили в большом зале самого большого в городе кафе. Фантастический прием! Такое, пожалуй, было только после выигрыша соревнований претендентов, да еще во время «коронации» в Москве в Колонном зале, а потом в Ленинграде и Златоусте. Участники и зрители долго аплодировали и скандировали: «Кар-пов! То-ля!» Нас наградили почетными медалями города Лозницы.

В Лознице я еще раз понял, что такое микроклимат в географическом смысле этого слова. Обедали мы в открытом ресторане на горе, дул ветерок, и было совсем неплохо. Но когда спустились всего на несколько метров вниз, в парк, жара начала нас одолевать. Играть было трудно... Да еще зрителей набралось... По крайней мере половина желающих посмотреть на сеанс осталась за дверьми — большой зал не мог вместить всех желающих. Телевидение оттягивало последние ресурсы вентиляции. Не все смогли долго находиться в таких условиях, а мне — в пиджаке и при галстуке — приходилось еще и играть несколько часов. И все же я остался очень доволен...»

«В Белград приехали в ту же субботу около полуночи, а воскресенье стало для нас «днем печати»: с утра выступление в журнальном издательстве, а затем под открытым небом на одной из центральных площадей столицы сеанс одновременной игры для читателей газеты «Вечерние новости». Трудно переоценить значение такого мероприятия. Тысячи горожан, прогуливающихся по центру Белграда, — и каждый хоть на минутку заинтересовался, глянул на доски, на играющих, на чемпиона мира, наконец. И, быть может, в тот вечер в шахматной армии прибавилось несколько десятков новых солдат...»

Спартакиада

Огромную пользу принесло шахматам их восстановление в программе VI Спартакиады народов СССР: сразу повысилось внимание к этому виду на местах, и спортивные руководители не могли больше отмахиваться от нужды шахматистов, как они это делали порой раньше.

На свой форум собрались все лучшие шахматисты Советского Союза — 25 гроссмейстеров, 17 международных мастеров, 82 мастера спорта, — представлявшие сборные команды всех союзных республик и городов Москвы и Ленинграда. Ожидалось, что за первое место будут бороться опытная московская (Т. Петросян, В. Смыслов, Д. Бронштейн, Е. Васюков...) и относительно молодая украинская (А. Белявский, Г. Кузьмин, В. Савон, В. Тукмаков...) команды и сборная РСФСР (там и Б. Спасский, и Л. Полугаевский, и Е. Геллер). Ленинградской команде (во главе с А. Карповым) тоже вполне к лицу могли прийтись спартакиадные медали. Но вот из какого металла — этого никто не знал.

Наибольший резонанс имели, пожалуй, такие моменты: собственно выступление чемпиона мира ($5^1/_2$ очков из 7, первое место среди лидеров команд), а еще — как это ни парадоксально — разгром, который учинила сборная РСФСР московским шахматистам. Именно этот матч определил, по существу, победителей всей Спартакиады народов СССР. К тому же москвичи проиграли так, что навсегда оставили счет своего поражения в летописи командных соревнований. Что называется, попали в историю...

Счет был уникален — $^1/_2 : 8^1/_2$. Некоторые специалисты склонны были утверждать, что шахматы — прежде всего игра, а в игре, мол, всякое бывает. Переиграйте этот матч, и, может быть... Конечно, Спасский не всегда должен выигрывать у Петросяна. Разумеется, Смыслов не обязательно именно теперь должен был потерпеть первое за годы их спортивного соперничества поражение от Полугаевского. И уж совсем не наверняка, играя черными, Крогиус может одолеть Балашова, а Васюков, отказавшись от предложенной ничьей, в другой раз вряд ли допустит такие тяжелые ошибки, как во встрече с Геллером...

Понятно, была доля невезения в проигрыше с таким счетом, но была и закономерность. Точнее, было то, для

чего журналисты уже успели выработать изящный штамп — «закономерная сенсация». Слабо была подготовлена и плохо организована, хотя и звучна именами, московская команда. Плохая работа столичной шахматной федерации, полное безразличие к шахматам городского спорткомитета... Словом, к этой «сенсации» москвичи шли давно.

Дружной и сильной сборной РСФСР вознамерилась оказать конкуренцию команда Ленинграда. Чемпион мира, вероятно, больше других нуждался в отдыхе после своих активных выступлений в Югославии и накануне ответственнейшего турнира в Милане. Однако, понимая, как он нужен команде, Карпов не позволял себе тайм-аутов в важнейших матчах.

В день встречи команд РСФСР и Ленинграда большинству участников стало легче дышать — это в прямом и переносном смысле. Словно огромным магнитом, зрителей перетягивало из главного зала в специальный, маленький, где игрался матч Ленинград — РСФСР. Кроме всего прочего, было и еще одно обстоятельство, которое неудержимо влекло любителей шахмат. На возвышении, напоминающем музейный царский альков, а теперь превращенном в сцену, установлен был шахматный столик с табличкой «А. Карпов — Б. Спасский». Именно это возвышение атаковали до зубов вооруженные разнокалиберными фотопушками репортеры.

Непреклонные судьи впускали в тот зал столько зрителей, сколько оттуда их выходило. Два кресла удалось высвободить для родителей Карпова, которые, заметив, что тренеры сборной РСФСР подкрепляют своих подопечных шоколадом, незамедлительно пожелали передать сыну ягоды. Гроссмейстер Сало Флор тут же пошутил: «Я на месте Толи предпочел бы этой клубничке вон ту черненькую пешечку на d5».

Будто услышав совет опытнейшего гроссмейстера, Карпов приступил к осаде изолированной ферзевой пешки соперника. Позиция Спасского начала внушать опасения, и он серьезно стал задумываться, позволив чемпиону совершать все более длительные обходы выстроившихся в ряд столиков других участников. (Потом Карпов говорил, что каждый раз он возвращался на свое место в хорошем расположении духа, поскольку ему очень нравились позиции земляков: ленинградцы явно захватывали инициативу в важнейшем матче.)

Смело взяв пешку, Карпов вынудил соперника пуститься в море осложнений, уже наверняка зная, что тот не выплывет. Чемпион мира действовал и точно, и весьма элегантно. Экс-чемпион принял временную жертву ферзя, которую чемпион красивым ходом ладьи заставил стать «жертвой постоянной». Партия была отложена, но все понимали, что формальное решение вопроса о капитуляции черных лишь откладывается и аплодисменты в честь Карпова раздадутся назавтра утром.

— Команда Российской Федерации едва не потерпела крупного поражения. В один момент казалось, что мы должны одержать победу со счетом 6 : 3 или даже 7 : 2. В подобных соревнованиях нередко бывает, что проигрыш лидеров, особенно таких, как Спасский и Полугаевский, деморализует остальных участников, и тогда вся команда начинает «гореть». Но высший класс команды проявляется в том, что шахматисты не упускают своих шансов. И российские шахматисты выстояли, они сумели свести матч вничью.

Во всех командных соревнованиях (за исключением последних) я играл за сборную России. И после того как стало ясно, что Ленинград уже не может претендовать на первое место, я стал «болеть» за своих старых товарищей — шахматистов РСФСР и был рад, что они завоевали тогда звание чемпионов Спартакиады.

Глава IX

МИЛАНСКИЕ ЭКЗАМЕНЫ

Одним из городов, претендовавших на проведение матча Фишер — Карпов, был Милан. И хоть матч не состоялся, в Италии не отказались от надежды увидеть у себя в гостях лучших из действующих шахматистов мира. Матч уступил место турниру с участием 12 гроссмейстеров, входящих в число сильнейших. Список приглашенных выглядел очень внушительно.

Единственным участником, не имеющим значительных достижений, оказался итальянец Мариотти. Но и он имел звание международного гроссмейстера. Если бы первенство мира разыгрывалось по такой системе, миланскую встречу можно было бы приравнять к нему. Да и регламент организаторы придумали такой, что он в миниатюре повторял все этапы трехлетнего цикла борьбы за чемпионский титул: вслед за общим турниром четыре его победителя составляли две полуфинальные пары и играли микроматчи из четырех партий, а затем выигравшие эти матчи встречались между собой в финале.

Бросалось в глаза старание хозяев провести турнир выше уровня мировых стандартов. Быт гроссмейстеров был организован весьма продуманно — они жили, питались и играли в одном комплексе зданий, объединенном в отель под названием «Леонардо да Винчи». Мягкий ковер, покрывавший все внутренние поверхности затемненного и расположенного глубоко под землей турнирного помещения, скрадывал шумовые эффекты. Обстановка как в кинозале во

время очередного сеанса, когда гаснет свет и вспыхивает экран. Его роль выполняла здесь невысоко приподнятая над полом сцена. По краям ее — флаги стран, которые представляли гроссмейстеры, на возвышении — столики, в глубине — шесть демонстрационных досок. В зале 700 мест, но в дни наиболее интересных туров число кресел увеличивали до 1000. Зал практически всегда был переполнен, и это несмотря на высокую входную плату: три тысячи итальянских лир (тогда это составляло примерно пять американских долларов) взимались за взрослый билет, детям делалась скидка.

— Я уже на собственном опыте знал, что от чемпиона требуют и ждут лишь наивысших результатов, лишь первых мест. Знал я и что чемпион не получает вместе с лавровым венком страховой полис против невезенья или некую волшебную палочку, позволяющую ему в отличие от прочих смертных всегда пребывать в наивысшей форме. Пока у меня с этой точки зрения все шло благополучно. Но я-то отлично понимал: без неудачи не обойтись. Но, думал, только не в Милане. Здесь я и в самом деле просто обязан был быть первым! С одной стороны, уж очень грандиозен по составу турнир. Настолько грандиозен, словно его и придумали для проверки нового чемпиона мира на прочность. С другой — достался мне лавровый венок не так, как доставался прежним его владельцам, без матча с самим чемпионом, и мир все еще требовал доказательств законности новой «шахматной власти». Милан должен был поставить точку над «i».

Я рассматривал этапы соревнования как составные части одного большого турнира и на каждом этапе решал конкретную задачу. Прежде всего мне нужно было попасть в первую четверку победителей предварительного кругового турнира. На втором, полуфинальном этапе — либо выиграть свой матч из четырех партий, либо сделать в нем ничью (в этом случае в финал выходил тот, кто лучше выступил в круговом турнире). И лишь на третьем, финальном этапе, который состоял из шести матчевых партий, — выиграть обязательно.

Когда речь идет о необходимости быть первым, сыграв за 25 дней 21 партию против сильнейших соперников, творческая сторона отходит на второй план.

Перед началом все мы прикидывали, сколько очков потребуется набрать для выхода в полуфинал. Сходились на том, что гарантия — «плюс три». Потом выяснилось, что и «плюс два» тоже достаточно.

Турнир едва успел приинять старт, а эти самые «плюс два» уже имели Портиш и Любоевич. Но если Портиш отлично переиграл Мариотти и Глигорича, то Любоевичу оба очка подарила фортуна. Сначала его начисто переиграл черными Андерссон, но, добившись решающего преимущества и имея полную возможность за оставшиеся три минуты превратить его в очко, непрактичный швед так залюбовался иа свою позицию, что вовсе забыл о часах и не заметил, как флажок на его циферблате упал. На другой день «подарок» югославу преподнес Ларсен, имевший в партии с Любоевичем лучшую позицию, ио выбравший неверный тактический путь и проигравший.

Мне удалось настичь лидеров к четвертому туру. В общем я ие имел оснований быть недовольным: я никого не пропустил вперед, это ие стоило мие каких-то сверхусилий, причем сравнительно легко я выиграл иичейный эидшпиль у Любоевича. А партия с Унцикером отняла у меня и вовсе 15 минут. Собственно, длилась-то оиа больше — полтора часа, ио, как показали часы на иашем столике, час и пятнадцать мииут раздумывал над своими ходами западногерманский гроссмейстер и лишь четверть часа я. И вот что интересио — мы играли испаискую партию, а она, хоть и изучеиа вдоль и поперек и приводимые в справочниках ее варианты тяиутся на два десятка ходов, требует особого понимаиия. И Унцикер как раз относится к числу ее признаниых знатоков. Таль после этой партии остроумио заметил, что я никак не могу выиграть у Унцикера хотя бы пешку; тот успевает сдаться при полном материальиом равенстве и почти полиой доске фигур (так было на Олимпиаде в Ницце, так случилось и теперь в Милаие).

Пятый тур оказался мирным, все лидеры взяли по «половиике» и сохранили позиции. Вслед за иами шли Брауи и Смейкал. На положении Таля все еще сказывались драмы первых дней, когда он в лучших позициях потерпел два поражения, Петросян до поры до времени оставался в тени, довольствуясь ничьими.

Когда на большом туриире выдается мирный день, раздосадоваиные болельщики, расходясь по домам, ие

жалеют обидных эпитетов по адресу «провинившихся» гроссмейстеров, а репортеры изливают свои отрицательные эмоции на газетные полосы. Словно мы и в самом деле умышленно отнимаем у шахматной публики ее право присутствовать на спектакле, исполненном наивысшего драматизма. В общем-то публику можно понять: зритель, не получив от фильма, спектакля или матча того, на что надеялся, предъявляет претензии их участникам и режиссерам. Кого же еще ему и корить за неудавшийся вечер?

Но на самом деле мы, играющие, зачастую чувствуем себя в такие дни без вины виноватыми. Шахматист идет на очередной тур, заранее планируя свой результат. План этот зависит от многого — от турнирного положения, от длины оставшейся дистанции, от цвета твоих фигур, от сравнительной силы — твоей и соперника, от физического и нервного состояния в этот день... Никто же не хочет видеть себя заранее в роли побежденного. Кто-то идет в турнирный зал с максимальными претензиями, а кто-то не возражает и против ничьей (ну а уж если представится случай заработать очко, слава богу). И эти предварительные наметки каждого, равно как и настроение и дебютные намерения, сталкиваются за доской. В одних случаях пламя жаркой борьбы вспыхивает, и разражаются долгие или короткие бури, а иногда столкновение так и не высекает искру. Странно ведь было требовать от гроссмейстера выжать из позиции более того, что в ней заложено, выжать лишь на потребу публике, выжать, жертвуя своей турнирной стратегией, а с ней и долгими месяцами труда, когда мы готовимся к турнирам. Разумеется, все это я говорю, не имея в виду «договорные» ничьи...

В мирном пятом туре пламя так и не разгорелось ни за одним из шести столиков. И это не более чем совпадение. Совсем иного рода совпадение случилось в следующем, шестом туре. Опять все шли в зал, определив свою сегодняшнюю программу — и оптимальную и минимальную. Опять все сели за доски, не зная, что предложат их нынешние партнеры. Но совпадение заключалось в том, что для большинства участников настало время выяснить их турнирное положение. И игра сразу «пошла». И такие во всех шести партиях завязались схватки, что зал в тот вечер и шумел и аплодировал, будто в нем шел не шахматный турнир...

...Характерной иллюстрацией может служить партия Б. Ларсен — М. Таль. Датчанин накануне вышел на пятидесятипроцентный рубеж и оттуда готовился к продолжению рывка. А экс-чемпиону мира рубеж этот еще только виделся. Теперь для Таля проигрыш был, как говорится, смерти (в этом турнире) подобен, почти столь же нетерпимо поражение и для Ларсена. Это сугубо спортивные соображения. Представьте себе и психологическую подоплеку поединка давних соперников, уже выигравших друг у друга целые матчи и слывущих непримиримыми шахматными бойцами. Бойцами, но не гладиаторами, идущими на смерть. Вот и построили они свою тактику одинаково: зная характер партнера, каждый играл осмотрительно и аккуратно менял фигуры, уверенный, что соперник рано или поздно не выдержит и тогда с невыгодой для себя нарушит равновесие. Потом повнимательнее глянули на доску — а там стоит уже почти ничья. И тут палку перегнул Ларсен. Один неосторожный ход датчанина — и этого уже оказалось достаточным, чтобы Таль создал неотразимую матовую атаку на неприятельского короля. И в фешенебельном отеле «Леонардо да Винчи» раздались аплодисменты, адресованные победителю.

Таля даже как-то смутил такой незакономерный, что ли, выигрыш. Вроде бы оправдываясь, он сказал: «Ко мне с процентами вернулось то, что я упустил во встрече с Портишем». Кстати, и сам Портиш, сделав в лучшей позиции плохой ход, который привел его к поражению от Андерссона, мрачно пошутил, имея в виду себя и Ларсена: «Второе шахматное самоубийство за один вечер».

— Моя позиция в партии с Глигоричем висела в тот вечер на тоненьком волоске. И порвется он, этот волосок, или нет, зависело куда больше от моего партнера, чем от меня. Сначала все шло легко и просто — мы повторяли ходы из нашей последней встречи на турнире в Портороже. Лишь 17-й мой ход был новым, усиливающим вариант. Вскоре Глигорич попал в тяжелое положение. У меня имелось несколько путей к выигрышу. Я сделал выбор, поставил фигуру, записал ход и отошел от доски. И вдруг, скорее не мысленным еще взором, а каким-то шестым чувством, ощутил: произошло неладное. Дейст-

вительно, ход оказался ужасным: отыскав правильный план, соперник мог заставить меня самого искать спасение в вечном шахе. Глигорич тем временем надолго задумался. Минуты тянулись нестерпимо медленно...

Глигорич не нашел спасительного продолжения, и опасность потери важного полуочка миновала. Партия была отложена, и на следующий день, после доигрывания, Карпов стал единоличным лидером, имея $4^1/_2$ очка из 6.

Седьмой игровой день опять выдался мирным. Все партии закончились вничью, исключая лишь встречу скандинавов — Ларсена и Андерссона. Соседи издавна регулярно бьют друг друга. Незадолго до миланского турнира они сыграли между собой целый матч, закончившийся разгромом датчанина — $2^1/_2 : 5^1/_2$. Теперь он частично реваншировался, обыграв шведа, который никак не мог преодолеть грустную вялость, вызванную стартовыми неудачами.

Затем затишье снова сменилось бурей. Организаторы миланского турнира опробовали такое новшество: когда у шахматиста оставалось меньше пяти минут на обдумывание ходов, к демонстрационной доске привешивалась красная табличка с предупреждающей надписью: «Цейтнот!» Надпись эта — что-то наподобие сигнала бедствия. И этот сигнал загорался в восьмом туре на пяти демонстрационных досках из шести (Таль быстро победил Мариотти). Поначалу темп игры был медленным, но напряжение оттого еще более увеличивалось и передавалось зрителям... В огромном зале установилась такая тишина, что порой даже слышалось, как в руках гроссмейстеров дребезжат, погружаясь в чашечки с кофе, маленькие ложечки. А потом разом ко всем столикам подкрались цейтноты, и быстро-быстро застучали кнопки шахматных часов...

В эту цейтнотную, обычную для себя ситуацию попал Андерссон. И тем не менее Карпов, пусть не в тот вечер, а после доигрывания, проиграл. Проиграл впервые после того, как стал чемпионом мира.

— Партия была очень интересной. Как играть — я продумал заранее. Андерссон — цейтнотчик, и я спе-

циально действовал так, чтобы дать ему пищу для размышлений. И все получалось по-задуманному. Возникла позиция, быть может, и равная, но очень сложная, так что все время требовалось считать ход в ход: вот я сыграю так, он ответит так, я — так, он — так... Позиция таила много каверз, возникали все новые оценочные возможности, Андерссон стал много думать — и оказался там, куда я подталкивал его...

Он видел, что, если дело и дальше так пойдет, проиграет равную позицию просто потому, что у него истечет время. Он был уже не в силах справиться с собой и бросился на меня, пожертвовал качество, но компенсацию получил недостаточную. Его инициативу я быстро ликвидировал. Все? Дело было за малым — выиграть эту выигранную партию, спокойно довести ее до конца.

И в этот момент мне словно в голову ударило: надо выигрывать быстро. Чего там мучиться, думаю, ведь он уже готов. У него цейтнот сильнейший: одна или две минуты на десяток без малого ходов. Гиблое дело! И вот я, имея лишнее качество и больше часа на обдумывание, как мальчик заиграл на цейтнот... Потом размышлял: разве я не мог себе этого позволить? Без ложной скромности — в блиц я играю очень хорошо. И если мы сядем играть в блиц с Андерссоном, я у него любой матч выиграю. А тут в одной-единственной партии, имея лишнее качество (правда, не без трудностей с реализацией), проигрываю... Как это происходит? Находясь в цейтноте, шахматист сжат в комок, все мысли его сфокусированы на одном: он прикидывает, какой ход сделает противник и как на него ответить. Интенсивность мышления возрастает в несколько раз, все обдумано заранее: по крайней мере, на каждый случай припасен ответ. А у меня-то все наоборот было. Не хочешь, а расслабляешься. Вроде бы работаешь с прежней интенсивностью, но точит мыслишка: ладно, сделаем еще пару ходов, мне спешить некуда, еще успею подумать, что-то найти... Один «просто ход», второй «просто ход» — пока не сделал такой на первый взгляд очевидный ход, что потом думал целый оставшийся час, да так ничего придумать и не смог, — позиция была проиграна...

...Во время домашнего (то бишь гостиничного) анализа диагноз подтвердился: положение мое проиграно. На следующий день Андерссону не хватило четырехчасового доигрывания, чтобы одержать победу в выигрышном поло-

жении. Объявили перерыв на обед. Затем игра должна была возобновиться. Откровенно говоря, я отправился в зал только для того, чтобы проверить, не угодит ли мой партнер в последнюю ничейную ловушку. Немного поплутав вокруг западни, Андерссон в конце концов все же пошел верным путем. Когда я потом показал шведскому гроссмейстеру, что ожидало его, избери он другую дорогу, тот абсолютно искренне расстроился: «Лучше бы я попался. Такая блестящая концовка могла получиться — не жаль половины очка!» Ульф Андерссон вообще очень тонко чувствует шахматную красоту, к тому же он отличный парень.

Я, конечно, огорчился, но только самим фактом нелепого поражения, а не тем, что проиграл именно Андерссону. Если бы мне сказали: мол, тебе суждено проиграть одну партию, выбери победителя сам, то, может быть, именно Андерссона я и выбрал бы, поскольку он очень приятный человек.

Шахматист, проигрывая, терзается двумя мыслями: первая — на себя злится, как мог вообще проиграть; вторая, менее характерная, — что проиграл вот такому «пижону» (или неприятному шахматисту). В данном случае вторая мысль у меня отсутствовала. Я был зол только на себя: как можно было проиграть выигранную позицию?!

Все были довольны моим поражением. Андерссон ни с кем не конкурировал за выход в четверку, которая должна была продолжать борьбу за первенство в матчевых поединках. Я же в случае победы стал бы недосягаемым для остальных, а теперь другие сразу оказались рядом, и если до сих пор все дрались за три вакантных места, оставляя мне одно почти автоматически, то тут вдруг выяснилось, что вакантных мест опять, как и на старте, четыре. Всем приятно!

Однако в этом утверждении с Карповым нельзя согласиться. В Италии явное большинство «болело» за него. Пришел как-то на турнир мэр Милана. На вопрос, какому гроссмейстеру он симпатизирует, «городской голова», не задумываясь, ответил, что, естественно, он желает удачи итальянцу Сарджио Мариотти, а еще — чемпиону мира Анатолию Карпову. Ведь Карпов ленинградец, а города Милан и Ленинград связывает давняя дружба.

— Перед последним туром на выход в заветную четверку претендовало гораздо большее число шахматистов. И тогда, готовясь к решающему сражению, гроссмейстерам пришлось бросить на весы своих предварительных расчетов тяжелые гирьки коэффициентов. Так бывает всегда, когда спрос на места превышает предложения. Уже говорилось, что согласно положению о турнире в случае, если кто-то из соискателей наберет одинаковое количество очков, предпочтение отдавалось имеющим лучшие показатели по таблице коэффициентов Бергера. (Другими словами, тем, кто лучше сыграл с ведущими участниками.)

Чтобы обеспечить себе как минимум дележ первого места, мне надо было играть с Мариотти на выигрыш, а для этого вскрыть позицию, на что соперник ни за что идти не хотел. Однако и «половинка» (хвала Бергеру!) обеспечивала мне не только место под солнцем, но и разрешала благодаря лучшему коэффициенту не опасаться равного счета в полуфинале. Я предложил партнеру, так и не сумевшему одержать в турнире ни одной победы, ничью. Ни за что бы не пошел на это, если бы знал наперед, как плохо будет играть Браун против Портиша.

Американец Уолтер Браун, и без того попавший в неприятную позицию, в цейтноте занялся собственноручным сооружением гробницы для своего короля, в чем явно преуспел. Партия была отложена, но не доигрывалась. Поздно вечером Браун узнал у Портиша записанный тем сильный ход и сдался. Так чистое первое место в предварительном соревновании досталось Лайошу Портишу.

Досталось место под солнцем и Петросяну, который принял предложенную Ларсеном самую настоящую «потасовку» и, проявив свои отличные шахматные и спортивные качества (о них уже к тому моменту начали было забывать), заставил сдаться партнера. Четвертым по таблице коэффициентом стал Любоевич. Великолепно до определенного момента вел партию с югославом Таль, которому нужна была только победа. Но, по выражению шахматистов, он «переставил ходы», а потом попросту зевнул двойной удар — ферзь Любоевича напал сразу на ладью и слона экс-чемпиона мира. Таль еще и в день доигрывания в течение четырех часов с редким мужеством

и поистине талевской изобретательностью изыскивал шансы, но пути к спасению уже не было.

На основании все тех же коэффициентов были составлены полуфинальные пары: Портиш — Любоевич и Карпов — Петросян.

Через день все четверо, не успевшие стряхнуть с себя усталость и потому чуть ли не с завистью поглядывавшие на своих вчерашних партнеров, собиравшихся домой, снова сели за доски. Впрочем, любой из тех, кто готовился к отъезду, с удовольствием поменялся бы местами с остающимися: кто не мечтает победить в таком турнире?!

— В нашем матче с Петросяном меня устраивала и ничья: благодаря лучшему коэффициенту в круговом турнире она давала право оспаривать затем первое место. Конечно, играй мы матч из восьми-десяти партий, преимущество это было бы не столь значительным. Но когда их всего четыре (а если поделить на белый и черный цвета, остаются только две серьезные попытки сыграть на победу), то начальный перевес имеет важное значение.

Буквально с первой партии стало очевидно, что и Петросян, верный своему характеру, не ищет бури. Еще две ничьих убедили в этом всех. Потом был последний перерыв на этом длительном миланском соревновании гроссмейстеров. И вот после двух свободных от матча, но заполненных лекциями и сеансами дней участники вновь сели за доски. Карпову, вернувшемуся из Вены, где он в 25 партиях с читателями газеты Компартии Австрии «Фольксштимме» сделал четыре ничьих (выиграв, разумеется, остальные), нужна была ничья и в последнем поединке с Петросяном. Уже в дебюте с доски сначала ушли кони, а вскоре и слоны... Когда на 30-м ходу Карпов потянулся за белой пешкой, чтобы восстановить полное материальное равновесие, рука его встретилась с рукой Петросяна: экс-чемпион мира поздравлял чемпиона с выходом в главный финал.

Совсем по-другому, нежели Петросян, вел себя в сходных обстоятельствах Любоевич. Уже в самой первой полуфинальной партии он произвел разведку боем и подкрался так близко к королю Портиша, что тот некоторое

время был близок к поражению. Следующий демарш симпатичный Любомир предпринял в третьей партии, но был наказан нулем. А в четвертой, играя белыми, он сделал такой ход в испанской партии, что Карпов с улыбкой воскликнул: «Мне даже вдруг захотелось сдаться Петросяну, чтобы самому потом играть с Любоевичем». Да югослав и сам понимал, что играл неважно. «Какое может быть настроение, — сказал он, — когда независимо от исхода этой встречи Портиш все равно уже обеспечил себе выход в финал».

Итак, Анатолию Карпову в матче из шести партий противостоял сильнейший, пожалуй, из действующих зарубежных гроссмейстеров — венгр Лайош Портиш.

В шахматах право первого хода как право на подачу в теннисе и волейболе. Если она хорошо натренирована и пущенный теннисистом мяч летит в самый угол площадки по стелющейся траектории, подача становится оружием атаки. В шахматах оружие это получает тот, кому достался белый цвет. Его сопернику тут чаще всего не до мыслей об очке. Первая и основная его цель — добиться без потерь «перехода подачи».

Карпову удалось это сделать. Все попытки Портиша захватить инициативу были пресечены, ему пришлось пойти на размен ферзей и согласиться перейти в эндшпиль.

...Вот сейчас, через минуту, Портиш предложит ничью. Но сначала просто так, по инерции, он делает еще один ход вперед пешкой. Можно тоже просто так, не утруждая себя долгими раздумьями, ответить ничего не значащим ходом и протянуть партнеру руку... Пожалуй, никто в зале, кроме самого Карпова, и не заметил, какие замыслы скрывались за этим невинным движением маленького пехотинца. Он не стал отвечать «просто так», он продолжал играть с аптекарской точностью. Тактический и одновременно психологический маневр Портиша не удался.

Собственную подачу Карпов использовал превосходно. В испанской партии он несколько неожиданно пошел в стремительное наступление на королевском фланге, все двигая и двигая свою пехоту вперед, чтобы пробить диагональ для чернопольного слона, нацеленного на позицию рокировки Портиша. Тот строил надежные и труднопреодолимые рубежи, стягивая для этого все больше фигур к королю. Остальные участки доски неизбежно оголялись.

И когда линия обороны одного из этих участков стала достаточно тонкой, Карпов осуществил там прорыв...

Прибегнем опять к аналогии с другими видами спорта. Повсюду, в играх особенно, признаком высшего мастерства является умение использовать всю площадь поля. И успех современной футбольной команды во многом зависит от того, насколько она преуспевает в «тотальной» игре, сколь интенсивно действуют по всему полю все «фигуры».

Использовать в партии все 64 клетки шахматного поля одновременно не удавалось еще никому. И на этот счет, кстати, существуют специальные обоснования. Выдающийся советский этюдист и мастер большой практической силы Г. Каспарян, занимаясь с молодыми шахматистами, советовал им собирать в кулак свои фигуры на том фланге, где они сильнее. А на противоположном участке доски ограничиться лишь профилактическими мерами. Когда наиболее нетерпеливые слушатели интересовались: «А почему нельзя атаковать сразу на обоих флангах?» — учитель отвечал им: «Для этого потребовалось бы два комплекта шахмат, а в вашем распоряжении находится только один».

... Да, никому еще не удавалось одновременно использовать все пространство шахматной доски. Но тот, кто ближе всех подходит к решению этой сверхзадачи, добивается наивысших успехов. Образцом такого использования большинства клеток шахматной доски может служить вторая матчевая партия Карпова с Портишем в Милане.

С каждым новым ходом фигуры белых завладевали все новым пространством. Опасности сыпались на позицию черных со всех сторон. Угроза следовала за угрозой. Уйдя в глухую защиту, Портиш не имел и секундной возможности перевести дух и осмотреться. Стоит ли удивляться, когда в этой обстановке он угодил вдруг в комбинационную западню, вырытую для него Карповым? Портиш отложил партию в надежде на спасительный в эндшпиле «разноцвет». Но чернопольный слон Карпова уже проделывал свою разрушительную работу, и чемпион мира четко довел партию до победы.

Доигрывание происходило утром, а вечером партнеры встретились вновь. Не отдохнувший, не восстановившийся после поражения Портиш выглядел несколько потерянным. Чувствовалось, он не в своей тарелке, не готов к энергичному руководству белыми фигурами. Карпов

легко уравнял позицию и стал даже подумывать о большем, однако явных оплошностей его партнер не допускал, и, трезво оценив сложившуюся на доске ситуацию, гроссмейстеры сочли за лучшее не искушать судьбу. И тут же снова короткая, в 26 ходов, ничья в четвертой партии.

Пятая партия была той самой последней соломинкой, за которую обязан был ухватиться Портиш. Он в последний раз играл белыми, и выигрыш давал ему надежду: в случае ничейного исхода основного времени матч продолжался бы до первой победы кого-либо из двоих.

Петросян, уже закончивший свою партию с Любоевичем вничью, взглянув на последебютную позицию соседей, заметил: «Анатолий попал точно под ту же атаку, что и Балашов в партии со мной на командном первенстве Москвы. Как же это я там выигрывал?» После часового раздумья Портиш не нашел ответа на этот вопрос. Он, правда, избрал тоже хороший план, но от непосредственных угроз Карпов защитился. В конце концов соперники перешли в эндшпиль, чего Портишу очень не хотелось, и отложили партию. Доигрывание не состоялось. Выяснив, какой ход записал Карпов, Портиш отказался от дальнейших попыток выиграть эту партию.

Утром венгерский гроссмейстер выглядел вконец утомленным. «С ужасом думаю, что соревнование еще продлится, если я вдруг выиграю сегодня», — пожаловался он встретившемуся журналисту.

В последней партии Портиш избрал вариант, который Карпов и его тренер конкретно к этому турниру не готовили. И вот возникла на доске острая позиция, и Карпов задумался. Сидевший в зале Фурман вдруг начал нервничать:

— Неужели он все позабыл! Мы же когда-то анализировали эту позицию, здесь есть острое продолжение, форсированно ведущее к большому перевесу. Забыл, забыл... — И уже совсем сердито: — Ну где же ему все помнить, если он в голове держит целые марочные каталоги, будь они неладны! Вот и сегодня перед партией занимался своей филателией, совсем голову себе задурил.

—А может быть?.. — робко решился я высказать Фурману свою догадку...

Мысль эта пришла к нам обоим одновременно. Фурман, сразу успокоившись, четко сформулировал:

— Верно. Незачем пользоваться «секретным оружием», когда и так все решено.

Через минуту он уже прежним любящим взглядом смотрел на своего ученика. А потом заторопился: «Толя просил проставить спецгашение». И с филателистическими конвертами в одной руке и неизменной сигаретой в другой ушел в фойе, где трудились сотрудники почты.

Карпов инициативу не выпускал. Портиш, по всему чувствовалось, не готов был уже действовать на своем обычном уровне. Несколько его неудачных ходов, и стало очевидно — вот-вот Карпов получит решающий перевес. Но дело до этого не дошло: венгерский гроссмейстер успел, слабо улыбнувшись, предложить ничью.

Выдающееся это соревнование было, вероятно, одним из труднейших в шахматной жизни Карпова. Тяжелым оно было и для всех остальных его участников. Но никому завоевание первого места не было так необходимо, как Карпову. Лишь она, эта победа, ставила необходимый штамп на его чемпионском дипломе, штамп, окончательно удостоверяющий, что сегодня он и только он является «шахматистом № 1». И этот титанический груз ответственности осложнял его положение, ложился дополнительной ношей на его плечи. Тем более ценно, что на всем протяжении марафонской дистанции, проложенной организаторами миланской встречи, Карпов ни сам не усомнился в конечном успехе, ни поколебал веру в себя у других. Нервные перегрузки не сказались на его мудрой турнирной стратегии, он прошел дистанцию ровно, его пульс был постоянно полнокровен, он сделал для победы ровно столько, сколько было необходимо и достаточно.

Такое доступно лишь человеку, зрелому физически, духовно, интеллектуально, человеку, вошедшему в пору расцвета творческих сил.

Глава X

«КРУГОСВЕТКА»

Не в характере Карпова спокойная жизнь, он хочет играть, он жаждет путешествовать. «Кончилась зимняя спячка, — шутил Анатолий, — пора двигаться». И помчался «летучий уралец» по маршруту, который и представить-то себе трудно.

Сначала — международный турнир в югославском городе Скопле, потом — розыгрыш Кубка СССР в Тбилиси.

Дальше — больше: Ленинград — Москва — Амстердам — Барселона — Париж — Гавр — Ла-Рошель — снова Москва — Ленинград (3 дня дома) — Москва — Красноярск — Якутск — Мирный — Петропавловск-Камчатский — Хабаровск — Москва — Ленинград (3 дня) — Москва — Токио — Манила — Москва...

И все это в течение двух с половиной месяцев 1976 года — с 10 мая по 28 июля! А что такое сибирские и дальневосточные расстояния? Самый короткий перелет — от Якутска до Мирного — равен полутора тысячам километров. На привычном железнодорожном перегоне между Ленинградом и Москвой — фирменный поезд «Красная стрела», остальное по воздуху — Ту и «боинг», «дуглас» и Ил-18, Як-40, Ан-24, Ил-62, да еще и вертолет...

Но начнем, однако, все по порядку, с первого весеннего старта Карпова 1976 года...

Против теории вероятности

— От чемпионов ждут в любом турнире только первого места, вто-

рое — уже неуспех, третье или четвертое — чуть ли не фиаско. Но это же невозможно — побеждать во всех турнирах подряд. Единственный, значит, путь — не играть часто. Это и делали мои предшественники. А я люблю играть. И буду. Что же до первых призов... Вот уже четыре года подряд я занимаю лишь первые места. Единственное исключение — первенство СССР в высшей лиге, где поделил второе-шестое. Однако, чем дальше, тем больше, против меня работает такой могущественный противник, как теория вероятности. После каждого очередного выигранного турнира все меньше шансов быть первым в следующем — должна же теория вероятности в конце концов сказать свое слово! Игра не пойдет... Окажусь не в форме... Заболею... Да мало ли что может подстроить человеку жизнь? Всего и не предусмотришь.

Но теперь, когда позади остался Милан, меня это не слишком волновало. Буду играть.

И уже весной Карпов отправился на большой турнир в югославский город Скопле, город, с которым у него были связаны яркие воспоминания о первой в его жизни шахматной Олимпиаде, город, дотла разрушенный землетрясением и воскресший к жизни трудом людей разных стран. Потому и традиционные встречи шахматистов в македонской столице теперь имеют название «Турниры солидарности».

Вместе с Карповым в Скопле поехал другой наш гроссмейстер, его сверстник и близкий товарищ Рафаэль Ваганян. Они дружат еще со школьных лет и со школьных лет остаются непримиримыми противниками за доской. Причем — не столь уж частый случай в шахматной жизни — острота соперничества не только не портит их отношений, но скорее укрепляет давнюю дружбу. В Скопле быстро прогрессирующий Ваганян считался одним из претендентов на победу, а значит, входил в число главных конкурентов Карпова. Жребий свел их в первом же туре. Борьба, как всегда, получилась острейшая. Победил Карпов. И слишком впечатлительный Ваганян, расстроенный стартовой неудачей, так и не сумел от нее оправиться и принять участие в споре за высшие места в турнире.

— Эта партия отняла у нас обоих слишком много нервной энергии. В следующих турах и Рафик и я играли неважно. Мне, правда, удалось избежать больших потерь. Но понадобилось время, чтобы и он и я разыгрались. А когда это наконец произошло, Ваганян показал свой истинный класс. Ему удалось набрать пять с половиной очков из шести, да еще, так сказать, «по дороге» разделить первое место в очень сильном по составу блицтурнире, где играли все участники «Турнира солидарности», исключая нас с Ивковым.

Но счастье все же изменило Ваганяну. Он подставил фигуру кандидату в мастера и снова был выбит из колеи. В довершение всех бед он простудился, «не заметив», что в Скопле на пару дней выпал снег, и, уже будучи больным, зевнул в выигрышном положении мат в один ход несильному мастеру.

В «Турнире солидарности» участвовал пожилой американский гроссмейстер Решевский, чьи религиозность и пунктуальность в следовании обрядам веры известны всему шахматному миру. Известно и то, что его религия запрещает ему садиться за шахматную доску в пятницу вечером. Потому все участники на общем собрании согласились переносить партии этого дня недели с Решевским на утренние часы, чтобы заканчивались они до наступления заката. Как раз на пятницу и пришлась встреча Решевского с Ваганяном, который отнесся к перспективе утреннего сеанса чрезмерно спокойно, даже беспечно. Я забеспокоился. «Узнай точно время начала». Ваганян вернулся обескураженный: «Сказали, рано — в десять». — «Ни в коем случае. Ты же привык вставать поздно. Раньше полудня и не думай соглашаться. Одиннадцать — это уже крайний срок — на тот случай, если твой мягкий характер не выдержит и ты начнешь уступать». И мы вместе отправились к организаторам. Решевский спорил, грозился уехать из Скопле, но все участники, осудив поведение американца (ему ведь и так пошли навстречу), поддержали нас. Партию эту, которая началась в одиннадцать, Ваганян провел блестяще и тут же примчался в отель благодарить меня, будто это не он, Ваганян, а я одержал молниеносную победу, проведя редкую по красоте комбинацию с жертвой нескольких фигур.

Мы с Ульманом достаточно далеко оторвались от остальных и все время лидировали. Так, вдвоем, с интервалом в полшага, и пришли к последнему туру. Здесь

предстояла наша встреча, в которой жребий предоставил выбор оружия гроссмейстеру из ГДР — он играл белыми, и его, отстававшего к тому времени на пол-очка, устраивала только победа.

На другой день после окончания трунира множество газет перепечатали сообщение одного агентства: на 20-м ходу Карпов предложил Ульману ничью, тот отказался и проиграл. Ситуация выглядела логично: мне достаточно ничьей, которую я и предлагаю. Ульману нужна победа, и он идет ва-банк, за что и наказан. Никто не заподозрил ошибки. Но корреспондент тем не менее ошибся. Ничью белыми предлагал Ульман, а отклонил черными я. Отклонил и выиграл.

Помните признание Карпова: «Я особенно хорошо играю, когда «иду на обгон», когда же лидирую, — нередко сбавляю скорость». Выходит, не совпадают его слова и дела? Да нет, просто в Скопле играл уже не тот Карпов, которому принадлежали приведенные слова. Он стал чуть менее рационален за доской, но зато куда более агрессивен и уверен в своих возможностях. Он уже не считал достаточным для себя просто занять первое место, он не хотел отказываться от победы в каждой партии, где ее достижение было реальным... И еще...

После турнира Карпов высказал мысль, которая была затаенной и вместе с тем рвалась наружу, мысль, которую он не хотел подчеркивать во всеуслышание и которая в то же время была ему дорога:

«Здесь, в Скопле, когда-то играл Фишер. Он взял тогда $13^1/_2$ очков из 17. А у меня $12^1/_2$ из 15. В процентном отношении это выше...»

Примерно в те дни Карпов давал интервью группе иностранных журналистов. Как всегда в таких беседах, репортеры в той или иной форме все вновь и вновь возвращались к одной теме: «Кого вы считаете самым опасным своим соперником?» Карпов очень не любит разговаривать об этом. Еще меньше любит и умеет он кривить душой. Устав от дипломатии, чемпион в конце концов бросил фразу:

— Таких пока не видно...

Не правда, лакомая кость для каждого, кто готов упрекнуть автора подобного высказывания в чванливости, самомнении, саморекламе? Но наиболее мудрые и

дальновидные знатоки шахмат к тому моменту уже отдавали себе ясный отчет о том, что за шахматист и что за человек нынешний чемпион мира. Логичный комментарий к сказанному Карповым дал Роберт Бирн на страницах газеты «Нью-Йорк таймс»: «Карпов отличается предельной откровенностью и прямотой. Он никогда не рисуется и никогда не прибегает к дипломатии. Поэтому, если он говорит, что не видит для себя опасных соперников среди ведущих гроссмейстеров мира, вопрос для нас заключается не в том, насколько эти слова отражают его действительное мнение, а в том, насколько они отражают объективное соотношение сил».

* * *

Вскоре после «Турнира солидарности» А. Карпов вместе с чемпионкой мира Н. Гаприндашвили и другими гроссмейстерами выступил за команду ЦДСА в розыгрыше Кубка СССР.

Кубок тогда достался сильному и дружному коллективу «Буревестника». Неудача сильной сборной ЦДСА лишний раз подтвердила давнюю истину: несколько звезд — еще не команда. Об этом мы уже говорили, рассказывая о всемирной Олимпиаде 1972 года и о Спартакиаде народов СССР 1975 года. Будет повод поговорить об этом и еще. Что же касается Карпова, то его «вина» в неудаче сборной ЦДСА была едва ли не самой маленькой.

— Еще в поезде по дороге в Тбилиси я неожиданно заболел ангиной. Температура была выше тридцати восьми. Но на месте выяснилось, что и Васюков болен, и Гиплис не рвется играть, то есть первая доска пуста, и мне, хочешь не хочешь, пришлось сразу же садиться играть с Талем. С ним у меня ничейный счет. Хоть во всех партиях до сих пор разошлись мы с миром, но далеко не всегда это были гроссмейстерские ничьи. Помню, в самой первой он мучил меня больше ста ходов, потом не менее сложными были встречи на межзональном турнире, в чемпионате страны... Но тогда в Тбилиси Миша увидел, что я едва сижу, и не настаивал на жесткой борьбе. В конечном счете в розыгрыше Кубка СССР я сделал четыре ничьих при двух победах — для первой доски вполне пристойно.

— Едва закончился Кубок СССР, последовал турнир в Амстердаме. Четверной, двухкруговой, он был довольно трудным. Хотя дистанция и оказалась короткой, но ее заметно усложнил непривычный регламент: игра с 13 до 18 часов, доигрывание с 20 до 22. Организаторы не предусмотрели самую малость — шахматисты тоже должны обедать! К тому же во время соревнований я привык как следует высыпаться, и потому мне некогда было готовиться к отдельным партиям.

Доволен этим регламентом был разве что Уолтер Браун. Так я узнал еще об одной странности чемпиона США — он любит сидеть за доской голодным. Браун играл в Амстердаме поначалу не слишком уверенно и очутился в хвосте. В предпоследнем туре он получил некоторый перевес против Фридрика Олафссона, но выигрыша найти не мог. Тогда Браун затеял рискованнейшие операции. Олафссон угодил в цейтнот, и флажок на его циферблате рухнул в тот момент, когда у американца была уже проигранная позиция. Правда, у Яна Тиммана в последнем туре Браун выиграл весьма убедительно и занял второе место.

Победив в мини-матчах Брауна и Олафссона, я сделал две боевые ничьи с Тимманом. А вот Олафссон в первом же туре у Тиммана выиграл, потому что тот, отклонив предложенную ему ничью, допустил грубый просмотр. После этого четыре тура мы шли рядом с исландским гроссмейстером. В решающей встрече я получил преимущество, но в цейтноте соперника действовал не совсем точно и в известной мере затруднил себе выигрыш. И все же одолеть Олафссона мне удалось...

По окончании турнира мне была вручена копия памятного Кубка. Сама же громадная стеклянная пешка, учрежденная в честь 75-летия М. Эйве, осталась в Амстердаме, где подобные юбилейные соревнования в честь президента ФИДЕ решено было проводить и в дальнейшем.

С завершением турнира в Голландии совпало мое 25-летие, и, когда мы вместе с 75-летним профессором М. Эйве выступали по телевидению, голландцы шутили, что идет «передача столетия».

24 мая в Испании в торжественной обстановке я получил во второй раз приз «Шахматный Оскар». На этот раз он изображал «Даму с зонтиком» — символ Барсе-

лоны. После Испании по приглашению общества «Франция — СССР» я посетил Францию — Париж, Гавр, Ла-Рошель. Очень приятно было принимать от мэра столицы золотую медаль Парижа — высшую там награду. Однако затем пришлось расплачиваться: напротив меня усадили сильнейших мастеров и кандидатов на это звание и попросили дать сеанс на 22 досках. Трудная была работа, ее итог: $+13-4=5$.

Только вертолетом можно долететь

— По командировке ЦК ВЛКСМ летом 1976 года я побывал во многих городах Сибири и Камчатки. За одиннадцать дней провел 13 сеансов одновременной игры, выступил с 20 лекциями, был гостем энергетиков и речников, механизаторов и овощеводов, хлеборобов и рыбаков, геологов и вулканологов, студентов и пионеров...

Интерес к спорту вообще и к шахматам в частности по мере удаления от центральных районов отнюдь не ослабевает, а скорее, наоборот, усиливается. Во время выступлений в самых больших залах мне не доводилось видеть пустовавших мест. В Красноярске один сеанс одновременной игры пришлось проводить даже на стадионе, трибуны которого заполнили несколько тысяч зрителей. Спортивный праздник из-за жаркой дневной погоды перенесли на вечерние часы. И тут случилась единственная, пожалуй, накладка, которой не смогли предвидеть заботливые и предусмотрительные хозяева. С Енисея неожиданно налетел холодный ветер. Сеанс длился несколько часов (мне потом даже пришлось отогревать руки для раздачи автографов), но все это время по-летнему одетые зрители не покидали своих мест, хотя вполне могли воспользоваться услугами телевидения, организовавшего трансляцию прямо со стадиона. Однако зрители предпочли наблюдать за ходом партий по установленным на футбольном поле демонстрационным доскам. Среди сыгравших вничью восьми участников сеанса на двадцати досках был и одиннадцатилетний второразрядник И. Фейгельсон, лучший юный шахматист, которому я от имени райкома комсомола вручил тогда памятный подарок.

Здорово там играют! Особенно трудно пришлось мне в сеансе с часами против красноярской сборной команды. Общий счет $6^1/_2 : 1^1/_2$, но партию чемпиона края В. Никитину проиграл я, что называется, по всем правилам.

Кстати, с моим упрямым победителем мне приходилось встречаться во всероссийских республиканских соревнованиях еще лет двенадцать назад. Помнится, уже тогда он был достаточно сильным кандидатом в мастера. Уверен: будь у сибиряков больше возможностей общаться с мастерами, и Никитин, и кое-кто из его товарищей уже давно бы добились повышения в спортивном звании. В Красноярске меня просили походатайствовать перед Шахматной федерацией РСФСР о проведении в Сибири турниров с мастерской нормой. Уж очень хочется местным шахматистам проверить себя во встречах с приезжими соперниками!

Мне довелось играть и в Дивногорске, городе энергетиков, название которого полностью соответствует делам его жителей. Среди участников того сеанса я заметил уже знакомые лица — двое самолюбивых кандидатов в мастера, потерпевших поражения накануне, последовали за мной из Красноярска в Дивногорск. И оба взяли реванш!

Во время перелета в Якутск наш самолет глубокой ночью совершил короткую посадку в Братске. Совсем неподходящее время для автографов, но нельзя же было отказать молодому лейтенанту, который так мотивировал свою просьбу: «Товарищ Карпов, вот здесь, в записной книжке, распишитесь, пожалуйста, и число поставьте, очень вас прошу! Иначе не поверит друг, что я встретил чемпиона мира. Мы с ним все свободное время в шахматы играем».

Не огорчило, а обрадовало поражение от четырнадцатилетнего Сергея Николаева, обыграл меня и опытный — ему 53 года — якутский кадидат в мастера А. Данилов. Нет, никак не хуже здесь играют, чем в Европе.

И кстати, погода во время моего там пребывания — июнь месяц — была просто жаркая: температура выше тридцати градусов. И белые ночи над Леной-рекой не менее красивы, чем над Невой. Быстро мчится «Ракета» по великой сибирской реке, но основной вид транспорта при тамошних расстояниях все же самолет. При помощи самолета удалось добраться до городка Майя, потом побывать в совхозе имени Ленина, где Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Екатерина Иннокентьевна Новгородова увлекательно рассказывала нам о трудной работе якутских овощеводов: кругом вечная мерзлота (в этой мерзлоте недавно даже мамонта об-

наружили, ставшего ценнейшим экспонатом музея), а у них огурцы и помидоры вызревают.

В городе Мирном после встречи с партийным и комсомольским активом побывали в карьере трубки «Мир». Рабочие познакомили нас с процессом обогащения руды и сами задали много вопросов, а затем с энтузиазмом приняли участие — в качестве болельщиков моих непосредственных соперников — в сеансе одновременной игры. Вечером этого же дня я вернулся в Якутск и через час вылетел на Камчатку.

Четыре незабываемых дня провел я «на самом краешке земли». Мой спортивный путь уже позволил мне многое увидеть, немало интересного наверняка будет еще, но Камчатка останется в сердце навсегда. Мне даже показалось, что мы подружились с величественной природой этого края, — недаром же крупнейший гейзер, имеющий интервал между двумя извержениями, равный пяти часам, зафонтанировал через 15 минут после посадки возле него нашего вертолета. Я, разумеется, шучу, ибо все это было довольно ловко «организовано» сотрудниками Института вулканологии. Они же «подарили» нам и жемчужину Камчатки — удивительной красоты кальдер вулкана Узон. В кратере уснувшего вулкана — озеро с горячим серным источником и купание!..

Запомнятся мне посещение города Елизово, где находится центр района, являющегося житницей Камчатки, поездка на глиссере в рыболовецкую бригаду, встреча с участниками областного пионерского слета, выступление в переполненном зале Дома рыбака в Петропаловске-Камчатском.

Я уже много давал сеансов и в нашей стране, и за рубежом, но с боевитой напористостью камчадалов мне совладать было очень нелегко. Сто партий сыграл я в сеансах одновременной игры на Камчатке и убедился, что шахматы там пользуются большой популярностью. Отделение шахмат в детско-юношеской спортивной школе, пионерский клуб, серьезная пропагандистская работа, которую ведут печать, радио и телевидение, — хороший залог будущих успехов камчатских шахматистов. Но Камчатке нужен современный шахматный клуб — центр всей работы с любителями шахмат. В беседах со мной местные руководители твердо обещали помочь в решении этого вопроса — так же как до того в Красноярске, Якутске, Мирном...

Почем мороженое в Маниле

— Заглянув в гости к родителям в Ленинград, я вновь отправился в путь. На этот раз самолет улетал на Филиппины, где после окончания межзонального турнира начиналось небольшое, но довольно интересное двухкруговое соревнование четырех гроссмейстеров. Кроме меня, участвовали Уолтер Браун (США), Любомир Любоевич (Югославия) и, конечно же, кумир филиппинских любителей шахмат Эугенио Торре.

Филиппины претендовали на проведение матча за мировое первенство, затем сумели провести межзональный турнир следующего цикла. Сразу же вслед за этим — наш матч-турнир...

Популярность шахмат в этой далекой, расположенной на сотнях островов стране Азии червычайно велика. В Маниле я наблюдал уличного мороженщика, который отрывался от анализа какой-то шахматной партии, только чтобы спросить у очередного покупателя, умеет ли тот играть. Шахматистов встречал с распростертыми объятиями и непременно предлагал сыграть на мороженое.

Матч-турнир я начал с поражения (белыми!) от Торре, и даже отличная победа над Любоевичем не спасла меня от второго места в соревновании. Слишком коротка была дистанция, да и «хозяин здешних мест», мой главный конкурент, продолжал играть исключительно удачно. Помнится, тогда в печати — и не только в шахматной — раздавались многочисленные голоса, утверждавшие, будто мои коллеги Любоевич и Браун умышленно выпустили вперед Торре, проиграв ему по одной партии, дабы стать «соавторами» сенсации. И хотя проигрыши эти — особенно в такой отличной позиции, какую имел американский гроссмейстер, — выглядят как-то нелепо, я все же не склонен разделять постепенно укоренившееся на сей счет мнение. Я привык к тому, что и Браун и Любоевич обычно честно относятся к своим спортивным обязанностям. Другое дело, что могли повлиять (причем порой самым неожиданным и забавным образом) какие-нибудь привходящие обстоятельства, о которых не могут знать аналитики, бесстрастно разбирающие чужие партии.

Возьмем, к примеру, хотя бы последний тур. Играли мы его за городом, в горах, в прекрасной обстановке. Все было отлично организовано. Но устроители не учли са-

мую малость, а она-то и повлияла, как ни странно, на итоги если не всего соревнования, то уж точно — на результаты последнего тура. Начали играть засветло, однако быстро стемнело, и пришлось включить электричество. Через каких-нибудь полчаса налетели громадные бабочки и почему-то набросились именно на Брауна, на того самого Брауна, который и без всякого постороннего влияния не может спокойно сидеть за доской. Что тут началось! Я, построив позиционную крепость против Любоевича, еле сдерживался от смеха, наблюдая за Брауном. Мой соперник, в свою очередь, не столько следил за своей доской, сколько угадывал, сможет ли Браун одним ударом убить сразу двух бабочек. И лишь абориген Торре в этом цирке вел себя абсолютно невозмутимо.

Браун, имевший по дебюту выигрышное положение (фигуру за две пешки), тем не менее закончил партию вничью и страшно ругался. «Мы оба здесь плохо играли, — успокаивал я его. — Пора нам, Уолтер, уезжать из Манилы». — «И навсегда!» — с готовностью подхватил Браун, который отличается излишней категоричностью.

Я же был не столь категоричен и через два года вновь оказался на Филиппинах в городе Багио — в качестве участника матча за мировое первенство...

Явления Фишера

Городок Монтилья, где проводился очередной международный турнир, расположен на живописном холме примерно в часе езды от древней испанской столицы Кордовы. Известна эта местность (Монтилья значит «нагорье») знаменитым на весь мир вином «Амонтильядо», воспетым во многих песнях и многими классиками литературы. Теперь известность эта еще увеличилась благодаря международным шахматным турнирам, традиционно организуемым здешними виноделами.

В первых турах Карпов поставил, пожалуй, рекорд продолжительности пребывания за доской, затратив на четыре партии в общей сложности, как говорят в некоторых других видах спорта, 32 часа «чистого времени». Анатолий сделал в этих партиях почти 300 ходов, и, если бы не относительно короткая ничья с испанцем Р. Кальво (42 хода), рекорд этот почти наверняка стал бы абсолютным.

Чемпион мира уже к седьмому туру, потеряв всего пол-очка, практически обеспечил себе первое место. В итоге на короткой 9-туровой дистанции он обошел на полтора очка Р. Кальво, американского гроссмейстера Л. Кавалека и выполнившего гроссмейстерскую норму англичанина М. Стина.

Тогда же в Испании Карпов вновь встретился с Фишером. Ботвинник, которому Карпов по телефону рассказал о своих встречах с Фишером, усомнился: «А вы уверены, что беседовали именно с ним, а не с его двойником?» Вот насколько появление бывшего чемпиона было для всех неожиданностью. А между тем все было вполне логичным и даже легкообъяснимым.

Еще в семьдесят пятом году Смыслов, вернувшийся из Америки, где он играл турнир в городе Лон-Пайне, рассказывал, что, по словам старейшего и далекого от всех шахматно-дипломатических интриг гроссмейстера Кэджэна, Фишер стоит перед выбором: идти в чернорабочие или играть в шахматы. Пока кругом говорили о баснословных деньгах бывшего чемпиона, его финансовое положение оказалось прескверным. А он умеет зарабатывать себе на жизнь только игрой в шахматы. Да и затосковал он, наверное, без любимых шахмат...

И вот Фишер сам стал искать встречи с Карповым. Когда после международного турнира в Маниле чемпион мира прибыл в Токио, его пригласил поужинать филиппинец Флоренсио Кампоманес. Этот энергичный вице-президент ФИДЕ, известный своей дружбой с Фишером, как выяснилось, оказался в тот день в Токио не случайно. Едва Карпов вошел в его номер в отеле «Хилтон», Кампоманес сказал: «Вас ждет сюрприз», — и открыл другую дверь. На пороге стоял Роберт Джеймс Фишер. Экс-чемпион был без бороды, о которой столько писали, и хотя слегка располнел, но при его росте это в глаза особенно не бросалось.

Присутствовавший на том ужине японский шахматный деятель Мацумото пообещал Фишеру ничего не рассказывать корреспондентам. Однако уже через день зарубежные телеграфные агентства сообщили «подробности» беседы экс-чемпиона и чемпиона мира. Они, мол, договорились о матче между собой и даже хотят разыграть пять миллионов призового фонда. Позже газета «Нью-Йорк таймс» уточнила цифру — семь миллионов долларов...

Но о чем же все-таки шел разговор? Фишер сказал,

что хотел бы сыграть неофициальный матч с Карповым. Играть же с «простыми гроссмейстерами» он не желает, потому что уже обыгрывал их и за победу над ними ему много не заплатят. Он добавил, что достиг возраста бизнесмена и «играть задаром» больше не хочет. Карпов ответил Фишеру, что дал согласие сыграть с ним неофициальный матч, еще когда только был провозглашен чемпионом мира, что денежные условия в этом матче его не волнуют, но важен нормальный регламент соревнования. Нынешний год уже расписан: предстоит международный турнир в Испании, а затем чемпионат СССР в декабре. До этого матч состояться не может...

И вот, когда в Монтилье заканчивался новый турнир с участием Карпова, в Кордову, главный город этой испанской провинции, опять прилетел Фишер. Они снова встретились за ужином. Американский гроссмейстер выложил на стол свои прежние карты: играть матч без ограничения общего числа партий до десяти побед одного из соперников (в подварианте своего «проекта» он предлагал при счете 9 : 9 играть еще до трех побед). Карпов с улыбкой спросил, сколько может продолжаться такой матч. Фишер, подумав, ответил, что на это дело можно взглянуть по-разному. Оба они помногу выигрывают — значит, единоборство может закончиться быстро. С другой стороны, редко проигрывают — значит, единоборство может и затянуться. «А в среднем, если все пойдет нормально, — подытожил Фишер, — проведем за доской пять-шесть месяцев». Он, видимо, уж очень соскучился по шахматам... Карпов развел руками, играть без перерыва полгода, да еще с одним и тем же соперником, просто невозможно!

В полночь накануне отлета Карпова из Мадрида в Москву к нему в номер снова постучался Фишер. Он извинился за столь поздний визит, сказав Анатолию, что ему было приятно поближе познакомиться с ним, и просил не обижаться, если начнет играть с кем-нибудь другим. На том они и расстались.

Глава XI

...В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

Шахматные соревнования, как и соревнования в любом виде спорта, имеют множество градаций — официальных и неофициальных. Тут и степень трудности, и мера ответственности, и присваиваемое победителю звание, и еще многое другое. Но есть среди всех прочих состязаний одно, стоящее особняком по напряженности, по трудности, по особого свойства престижу, который сразу завоевывает в шахматном мире его победитель. Состязание это без всякого преувеличения можно назвать «турниром турниров».

Это шахматный чемпионат СССР.

Но не квасной ли патриотизм бродит в наших рассуждениях? Забыли мы, что ли, о зональных и межзональных турнирах, где «ставка больше, чем жизнь»? Или о гроссмейстерских турнирах типа миланского или того, что состоялся несколько раньше в Сан-Антонио? А мемориалы Алехина или традиционные состязания в Англии, Голландии, Испании?

Все названные и многие неназванные турниры, слов нет, заслуживают самых высоких эпитетов за их сложность, представительность, престижность. Имена их героев сохраняет шахматная история. Во многих из них — тех, что проходили в последние годы, — участвовал один из авторов этой книги и испытал на собственном опыте, какой ценой даются там победы.

Но не станем призывать в качестве доказательства своего тезиса личные впечатления. Давайте рассуждать вместе.

Во всех наиболее значительных международных турнирах выступают советские шахматисты. И во всех — за редчайшим исключением — они обязательно завоевывают высокие места. Вот их-то, победителей и призеров разного рода традиционных гроссмейстерских турниров, мемориалов и даже межзональных турниров, собирает в конце года чемпионат СССР.

Впрочем, это сказано не совсем точно. Не всех. Не каждому из них удается пробиться в финал, который с начала 70-х годов именуется высшей лигой. На пути одних стоит Всесоюзный отборочный турнир (да и туда-то еще надо попасть!), на пути других, прошедших эту стадию борьбы или освобожденных от нее благодаря прошлым заслугам, — первая лига. Соревнования этой лиги, быть может, и не выделяются своей «именитостью» среди других, проходящих в разных уголках мира, но и не слишком им уступают. Зато превосходят подавляющее большинство ровностью своего состава, а потому — ожесточенностью и непримиримостью борьбы.

Число интересных международных состязаний хоть и велико, но все же ограничено. Лишь часть представителей нашей страны, способных выступить там достойно, может быть на них делегирована. Это прежде всего те, кто проявил себя во всесоюзном первенстве. А соискателей множество. И ежегодно подрастают новые. У них одна дорога к международной известности — пробиться сквозь сети отбора в финал чемпионата своей огромной шахматной страны. В этих вот сетях и застревают не только молодые и неопытные, но и гроссмейстеры с мировыми именами.

Но и прорваться в высшую лигу не столько великое счастье, сколько громадный стимул. Еще шаг, еще усилие — и ты наверху, в элите, в узком кругу избранников. И тут уж шахматист выложит все, что умеет, на что способен, и еще немного больше. Он «не пощадит живота своего» за крошечное приобретение, за половинку очка, сознавая, что нехватка именно этой маленькой половинки может в итоге обесценить весь его прошлый труд и все давшиеся такими усилиями завоевания — не хватит ее, и надо возвращаться к исходной позиции и начинать все сначала.

Здесь мы обязаны сделать единственную оговорку. Упорство может проявляться по-разному: и в осмотрительных ничьих, когда партнеры избегают риска проиг-

рать важную встречу (на иных чемпионатах страны, случалось, немало партий оказывалось именно такими), и в кровопролитных поединках, когда соперники стремятся непременно к победе (таких чемпионатов явное большинство).

...Даже на блистательном фоне остальных первенств страны 44-й чемпионат явил собою событие уникальное, по крайней мере в одном отношении. Вот какую характеристику дал ему самый бывалый участник чемпионатов гроссмейстер Марк Тайманов: «22 раза играл я в финалах первенства страны. Как говорится, есть что вспомнить и с чем сравнить. Поэтому с полной убежденностью могу утверждать, что такого бескомпромиссного, такого боевого, увлекательного и, если хотите, задорного чемпионата никогда не случалось. Ни одного скучного тура, 82 результативные схватки из 153! И это в турнире, который явился крупнейшим среди всех, сыгранных в этом году».

Для «уникальности» 44-го была и другая причина, причина всех причин: в нем играл действующий чемпион мира.

Чемпион мира — участник первенства страны — явление исключительное. И это объяснимо. Для всякого другого место в верхней половине итоговой таблицы почетно, а у него, чемпиона, нет альтернативы: любое место, кроме первого, будет расценено публикой как неуспех. Лишь единожды, в 1952 году, был случай, когда чемпион мира — тогда им был Ботвинник — выиграл первенство страны. Выиграл с третьей попытки, выиграл после дополнительного матча с Таймановым. (А для этого побеждал во всесоюзных первенствах многократно.) Вот и предпочитали носители шахматной короны обходить эти турниры стороной. Два десятилетия чемпионы мира не играли в главных турнирах своей страны. И всегда для этого находились объективные оправдания (и субъективные причины).

Так уж устроена жизнь в шахматном королевстве нашей страны — и в том наша сила, что нигде чемпиону мира не встретить такого числа своих недавних конкурентов и спутников по пройденному уже пути к трону, как здесь, на всесоюзном первенстве. Некоторые из них при всем уважении к лидеру видят лишь в нем первого среди равных, мысленно выделяя его превосходство не столько в силе, сколько в удачливости. Память услужли-

во подсказывает один, другой, третий случай, когда какой-то импульсивный ход помешал добиться победы, когда цейтнот украл решающее очко, когда плохое самочувствие заставило избрать неверный план в лучшей позиции. «Не будь того, другого или третьего, — так примерно рассуждает наедине с самим собой бывший конкурент, — на троне сейчас мог быть не он, а я». И рассуждения эти не так уж и беспочвенны. Так же, как и иные, тоже логичные и потому обязательно приходящие на ум: «Хорошо, пусть тогда, в свой звездный час, он стоял выше. Но тогда, а не сегодня. А сегодня мне дана возможность доказать, что это былое превосходство испарилось».

Что говорить, зарубежный шахматный мир насчитывает немало выдающихся мастеров своего дела. И все-таки никто не станет спорить против истины: ни одна шахматная армия не имеет в своих рядах такого числа — нет, не солдат, — генералов, которые носят в ранцах маршальский жезл. И каждый, кому не удалось в предыдущем цикле дойти до вершины, рвется доказать реальность своих притязаний, воспользовавшись редкой возможностью встретиться лицом к лицу с чемпионом на всесоюзном первенстве. Встретиться и обойти его. А почему бы и нет? Разве такая задача нереальна? Разве не случалось такого прежде? Здесь далеко не все пасуют перед молодым человеком, который рос на глазах и с которым, уверены, знают, как играть.

Да и за рубежом это тоже понимают. «Я с нетерпением жду этого турнира, — сказал бразилец Мекинг накануне чемпионата СССР. — Для Карпова он имеет особое значение, поскольку чемпион мира еще ни разу не завоевывал звание чемпиона своей страны. А это значит, что он наконец выложит все свои козыри и раскроет все свои секреты».

Да, Карпов оставался единственным советским чемпионом мира, который пока не успел стать чемпионом СССР. Остальные — пусть не в годы своего пребывания на Олимпе, а раньше или позже — выигрывали этот почетный титул.

...Когда окончился этот турнир, Карпов так оценил свою игру:

— Из-за ряда привходящих обстоятельств я психоло-

гически оказался не совсем готов к нелегкому соревнованию. Чемпионат начал как никогда плохо... Играл тяжело, затрачивал по многу времени — порой «засыпал» на полчаса, что раньше со мной случалось исключительно редко.

«Ряд привходящих обстоятельств» был длинен, и были эти обстоятельства тяжкими: серьезно заболел отец, затем то же случилось с матерью, которая попала в больницу, простуда преследовала самого Анатолия.

Все это объясняло, но отнюдь не облегчало турнирное положение Карпова. А проигрыш в третьем туре Геллеру был из разряда тех, что могут кого угодно выбить из колеи.

После двух ничьих, которых аккуратной игрой добились в партиях с ним Рашковский и Тайманов, Карпов встретился с одним из самых крупных знатоков теории, недавним своим консультантом по дебютным вопросам. Это последнее обстоятельство скорей всего имело решающее значение при выборе Карповым начала: не так-то просто преподнести сюрприз Геллеру, отлично знающему его дебютный репертуар, и Карпов избирает никогда прежде не встречавшийся в его практике вариант французской защиты. Но недаром говорят: чтобы раз выиграть в этой защите, нужно сначала проиграть много «французских». Короче, сюрприз не удался. Геллер, игравший белыми, вышел из дебюта с заметным позиционным преимуществом и вскоре выиграл пешку.

После партии Карпов сказал, что оба играли ее не лучшим образом. Но заключительная комбинация, осуществленная Геллером, была весьма эффектной.

Болельщики в тот вечер, как и обычно, переполнившие зал Центрального Дома культуры железнодорожников, где проходил турнир, устроили Геллеру овацию.

К этому моменту турнир возглавили двое из его будущих героев — Юрий Балашов, который через месяц стал обладателем серебряной медали первенства, и Иосиф Дорфман, молодой львовский мастер, которому суждено было в этом чемпионате завоевать первый гроссмейстерский балл. А наиболее титулованные держались покуда в тени. Среди них были Петросян и Полугаевский — оба участника начинавшихся вскоре после чемпионата претендентских матчей нового цикла. Пикантность положения, в котором оказались маститые гроссмейстеры, делала турнирную ситуацию еще более интри-

гующей: что-то покажут претенденты, какую стратегию изберут накануне столь важных для себя матчей, как будут выглядеть оба в их преддверье? Лев Полугаевский потом признавался: «Честно говоря, в душе я для себя решил: попробую полностью не выкладываться. Убежден, так же думал и Петросян. Но вскоре сами события в турнире показали, что пройти всю дистанцию, играя вполсилы, и при этом рассчитывать на какой-то приличный результат попросту не позволят противники. И нам пришлось, как говорится, засучить рукава».

После четырех туров оба претендента присоединились к лидерам, которые, правда, кроме двух с половиной очков, имели еще по одной отложенной партии. Первым приподнял забрало Петросян. Он встретился с Гулько, и после дебюта дела его выглядели далеко не блестяще. Потом позиция стала понемногу выравниваться. И тут вдруг на ровном вроде бы месте Петросян предложил своему молодому партнеру взять ладью за легкую фигуру. Обстановка на доске резко обострилась, обоюдный цейтнот еще подлил масла в огонь, Гулько пришлось срочно переквалифицироваться из форвардов в стопперы, однако спастись от разгромной и красиво проведенной атаки Петросяна ему так и не удалось.

Партия эта показала: Петросян в хорошей форме. Лишь ощущая свою силу, мог он, опытнейший турнирный «волк», позволить себе идти на не слишком свойственные его стилю рискованные варианты.

К Карпову же форма все не приходила. В пятом туре они встретились, чемпион мира и один из его вероятных конкурентов в борьбе за этот титул. Партия их в этот вечер не закончилась. В ладейном эндшпиле у Петросяна было большое преимущество.

— В день доигрывания мне удалось найти этюдное спасение в труднейшем окончании. К этой половине очка я добавил и целое, приостановив заодно и лидера турнира Балашова. Как оказалось, тот перед откладыванием нашей партии из четвертого тура записал плохой ход, а когда игра возобновилась, раздосадованный, почти сразу, словно по инерции, подставил ферзя.

Первая победа в турнире, достигнут пятидесятипроцентный результат — $2^1/_2$ очка из 5. Но это была та самая первая ласточка, которая еще не делает весны.

Я ощущал: игра еще не пришла. Но знал и что надо делать для возвращения ушедшей формы — биться в каждой партии, как бы она ни складывалась, искать борьбу со всеми соперниками, и прежде всего с главным — с самим собой, собственной вялостью, с силой инерции, которая стремится катить тебя мимо трудных барьеров и крутых преград.

...Ровно десять лет минуло с тех пор, как судьба впервые свела за доской школьника Толю Карпова и студента Владимира Купрейчика, свела вдалеке от дома, на турнире в Чехословакии. Помните листок из школьной тетради с рассказом о том турнире и заголовок «Победа Толи Карпова»? Тогда студент считался старшим не только по возрасту, но и по шахматной силе — молодой, но уже известный в шахматных кругах мастер. Теперь роли переменились. Впрочем, и десять лет назад, в Чехословакии, Купрейчик проиграл своему юному соотечественнику. И теперь Карпов, игравший белыми, сразу заставил партнера решать одну за другой множество хитроумных задач. Купрейчик до поры до времени находил удачные ответы на все вопросы. И все же ему пришлось перейти в худший эндшпиль.

Но вот зал насторожился. Карпов проводит изящную комбинацию. Это уже его уровень. Может, чемпион нашел себя? Сейчас он сделает ход, логически завершающий все, сделанное до того, ход, который видит весь зал. Видит и гудит растревоженным ульем. Но почему чемпион вдруг задумался над такой очевидной вещью? Наконец Карпов берется за фигуру и переставляет ее на доске. Тут же его маневр повторяет демонстратор. Гул возрастает — ход не тот. Впрочем, через минуту Купрейчик сдается; оказывается что продолжение, избранное Карповым, тоже вело к победе.

Не все ли, в конце концов, равно, каким путем прийти к цели? Как говорится, важен результат. И все же крошечная эта деталь, эпизод одной партии, поставила вопрос: набрал ли уже чемпион ту настоящую, «карповскую силу», которая необходима, чтобы пробиться сквозь плотные ряды соперников и оставить их позади себя?

Победа над Купрейчиком подвела его вплотную к лидерам. Теперь он вместе с Геллером и Петросяном имел

столько же очков, сколько Дорфман и Балашов, но у тех было в запасе по отложенной партии.

В седьмом туре его ждал Романишин, шахматист яркого и самобытного таланта. Неудачи, случается, выбивают его из колеи, зато, когда игра у этого шахматного максималиста идет, ему сам черт не страшен. Каждая победа служит для него аккумулятором сил, энергии, вдохновения. Он начал чемпионат огорчительной неудачей, проиграв своему земляку, львовянину Дорфману, наименее опытному из участников, которого тогда еще не слишком принимали всерьез. Романишину потребовалось время, чтобы оправиться от удара. Он отстал от остальных. А затем выиграл три партии подряд. Вот когда он стал особо опасен. К тому же жребий подарил ему в седьмом туре белый цвет.

Пожертвовав чемпиону мира коня в центре доски, Романишин ринулся в атаку. Карпов защищался, но положение его выглядело критическим. Опять — в который уже раз на этом турнире — многим казалось, что Карпов что-то недоучел, что его ответы могли бы быть и посильнее. Но тут ошибались недовольные. Карпов уже заиграл в своей манере, когда лишь потом, при оценке всего течения партии, а не отдельных эпизодов, выявляется его глубокое проникновение в позицию. Мало кто решился бы сказать, в какой момент и после какого хода положение на доске выровнялось и Карпов перешел в наступление. Это произошло как бы само собой. Когда соперники сделали положенное регламентом число ходов, чемпион отклонил мирное предложение партнера.

Партия эта не доигрывалась. Проверив правильность записанного Романишиным хода, Карпов согласился на ничью. Но уже ощущалось: перелом близок. Напряженная встреча показала, что Карпов готов в каждой партии выкладываться до конца, а это, быть может, самый явный признак формы.

И перелом наступил. Наступил на другой же день. После чемпионата Карпов так и скажет: «После важной в психологическом отношении победы над Дорфманом дела пошли куда лучше...» Кстати, один из тех, кого выделил он по итогам первенства, как раз и был «этот задира Дорфман».

До турнира молодой мастер из Львова ходил в «одаренных», «подающих надежды», но считался человеком, чрезмерно опасающимся маститых, пасующим перед их

именами. Возможно, так оно и было, но Дорфман то ли еще до начала турнира, то ли благодаря удачному началу излечился от этой слабости. Шутка ли, идти впереди в таком турнире на протяжении семи туров бессменно!

Вот и получилось, что оба — и Карпов и Дорфман — избавились от своих недугов как раз к моменту встречи между собой. Ну а тех, кто сомневался в «выздоровлении», встреча эта заставила полностью забыть о сомнениях. То был поединок отважных и искусных шахматных дуэлянтов, приковавший к себе внимание всего зрительного зала от самого первого хода до «закрытия занавеса».

Стоило чемпиону заставить лидера отступить хоть на полшага, как тот молниеносно отвечал хитрым контрвыпадом. Карпов еще в дебюте пожертвовал фигуру, Дорфман без колебаний принял жертву. Гроссмейстер лишил черного короля рокировки и атаковал его в центре, мастер и не подумал отсиживаться в глухой защите, а послал вперед свои тяжелые фигуры, стремясь проникнуть ими в неприятельский лагерь.

Одно время казалось, что дым жаркого боя вот-вот развеется, и Карпову предстоит отыгрывать фигуру и предлагать ничью. А он все раздувал и раздувал пожар. Турнирная ситуация диктовала тактику — пан или пропал. А бойцовский нрав и интуиция подсказывали: ресурсы наступления не исчерпаны. Далекий и точный расчет подтверждал правильность этой подсказки.

...Когда наступил эндшпиль и «считать мы стали раны», выяснилось, что на доске у партнеров всего поровну. Но королю Дорфмана, так и не поспевшему в укрытие и теперь вынужденному отправиться в одинокое плавание по открытой доске, грозили крупные неприятности от разбушевавшегося карповского ферзя. Так оно и случилось при доигрывании. Ферзь, которого поддержала еще и ладья, выполнил свою разрушительную миссию.

Впереди перед Карповым маячила теперь единственная спина — его давнего друга Юрия Балашова, к которому он, правда, подошел вплотную не один, а вместе с Петросяном и Рашковским.

Когда вспоминаешь битвы «сорок четвертого», рука так и тянется писать о многих партиях, о каждом дне этого незабываемого чемпионата. Он дал столько образцов яркой, бескомпромиссной игры, в нем было такое количество превосходных партий, комбинаций, жертв, что этого с лихвой хватило бы на несколько больших турни-

ров. Но ничего не поделаешь, мы пишем не историю шахматных чемпионатов, у нас иная тема. Поэтому ограничимся авторитетным комментарием, где дана краткая и одновременно точная характеристика 44-му первенству страны. Вот что писал о нем известный английский мастер и шахматный журналист Гарри Голомбек: «Советский чемпионат этого года возродил превосходную творческую атмосферу гроссмейстерских турниров начала века, когда шахматисты больше думали об эстетической стороне игры, чем об очковой. 44-й чемпионат подтверждает известную истину о том, что чем сильнее участники турнира, тем больше удовольствия получают они от игры сами и тем большее удовольствие доставляют зрителям».

Крайне редкие тайм-ауты, которые позволяли себе участники, не могли повлиять на эту оценку.

В девятом туре Карпов, на славу потрудившийся в предыдущие дни, не возражал против передышки. И Смыслов, самый старший из участников, которому тоже накануне пришлось заниматься и долгим анализом отложенной партии, и трудным доигрыванием, пошел ему навстречу. Короткая ничья эта была для Карпова как бы привалом перед началом решительного и долгого штурма. (В тот же день встретились между собой его соседи по таблице. Петросян нанес поражение — первое за девять туров — Рашковскому и вместе с Балашовым опережал теперь Карпова на полшага.)

Однако первая попытка штурма не увенчалась полным успехом.

Таль принадлежит к числу тех, кто связан с Карповым взаимной симпатией и дружескими чувствами. Но играли они между собой с полной выкладкой сил. Ничья получилась на этот раз после такой захватывающей и содержательной борьбы, что зрители встретили ее (впервые зал так реагировал на мирное соглашение) овацией. Чемпион мира специально для важной партии припас хитрый дебютный вариант. Глянув в один момент на позицию, Семен Фурман — то ли в шутку, то ли всерьез — сказал Александру Кобленцу, своему старшему приятелю и давнему тренеру Таля: «Ты не огорчайся, ходов тридцать Миша еще продержится».

Но «Миша» нашел остроумное опровержение агрессивным намерениям противника, он решился отдать ферзя за ладью и слона. Как раз этому предложению Карпов и не уделил достаточного внимания в предварительном

Любимое занятие — разбор марочной коллекции. Рядом — мама, Нина Георгиевна.

Встреча с племянницей
Наташкой...

После сделанного хода.

Президент ФИДЕ Макс Эйве вручает чемпиону золотую медаль.

Шахматный король.

Друзья-соперники — рядом с Карповым голландец Ян Тимман.

Партия с Властимилом Гортом (ЧССР).

Болельщики.

А. Карпова атакуют хоккеисты Александр Мальцев и Владимир Петров...

Точный удар.

Тренировки... и не только за шахматной доской.

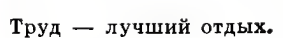

Мастерский бросок.

На отдыхе — возвращение с уловом.

«Здравствуй, конь мой вороной...»

Труд — лучший отдых.

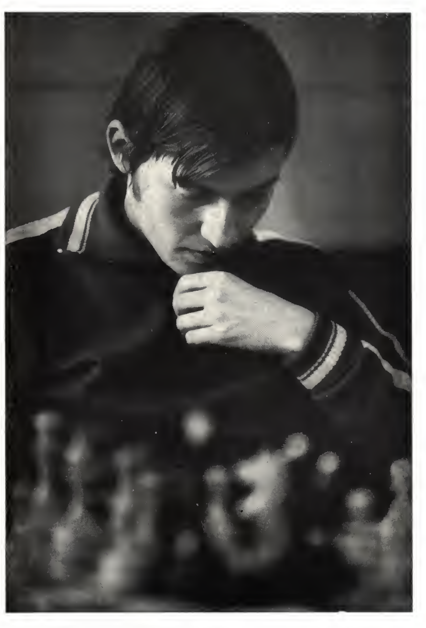
На выставке картин «Метрополитен-музея».

Одна из последних встреч с тренером.

Сложная позиция... С л е в а — Юрий Балашов.

Разбор отложенной партии — с п р а в а н а л е в о: А. Карпов, С. Фурман, М. Таль, Т. Петросян...

Волшебный мир шахмат...

Семен Абрамович Фурман.

И снова в путь...

Фото на вкладке Дмитрия Донского

анализе, успокоив себя и тренера тем, что здесь-то он уж разберется и за доской во время игры. Но когда, затратив минут 40, он «разобрался», то понял, что его позиция не так хороша, как казалось ему дома. Убедившись, что за ферзя Таль получает более чем достаточную компенсацию, Карпов свернул в сторону и начал переговоры о мире. Соперник, однако, ответил, что хотел бы поиграть еще. Очевидного преимущества в это время не имел ни один из партнеров, но фигуры были еще полны жизни, и не в характере Таля оставлять без внимания брошенную ему в начале партии перчатку. И тут почти сразу Карпов допустил серьезную неточность... Трудно передать, что творилось в это время в зале и в пресс-бюро. Все то и дело выигрывали эту позицию за экс-чемпиона мира. Но на сцене чемпион продолжал выходить сухим из воды. Таль играл активно, хотя, возможно, и не совсем точно, и, казалось, был сам удивлен упорством и находчивостью, какие проявил Карпов в защите труднейшей позиции. На прощанье рижанин поставил ловушку, разгаданную соперником, а затем под аплодисменты зрителей сам предложил ничью.

(Именно в те дни западногерманская газета «Вест-дойче альгемайне» писала, что даже в самый тяжелый момент турнира Карпов не только сохранил уверенность в своем конечном успехе, но и сумел внушить эту уверенность окружающим.)

Теперь этот «самый тяжелый момент» остался позади. И морально и физически чемпион был готов к взлету с площадки, которую отвоевал у недугов, вялости, растренированности.

Финишировал Карпов совсем непохожим на того, который стартовал.

Взяв в следующих двух турах полтора очка, он вместе с Балашовым встал во главе этой захватывающей дух гонки.

Среди восемнадцати участников самое пристальное внимание вызывала игра группы гроссмейстеров так называемой новой волны — тех, чья звезда начала восходить почти одновременно со звездой Карпова и чьим лидером он по праву считался. В них видели — и не без оснований — ближайшую смену корифеев старшего и среднего поколения, видели главных действующих лиц будущих претендентских циклов. И они понемногу, один за другим выходящие на международную арену, стали заяв-

лять о себе, нет-нет да оправдывая выдаваемые им авансы. Они шахматисты разных стилей, но всех их породнили свежесть и агрессивность игры, все они максималисты. Этот максимализм подчас наказывался нехваткой очков, а с ней и потерей высоких мест в турнирах, но молодые оставались верны своему девизу: «все или ничего», и каждая неудача лишь увеличивала жажду реванша.

Двое из них, отлично выступившие на предыдущем первенстве в Ереване, но теперь отставшие от первой десятки и не расстававшиеся с надеждой на финише поправить дела, Ваганян и Гулько, ожидали Карпова в следующих турах. Оба имели преимущество в выборе оружия — и с тем и с другим Карпов играл черными.

Обе партии были отложены. Но если Гулько предстояло сражаться против чемпиона мира, уже лишившись качества, то в партии с Ваганяном ко дню доигрывания Карповым была завоевана лишь инициатива. Это, правда, тоже немало, но очевидно было, что на пути к окончательной победе стояло множество трудных препятствий, видимых и невидимых.

Перед доигрыванием Карпов вполне серьезно предупредил судей, что он, пожалуй, отберет у них и следующий свободный вечер — мол, шести часов, отпущенных регламентом для сведения счетов в неоконченных партиях, ему все равно не должно хватить. Но и сам он, и судьи были приятно разочарованы событиями. Быстро расправившись с москвичом, Карпов затем ворвался своими тяжелыми фигурами в лагерь ереванца, и тот, отыскивая спасение, просрочил время.

Еще через тур белыми против него играл мастер Григорян — тоже представитель новой волны, не ставший гроссмейстером, но рвавшийся к этому званию, которого уже успели достичь его более удачливые сверстники. К тому же он вдохновлен был только что завоеванной победой как раз над таким вот удачливым своим ровесником Гулько, победой, которая открыла ему дверь в десятку, а значит, и вселила надежду остаться в высшей лиге на следующий чемпионат.

Григорян играл в этот день удивительно смело, ярко, вдохновенно. Когда он пожертвовал чемпиону миру пешку, за ней слона и, как поется в одной из песен Высоцкого, посвященной шахматам, «даже снял для верности пиджак», зрительный зал загудел удивленно и настороженно. «Но мгновенно в зале стало тише» (опять же из

песни слов не выкинешь) — Карпов, сделав ответный ход, отошел от доски, и все увидели его спокойствие. А вскоре к столику тихонько поднес свой стул арбитр и принялся внимательно следить за медленно поднимающимся флажком на часах Григоряна. Флажок не рухнул, удержался, но одна за другой рухнули две белые пешки, что практически было равносильно падению флажка.

Накануне Карпов сделал ничью с Полугаевским и теперь возглавил турнир с одиннадцатью очками. На пол-очка отставал Балашов, догнать которого мог Петросян в случае успешного доигрывания двух отложенных в лучшем положении партий (чего он, кстати, сделать не сумел). Таким образом, перед последним туром лишь эти трое гроссмейстеров, которых разделяли минимальные интервалы, могли претендовать на высшее достижение.

Ближе всех к золотой медали был Карпов. А когда игра началась, и его преследователи быстро согласились на ничью — Балашов с Талем и Петросян со Смысловым, — полторы тысячи зрителей, неизвестно какими способами втиснувшиеся в рассчитанный на девятьсот мест зал ЦДКЖ, приготовились к обычному в таких случаях финалу: вот сейчас тот же результат будет зафиксирован и у Карпова с Цешковским. К чему сражаться, если одному из соперников хватает и ничьей, чтобы стать единоличным победителем чемпионата, а другому она нужна как воздух, чтобы сохранить за собой место в первой лиге? И зрители готовили ладони для аплодисментов новому чемпиону СССР...

Однако с овациями пришлось повременить.

«В такой позиции Толя не предложит ничью и отцу родному», — сказал Фурман.

Тренер хорошо знал своего ученика. Знал, что нынешний Карпов уже не тот, что был еще несколько лет назад, когда без раздумий прекращал борьбу, если и без того успех ему был обеспечен. Теперь он не уступит и половины очка никому, не использовав всех ресурсов позиции для достижения победы.

Узнав о полушутливом замечании Фурмана, Карпов без улыбки возразил:

— Семен Абрамович не совсем прав. Отцу я бы отдал ничью. Но только ему и никому другому...

...Потом было все — речи, поздравления, интервью, фотографии в газетах, статьи, подборки высказываний нашей и зарубежной прессы, цифровые выкладки, анализы

отдельных партий и общей турнирной стратегии чемпиона. Обозреватели не жалели ярких эпитетов и превосходных степеней. Самой спокойной была оценка, которую дал своему выступлению сам Карпов:

— К сожалению, чемпион мира весьма ограничен в выборе конечной спортивной цели: первое место — иного не дано... Значит, своим спортивным результатом я удовлетворен. А вот в творческом отношении можно было бы выступить и получше.

Это не было кокетством. Как не было бахвальством сказанное в Скопле о наиболее опасных конкурентах: «Таких пока не видно». Это была все та же карповская трезвость в оценках, где нет места ни комплиментам другим, ни самолюбованию, а есть стремление выразить суть вещей. Ошибается тот, кто захочет уловить в высказываниях Карпова двойной смысл, намеки и недосказанность. Это не в его натуре.

Но сказать так о себе имел моральное право только Карпов. И цифровые показатели, и анализ сыгранных им (в конце турнира) партий подтвердили: сегодня он по сумме компонентов, составляющих класс шахматиста, превосходит всех.

После того, как Карпов потерпел поражение от Геллера, он показал блистательный результат — восемь побед при шести ничьих. Не забудем при этом то, о чем уже не раз шел разговор, — ему, чемпиону мира, было трудней, чем всем остальным. Сам Карпов сказал:

— Многие заранее согласны на ничью с чемпионом. А чтобы победить в турнире, надо выигрывать. Вот и приходится решать сразу две задачи: сначала заставить играть, а затем уже обыгрывать.

И он сумел их решить. И как решить! Четыре партии из восьми выиграны черными. Победы эти продемонстрировали универсальность его шахматного стиля. С Ваганяном, накануне в отличном стиле победившим Петросяна, он действовал вопреки общепринятым канонам шахматной логики: еще в дебюте, не уравняв позицию, пошел в наступление на королевском фланге. С Григоряном же проявил себя искуснейшим защитником, учел все и отбил штурм.

Это о чисто шахматной стороне дела. О спортивной подготовке чемпиона неплохо написал голландский гроссмейстер И. Доннер: «Создается впечатление, что хрупкий и субтильный Карпов был единственным участником

этого марафона, не только сохранившим силы, но и продолжавшим наращивать темп до самого финиша». Обосновывая свою мысль, Доннер не экономит эпитетов: «Карпову пришлось совершить целую серию спортивных подвигов: сначала этюдным путем спасти трудный эндшпиль в партии с Петросяном, затем одолеть в единоборстве двух героев старта — Дорфмана и Балашова. И, наконец, в решающий момент выиграть черными две головоломные партии у Гулько и Ваганяна».

И еще одна ссылка. Шахматный обозреватель «Нью-Йорк таймс» гроссмейстер Р. Бирн как бы дополнил и обобщил соображения своего голландского коллеги. Подводя итоги чемпионата СССР, вызвавшего большую прессу во всем мире, он писал: «Карпов ни в чем не уступает своим основным соперникам и превосходит их в способности к максимальной мобилизации всех сил в самую трудную и решающую минуту».

Это был четвертый чемпионат страны в шахматной биографии 25-летнего тогда Анатолия Карпова. В первом он разделил 5—7-е места, во втором поднялся ступенью выше — 4-е место, потом — дележ 2—6-го мест. И вот достигнута вершина. И это движение сначала молодого гроссмейстера, затем претендента на шахматный престол, затем чемпиона мира по турнирным лестницам национального первенства с достаточной полнотой отразило его движение по невидимой и не отмеченной четкими ступенями лестнице мастерства. Он уже стал первым шахматистом мира, а мастерство его все продолжало расти...

Глава XII

НА ГРЕБНЕ ВОЛНЫ

По плану 1977 года Анатолий Карпов должен был принять участие в пяти крупных международных турнирах. Но, готовясь к ним и участвуя в них, он ни на минуту не забывал о претендентах, которые вступили в решающую фазу борьбы за право оспаривать у Анатолия звание чемпиона мира. Их осталось восемь. С победителем поединка между Гортом и Спасским предстояло играть тому, кто выиграет матч Ларсен — Портиш. Еще двумя полуфиналистами должны были стать те, кто победит в матчах: Мекинг — Полугаевский, Петросян — Корчной.

Интересно, как же Карпов в то время оценивал возможности претендентов.

— Если провести межзональный турнир снова, то Мекинг не был бы единственным среди молодых, которые вышли в претенденты. Молодые играли в межзональном турнире не так уж плохо. Кто мог знать, что Хюбнер, игравший в Швейцарии лучше других, не поставит форсированного мата Петросяну? Или что Любоевич, имевший в последнее время много успехов, как раз в Маниле окажется таким впечатлительным? Они потеряли еще три года...

Горт давно входит в число сильнейших гроссмейстеров мира, но честолюбие у него появилось сравнительно недавно и еще не в такой мере, как надо. Властимил, который мне искренне симпатичен, был счастлив, что вышел в претенденты, и я его от души поздра-

вил. Но я тогда был почти уверен, что он свой матч проиграет, но проиграет достойно.

В матче Горт — Спасский я отдавал предпочтение Спасскому. Я вообще Спасского всегда ставил исключительно высоко, и если бы он сумел взяться за дело постарому, то я бы видел в нем вполне возможного своего соперника в решающем матче за мировое первенство. Правда, межзональный турнир как-то подорвал веру в его возможности, но огромный матчевый опыт... Словом, инерция веры, что ли, все еще была достаточно велика.

Рассказывают, будто Ларсен на вопрос о вероятном исходе его четвертьфинального матча сказал, что он «избегает прогнозов и даже не берется назвать будущего победителя в матче за мировое первенство между Карповым и... Ларсеном...».

Что ж, это в его характере. Абсолютно убежден: больше всех были довольны жребием Ларсен и Портиш. Каждый из них уж точно знал, что выиграет. Пожалуй, я бы не стал спорить ни с тем, ни с другим, но коль необходим все же однозначный ответ, то предпочел бы венгерского гроссмейстера. Портиш более серьезен в шахматах да и в жизни. Хотя Ларсен по таланту никак не ниже. Но играет датчанин слишком уж в азартные шахматы, а у самого нервы не выдерживают. Он и в турнире неровного смешанного состава — а ведь это был его конек — уже не выдерживает. И не надо ссылаться на его победу в Швейцарии — ему в Биле никто нервы по-настоящему не портил. Вот в 1973 году, на предыдущем межзональном, была конкуренция, и все помнят, чем это кончилось для Ларсена, начавшего с одних побед. Говорил я про нервы Ларсена и вспомнил, что у Портиша тоже не стало прежней выдержки. Он все чаще не в форме и все реже играет ровно и уверенно... Не скрою, фаворитом первой четверки тогда я видел Спасского.

Вторая четверка получилась значительно сильнее. О матче Петросяна с Корчным мне говорить было трудно и неприятно. Не пожелав возвратиться после международного турнира на Родину, бывший мой соперник жестоко скомпрометировал себя.

Вокруг все говорили тогда о Мекинге. Иногда вполголоса, иногда громко. Что же, он стал умнее, сдержаннее. Он зрелый претендент. Не могу сказать, что бразилец, победив на межзональном, показал там какую-то сверхъестественную игру, он просто грамотно вел свою линию.

Мекинг много работал и работу эту начал не сегодня, и вот она дала плоды. В Маниле на межзональном он легко «снимал» слабых, а с сильными даже белыми согласен был на короткие ничьи. Мое прежнее не слишком высокое мнение о Мекинге изменилось в лучшую сторону не только с усилением его игры. Ситуация в шахматном мире за три года тоже изменилась. У Мекинга появились новые плюсы, у его конкурентов — новые минусы. А это как раз тот случай, когда плюсы и минусы взаимно не уничтожаются...

По своему творческому содержанию четвертьфинальный матч между Мекингом и Полугаевским виделся мне едва ли не самым интересным. Верно, Мекинг по-прежнему залезал в цейтноты и излишне нервничал в них. Однако характер у него сильный. И Полугаевский здорово играет в турнирах, но в матчах не столько играют, сколько борются: с характером соперника, со своим характером. Такую борьбу Полугаевский может не выдержать, если не в первом, то в одном из последующих матчей...

Легко и быстро

(Бад-Лаутерберг: открытое первенство ФРГ)

Пока претенденты на его титул занимались выяснением взаимоотношений, чемпион мира тоже не хотел сидеть без дела. И очередное его выступление, совпавшее по времени (март 1977 года) с четвертьфинальными претендентскими матчами, побудило обозревателей — главным образом зарубежных — к определенным сопоставлениям. Вот что писал тогда о Карпове международный мастер Марио Монтичелли, ведущий шахматный отдел в миланской «Карьере делла сера»: «Он стремится избегать неоправданного риска в ходе партии, однако трудно вспомнить другого чемпиона, который с такой же готовностью шел бы на риск, когда это представляется целесообразным. Вот и теперь в ситуации, где большинство его предшественников предпочло бы притаившись следить со стороны за развитием событий, А. Карпов вступает в заочное творческое соревнование с претендентами».

В открытом первенстве ФРГ в городе Бад-Лаутерберге вместе с чемпионом мира на старт вышли чуть ли не все сильнейшие зарубежные гроссмейстеры, не занятые в матчах претендентов.

Анатолий Карпов так рассказывал об этом интереснейшем международном турнире:

— Бад-Лаутерберг — небольшой городок курортного типа, расположен километрах в пятнадцати от границы с ГДР. Живописная гористая местность и отсутствие крупной промышленности — главные достоинства этой области. Все постоянное население (примерно 10 тысяч) занято обслуживанием отдыхающих и туристов. Шахматы среди прочих видов культурного отдыха занимают далеко не последнее место. Здешнему шахматному клубу исполнилось 50 лет, и в сочетании с другой датой (100-летним юбилеем фестиваля в честь Адольфа Андерсена) это явилось поводом для организации международного соревнования.

...Среди большого числа людей, приглашенных на открытие турнира, были и руководители спорта ФРГ. Речь одного из них закончилась призывом к спортивным деятелям отдельных земель активнее финансировать развитие шахмат. Добавлю, что после окончания турнира, проводя сеансы одновременной игры, я убедился в немалой популярности шахмат в этой стране и в достаточной практической силе местных любителей. В известной степени о том же свидетельствовала и моя партия с телезрителями, которую мне предложили сыграть с любителями шахмат в Западной Германии. Каждый ход, сделанный мною раз в неделю, предварительно снимался (где бы я ни находился!) на пленку, потом она отсылалась в ФРГ на телевидение и там показывалась по пятницам. Комментировали сделанные ходы и «предсказывали» дальнейшее течение борьбы сильнейшие западногерманские шахматисты или находящиеся в это время в стране зарубежные гроссмейстеры. Когда заканчивался турнир в Бад-Лаутерберге, мои соперники размышляли над своим 29-м ходом, позиция была примерно равной...

— Но вернемся к собственно Бад-Лаутербергскому турниру, который собрал хороший состав (13 гроссмейстеров и 3 немецких мастера) и прошел весьма интересно. На жеребьевке Семен Абрамович Фурман и я дружно вытянули первый и второй номера, но в отличие от моего тренера это не доставило мне радости: предстояло чер-

ными играть с Р. Хюбнером, Ф. Олафссоном, У. Андерссоном, С. Глигоричем, Э. Торре... Впрочем, борьбы за первое место, по существу, не получилось — на старте удалось выиграть пять или шесть партий. Вскоре оказалось, что и на жребий грех жаловаться. За весь турнир имел, кажется, лишь одну худшую позицию (против И. Чома) и две по-настоящему напряженные партии (с Ф. Олафссоном и Р. Хюбнером).

Роберт Хюбнер поначалу виделся мне главным конкурентом, но производил двоякое впечатление. Он становится все менее профессиональным шахматистом, углубляясь в изучение папирусов, и, насколько мне известно, добивается в своей науке все больших успехов. В то же время заметно, что игру он любит, но на него произвели неизгладимое впечатление результаты последнего межзонального турнира. В одном интервью Хюбнер даже заявил, что играть в шахматы ему по-прежнему хочется, он получает от них истинное удовольствие, но, как только вспоминает свою трагическую партию с Петросяном из межзонального турнира, где он не поставил форсированный мат, у него буквально опускаются руки.

Так или иначе, Хюбнер играл в первой половине турнира хорошо и долго шел на втором месте. Затем состоялась наша встреча. Хюбнер, не имея сколько-нибудь заметного перевеса, от ничьей уклонился. Затем, очевидно, решив, что «погорячился», начал мирные переговоры, которые теперь уже не поддержал я. Дважды нам пришлось доигрывать эту партию вечером — с 22 часов до 24 и один раз утром — с 10 до 12. При этом на утреннее доигрывание Роберт пришел невыспавшимся. (В обычные дни Хюбнер, как он сам рассказывал, поднимается гораздо раньше, а вот во время турниров утренняя игра дается ему с большим трудом.) Со мной западногерманский гроссмейстер ничью все же сделал, но, утомленный, проиграл сначала Я. Тимману, с которым сразу поменялся местами в таблице, а затем еще и англичанину Э. Майлсу.

Во встрече с англичанином Р. Хюбнер применил в дебюте идею нашего О. Романишина, но не учел, что черные вместо коня на f6 вывели слона b4. Эта партия закончилась не так быстро, как должна была кончиться, лишь из-за технических погрешностей Э. Майлса.

Говоря о сильнейшем на сегодняшний день английском шахматисте, следует помнить, что он является од-

ним из самых молодых гроссмейстеров в мире и потому, естественно, привлекает внимание. Энтони Майлс чем-то походит на Энрике Мекинга. Он так же, как и бразилец, попав в трудное положение, обхватывает голову руками и ничего вокруг не замечает. Но ведет себя за шахматной доской вполне прилично... Отсутствие школы плюс не очень высокая еще техника Майлса в известной мере компенсируются хорошо отработанным дебютным репертуаром, изобретательностью в обоюдоострых положениях.

Ян Тимман выиграл перед самым финишем пять партий подряд (что, кстати, он проделал незадолго до этого и на международном турнире в Вейк-ан-Зее). Голландский гроссмейстер вообще, что называется, шахматист настроения. На сей раз настроение у него оказалось отличным, ибо турнирное счастье не покидало Тиммана и особенно приветливо улыбалось ему в начисто проигранных позициях против Глигорича и Олафссона. А в результате чистое второе место, хотя и на два очка позади меня.

Не ставя себе целью дать характеристики всем участникам, хочу все же сказать о мощной и уверенной игре Фридерика Олафссона. Он исключительно боевитый шахматист, что в сочетании с упорством (95 ходов он спасал партию от меня и спас) делает его опасным конкурентом в любом соревновании. И, наоборот, полной противоположностью Олафссону был в этом турнире Ульф Андерссон. Еще со времени нашего совместного выступления на юношеском первенстве мира 1969 года я испытываю к шведскому шахматисту глубокую симпатию. И тем обиднее метаморфоза, приключившаяся с Ульфом в последнее время. Андерссон играет, словно старичок, который все знает и всего опасается. Он играет одни и те же позиции, причем и белые и черные фигуры располагает, как правило, не далее третьего ряда. Да, он по-прежнему редко проигрывает, но... совсем перестал выигрывать. Четырнадцать ничьих и одно поражение (в своем любимом построении) — конечно, печальный итог.

Разумеется, не могу не сказать о своем тренере и сопернике на турнире в Бад-Лаутерберге. С. Фурману еще в большей мере, чем мне, играя, нужно было иметь рядом близкого человека. Не все люди солидного возраста быстро привыкают к постоянно меняющимся коллегам по шахматным путешествиям. Я же с новым человеком

схожусь легко, потому что в крайнем случае умею, если можно так сказать, абстрагироваться.

На сей раз мы с Фурманом как бы тренировали друг друга, хотя времени для этого практически не было (6 туров, выходной, 8 партий, выходной, последний тур). Опытный гроссмейстер играл отлично (достаточно упомянуть его блестящую победу над Глигоричем) и лишь на финише, несколько устав, он проиграл белыми Торре. Зато, например, в партии с другим молодым гроссмейстером, Майлсом, Фурман дал образец разыгрывания типовой позиции с изолированной ферзевой пешкой. Третье место С. Фурмана абсолютно заслуженно.

Турнир получился боевым. Ничьи заключались после полнокровной борьбы.

После окончания турнира в Бад-Лаутерберге Э. Майлс поделился на страницах лондонского еженедельника «Нью стэйтсмен» впечатлениями об игре чемпиона мира: «Меня особенно поразила та быстрота и легкость, с которой Карпов разыгрывает сравнительно несложные технические позиции. На партию с Кином, продолжавшуюся 57 ходов, он затратил всего полтора часа, тогда как его партнер — три с половиной. В партии с Олафссоном разница во времени была еще более поразительной. Когда я в последний раз сравнил показания часов, у Карпова было $2^1/_2$ часа, а у Олафссона — $5^1/_2$, причем в дальнейшем разница, видимо, продолжала возрастать...»

Командные шахматы

(Москва: Европейский критериум сборных)

— Командный чемпионат Европы стал для меня как бы продолжением международного турнира в ФРГ. Еще там, как говорят шахматисты, «пошла» у меня игра. Правда, такое выступление в Москве даже запрограммировать было трудно...

Красиво начинался этот турнир.

...Суворовцы в парадных мундирах звуками фанфар объявили о начале праздника и пригласили на круглую арену московского Дворца спорта «Крылья Советов» по-

сланцев из восьми стран Европы. Зрители, заполнившие трибуны, аплодисментами приветствовали зарубежных и советских гроссмейстеров. Хлеб-соль преподнесли гостям на вышитых полотенцах девочки в национальных русских нарядах. Традиционная деловая обстановка официального открытия соревнований была еще больше расцвечена «живыми шахматами». В популярной песенке о шахматах есть такие слова: «На маленьком шахматном поле большое искусство живет». На сей раз искусство это демонстрировали юные солисты танцевального ансамбля, исполнявшие роли живых шахматных фигур.

В заключение состоялась «концертная жеребьевка». Под удалые переборы гармоники вылетел паренек на разрисованном игрушечном коне, а за ним выплыли русские матрешки. Капитаны команд выбирали понравившуюся им куклу-девушку, а та вручала номер в стартовой турнирной таблице.

В первом туре восемь гроссмейстеров сборной СССР встретились с чехословацкими шахматистами. И сразу нас стали преследовать неудачи. Сначала Геллер вынужден был довольствоваться ничьей с Лехтынским. Затем к такому же результату пришел напряженный поединок Янса — Петросян, где белые выиграли пешку, но потеряли время для реализации перевеса. Остальные партии были отложены.

Надо видеть, как анализируются отложенные партии в командном турнире! Анализ проходит обычно ночью. В работе, как правило, принимают участие тренеры и большинство свободных от утреннего доигрывания шахматистов. Тренерам это положено, что называется, по штату, а вот уставшего от своей партии участника никто не осудил бы, отправься он спать. Ан нет! Дебютант Дорфман, удачно вписавшийся в состав сборной страны, признался, что, доигрывая одну из своих отложенных партий, он сделал 14 ходов точно по анализу, главную роль в котором сыграл Карпов. Ровно пять ночных часов после своей партии провел чемпион мира за доской товарища по команде!

Да, да, есть такое понятие в шахматах — командный игрок. Оно включает в себя отнюдь не мало. Это и волнение за коллег, и готовность уступить более высокую доску или «отдать» более легкого соперника или белый цвет соседу, или заменить уставшего, который добросовестно провел все предыдущие матчи, не позволяя корот-

ких ничьих, равнозначных дополнительным дням отдыха. Короче, командный игрок — это человек, в полной мере наделенный спортивным благородством.

Особый спрос с капитана команды (им-то на этот раз и являлся Карпов). На флоте есть звание — капитан-лейтенант. А. Карпов за VI первенство Европы вполне мог бы быть удостоен звания «капитан-чемпион», если бы такое, конечно, существовало. Пришли к нему все качества командного игрока не случайно. Помните, тренер сборной молодежной СССР А. Быховский и раньше рассказывал, что Карпов отлично цементировал студенческую команду 1971 и 1972 годов...

Волнение за коллектив... Цешковский, например, куда меньше был расстроен тем, что никак не мог выиграть свою отложенную партию у чехословацкого шахматиста, нежели тем, что у его товарищей вроде бы не лучшим образом складывается следующий матч — с югославами. Хмурый сидел он «на скамейке запасных». Но вскоре повеселел: на первых досках шахматисты СССР овладели инициативой. Как и положено истинным лидерам команды, в самые опасные минуты соревнования они действовали уверенно и спокойно. Карпов полностью переиграл очень сильного Любомира Любоевича, Полугаевский одолел опытного Матановича, Таль перехитрил напористого Велимировича...

Забавный и в какой-то мере символичный эпизод произошел в пятом туре, когда на столик рядом с каждым советским шахматистом тренеры сборной СССР положили красивую коробочку с медалью. По свидетельству Карпова, сидевший напротив него гроссмейстер Раймонд Кин реагировал на это весьма остро:

— Никогда не видел, чтобы золотые медали присуждались еще до окончания соревнований.

Пришлось объяснить англичанину, что награды эти — не за победу, а за участие и что памятные медали вручаются всем приехавшим на чемпионат Европы. Подарки для сборных Великобритании и других стран ранее были переданы их тренерам и руководителям команд и ими же, вероятно, вскоре будут розданы шахматистам.

Небольшой конфликт возник за первым столиком матча СССР — Великобритания. Дело было в том, что электрический свет в зале «Крылья Советов» не совсем был приспособлен к нуждам шахматистов и, местами неравномерный, создавал неудобство при игре на отдельных

участках спортивной арены. Клетки лакированных столиков переливались мешающими взгляду бликами, и потому некоторые гроссмейстеры устанавливали свои более матовые, не отражающие свет доски. Так поступали, например, Петросян, Полугаевский, Портиш, внимательно следящие за своим зрением и всегда старающиеся устранить всякие помехи при игре. Так же поступить предложил своему партнеру и Карпов. Но Кин вдруг отказался и притом сделал это в вызывающе-категорической форме. В конечном счете конфликт был ликвидирован арбитрами, которые методом последовательных перемещений столика по спортивной арене нашли место, где свет больше не играл причудливыми зайчиками на лакированной шахматной доске.

Кин проиграл эту партию. А перед тем он очень гордился и не упускал случая напомнить всем, что недавно в Бад-Лаутерберге оказался единственным, кто, играя черными с Карповым, сумел добиться ничьей. Вот что, кстати, писал тогда Кин:

«После турнира в Бад-Лаутерберге я взял у Карпова интервью для журнала «Спектейтор». Он сказал, что будет вполне удовлетворен, если сумеет сохранить звание чемпиона мира в течение 6—9 лет. Я, однако, не верю, что в этот период кто-нибудь сможет сравниться с Карповым как в практической шахматной силе, так и в скорости реакции и невероятной быстроте игры. Все же было бы интересно узнать, сможет ли победитель состязания претендентов поставить перед Карповым серьезные психологические проблемы в матче за высший титул».

Красноречивое и откровенное высказывание. Итак, по мнению Р. Кина, перед А. Карповым надо прежде всего пытаться ставить «психологические проблемы». Не потому ли английский гроссмейстер и вел себя таким образом во время встречи с чемпионом мира на командном первенстве Европы? В тот момент Р. Кин, правда, еще не был секундантом В. Корчного, а стал им уже перед самым финальным матчем претендентов, прошедшим, как теперь уже известно, в обстановке самой настоящей психологической войны...

Когда заканчивалось первенство Европы, все невольно сравнивали игру Карпова с тем уровнем, какой показали участники четвертьфинальных претендентских матчей. Капитан чехословацкой команды международный арбитр и гроссмейстер Мирослав Филипп заявил:

«Если бы я не видел партию Портиш — Карпов, то никогда не поверил бы, что можно в 23 хода выиграть черными у шахматиста такого высокого класса, каким является венгерский гроссмейстер».

Ботвинник как-то высказал мнение, что чемпиону мира все труднее добиваться в наши дни заметного превосходства над гроссмейстерами экстра-класса и он может считаться лишь первым среди равных. Однако Карпова такое положение в шахматном мире, по всей вероятности, не устраивает — нынешний чемпион стремится быть не только первым среди равных, но и, безусловно, сильнейшим.

Вот еще более официальная точка зрения. На церемонии торжественного закрытия VI командного первенства Европы выступил президент ФИДЕ Макс Эйве. Он подчеркнул, что победа команды СССР ожидалась всеми, но восхищает стиль, в каком эта победа была одержана. Особо отметил президент блестящий результат лидера советской сборной Анатолия Карпова — 5 очков в 5 партиях против лучших зарубежных гроссмейстеров.

«За те два года, что прошли с момента, когда я имел честь короновать Карпова, нынешний чемпион мира сыграл больше и успешнее, чем сделали это все чемпионы до него», — подчеркнул доктор Эйве.

— Сборная СССР выступила в спортивном отношении исключительно удачно, — подвел итог турнира Анатолий Карпов, — мы опередили ближайших конкурентов — венгерских шахматистов — на десять с половиной очков. Выиграно и командное первенство, и практически все личные первые места (уступить пришлось только на второй доске). Отлично, на мой взгляд, играли Полугаевский и Таль, старательно действовали Балашов и Романишин, весьма удачно вписались в коллектив дебютанты Цешковский, Дорфман, Свешников.

Подчеркиваю, что в коллектив, ибо командные соревнования без такого понятия, по-моему, не существуют. Обязательны совместный анализ отложенных партий, подготовка к очередным встречам, обсуждение состава команды на предстоящий матч. Как капитан вынужден сказать, что хотя в целом наши дела шли успешно, но были и шахматисты, выпадающие из ансамбля. К сожалению, это относится как раз к наиболее опытным, на

которых труднее всего влиять и чьи советы команде порой могли бы весьма пригодиться. И все же главное — коллектив. Он, если здоровый, вполне может обойтись без активности одного или двух участников. Так или иначе, чемпионат Европы мы провели хорошо, уверенно.

Югославия, похоже, едва ли не обогнала нас по числу действующих гроссмейстеров. Сплошь гроссмейстерским был состав венгерской команды. И в такой обстановке особенно приятно, что наши ведущие шахматисты доказали, что по-прежнему являются сильнейшими и что в число этих ведущих уже начали выдвигаться новые имена.

Два восклицательных знака

Лас-Пальмас: эффектная победа

Теплый весенний вечер в конце апреля 1977 года. В подмосковном городе Балашихе к огромным окнам переполненного зала прильнули сотни любителей шахмат, люди стояли на балконах соседних домов... В зале торжественно открывался финальный турнир, венчавший собой шахматный фестиваль «Подмосковные вечера», в котором на разных этапах приняли участие в общей сложности 100 тысяч человек!

Среди тех, кто приветствовал участников, был и А. Карпов. Он не только приветствовал шахматистов, но и дал им сеанс одновременной игры. Затем Анатолий вернулся в Москву и принял участие в работе пленума ЦК ВЛКСМ, встретился с любителями шахмат еще одного подмосковного города — Зеленограда. А в начале мая он и Таль, добрые друзья в жизни и соперники за шахматной доской, побывав в гостях у космонавтов в Звездном городке, отправились в Испанию, в Лас-Пальмас, на Канарские острова.

Надо сказать, что советские шахматисты в Испании всегда пользуются повышенным вниманием. Лет десять назад Михаила Таля буквально заставили участвовать в... корриде. Гроссмейстеру вручили шпагу и мулеты, зазвучала темпераментная музыка. Правда, против экс-чемпиона мира, очевидно, побоялись выпустить боевого быка, и на арене появилось животное, которое темпераментом напоминало скорее добродушную корову. Таль загипнотизировал атакующего, а может, внимание бычка отвлек ярко разодетый корреспондент, готовившийся уве-

ковечить «исторический момент», — так или иначе, животное бросилось в сторону фоторепортера, и снимка века любители шахмат так и не увидели...

Не получилась, по всей вероятности, и фотография, где фоторепортер пытался запечатлеть первый удар по мячу в футбольном матче на первенство Испании между командами Лас-Пальмаса и Саламанки. Удар этот в свободный от шахмат день упросили сделать Карпова, и Анатолий, которому изрядно надоели репортеры, вполне профессионально направил мяч в объектив нацеленной на него фотокамеры.

Все другие свои выходные от игры дни оба наших гроссмейстера провели в обществе соотечественников: в крупном океанском порту было много советских моряков, и они постоянно приглашали шахматистов к себе на корабли. В свою очередь, земляки приходили болеть за Карпова и Таля в турнирный зал.

Индивидуальный коэффициент чемпиона мира достиг к тому времени удивительной суммы — 2725, и, чтобы сохранить его на такой исключительной высоте — положение обязывает! — Карпову надо было набрать в начинающемся соревновании не менее 12 очков из 15. Откровенно говоря, выполнение такой «нормы» в присутствии группы видных гроссмейстеров выглядело задачей архитрудной.

По свидетельству Таля, чемпион мира играл на том турнире «совершенно блестяще»:

«Наблюдая за тем, как он вел пешечно-фигурное наступление на позицию испанского гроссмейстера Помара, я почему-то вдруг вспомнил название когда-то прочитанной книги «Танки идут ромбом». Схожие ассоциации вызвал и предпринятый уже в дебюте охват и зажим позиции англичанина Майлса. Многие замыслы Карпова становились понятными партнерам, когда спастись было уже невозможно. У Анатолия получалось абсолютно все. Даже когда он, несколько переоценив шансы, очутился в сложном положении против Брауна. Перед чемпионом возникла дилемма: либо идти к ничьей, либо затеять осложнения, которые объективно были бы на руку сопернику. Карпов насупился, минут двадцать сидел без движения, а потом ринулся врукопашную. В цейтноте американский гроссмейстер ошибся и потерпел поражение. После окончания партии все твердили: «Браун должен был победить», а Карпов в ответ демонстрировал та-

кие удивительно длинные и красивые варианты, что мы вокруг только диву давались. Меня тогда восхитили и эти варианты, и поразительная спортивность его характера».

Но особенно удалась Карпову партия против итальянского шахматиста Татаи, на игре которого сказался рецидив весьма распространенной шахматной болезни — «пешкоедство в дебюте». В погоне за мелкими материальными приобретениями Татаи потерял время для развития своих фигур и уступил чемпиону мира большое пространство. Черные всеми силами обрушились на позицию не успевшего рокироваться белого короля, затем Анатолий эффектно, хотя и временно, пожертвовал ферзя... Интересно, что, диктуя по телефону эту партию в Москву, обычно сдержанный Карпов весело воскликнул: «Обратите внимание — а король-то голый!»

Позднее на традиционном конкурсе, проводимом шахматным изданием «Информатор», а также югославской газетой «Политика-Экспресс», партия С. Татаи — А. Карпов была признана абсолютно лучшей среди сыгранных в первом полугодии 1977 года. Мнение, высказанное авторитетным гроссмейстерским жюри, подтвердил и специальный опрос читателей.

Этой превосходной победой была как бы поставлена точка (вернее, два восклицательных знака — высшая оценка в шахматах) в борьбе за первое место на турнире в Лас-Пальмасе. Уже за два тура до конца Карпов стал недосягаем для конкурентов. В предпоследнем туре он опять выиграл, а в заключительной партии сделал ничью с Талем. В итоге — удивительный результат: $13^1/_2$ из пятнадцати (только три ничьи), на два с половиной очка впереди второго призера. С этого момента его индивидуальный коэффициент (рейтинг) составил сумму 2740!

Визитная карточка шахматиста

Слово «рейтинг» в английском имеет несколько значений, из которых в нашем случае наиболее подходящий — «оценка» или даже «техническя мощность», а коль пожелает читатель, то можно и «индивидуальный коэффициент».

Ведающий в ФИДЕ квалификационными вопросами американский профессор Арпад Эло раз в год выпускает рейтинг-лист ведущих шахматистов мира, где учитывают-

ся международные и наикрупнейшие национальные турниры. Теперь шахматисты не без оснований шутят: «Скажи мне твой рейтинг, и я скажу, кто ты». Так получилось, что в системе коэффициентов профессора Эло начали складываться примерные, разумеется, границы: 2400 — довольно сильный мастер, от 2500 — гроссмейстер, 2600 — гроссмейстер экстра-класса. Все это, правда, весьма условно... И уже сейчас чрезмерно разросшееся количество носителей высших званий требует ужесточения критериев.

В последние годы организаторы международных турниров стремятся собирать гроссмейстерские составы (благо число обладателей высшего звания все возрастает...), обладающие очень высокими коэффициентами.

Милан — 1975 год, а позже Ленинград — 1977 год, Тилбург — 1977 год, Бугойно — 1978 год. В каждом из этих турниров играли только гроссмейстеры, три соревнования относились к 14-й категории трудности по шкале ФИДЕ (категория эта зависит от величины «среднетурнирного» коэффициента). Средний рейтинг перечисленных состязаний был очень высоким: в Милане — 2599, в Ленинграде — 2551, в Тилбурге — 2582, в Бугойно — 2588. И во всех этих «супертурнирах» выступал А. Карпов, причем только однажды он не коснулся финишной ленточки раньше других.

...От легкоатлета, к примеру, пробежавшего сегодня стометровку за 10,2 секунды, завтра уже ждут результата, близкого в 10 секундам ровно. Но ведь ему труднее сбросить одну десятую, нежели полсекунды спринтеру, преодолевающему то же расстояние за 11,2. Точно то же самое происходит с индивидуальными коэффициентами шахматистов. Ибо сама математическая формула их начисления требует от того, кто имеет 2700, показывать постоянно исключительно высокие «очковые» результаты. Чем выше поднимается гроссмейстер, тем труднее даются каждые новые и сохраняются старые 5—10 единиц его рейтинга (здесь стоит помнить еще одно толкование английского слова «рейтинг» — «выговор, нагоняй»).

Рекордный рейтинг принадлежит Р. Фишеру — 2780, фантастическая цифра. Получилась она после его побед в матчах над М. Таймановым, Б. Ларсеном, Т. Петросяном и Б. Спасским. Но дело в том, что А. Эло считал рейтинг Р. Фишеру сразу за год, так сказать, оптом. Однако тот Фишер, который выиграл у Тайманова со сче-

том 6 : 0, должен был обыграть Ларсена где-то около 5 : 1, а после «сухой» победы над датчанином он уже просто обязан был добиваться выигрыша у Петросяна примерно с тем же счетом, однако на самом деле имел место счет $6^1/_2 : 1^1/_2$. И если бы Фишеру начисляли коэффициент последовательно после каждого матча, а затем предъявляли новые, все более высокие требования, то вряд ли он достиг бы вершины 2780. А математика «аккордно премировала» того Фишера, который только еще приступал к стремительному восхождению, и не посчиталась с тем, что на каждом отрезке этого восхождения следовало бы «план повышать».

Личный рекорд Карпова — 2740. Все остальные шахматисты расположены на почтительном расстоянии от отметки 2700...

— Коэффициент Эло меня не гипнотизирует, и я вовсе не считаю, что обязан увеличивать его в каждом турнире. Индивидуальный коэффициент не стимул, а визитная карточка, и только! Другое дело, что визитная карточка должна быть как можно представительнее. И все же куда важнее, мне кажется, собрать более богатую, чем у Фишера, коллекцию «Шахматных Оскаров».

Превращения «дядюшки Оскара»

В испанском городе Пальма, который является столицей провинции Балеарских островов и расположен на главном из них — Мальорке, прежде в конце года проводились крупные международные турниры, привлекавшие своим сильным составом внимание спортивной прессы. В декабре 1967 года постоянный директор тамошних турниров Хорде Пуч собрал съехавшихся корреспондентов, и они под его председательством избрали лучшего шахматиста уходящего года. Им стал Бент Ларсен. Ему-то и вручили первого «Шахматного Оскара».

Но почему «Оскар»? Название приза шахматисты заимствовали у кинематографистов, а по рассказам последних, название это родилось так. Когда статуэтка, изображавшая мужчину, которой собирались отметить выдающиеся произведения киноискусства, впервые была выставлена в зале Американской академии художеств, она попалась на глаза известной киноактрисе. «Боже, как он похож на моего дядюшку Оскара!» — воскликнула кино-

звезда. Отсюда и пошло, и пошло... и пришло к шахматистам.

Кстати, сам «Шахматный Оскар» поначалу еще както соответствовал своему названию, поскольку статуэтка изображала мужчину, восседавшего на муле. У многих это ассоциировалось тогда с Санчо Пансой.

В 1968 и 1969 годах «Шахматный Оскар» вручался Борису Спасскому (и с того же времени журналисты стали определять не только наилучшего гроссмейстера, но и «десятку года»). В 1970, 1971, 1972 годах «Оскары» присуждались Роберту Фишеру.

Заметьте, между прочим, что лауреатами гроссмейстеры становились, как правило, в то время, когда ими руководили самые честолюбивые помыслы, когда рвались они к шахматной короне. Но едва только становились чемпионами мира — и триумфальные годы сменялись годами «спокойного солнца», и «Оскары» доставались другим.

Ассоциация журналистов, пишущих на шахматные темы, была признана Международной шахматной федерацией. Десять лет ее возглавлял X. Пуч, затем произошла смена руководства, но председатель, теперь уже почетный, по-прежнему рассылает наиболее авторитетным журналистам разных стран специальные анкеты. В анкетах этих приводятся спортивные результаты примерно 25 ведущих шахматистов. Оговаривается, что в список не включаются те, кто выиграл за год меньше 12 партий с гроссмейстерами, что учитывается не только процент набранных очков, но и уровень турнира.

В 1973 году турнир на острове Мальорка не состоялся. Проводился он в Мадриде. И тут журналисты решили, что очередной «Шахматный Оскар» должен быть присужден Анатолию Карпову. Тогда же состоялось и первое внешнее превращение «дядюшки Оскара»: новый приз хотя и сохранил название «Оскар», изображал герб испанской столицы — медвежонка, взбирающегося на дерево. Последующие «Оскары» символизировали уже герб Барселоны, города, взявшего на себя организационные хлопоты по определению лучшего шахматиста года, и теперь статуэтка изображает... девушку с зонтиком.

Всего к началу 1978 года Карпов получил пять «Оскаров» и, таким образом, превзошел рекорд Фишера — пять лет подряд его называли лучшим шахматистом года!

Глава XIII

«ТАК ДАЖЕ ЧЕЛОВЕЧНЕЕ»

«Мы все собрались здесь, чтобы языком шахмат отметить знаменательное событие в жизни нашей страны», — сказал гроссмейстер М. Тайманов, выступая от имени ленинградцев на торжественном открытии международного турнира, посвященного 60-летию Великого Октября.

Переполненный зал аплодисментами встречал каждую известную шахматному (и не только шахматному) миру фамилию, тем самым как бы выдавая «аванс доверия» гостям и хозяевам турнира. Директор Центрального шахматного клуба СССР В. Батуринский подчеркнул: состав юбилейного шахматного турнира особенно интересен тем, что на старт вышли лучшие представители всех поколений шахматистов, воспитанных за годы Советской власти. Среди участников были и сохранивший мощь своей игры 56-летний экс-чемпион мира В. Смыслов, и вновь рвущийся вверх 40-летний М. Таль, и закончивший институт физкультуры и набиравший силу Ю. Балашов, и нынешние честолюбивые гроссмейстеры из студенческой команды СССР во главе с О. Романишиным и Р. Ваганяном, и включенный в турнир в последний момент юридически еще международный мастер, но фактически уже выполнивший гроссмейстерскую норму один из хозяев ленинградского шахматного поля, двадцатилетний Александр Кочиев. Впервые выступал в роли чемпиона мира перед своими взыскательными земляками-ленинградцами Анатолий Карпов...

Логичным было приглашение на турнир, посвященный юбилею Октябрьской революции, шахматистов — представителей социалистических стран, добившихся крупных успехов на международной шахматной арене. Во время жеребьевки один за другим подходили к судейскому столику гроссмейстеры и брали изображавшие невские виды красочные альбомы, на которых были начертаны пушкинские слова: «Мосты повисли над водами...» Они звучали как символ дружбы между шахматистами разных стран.

В наших крупных городах имеются концертные залы, особенно охотно раскрывающие свои двери для шахматных спектаклей. В Москве, например, это Центральный Дом культуры железнодорожников, в Ленинграде — Дворец культуры имени Ф. Э. Дзержинского.

В зале тысяча мест, но билетов, случается, хватает далеко не всем желающим. Этим, наверное, и можно объяснить ухищрения иных горе-болельщиков. Так, уже на первом туре был обнаружен «фальшивобилетчик». Другим, правда, совсем не криминальным проявленнем шахматного бума явилась интенсивная охота за автографами. Впрочем, это уже вошло в своеобразную традицию. Народный артист СССР Р. Плятт рассказал: «Нечто похожее творилось еще во время Московского международного турнира 1925 года. Я сам, помню, так впивался в гроссмейстеров, что до сих пор, кажется, ощущаю пальцами качество материи на костюме Капабланки».

Ростислав Плятт оказался в Ленинграде по своим театральным делам и в первый же освободившийся вечер вместе с известным драматургом Леонидом Зориным поспешил на турнир. Ровно пять часов оба они не поднимались со зрительских кресел и неотрывно следили за игрой актеров шахматной сцены. «Что-то я не все понимаю в партии Карпов — Тайманов», — признался Плятт. «А прекрасное не всегда обязательно понимать, им достаточно просто восторгаться», — с улыбкой заметил перворазрядник Зорин, когда в центральной партии первого тура черные провели неожиданную и на редкость эффектную комбинацию.

Объяснять поражение Карпова можно чисто пошахматному. Получив преимущество в пространстве, он вынудил соперника отдать пешку. Однако Тайманов ухитрился остроумно компенсировать эту материальную недостачу немедленной активизацией своих фигур. Бе-

лые, несколько прямолинейно толкая лишнюю проходную пешку в ферзи, ослабили бдительность на противоположном фланге...

А можно отнестись к случившемуся и по-другому. Чуть ли не хором был назван проигрыш Карпова (кстати, единственный до того в 1977 году) сенсацией, срочно нуждающейся в объяснении.

И как-то разом все позабыли, что чемпион мира, хоть и одерживающий победу за победой, тоже всего лишь человек. Впрочем, в этой забывчивости «виноват» он сам.

Поражение Карпова больше всех расстроило Кочиева, которому предстояло встретиться с ним во втором туре и который не без оснований опасался рассерженного чемпиона. Молодой шахматист предпринял все необходимые с его точки зрения меры: играя белыми, он не возражал против повторения ходов, технично и методично менял фигуры, чем почти совершенно опустошил доску. Но эта тактика «выжженной доски» еще больше рассердила Карпова, и он с каким-то особым старанием пытался вдохнуть жизнь в ничейную позицию. Так или иначе чемпион сумел к перерыву собрать воедино едва заметные плюсы, но вот для победы во время доигрывания их не хватило.

В третьем туре зрители вновь увидели прежнего Карпова — спокойного, уверенного и, если позволительно так выразиться, по-спортивному хитрого.

Соперник чемпиона Ян Смейкал, известный своей недюжинной силой и постоянными цейтнотами, казалось, взял себя в руки и начал партию в довольно быстром темпе. Именно эта поспешность и подвела чехословацкого гроссмейстера: Карпов отлично понимал, что излечиться от хронической шахматной болезни вдруг за один день Смейкал не мог.

Чемпион мира замысловатыми маневрами умело поддерживал напряжение на доске, а его партнер тем временем стал все чаще и чаще и все дольше задумываться. Развязка наступила, когда минутная стрелка на циферблате часов Смейкала вплотную приблизилась к контрольному флажку. Именно в этот момент — ни раньше, ни позже — Карпов подал сигнал своим фигурам приступить к окружению неприятельского короля.

Когда в комнате за сценой гроссмейстеры анализировали закончившуюся партию и Карпов показывал один

вариант за другим, завороженный его летающими над доской тонкими и быстрыми пальцами Смейкал громко прошептал:

— Я чувствовал, что моя позиция неважная, но не знал, что она настолько плоха.

Потом была ничья с Ваганяном.

И за ней самая драматическая партия всего турнира, а пожалуй, и не только этого турнира.

Кто не видел шахматных часов? Два механизма, объединенные внутри металлическим «коромыслом». Делаете ход, нажимаете кнопку верхней панели часов, выскакивает вторая кнопка на противоположной стороне, и теперь уже минутная стрелка вашего соперника возобновляет бег по его циферблату в направлении висящего над числом 12 контрольного флажка.

Часы никогда не подводили Карпова, легкость и скорость — завидные свойства его игры. Тем удивительнее случай, происшедший в пятом туре юбилейного соревнования в Ленинграде.

Фотограф, если бы ему удалось сделать этот уникальный снимок, вполне мог бы рассчитывать на премию в любом конкурсе. Друг против друга Карпов с чуть побледневшим, каменным лицом и его удивленный соперник — Белявский. Рука чемпиона мира, едва оторвавшаяся от кнопки часов и еще не успевшая опуститься, и перпендикулярно ей поднятая рука судьи (или судьбы?), словно поставившая крест на этой шахматной партии. Но пока репортеры и зрители сообразили, что произошло, Карпов успел покоситься на часы и рукопожатием, как и полагается, поблагодарить партнера за игру.

Оказывается, Анатолий, уже сделав ход, услышал (такое бывает!), как рухнул контрольный флажок на его циферблате, и сразу все понял. Незаметно прошли почти две минуты, которые оставались у него на один ход. По шахматным меркам это довольно много. Однако закон есть закон: последний, сороковой ход считается сделанным, если не только передвинута фигура на доске, но и переведены часы; в противном случае поражение.

Карпов хорошо провел партию, выиграл пешку и теперь выбирал между двумя возможностями. Этим последним ходом белые должны были отойти королем или закрыться от шаха. Как выяснилось тут же после игры, первый путь форсированно вел к победе. Но и на второй

дороге, где остановился чемпион мира, его тоже поджидал успех.

«Сколько раз на моих часах падал флажок в выигрышных позициях, но это случалось лишь после того, как я успевал сделать десяток молниеносных ходов. Здесь же ни цейтнота, ни спешки. Невероятно!» — восклицал Смейкал, то и дело возвращаясь к происшествию в партии Карпов — Белявский.

Когда-то видный гроссмейстер и признанный острослов С. Тартаковер назвал шахматную партию комедией из 1001 ошибки. Самим же партнерам тут отнюдь не до смеха, и даже победитель, не говоря о пострадавшем, испытывает каждый раз нешуточные волнения. А потому рискнем внести уточнения в приведенную выше формулировку: речь идет не о комедии, а о драме из 1001 ошибки. Сколько же драм разыгрывается в каждом турнире!.. Но случившуюся с Карповым смело можно отнести к «рекордным».

На следующий день чемпион мира пошел на определенный риск в партии с Лотаром Фогтом, вызывая огонь на себя. Однако молодой гроссмейстер из ГДР, зачехлив орудия, недрогнувшей рукой прямиком направил свой шахматный корабль в мирную гавань.

Извечная проблема — изолированной ферзевой пешки — дискутировалась в партии А. Карпов — Г. Кузьмин. Пешка эта является немалой силой в миттельшпиле, контролируя важнейшие центральные поля и способствуя активности своих старших товарищей по команде. Но она же становится слабой в эндшпиле. Не заботясь больше о своем короле, недавние оборонцы, осмелев, потихонечку начинают обижать сиротеющую пешечку.

«В следующий раз я скорее вообще отдам две пешки, чем получу одну изолированную», — усмехнулся Кузьмин, проигравший Карпову подобную типовую позицию.

Партия эта напомнила лучшие достижения чемпиона мира, который разменял лишние, по его мнению, фигуры соперника, заблокировал и окружил «изолятор» и сам ухитрился перейти в атаку на черного короля. Концовка была весьма эффектной.

К этому времени в турнире уже не оказалось гроссмейстера, к которому можно было бы применить известную шахматную поговорку: «Везет, как первому призеру». И именно в этой обстановке необходимо было сделать рывок А. Карпову, рывок, ожидавшийся от него

всеми. Ибо помнили все, как сумел он переломить свою турнирную судьбу в первенстве СССР в 1976 году. Но... последовала ничья с югославом М. Кнежевичем и вслед за ней две еле заметные неточности, и упущен очевидный выигрыш в партии с И. Радуловым из Болгарии.

Авторитеты в один голос объясняли отставание чемпиона мира его усталостью от нескольких предшествовавших юбилейному турниру побед. Верно. Однако никто не знал и о других причинах, из-за которых не получился у Карпова затяжной спурт на второй половине дистанции. Рассказывать об этом во время турнира и сразу после него означало бы оправдываться. Теперь, пожалуй, уже можно. Прежде всего он по обыкновению простудился. И как это ни странно звучит, лечение давалось нелегко именно потому, что жил он дома. А матери-то дома и не было: ее увезли в больницу, где сын и навещал тяжело занемогшую Нину Григорьевну практически каждый день. Отца, тоже не чувствовавшего себя идеально, оставлять одного Анатолий не хотел. Вот и приезжал Семен Абрамович Фурман к ним домой готовиться к очередной партии, а потом они оба ехали перед игрой обедать... Это был тот случай, когда дома стены не помогали. Но обо всех этих сложностях никто тогда не догадывался.

«Замечаете, — говорил наблюдательный Р. Плятт, — как спокоен Карпов? Игра у него явно не клеится, а он и вида не подает. Другой бы на его месте нервничал, суетился. Он же проявляет редкое самообладание».

Обыграв наконец итальянца Мариотти, Карпов встретился с Талем. Экс-чемпион применил черными вариант, модный несколько лет назад, когда Карпов еще не был сильнейшим шахматистом мира. Чемпион, однако, оказался в курсе дел и достиг определенного перевеса за счет изолированной, но проходной пешки. Поддержанная другими фигурами, она, словно таран, упрямо двигалась вперед. Таль, попав в цейтнот, лихорадочно воздвигал новые и новые препятствия на пути дерзкой и опасной пешки, а Карпов заботливо и методично расчищал ей дорогу. На последнем рубеже настырную пешку встретила черная ладья, за которой был уже только сам экс-чемпион мира, грудью прижавшийся к краю шахматного столика и сверливший гипнотическим взором незваную гостью... Карпов зашел своим ферзем с одной сторо-

ны, потом с другой. Таль не уступал. Тогда белые начали перестройку своих сил. За этим занятием и застал их сигнал об окончании тура.

В отложенной позиции многим не без основания виделось позарез нужное Карпову очко...

Совершая после короткой ничьей в 13-м туре прощальный «круиз» по сцене, Таль задержался у столика, где играли Балашов с Карповым. Экс-чемпион мира сморщил лоб и поднял брови, как человек, что-то припоминающий, и медленно направился к выходу. Потом Балашов рассказывал, что точно такая же позиция встретилась примерно год назад в какой-то из его блицпартий с Талем... Ну и память у этих гроссмейстеров!

Вариант оказался вполне пригодным и для серьезного поединка с самим чемпионом мира. Во всяком случае, белые выиграли пешку, и Карпов вынужден был переключиться на защиту. Оборонялся он активно. Балашову никак не удавалось усилить позицию, поскольку его лишняя пешка постоянно нуждалась в опеке. Москвич решил обменять эту пешку на другую, но наличие на доске разноцветных слонов все равно привело к ничьей.

В тот же день Романишин, приняв поздравления по поводу победы над Смейкалом, отправился сдавать Тайманову отложенную два тура назад партию. Однако о своем решении сообщил он главному арбитру В. Микенасу, а не самому ленинградскому гроссмейстеру — к Тайманову в те минуты лучше было не подходить даже с приятным известием...

Еще в дебюте М. Тайманов выиграл у А. Кочиева пешку, и все спешили подсчитать сумму очков, которая приблизит опытного гроссмейстера к одному из его крупнейших спортивных успехов. Поспешил и сам Тайманов. Он импульсивно схватился за слона и тут скорее почувствовал, чем увидел: случилось непоправимое. Тайманов растерянно завертел фигуру на месте и услышал возглас партнера: «Слон ходит!..» Кочиев одним из трех возможных способов хладнокровно забрал фигуру.

В популярной хоккейной песенке поется о великолепной пятерке и вратаре. После тринадцатого тура вдруг обнаружилось, что на высшие места в итоговой таблице претендуют человек шесть, среди которых и «сухой» вратарь В. Смыслов, не пропустивший ни одного «гола», — единственный идущий без поражений участник.

Как раз тогда и состоялась эта встреча двух чемпио-

нов мира — настоящего и бывшего. Карпов, наверное, знал, что будет разыграна испанская партия, но, возможно, не ожидал ее открытого варианта. Смыслов сыграл не совсем точно в дебюте, специально подготовленном к важнейшей встрече. Впрочем, не только эта неточность, но в еще большей степени турнирное положение заставили Карпова извиняющимся голосом отказаться от ничьей, предложенной уважаемым им Смысловым.

Постепенно Карпов добился полного контроля над центральными полями, а на королевском фланге он готовился бросить под ноги не слишком крепко стоящим черным коням свою страшную пешку. Комментаторы единогласно оценили позицию Смыслова как стратегически проигранную.

Но тут Карпов поспешил забрать оставленную без защиты пешку соперника — в этом и заключалась ловушка Смыслова. Скованные до этого момента черные фигуры начали развивать все большую активность, и оценка отложенного положения стала зависеть от записанного экс-чемпионом хода.

На очередной тур В. Смыслов явился в превосходном расположении духа, что сразу же и было отмечено всеми. Экс-чемпион мира к разряду шахматных хитрецов не принадлежит и притворяться не умеет. А следовательно, резонно предположили наблюдатели, Смыслов записал лучший ход в отложенной накануне партии против Карпова, и теперь чемпиону мира при доигрывании предстоит нелегкая защита...

Весь вечер на нервах у зрителей — по-другому и не назовешь — играл Таль, начавший еще раньше (победой над Кнежевичем) свой стремительный рывок на финишную ленточку. Он то ловил в матовые сети короля своего соперника Радулова, то выпускал его на свободу. В конечном счете одиссея черного короля завершилась его гибелью.

Романишин хоть и сделал ничью с Белявским, но имел в запасе выигрышную отложенную позицию против Ваганяна.

Но чемпион мира все еще не отказался от борьбы за первое место. Любопытные ассоциации вызвала вдруг встреча Г. Гарсия — А. Карпов. В 1925 году на первый московский международный турнир приехал мексиканец Карлос Торре. Применив свое излюбленное начало, он одержал тогда красивейшую сенсационную победу над

самим Эмануилом Ласкером. Теперь на международном турнире в Ленинграде играл Гильермо Гарсия, которого сразу многие зрители признали похожим на героя известного рассказа Джека Лондона «Мексиканец». И именно дебют Торре (такое название уже стало вполне официальным) применил Гарсия против чемпиона мира Карпова. Кубинский гроссмейстер пожертвовал пешку и «попросил» черного короля задержаться в центре. Немалое искусство потребовалось от нынешнего чемпиона, чтобы в отличие от Ласкера не проиграть, а выиграть. Но вел эту встречу Карпов столь же сильно, как и почти всю партию против Смыслова. На сей раз, однако, он и в конце не допустил никаких неточностей, а сам, перейдя в контрнаступление, выиграл качество и отложил поединок, имея заметное преимущество.

Затем, встречаясь с Георгиу, он вновь одержал победу. И для Карпова турнир всей своей тяжестью навалился на день доигрывания. Точнее, на две неоконченные партии — с Талем и Смысловым (результат доигрывания с Гарсия был очевиден).

Вместе с международным турниром заканчивался в Ленинграде сезон белых ночей. Заметно уменьшилось число тех гостей чудесного города, которые еще на днях несметными толпами спешили к Неве посмотреть на ночной развод мостов. Туристы стали рано ложиться спать. Но шахматисты приехали в Ленинград не на экскурсию, и потому свет в некоторых окнах гостиницы «Москва» горел до рассвета. Горел он всю ночь и в квартире у Карповых. А утром началось доигрывание.

«Какой ход был записан?» — спросил в день доигрывания Евгений Степанович Карпов, входя во Дворец культуры. Он еще не знал, что партия уже закончилась...

Смыслов записал сильнейший ход. Карпов считал, что вопрос о капитуляции — дело времени. Так и должно было случиться, если бы экс-чемпион не занервничал и не допустил ошибку. Казалось бы, надо Карпову радоваться, что он отделался легким испугом, более того: приобрел пол-очка, а не потерял целое очко. Но это лишь на первый взгляд.

Представим себе состояние человека, еще за несколько ходов до откладывания имевшего неоспоримый перевес против Смыслова, одного из сильнейших участников и конкурентов. Состояние человека, не просто выпустившего перевес, но и вынужденного теперь (ежедневно пе-

ред другими партиями) тщательнейшим образом проделывать почти наверняка бросовую работу, анализировать все возможные продолжения, предчувствуя, что соперник записал сильнейший ход, после которого неминуемо обидное и оттого вдвойне тяжелое поражение. Состояние это несколько дней не покидало Карпова, однако он сумел переломить себя и выиграть две партии. Разрядка наступила именно в тот момент, когда он сделал ничью со Смысловым. Через 15 минут должно было начаться доигрывание давней отложенной (соперник был болен, и доигрывание вторично перенесли) против Таля. «Восстановиться» за четверть часа Карпов не сумел, не сумел поэтому и выиграть эту отложенную партию. Так накануне последнего тура он лишился последнего шанса на первое место: Романишин имел $10^1/_2$ очков, у Таля стало 10, у Ваганяна, Карпова и Смыслова по $9^1/_2$.

Когда в Ленинграде с Невского проспекта сворачиваешь на Харьковскую улицу, то замечаешь дорожный знак, хорошо знакомый всем автомобилистам, — «кирпич». Он висит неподалеку от Дворца культуры имени Ф. Э. Дзержинского. Почему здесь запрещен проезд? Чтобы шум машин не врывался в открытые окна турнирного зала. Предусмотрительные организаторы позаботились о шахматистах, так сказать, уже на дальних подступах к переднему краю. Особенно пригодилась эта мера во время последнего тура.

Последний тур долгого и трудного спортивного соревнования смотрелся как захватывающая театральная премьера. С той, правда, разницей, что в театральных залах зрители не заполняют стоя абсолютно все свободное от кресел пространство и не приподнимаются на цыпочках, опираясь руками на плечи соседей, в открытых настежь дверях. И еще. В театре зрители все же порой знают, чем кончится даже самая что ни на есть детективная пьеса. А здесь...

Романишин позже рассказал, как психологически он настраивался на игру с Карповым: «В принципе я считал, что ничья меня устраивает. Трудно ведь было предположить, что Таль выиграет четвертую партию подряд. Но ни в коем случае нельзя было уступать Карпову психологическую инициативу — он это использует так здорово, как никто другой. Значит, делать ничью, особенно белыми, надо, играя активно. В спокойной же, медлительной «стоходовой» игре чемпион будет иметь мораль-

ный перевес, поскольку я, возможно, постепенно начну опасаться за накопленный в течение всего турнира капитал».

Романишин играл активно, а после неточности соперника получил перспективу. Затем он не учел маневра Карпова, но в худшую позицию не попал и потому предложил ничью со спокойной совестью.

После побед Смыслова и Таля и ничьей Ваганяна все встало на свои места: первое-второе места разделили О. Романишин и М. Таль — по 11 очков. Третьим стал В. Смыслов — $10^1/_2$. Набрав 10 очков, А. Карпов поделил с Р. Ваганяном четвертое-пятое места.

М. Таль: «Несмотря на все невзгоды, Карпов нашел в себе силы бороться до последнего тура, а на финише дал несколько просто отличных партий. Чемпион мира держит «порох сухим» и — я абсолютно уверен — уже в ближайшие месяцы порадует своих почитателей».

В. Смыслов: «Я вообще не считаю, что Карпов сыграл неудачно. Ведь существуют две стороны игры — спортивная и творческая. Так вот, в творческом отношении партии чемпиона мира были на достаточно высоком уровне, но спортивный результат этого не отразил. Борьба есть борьба».

О. Романишин не счел для себя удобным оценивать выступление чемпиона мира. Но зато высказал интересное суждение по более общему вопросу: «Каждый имеет свои шахматные «патенты». У Карпова, например, это техника игры. Здесь он не имеет себе равных.

Могут возразить: ведь именно технические погрешности помешали Карпову одержать победы в решающих партиях над Смысловым и Талем. Если ссылка на банальную формулу «Человек всего лишь человек» не убеждает, то сошлемся на случай из области музыки.

Выдающийся пианист Артур Рубинштейн, записывая однажды на пластинку полонез Шопена, к общему изумлению, сфальшивил в бравурном пассаже. В остальном исполнение было безупречным. Артисту предложили переписать неудавшееся место. «Пусть остается так, — ответил маэстро. — Так даже человечнее!»

Глава XIV

ПОРОХ ОСТАЕТСЯ СУХИМ

После непривычного дележа четвертого-пятого мест на ленинградском турнире быстро восстановиться было бы, пожалуй, непросто. Но на помощь явилось неожиданно... английское телевидение. Оно весьма кстати — а для себя и вовсе с огромной пользой — организовало небольшое международное соревнование, так сказать, легкого, почти развлекательного жанра.

Тайна английского телевидения

Восемь участников разбили на две группы: А. Карпов (СССР), Х. Пфлегер (ФРГ), У. Хартстон (Англия), В. Хуг (Швейцария) и Б. Ларсен (Дания), Э. Майлс (Англия), Л. Шмид (ФРГ), Я. Доннер (Голландия). Олимпийская система, по замыслу хозяев, должна была в финале обеспечить встречу между Карповым и Ларсеном — фаворитами, разведенными в разные половины таблицы.

Результаты соревнования держались в строгом секрете: компания Би-би-си готовила специальную программу и старалась заинтриговать будущих телезрителей (с августа по ноябрь), пока шахматы и шахматисты не появятся на экранах. Участникам вменялось в обязанность подробное комментирование партий с откровенным рассказом о тех, пускай даже довольно отвлеченных мыслях, которые приходили в головы шахматистов во время игры.

Это был первый такой международный опыт. Годом ранее английское телевидение проводило

аналогичный турнир сильнейших британских мастеров. Тогда аплодисменты всех находившихся в телестудии сорвал Майкл Стин, так комментировавший свой поединок с Уильямом Хартстоном: «Моя позиция разваливается еще быстрее, чем английская экономика. К тому же в отличие от казначейства, которое имеет возможность печатать новые денежные знаки, я вынужден обходиться тем, что есть на доске...»

— На сей раз комментарии — по крайней мере в шахматном смысле — были более глубокими, — рассказывает Карпов. — Мы объясняли свои замыслы, как бы озвучивая их, после игры, а сами ходы повторялись перед телекамерой через день. Порой, впрочем, это приводило к курьезам...

Повторяли мы с Майлсом для телевизионной записи нашу финальную партию. Точно так же, как и в своей турнирной партии, мы оба — теперь уже, понятно, умышленно — забрались в неимоверный цейтнот. И тут Майлс в спешке не туда отступил королем и «зевнул» мат в один ход. Что делать? Я все же решаю загнать своим ферзем одинокого неприятельского короля на ту же самую клетку, где он погиб в настоящей партии. Майлс в турнире не сдавался мне потому, что надеялся на падение моего флажка: это была уже третья наша финальная встреча после двух первых ничьих, и времени на обдумывание нам отводилось все меньше. До этого я обыграл Хуга с первой попытки и Пфлегера — со второй.

Если одного финалиста — чемпиона мира — все угадали верно и сразу, то на Майлса «подозрение» почти не падало, поскольку многие ожидали увидеть в финале представителя от второй четверки — Ларсена. А между тем Энтони Майлс (в свои 21 год) успел вырасти в весьма сильного гроссмейстера. Он, правда, признавался: «К сожалению, пока мне еще очень трудно играть с Карповым. Беда в том, что если он без всякого труда определяет мои намерения за доской, то мне его ходы и планы часто кажутся совершенно непонятными».

Признание это скоро припомнилось на серьезнейшем международном турнире, где оба первых призера показали, что «телевизионная тренировка» им отнюдь не повредила.

Интерполис-турнир

В небольшом голландском городе Тилбурге страховая компания «Интерполис» организовала международный турнир. Ровность сильного гроссмейстерского состава и абсолютное отсутствие аутсайдеров предопределили исключительно высокий средний коэффициент Эло этого соревнования — 2582. Во всяком случае, знатоки «шахматной математики» не могли припомнить еще хотя бы один такой турнир (из двенадцати участников) 14-й категории трудности по введенной специальной шкале ФИДЕ. Естественно, что столь звучные имена гроссмейстеров вызвали повышенный интерес и сами по себе, и еще потому, что один из них — Карпов — не так давно оказался за чертой победителей на турнире в Ленинграде, а матч на мировое первенство был уже не за горами...

— Не совсем обычная, «двухэтажная» процедура жеребьевки не только наиболее объективна, но оказалась и весьма занимательной для публики. Генеральный секретарь ФИДЕ Инеке Баккер сначала доставала из корзины красивые коробки с фамилиями участников, а затем уже названный ею шахматист направлялся к судейскому столику выбирать свой номер.

Применили организаторы и другую новинку. Шахматисты играли в просторном и вместе с тем уютном помещении. Зрители находились в соседнем, демонстрационном зале, рассчитанном на тысячу мест. Партии демонстрировались с помощью телевидения, комментировали их голландские мастера.

Когда стало известно, что финалист матчей претендентов В. Корчной намеревается посетить турнир и непременно желает побывать непосредственно в изолированном игровом зале, тогда практически все участники выступили с коллективным заявлением, в котором выразили протест против ожидавшегося визита. И Корчной на турнире так и не появился...

...Как писали иностранные газеты, в ресторане «Коренберс», где обедали участники тилбургского турнира, меню состояло из 12 фирменных блюд, носивших имена 12 гроссмейстеров: «антрекот Смыслова», «взбитые слив-

ки с шоколадом а-ля Майлс» и т. д. Было там и блюдо, названное по имени Карпова, блюдо, к которому, между прочим, пристрастился Майлс. «Примеряю шахматную корону», — пошутил англичанин. «Не рановато ли? — ехидно осведомился мастер Г. Брукнер, обозреватель венской газеты «Курир». — Ведь в личных встречах с чемпионом вы пока что не оказываете ему особого сопротивления». — «Разве вы не понимаете, — в тон ему возразил Майлс, — что Карпов проводит партии со мной с особым подъемом, так как видит во мне своего самого опасного соперника».

Шутки шутками, а именно он, Майлс, оказался единственным, по существу, конкурентом Карпова на турнире в Тилбурге. В четвертом туре Энтони Майлс начал серию из четырех побед, при этом досталось и советским гроссмейстерам В. Смыслову и Ю. Балашову. Один из самых молодых гроссмейстеров мира добился на Интерполис-турнире самого большого пока успеха в своей карьере и, по свидетельству Балашова, проявил себя исключительно смелым боевым шахматистом, сумевшим найти свое творческое «я».

Миттельшпиль турнира прошел под знаком острого соперничества между Карповым и Майлсом. И только после девятого тура чемпион мира на пол-очка опередил решительно настроенного конкурента. В предпоследнем, десятом туре А. Карпов победил У. Андерссона, а Э. Майлс — Ф. Олафссона. Во время заключительного тура швед Андерссон, шахматист недюжинной практической силы, однако порой излишне миролюбивый, то и дело приговаривал: «Я, кажется, проигрываю...» — а сам взял и нанес поражение Майлсу. В итоге Карпов, набравший 8 из 11 (без поражений), на очко опередил англичанина. Еще на очко сзади оказалась сразу целая группа знаменитостей: Властимил Горт, Любомир Кавалек, Ян Тимман, Роберт Хюбнер.

Чемпион мира убедительно опроверг мнение тех, кто предсказывал, что после ленинградского юбилейного турнира ему не удастся быстро восстановить свою спортивную форму. Возможно, что на старте Интерполис-турнира ленинградский гроссмейстер действительно играл не столь легко, как, например, в Бад-Лаутерберге или Лас-Пальмасе, но вторую половину соревнования он провел превосходно: пять очков в шести встречах с гроссмейстерами говорят сами за себя.

Глава XV

ЧТО РЕШИЛИ В КАРАКАСЕ

В состав Центрального комитета Международной шахматной федерации входят прежде всего члены бюро ФИДЕ: президент и генеральный секретарь, три вице-президента — от Европы, Азии и Америки, два наиболее стажированных делегата крупнейших федераций — СССР и США — и столько же деятелей шахматного движения, пользующихся наибольшим авторитетом. Естественно присутствие в комитете чемпиона и чемпионки мира и президентов всех одиннадцати зон, на какие разбит шахматный мир. Раз в четыре года конгресс ФИДЕ, избирающий свои руководящие органы, называет еще восемь-десять имен председателей важнейших комиссий или просто самых активных конгрессменов.

Долгое время конгрессы проходили ежегодно. Но вот в 1974 году в Ницце приняли решение собираться через год, а в промежутках, когда нет очередного конгресса, проводить заседания ЦК ФИДЕ. Показательно, что решение это оказалось формальным, ибо возникавшие проблемы все равно требовали созыва чрезвычайных конгрессов и в промежуточные годы: в 1975 году — в Бергене по поводу матча за мировое первенство, в 1977-м — в Люцерне по вопросу об исключении из членов ФИДЕ федерации ЮАР за дискриминацию шахматистов — коренных жителей этого расистского государства.

Но прежде чем рассказать о заседании Центрального комитета ФИДЕ осенью 1977 года в столице Венесуэлы и о важнейшем из принятых там решений, нам, пожалуй,

следует совершить небольшую экскурсию в недавнее прошлое и коснуться, как принято говорить, истории вопроса. Речь идет о регламенте и условиях матча на мировое первенство. В качестве экскурсовода мы пригласили директора Центрального шахматного клуба СССР В. Батуринского, являющегося к тому же видным профессиональным юристом, принимавшим участие в решении этого вопроса на разных этапах его обсуждения.

Итак, слово В. Батуринскому.

«В феврале 1976 года в амстердамской штаб-квартире ФИДЕ состоялось первое заседание специального комитета по выработке регламента очередного матча на мировое первенство. В работе приняли участие восемь членов этого комитета, и среди них Анатолий Карпов и я как представитель шахматной организации нашей страны. Члены комитета сразу обратили внимание на различие в поведении нынешнего и бывшего чемпионов: если Фишер ограничивался ультимативными телеграммами в адрес комитета в период предыдущего цикла розыгрыша мирового первенства, то Карпов с готовностью сам включился в его работу и вместе со всеми старался найти приемлемую и справедливую формулу.

Вот, кстати, что говорил тогда Карпов: «Сейчас ажиотаж вокруг несостоявшегося матча с Фишером схлынул, и, надо полагать, даже прежние сторонники американского шахматиста смогли осознать всю непригодность его предложения играть до десяти побед одного из участников матча без ограничения общего количества партий. Это то же самое, что предложить спортсмену бежать марафонскую дистанцию, заранее не ограничив ее размеров».

Суть же советского предложения тогда состояла в том, чтобы ввести прежний лимит общего количества партий — 24 (в крайнем случае 30) и играть до шести побед кого-либо из соперников. Если ни один из них не выиграл шесть партий, а лимит встреч уже исчерпан, то чемпионом признается тот, кто к этому моменту ведет в счете. В случае равного числа побед чемпионом остается чемпион.

Однако очень скоро стало ясно, что большинство — и в первую очередь президент ФИДЕ доктор Эйве — уже настроилось на «безлимитную волну». В качестве основного мотива выдвигалось соображение, согласно которо

му ведущий в счете во время матча получал возможность делать одну ничью за другой, как бы «отсиживаться» в ожидании, когда исчерпается известный лимит поединков. А для шахматного мира такой матч, дескать, перестает быть интересным. Но ведь в 1927 году шахматный мир уже был свидетелем безлимитного матча, где Капабланка и Алехин в 34 партиях сделали 24 ничьи, и не оттого ли начиная с 1935 года, когда встретились Алехин и Эйве, матчи стали играться с непременным ограничением числа встреч? Словом, прения зашли тогда в тупик...

Но надо отдать должное Эйве — он нашел любопытный выход: лимита не устанавливать, но играть до шести (а не десяти, как настаивал в свое время Фишер) побед. При счете 5:5, предлагал президент, звание чемпиона мира сохраняется за его обладателем, но... Вот здесьто и следовало важнейшее дополнение: «претендент получает право в течение года сыграть с чемпионом новый матч».

В создавшемся почти безвыходном положении предложение это выглядело разумным компромиссом, и, желая покончить с разногласиями, советские представители согласились с ним. При этом Карпов все же попросил записать свое особое мнение: «По-прежнему считаю, что наилучшим решением является ограничение общего количества партий, но присоединяюсь к большинству». Вот такое получилось «единогласие».

Уже после рекомендации специального комитета в зарубежной прессе можно было встретить публикации, где утверждалось, будто бы принятая формула, по существу, не отличается от требований Фишера предоставить ему фору в два очка и что, мол, теперь Карпов получил аналогичное преимущество. Авторы этих публикаций почему-то забывали о широком шаге, сделанном навстречу претенденту: ему ведь дали право на повторный матч. Тогда же Эйве сделал еще полшага: второй матч, если он понадобится, будет играться с ограниченным числом партий.

Все с этим согласились, и все же не чувствовалось, что и это решение «окончательное и обжалованию не подлежит». Было очевидно: Центральному комитету ФИДЕ на заседании в Каракасе осенью 1977 года еще предстоит вернуться к вопросу о матче за мировое первенство».

Открытие Америки

Так и не дождавшись американских транзитных виз, советская делегация кружным путем отправилась в Каракас, где к тому времени уже начались заседания руководства Международной шахматной федерации. Перелет по маршруту Москва — Брюссель — Амстердам — Цюрих — Лиссабон — Каракас занял с посадками более суток и напрочь перепутал наши представления о дне и ночи, ибо часовые пояса, как и названия авиакомпаний и типов самолетов, менялись несколько раз.

Когда же члены делегации вышли из самолета в Каракасе, то поначалу им показалось, будто приземлились они не на западном берегу Атлантического океана, а где-то на Черноморском побережье Кавказа — те же горы, похожая растительность. Вырвавшись на машинах из двухкилометрового тоннеля, разглядели по обеим сторонам дороги жалкие лачуги вперемежку с большими современными зданиями. Сотрудники советского посольства, любезно встретившие делегацию в аэропорту, рассказали, что Каракас — город контрастов (никуда не денешься от этого меткого штампа!), где почти два с половиной миллиона жителей делят между собой шикарные центральные авеню и окутанные дымом и туманом склоны окружающих гор и холмов. Нефть помогает Венесуэле обрастать жиром, однако настоящих промышленных мускулов эта едва ли не самая процветающая сейчас страна Южной Америки все еще не имеет.

Кругом характерная испанская музыка: в Венесуэле праздник — День открытия Америки. Много лет назад именно в этот день здесь высадился Колумб, и поэтому сегодня никто не работает. Только руководители Международной шахматной федерации заседают в лучшем отеле Каракаса — «Таманако», где они и проживают. Выходит, «с воздушного корабля на бал»?

Работа руководящего органа Международной федерации проходила в две смены — утром и во второй половине дня. И потому А. Карпов и Н. Гаприндашвили смогли попасть в Дом венесуэльско-советской дружбы лишь только поздним вечером. Сотни любителей шахмат — в основном молодежь — приветствовали чемпионов мира из СССР.

На торжественной и волнующей встрече присутствовали Генеральный секретарь Коммунистической пар-

тии Венесуэлы Хесус Фария и посол Советского Союза В. Н. Казимиров. При Доме дружбы открылся шахматный клуб имени А. Карпова.

В сеансе одновременной игры Н. Гаприндашвили выиграла у всех мужчин и сделала лишь одну ничью — с чемпионкой университета Э. Роза, участницей сборной Венесуэлы. Сильнейший состав выставили хозяева против А. Карпова. За доски сели и члены сборной команды страны, которые только что с успехом выступали на Всемирной студенческой олимпиаде. Мастер А. Палсиос, экс-чемпион Венесуэлы, нанес А. Карпову поражение, зато в оставшихся 24 партиях задетый за живое гроссмейстер сделал только две ничьих.

Сеанс чемпиона мира в клубе его имени закончился в час ночи, а рано утром шахматных конгрессменов принимал президент Венесуэлы К. А. Перес.

Ожидалось, что по крайней мере два наиболее щепетильных вопроса — о взаимоотношениях ФИДЕ с шахматной федерацией Родезии и о матче на первенство мира среди мужчин — вызовут на конгрессе ожесточенные дискуссии. Однако, по выражению чемпионки мира Н. Гаприндашвили, «конгрессмены ФИДЕ вдруг с удивлением открыли для себя Америку, убедившись в том, что все можно решить в деловой, спокойной и доброжелательной атмосфере». Многие связывали создание такой атмосферы с поведением авторитетной советской делегации.

Началось с того, что из повестки дня был сразу же исключен вопрос о восстановлении прав шахматной ассоциации Родезии. У тех, кто насаждает апартеид в своей стране, не нашлось адвокатов, никто не пожелал защищать дело, заранее обреченное на провал. Документы же, присланные в Каракас, как раз свидетельствовали — а совсем не опровергали — наличие дискриминации в отношении черного большинства шахматистов Родезии.

Как читателям уже известно, долгое время правила для матча на высшем уровне не удавалось строго регламентировать, а поиск решения этого вопроса оставался одной из труднейших проблем ФИДЕ. Теперь решение это было найдено во многом благодаря четкой и реалистической позиции, занятой чемпионом мира.

Недостатка в вариантах не было... Явное большинство поддерживало идею матча до определенного числа побед одного из участников без ограничения количества партий. При этом все понимали, что придется либо предоставить чемпиону мира преимущество в два очка (как и требовал того Р. Фишер), либо вовсе лишить его всяких традиционных преимуществ. Сразу несколько выступивших заговорили о возможности матча-реванша. Разумеется, конгрессмены руководствовались не интересами А. Карпова...

Слово взял чемпион:

— Думаю, в свое время я доказал, что хочу играть и, несмотря ни на что, готов идти навстречу. Готов я продемонстрировать свое желание не стоять на месте в спорных вопросах и теперь. А спорных вопросов остается еще немало, и в предлагаемых здесь позициях есть несколько вариантов.

Должен сказать, что матч из ограниченного числа партий совсем не предопределит длинную серию ничьих. Однако многие об этом говорят и хотят видеть что-то новое. Хорошо, я готов играть безлимитный матч даже после того количества партий, какое я играю в турнирах. Некоторые против ничьей «в запасе» у чемпиона мира — согласен и на это. Надеюсь, что и матч-реванш мне не понадобится. Но если так случится, что выиграет претендент, то пусть уж вместе с ним выигрывает и весь шахматный мир: пусть миллионы любителей шахмат получат новый толчок для популяризации нашей игры в виде интереснейшего матча-реванша. Я готов поддержать этот компромиссный вариант. Теперь слово за остальными делегатами.

Остальные делегаты еще в процессе самого выступления А. Карпова делали попытки аплодировать ему. Разве что М. Эйве как-то неуверенно заговорил о предоставлении чемпиону мира права на реванш в случае проигрыша со счетом 5:6, но тут же сам, видимо, почувствовал свое одиночество. Другие, наоборот, вносили уточнения и предложения в пользу чемпиона. А. Карпов, достаточно хорошо владеющий английским языком, реагировал, не дожидаясь перевода.

— Нет, я не настаиваю на белом цвете в первой партии. Жеребьевка сама по себе — любопытнейшая про-

цедура во время открытия матча, зачем же лишать зрителей такого удовольствия...

Матч-реванш надо было начинать не позже чем через год после окончания первого матча... Регламент? Он не должен меняться...

Решение было принято единогласно. Матч за звание чемпиона мира будет играться до шести побед одного из участников без ограничения общего количества партий; в случае проигрыша чемпион мира получает право на матч-реванш через год на тех же условиях.

Аплодировали все без исключения. Американец Эд Эдмондсон, когда-то не слишком уважительно отозвавшийся о Карпове, выразительно постучав ногтем по моему блокноту, предложил записать дословно следующее: «Анатолий Карпов убедительно доказал, что он не только бесспорный чемпион мира, но и истинный джентльмен. Я публично беру свои прежние слова назад и заявляю: он настоящий шахматный король!»

Глава XVI

СУПЕРТУРНИР В БУГОЙНО

И спектакль и репетиция

— Между Тилбургом и Бугойно целых пять месяцев — перерыв, какого в моей турнирной практике не было вот уже пять лет, начиная с 1973 года. Перерыв этот потребовался мне, чтобы передохнуть (все-таки много сыграно), чтобы оглянуться назад и чтобы повнимательнее посмотреть наконец вперед — проходил финальный матч претендентов, и пора было изучать партии будущего противника. Сложность выступления в Бугойно и передать-то сейчас трудно: нельзя раскрываться перед матчем за мировое первенство, но необходимо получить хорошую практику; не стоит выкладываться, но очень уж хочется занять достаточно высокое место на одном из самых представительных международных турниров в шахматной истории. Словом, как удачно выразился Таль, и спектакль и репетиция вместе.

(В последующем изложении рассказ Анатолия Карпова о соревновании в Бугойно будет как бы дополняться впечатлениями Михаила Таля.)

— Идея проведения этого супертурнира возникла, можно сказать, внезапно, и в ее реализацию немногие верили. Дело в том, что ведущие гроссмейстеры мира планируют свои выступления заранее, и у них все расписано чуть ли не на год вперед.

Но благодаря стараниям организаторов и рвению самих участников турнир все же состоялся. Долгое время в Соединенных Штатах находился Роберт Хюбнер, ко-

торый совершенствовался по любимой специальности после окончания университета, но и он не выдержал. Успешно закончив турнир в Вейк-ан-Зее и опередив там Корчного, Лайош Портиш также не пожелал остаться в стороне.

Прервал отдых после финального претендентского матча Борис Спасский. Прямо из Рейкьявика стартовали игравшие там Бент Ларсен и Энтони Майлс. И лишь Властимил Горт, тоже выступавший в Исландии, заколебался и в последний момент прислал телеграмму, будто болен. Но и его уговорили выздороветь...

— Под стать участникам был и главный арбитр турнира. Знаменитого аргентинского гроссмейстера Мигеля Найдорфа по авторитету, популярности и, если хотите, колоритности трудно сравнить с другими, обычно солидными и выдержанными, чинно восседающими на своих местах арбитрами. Организаторы сделали все, что было в их силах, и буквально ловили каждое слово гостей, спеша выполнить любое их желание. Только вот на сцене самого большого городского зала оказалось тесновато шестнадцати участникам, а также судьям и демонстраторам. Для зрителей и вовсе не хватало мест, ибо интерес к турниру был столь велик, что любители шахмат полностью забили гостиницы Бугойно и его окрестностей... Начал я турнир победой над Ларсеном, с которым до тех пор все партии закончил вничью. После трех туров имел 2½ очка. Потом последовал, как выражаются конькобежцы, «сбой»: была пропущена встреча с заболевшим Балашовым и проиграна партия Тимману. Голландский гроссмейстер играл хорошо, я же испытывал недомогание, и качество моей игры было незавидным. Наступила депрессия... Я не выиграл у Глигорича партию, в которой долгое время был близок к победе, и в конце концов получил худшую позицию. Потом последовали быстрые ничьи с Хюбнером, Талем, боевой мир со Спасским. Была, правда, в этом ряду ничья, о которой, пожалуй, следует сказать особо...

Юра Балашов не на шутку заболел, и вынужденные «прогулы» — регламент-то достаточно жесткий — поставили его на грань выбывания из турнира. Когда, казалось, болезнь была уже побеждена, температура вновь подскочила. В такой ситуации пытаться обыгрывать сво-

его товарища мы с Михаилом Талем посчитали не совсем спортивным и, предложив Балашову ничьи, помогли ему получить необходимую передышку. Впрочем, для экс-чемпиона мира в этом турнире ничья, как это ни покажется странным, стала нормальным исходом чуть ли не любой его встречи.

М. Таль: «Югославские журналисты были первыми, начавшими в свое время снабжать меня всевозможными кличками (Счастливчик Счастливчикович, Пират из Риги и тому подобное). На сей раз они же пополнили коллекцию еще одним прозвищем — Миролюбивый гусар. Не могу сказать, чтобы этот вариант меня вполне устраивал, но с цифрами не поспоришь. Тот факт, что впервые за последние несколько лет я прошел турнир без поражений, служит лишь формальным утешением. Перебить тягучую серию половинок не удавалось, хотя порой я и прибегал к сильнодействующим средствам, — удар мой получался недостаточно крепким. Свою единственную во второй половине победу (а всего их в турнире оказалось у меня только две) одержал, можно сказать, в кино. Дело в том, что в Малом зале городского Дома культуры за полчаса до начала доигрывания свободные участники приступили к просмотру кинокартин («Спартак», «Иван Васильевич меняет профессию» и др.). Мы с Балашовым тоже решили немного посмотреть кино, а затем начать доигрывание своих неоконченных партий. Юрию повезло: о том, что Вукич сдается ему без игры, Балашов узнал еще по дороге в Дом культуры, а мне о капитуляции Глигорича сообщили уже в кинозале.

День рождения Балашова — 12 марта ему исполнилось 29 лет — выдался очень удачным для гроссмейстера. Многие, как известно, не любят играть в такие дни, но вот у него все прошло удивительно хорошо. Еще накануне он приготовил себе первый подарок: полностью переиграл Вукича. При этом Балашов, славящийся редкой памятью, вспомнил, что родился он в те же часы, в которые теперь записал на бланке выигрывающий ход. И здесь нет ошибки. Юрий ведь родом из Шадринска за Уралом, и все свои подсчеты он произвел с учетом разницы часовых поясов. На следующий же день, когда формально и было отмечено его рождение, Балашов выиграл и вовсе отличную партию у Майлса. Что, кстати, позволило ему после всех переживаний выйти на пятидесятипроцентный рубеж».

— Честно говоря, я не считал себя обязанным на турнире в Бугойно взять непременно первое место, но близился финиш, а мне предстояли встречи как раз с теми, с кем я обычно играю удачно. Первым в этом ряду стоял Любомир Любоевич, у которого на югославской земле, правда, я еще не выигрывал. На сей раз мы оба играли на победу: я стремился войти в лидирующую группу, где уже находился Любоевич, рядом с Тимманом, гнавшимся за Спасским...

Борьба с Любоевичем получилась живая после того, как вдруг выяснилось, что в спокойной на вид позиции черные теряют фигуру. Вслед за этой победой предстояла встреча черными с Вукичем...

Догонять ушедших вперед в столь ровном по составу турнире всегда трудно. Ведь необходимо, что называется, по заказу выигрывать и белыми и черными. И если белыми это получается, то черными против соперников, не желающих идти вперед, но обладающих достаточным классом, чтобы стоять на месте, получить живую игру сложно. И вдвойне сложно, когда не можешь раскрывать весь свой арсенал, который требуется для последующего самого важного дела — для матча за мировое первенство.

Стремление во что бы то ни стало обыграть черными Милана Вукича, хитроумно построившего свою тактику, едва не закончилось для меня крупной неприятностью. В этой едва ли не самой кризисной партии турнира я на протяжении ходов двадцати находился в проигрышном положении. Какими-то единственными маневрами удерживался на краю пропасти, а когда югославский гроссмейстер предложил наконец подписать перемирие, на стороне черных было даже некоторое преимущество, носившее, правда, лишь символический характер. Зато следующую партию, у Властимила Горта, мне удалось выиграть в весьма эффектном стиле...

Горт отлично начал турнир и по меньшей мере две трети дистанции претендовал на самое высокое место, записав на свой счет даже «хет-трик» — три победы подряд. А потом... Потом он сломался и на почти часовой телевизионной передаче (такие передачи посвящались турниру в Бугойно ежедневно) то ли в шутку, то ли всерьез «пожаловался» на Спасского, с которым он просто

не может играть в одном соревновании. Мол, тот словно черная кошка для него: все время перебегает дорогу. Разумеется, Властимил тут же добавил, что лично против Бориса ничего не имеет и экс-чемпион мира ему даже симпатичен.

Да, на турнирах столь высокого ранга не так уж часто случаются «хек-трики». А между тем и Спасский одержал три победы подряд. К этому можно добавить, что и затем, после ничьей с Портишем, экс-чемпион выиграл еще и у своего всегдашнего оппонента — Ларсена.

— Тому, что Ларсен совершенно бездарно играет именно против Спасского, есть свое объяснение: здесь имеет место психологическая несовместимость двух шахматистов: датский гроссмейстер никак не может сохранить спокойствие при встречах с экс-чемпионом мира. Оттого и общий счет между ними поистине разгромный. В Бугойно после победы над Ларсеном у Спасского пошла серия ничьих, и темп его продвижения вперед замедлился. Это и позволило мне приблизиться к Спасскому, а уж когда я, сделав ничью с Бирном, сумел одолеть Вукича, то мы с ним сравнялись.

В последнем туре Спасский играл белыми с Майлсом, а я черными против Портиша. Венгерский гроссмейстер выступал в Бугойно для своего уровня весьма неудачно, он ни в какой момент не имел более пятидесяти процентов возможных очков. Стремясь хоть в последний момент улучшить свое турнирное положение, Портиш белыми играл со мною на выигрыш, что и меня устраивало, ибо, в свою очередь, позволяло рассчитывать на победу в полнокровной борьбе. Я-то ведь считал, что Спасский имеет реальные шансы на успех против Майлса. Иначе меня, может быть, устроила бы и ничья...

Спасский не получил перевеса и, как признался позже, готов был уже согласиться на мировую, но вовремя увидел, что я уже имею преимущество, и, вернувшись за свой столик, принялся запутывать Майлса. Уже после того, как я выиграл у Портиша, Спасскому удалось-таки перехитрить своего соперника. И мы разделили первое место...

Я уже говорил о том, что осложняло мою задачу на югославском супертурнире, но существовали и другие проблемы психологического порядка. 2 марта, когда соревнование в Бугойно было в самом разгаре, истекал срок подачи заявок обоих участников матча за мировое первенство с указанием мест, где они бы хотели играть этот матч, и мысли мои, вполне понятно, в те дни витали за пределами Югославии. Доктор Эйве, президент ФИДЕ, мог не торопиться, ознакомившись с двумя телеграммами, — по существующей договоренности на вынесение окончательного решения он имел целых две недели. К тому же вслед за телеграммами участники матча должны были отправить подтверждающие письма. Но когда 2 марта я пошел на почту, чтобы отправить такое письмо, там меня уже ждало известие: Международная шахматная федерация назвала филиппинский город Багио местом проведения будущего матча. Юридически М. Эйве был прав, ибо в заявке Корчного значились в порядке отдаваемого предпочтения Австрия, Филиппины, Голландия, а в телеграмме, отправленной по моей просьбе советской Шахматной федерацией, — ФРГ, Филиппины, и, таким образом, «совпадение желаний» произошло во втором пункте — на Филиппинах. Но почему Эйве не захотел ждать моего письма? Ведь если бы оно не было отправлено, президент ФИДЕ мог при случае попасть в чрезвычайно щекотливое положение...

Письмо я все же отправил, и оно, конечно же, полностью соответствовало заявке Всесоюзной федерации. Но тут же поступило совместное предложение от шахматных организаций ФРГ и Австрии, которые готовы были провести матч частями в обеих этих европейских странах. (Кстати, после 1927 года матчи на первенство мира игрались только в Европе с ее умеренным климатом.) Однако все осталось без изменения — матч 1978 года за шахматную корону мира проводится на Филиппинах, в городе Багио, расположенном в 250 километрах от столицы страны — Манилы...

Когда принималось это решение, я еще не знал, что на Филиппинах со мной не будет моего постоянного тренера и старшего друга, что всего через несколько дней мы проводим Семена Абрамовича Фурмана в его последний путь...

Глава XVII

ЖИЗНЬ БЕЗ ЭНДШПИЛЯ

Рассказ о тренере, дело которого продолжается

Известный советский гроссмейстер, выдающийся шахматный теоретик, замечательный тренер — такие слова будут стоять рядом с его именем и датами жизни (1920—1978).

За этими словами годы успешных выступлений в соревнованиях самого различного ранга: от состязаний в рабочих коллективах, когда 18-летний ленинградский слесарь Семен Фурман по-настоящему увлекся шахматами, до чемпионатов страны и крупных международных турниров.

Стоило ему прикоснуться к фигурам, как вдохновение овладевало всем его существом и он с упоением работал над шахматами. Трудно найти в дебютной теории островок, обойденный его вниманием. Что это был за работник! Целые области (испанскую партию, ферзевый гамбит, защиту Нимцовича, защиту Грюнфельда — нет, всего не перечислишь) он возделывал годами, скрупулезно и капитально.

И что главное — он щедро делился плодами своего труда. Когда кто-нибудь из шахматных олимпийцев перед ответственным матчем начинал колебаться, Фурман извлекал из запасников своей необыкновенной памяти очередной заветный вариант и тихим, спокойным голосом произносил свое хрестоматийное: «Чудак, я же работал...» И любой участник тренируемой им сборной страны, шахматист с мировым именем готов

был следовать его рецепту — то было как знак качества: «Фирма гарантирует». Почему он, будучи столь щедрым, никогда не исчерпывал своих запасов до конца, почему, отдавая, сам все равно становился богаче? Потому что он продолжал трудиться!

На турнире в западногерманском городе Бад-Лаутерберге С. Фурман блестяще выиграл у С. Глигорича. Югославский гроссмейстер, признанный специалист дебюта, сокрушался: «Неужели я столько лет играю плохой вариант староиндийской защиты?!» Фурман только загадочно улыбался, но позже объяснил:

— Когда-то я проиграл Глигоричу в матче СССР — Югославия и с тех пор мечтал о реванше. Наконец-то мне выпало играть с ним белыми...

Право первого хода в его руках — оружие разрушительной силы. Он еще был мастером, а про него уже писали: «Если бы Фурман играл все партии белыми, он сравнялся бы с чемпионами мира». Сборника партий С. А. Фурмана пока не появилось. И этот пробел предстоит восполнить. Хотя бы потому, что такой сборник сам по себе явится превосходным учебником шахматного искусства. Быть может, его откроет получившая приз за красоту игры эффектная партия против В. Смыслова на первенстве страны 1949 года? А может, какая-нибудь другая, позиционная, против другого выдающегося гроссмейстера?

На его партиях будут учиться, даже не зная, что некоторые из них он играл нездоровым. Как не знали об этом его соперники. Однажды, имея выигрышную позицию против М. Таля, он в цейтноте так медленно передвигал фигуры, что без видимых причин просрочил время. Только совсем недавно от родных мы узнали, что в те дни его рука немела от невралгии. А бывало, и соперники знали... Турнир начал прескверно, болел, подряд проигрывал. Пришел к нему давний приятель, с которым вместе готовились к соревнованиям, имели общие тетрадки по дебютам, не скрывали свои слабые места друг от друга, оттого и играли между собой, как правило, вничью. Отводя глаза в сторону, гроссмейстер предупредил, что завтра будет играть с ним на выигрыш. Фурман кивнул, дескать, я тебя понял. На следующий день он отдал всего себя и победил. Победил только в одной этой партии.

Гроссмейстером он стал в 1966 году, взяв первое ме-

сто на открытом чемпионате Чехословакии в городе Гаррахове. Сразу после этого помчался на полуфинал первенства СССР, откуда его, проигравшего четыре партии подряд и похудевшего на семнадцать килограммов, отправили на тяжелейшую операцию. Через много лет, как бы пятясь назад, вернулась неизлечимая болезнь с нелепым названием и одолела этого исключительно жизнелюбивого человека. А тогда, уже в 1967 году, он снова встал в строй и выиграл сильный турнир на польском курорте Полянице-Здруй.

Согласно широко распространенному мнению шахматист, постоянно занимающийся тренерской работой, ослабевает как практик. Заслуженный тренер СССР С. Фурман заметно укрепил позиции немногочисленных прежде сторонников противоположной точки зрения. Мадрид (1973 г.), Порторож и Любляна (1975 г.), Бад-Лаутерберг (1977 г.) — на всех этих крупных международных турнирах первым здесь был неизменно ученик Фурмана — Карпов, вторые призеры менялись, а третьим всегда оказывался Фурман!

Обозреватели отмечали необычный характер их сотрудничества: не только Фурман помогал играть Карпову, но существовала и обратная связь — в результате творческого общения с Карповым у самого Фурмана открылось второе дыхание, и он от турнира к турниру демонстрировал большую практическую силу, чем прежде.

Соглашаясь с этим в принципе, Фурман как-то признался: «При нем я предельно мобилизуюсь, играю лучше. Понимаю — не тот авторитет у меня будет, если выступлю неудачно. Как потом стану давать ему советы?»

Методичный и чуточку медлительный, был он, если можно так выразиться, абсолютно нестандартным. Зачастую просто нельзя было угадать его следующий шаг, ибо он никак не соответствовал внешнему стереотипу аккуратного и выдержанного человека, от которого надо ждать шаблонного решения.

Фурмана окружали молодые люди, которые тянулись к этому лучезарному человеку. Его уважали за теплоту, знания и седину. Но среди молодых он, чрезвычайно увлекающийся, даже азартный, не выглядел старым. Расставили как-то приманки для рыб на озере — пошла волна, заколебались: садиться ли в лодки в такую непогоду? Он — первый за весла и обогнал всех, даже тренера по общефизической подготовке.

Вечно брал на себя повышенные нагрузки («Пока не закончим, никто никуда не пойдет!»). Попытаться остановить его мог один Карпов, потому что в жизни в отличие от шахмат наставник и подопечный менялись местами — младший становился старшим.

Но он мог быть и сердитым. На финальном матче претендентов в Белграде С. Фурман присматривался к игре и поведению будущего соперника А. Карпова. Матч, как известно, протекал в обстановке, где спортивное благородство отступило даже не на второй план. Так вот, у С. Фурмана иностранный репортер неосторожно спросил: как повел бы себя тренер чемпиона, если бы на его подопечного оказывалось подобное же психологическое давление? Надо было видеть Фурмана в этот момент! Он сжал пальцы обеих рук, набрал в грудь воздуха: «Я бы, я бы...» Потом выдохнул и неожиданно спокойно отчеканил: «Мы бы не допустили этого».

Полный идей и конкретных планов, Фурман помчался домой работать. Ему мешали врачи. Он не сдавался. («Не на того нарвались».) Но врачи сильнее больного. А болезнь эта пока еще сильнее врачей...

Сводки из Югославии с гроссмейстерского турнира в Бугойно ловил по приемнику, с которым в больнице не расставался. Накануне последнего тура успел порадоваться: «Молодец, Толя! И дебюты сберег, и планы наши не выдал, и выступил отлично». Он не разделял себя с Карповым и, как обычно, говорил: «Мы... наше...» И чувства, и сознание своего долга всегда жили в нем неразлучно.

Скорбная весть пришла во время закрытия международного турнира в Бугойно. Гроссмейстеры разом поднялись и почтили память своего товарища. Но полностью осознали случившееся, лишь глянув на чемпиона мира, — в эту минуту молчания все сказали его глаза.

...Семен Абрамович Фурман совершенно не терпел одиночества и сам, бывало, подшучивал над собой:

— Я как изолированная пешка — моя сила в середине игры, когда вокруг много фигур и мы все вместе идем в атаку. А в эндшпиле доска пустеет, и от слабой одинокой пешки стараются избавиться.

Но в его жизни не было эндшпиля, вокруг никогда не было пустоты. В шахматах, которые он считал главным делом своей жизни, жить теперь продолжают его ученики...

Глава XVIII

НА ТРЕХ КИТАХ

Один из руководителей Ленинградского университета сказал: «Карпова отличают огромная целеустремленность, работоспособность, внутренняя дисциплина. Эти качества необходимы молодежи, и пример Анатолия — исключительно нужный и полезный. Футурологи называют экономику наукой XXI века, и я надеюсь, что выпускник экономического факультета, который к началу будущего века достигнет расцвета своих творческих сил, добьется и в науке заметных успехов».

Карпову действительно очень нравится экономическая наука:

— Когда я переходил из Московского университета в Ленинградский, основательнее и вдумчивее подошел и к выбору факультета. Меня увлекла экономика, которая позволяет опираться на общечеловеческий опыт, на сумму знаний, накопленных целыми поколениями. К тому же есть важнейшее сходство между экономикой и шахматами — и та и другая области деятельности требуют строгой логики. Общее и в нахождении оптимальных решений.

Дипломная работа Карпова называется: «Свободное время и его экономическое значение при социализме». Там, в частности, сказано: «...пути увеличения свободного времени вообще изучены достаточно подробно. А вот проблемы его наполненности, или, как принято говорить, эффективности использования, во многом еще остаются «тайной за семью печатями».

При защите дипломной работы на несколько неожиданный вопрос оппонента, как сам гроссмейстер в повседневной жизни решает подобные проблемы, А. Карпов ответил:

— Поскольку лично мне трудно увеличить количество своего свободного времени, я стараюсь идти по пути его наиболее рационального использования.

А чтобы ответ этот не выглядел всего лишь остроумным, приведем еще одну цитату из дипломной работы: «Деятельность измеряется временем, но и время измеряется деятельностью. Иначе говоря, насыщенность свободного времени — важная социальная и нравственная категория. От реальной наполненности часов и минут (в том числе, естественно, и свободных) во многом зависит и психологическая удовлетворенность (или, наоборот, неудовлетворенность) человека, и «экономичность» его деятельности, и ее социальная оценка».

— И все-таки время не резиновое, его не растянешь. А куда же тогда спрятать свою «психологическую неудовлетворенность»?

Вопрос непростой. В наше время человек должен преодолеть множество соблазнов на пути к себе. Зачастую сразу, с юности, трудно определить свою линию, поскольку есть масса важных и занимательных на первый взгляд дел. Много событий происходит в окружающем тебя мире, причем событий интереснейших. Хочется ничего не упустить; надеешься везде поспеть. Это самообман, от которого необходимо побыстрее избавиться. И тут должен сработать внутренний голос разума. Надо определить для себя самое важное, я бы даже сказал: жизненно необходимейшее.

— Но ты же сам говорил, что твоя жизнь — шахматы.

— Верно. Шахматы — моя жизнь, но моя жизнь — это не только шахматы, и живу я на свете не один. Мне кажется, что я нашел для себя оптимальное решение в мировоззрении древних, которые считали, будто их мир держится на трех китах. Вот и вся моя жизнь так же: образование, общественная работа и, конечно же, шахматы.

«Образование становится решающим фактором, определяющим место человека в системе производства, в жизни общества» — это тоже выдержка из дипломной работы Карпова. И еще: «...усвоение, потребление куль-

турных ценностей. Сюда относятся все формы учебы, чтение, прослушивание радио и просмотр телепередач, посещение кино, театров, музеев. Назначение этого — обогащение, развитие личности». Читателя не должно смущать, что «все формы учебы» поставлены рядом, к примеру, с кино: Карпов имеет в виду учебу в самом широком смысле слова — с получением вузовского или любого другого диплома образование человека не заканчивается. И далее: «...творчество (научное, техническое, художественное, спортивное), общественная работа... В этом осуществляется самоутверждение, самореализация личности, идет формирование человека нового типа, развитие и реализация его творческого потенциала».

Он вообще живет в каком-то немыслимо стремительном темпе, жадно впитывая в себя окружающий мир.

После сильного и продолжительного международного турнира в Милане любезные хозяева организовали недельное путешествие шахматистов по Италии. По их замыслу, после «миланских экзаменов» должны были наступить «римские каникулы». И этот отдых Карпов превратил в подлинную погоню за новыми впечатлениями. Во время соревнований он считает обязательным хорошо выспаться, а тут каждый день чуть свет поднимал своих валившихся с ног от усталости спутников и подгонял: «Давайте, давайте быстрее, а то ничего не успеем». И сам успевал всюду. Колизей и собор святого Петра, Ватиканский музей, картинные галереи Флоренции и знаменитая Пизанская башня... И так бывает всюду и всегда.

Возвращаясь из Венесуэлы через Соединенные Штаты Америки, он успел за считанные дни выступить в Вашингтоне с сеансом одновременной игры и публичными лекциями, успел побывать в музее Аэронавтики и космоса, на Арлингтонском кладбище, в Капитолии (на заседании сената), в Белом доме, встретиться со многими интересными людьми, провести время в обществе группы виднейших советских журналистов-международников, среди которых у него уже были свои старшие друзья и болельщики — В. Зорин, М. Стуруа и другие... Немало полезного и поучительного узнал из бесед с послом Советского Союза А. Ф. Добрыниным, кстати, знатоком и тонким ценителем шахматного искусства. После вечера, на котором Андрей Вознесенский, находившийся также в США, читал свои стихи, супруга посла обратила внимание на возбужденный, но явно утомленный вид Анато-

лия Карпова и посоветовала хоть немного отдохнуть на даче советского посольства. Поблагодарив, чемпион мира тут же осведомился: а нельзя ли это время использовать на экскурсию по Филадельфии — там ведь есть Музей Родена, к тому же этот город лежит совсем «чуточку» в стороне от дороги к Нью-Йорку. Не в силах сдержать улыбки, Добрынин попросил советника по культуре сделать соответствующие распоряжения и подарил Карпову великолепно изданный альбом репродукций картин Американской национальной галереи.

В одной из триумфальных поездок чемпиона мира по странам Западной Европы он был награжден Золотой медалью Парижа, медалями Гавра и Ла-Рошели. А руководство Французской шахматной федерации в полном составе вступило в общество «Франция — СССР». Тогда же президент-исполнитель общества «Франция — СССР» Ги Дессон заявил: «Если другие чемпионы по примеру Карпова станут уделять такое же внимание вопросам укрепления дружбы и взаимопонимания между народами, то дело мира значительно выиграет. Анатолий Карпов — замечательный посол Советского Союза».

Но он не только посол, он прежде всего гражданин Советского Союза. У себя дома, в Ленинграде, и в поездках по стране Карпов часто выступает с лекциями в производственных и студенческих коллективах, он побывал на Урале, во Владимирской области, в Армении и Грузии, в сибирских городах и на Камчатке. Он там не просто играл в шахматы, Карпов обращал внимание на то, как относятся городские власти к развитию физкультуры и спорта в городе, к шахматам.

Организация соревнований для любителей шахмат, открытие новых клубов — в беседах с местными руководителями он всегда ставит и эти вопросы. Он с увлечением участвует в работе редколлегий «Студенческого меридиана» и еженедельника «64». Он старается подчеркнуть значение шахматной культуры на страницах газет, особенно «Правды» и «Ленинградской правды», где часто выступает в роли шахматного обозревателя.

Слово о комсомоле

— Через год согласно комсомольскому Уставу заканчивается мой комсомольский возраст. Мысль эта как-то совершенно неожиданно пришла в голову, когда я в оче-

редной раз платил комсомольские взносы. Перелистывая странички билета, густо заполненные привычными прямоугольными штампиками, я вспомнил свой первый членский взнос, свое первое ощущение причастности к делам и свершениям Ленинского комсомола. Первое собрание, первое поручение, первое голосование, первый комсомольский субботник, первая комсомольская награда... Комсомол не просто подтягивал, обязывал, требовал — комсомол учил жизни. Комсомол стоял и у начала моего пути в шахматы. Ведь организация и проведение всех детских и юношеских соревнований у нас в стране — одна из важнейших сторон деятельности комсомола. И вот прошли годы. Оглядываясь сейчас назад, думаю, что мне необыкновенно повезло в моей комсомольской биографии, и приятно сознавать, что в этом везении есть и доля моего собственного труда.

Я, например, являюсь президентом шахматного клуба школьников «Белая ладья». В ежегодных соревнованиях на приз советских шахматистов — чемпионов мира под этим девизом — «Белая ладья» — участвуют команды пионерских дружин учащихся третьих—седьмых классов, и охватывают они тысячи и тысячи школ всего Советского Союза. Газета «Комсомольская правда» проводит еще один интереснейший турнир — Дворцов пионеров. За каждую команду в финале выступают не только шесть школьников и одна школьница, но и «знаменитый капитан» — гроссмейстер, в прошлом воспитанник Дворца пионеров. Гроссмейстеры дают сеансы одновременной игры с часами для всех команд (кроме, разумеется, своей). Очки, отобранные ребятами у «чужих» капитанов, складываются с очками, которые вносит в копилку команды ее капитан. Шахматисты редко помнят свои детские партии. Но встречи с выдающимися гроссмейстерами каждый из юных шахматистов, бесспорно, запомнит на всю жизнь. Сеанс с часами против большого мастера — это урок, который можно потом передать всем своим юным землякам, когда вернешься в родной город...

В 1972 году я с радостью откликнулся на предложение ЦК ВЛКСМ возглавить в качестве капитана команду Челябинского Дворца пионеров на первом таком турнире. Мы, капитаны, тогда не только играли с ребятами в шахматы, но и все свободное время проводили вместе с ними.

Потом были поездки по стране, встречи с юными и

взрослыми любителями шахмат. Лекции, сеансы одновременной игры, открытие клубов, выступления в печати...

Я дважды был делегатом комсомольских съездов, дважды избирался членом ЦК ВЛКСМ, являюсь им и сейчас. Комсомол удостоил меня высоких наград.

Доверие тридцатисемимиллионной армии передовой советской молодежи надо оправдывать. А как? Свою жизнь и деятельность в шахматах я всегда расценивал как комсомольское поручение. И пропаганду шахмат в стране считаю своей главной обязанностью как члена ЦК.

Незабываемым событием в моей жизни стала встреча с Леонидом Ильичом Брежневым. Я побывал на этой встрече как член Центрального Комитета ВЛКСМ, когда от имени советской молодежи мы вручали руководителю нашей партии и государства комсомольский билет № 1 и высшую награду комсомола — Золотой Почетный Знак ВЛКСМ. Состоявшийся тогда же разговор произвел на меня огромное впечатление. Как шахматиста меня поразило, что Леонид Ильич в курсе наших шахматных проблем и событий. В этом я вновь увидел проявление того глубокого внимания, которое придает Коммунистическая партия развитию физкультуры вообще и шахмат в частности среди трудящихся нашей страны.

Вот таков он, Анатолий Карпов, двенадцатый чемпион мира. Шахматы, постоянное повышение своего общеобразовательного и культурного уровня, общественная работа — все гармонично сочетается в нем.

Анатолий еще очень молод, ему всего 27 лет. Вся жизнь еще впереди. И потому биография талантливого гроссмейстера далека от своего завершения...

ПОСЛЕСЛОВИЕ А. КАРПОВА

Информация, даже самая щедрая, не может гарантировать успеха, обеспечить и кругозор и глубину. Подготовка современного шахматиста должна быть всесторонней. В нее входят и самостоятельные исследования, и изучение классиков.

Последнее особенно плодотворно. Тут нельзя себя лимитировать, говорить себе: это я уже знаю. Каждое прочтение несет новое видение. Так, изучив в школе «Евгения Онегина», я считал, что знаю и помню его достаточно хорошо, но стоило обратиться к роману спустя два-три года, как я открыл для себя совсем новые ощущения и мысли, вошел в новый для себя мир. Не сомневаюсь — и сегодняшнее чтение этого романа обогатило бы снова.

Точно так же во мне живет последнее время желание пересмотреть всего Капабланку. Я все его партии знаю, но было это давно — по ним я учился играть в шахматы, не раз потом возвращался к отдельным его партиям, — сейчас хочу проследить последовательно весь его жизненный и творческий путь, понять за доской причины и следствия изменения его идей и взглядов.

Такого же внимания требуют и Ласкер, и Алехин. И вообще я сейчас не смог бы сказать ни об одном из классиков: он устарел и уже не нужен, потому что каждый из них был по-своему оригинален. Скажем, творчество такого далекого от нашего времени и наших шахмат художника, каким был Морфи, поучительно уже потому, что он чувствовал гармонию фигур и объекты атаки, а умение переходить от атаки к позиционной игре и по сегодняшним меркам у него превосходное. Атакуя, он завоевывал преимущество, а затем воплощал его в победу не острокомбинационным путем. Это очень серьезная черта, отличавшая его от других современников. У него можно поучиться и блестящему чутью инициативы, за которую он с готовностью отдавал фигуры, не говоря уже о пешках.

Во времена Андерсена расцвели романтические шахматы: в жертве видели главную красоту, отказ принять жертву расценивался как трусость. По сути, в шахматах неписано существовало шашечное правило: если я жертвую — противник обязан брать. Это была чистая игра. Но когда явился Стейниц, привнеся в игру новую глубину, разработав законы позиционной игры и

выявив ее красоту, характер шахмат изменился. Следующими были изменения, намеченные Алехиным, но внедренные и развитые Ботвинником, — научный подход к шахматам.

Прежние корифеи — Ласкер и в особенности Капабланка — почти не изучали дебютов. Они были настолько гениальны — и знали это, — что могли справиться за доской с любой неприятностью. И доказывали это на практике. Самый яркий пример: когда Капабланка встретился за доской с гениальным изобретением Маршала — его контратакой в испанской партии, он разобрался в тонкостях и сделал ход, который и сегодня считается сильным.

Но уже Алехин много работал дома. Целый ряд известных партий он выиграл, прямо с дебюта беря противника в заготовленные дома тиски. А хватка у него была крепкая: захватив, он уже не выпускал свою жертву.

Ботвинник именно в этом направлении и стал работать. Научный подход в шахматах у него постепенно утвердился на первом плане. По-моему, он не занимался дома такими вопросами, как, скажем, новый ход или новая идея где-нибудь на пятнадцатом ходу в каком-то варианте. Он разрабатывал целые системы. Это было его счастье: шахматы во многом были еще целиной, и он шел по ним «первым плугом». А сегодня нам приходится довольствоваться новинками на двенадцатом — пятнадцатом ходу. Не всегда и до этого дойдешь!

Ботвинник мог себе позволить делать большие перерывы, не играть подолгу, скажем, отойти от шахмат на год и заняться научной работой. Он и вообще-то не много играл. Сейчас шахматист не может себе этого позволить. Переработка информации и собственные изыскания — это одно, а вот если с полгода не поиграешь, начинаешь ощущать свою ущербность. Возникает ощущение какой-то потери, утраты уверенности в себе, словно надо что-то начинать, а что и как — неясно. Потому и стремятся шахматисты играть в соревнованиях более или менее регулярно. Работают дома все, но теперь этого недостаточно.

Ботвинник положил начало серьезному спортивному подходу к шахматам. Что это означает? В прежние времена играли по довольно простой схеме: шахматист задумал идею и проводит ее в жизнь, а противник проводит контридею; и когда выяснилось, чья идея прошла,

а кто попал впросак, тем самым выяснилось, кто победитель, а кто побежденный. Суть: идея не прошла — партия проиграна. Сейчас это выглядит смешным, сейчас и учить никого не надо, что, если идея не прошла, срочно мобилизуй другую, играй дальше, — но прежде это выглядело именно так. Наши шахматисты стали первыми проявлять упорство в защите. Получив худшую позицию, он продолжает сражаться; провел какую-то идею, но положение еще больше ухудшилось — он все равно сражается, пока противник его не добьет... Это ужесточение борьбы потребовало от шахматистов особой подготовки, чтобы переносить небывалые раньше физические и нервные нагрузки.

Я думаю, что спортивная сторона в шахматах и в дальнейшем будет превалировать, чуть-чуть опережая творческую. И тут огромную роль играет информативная оснащенность.

После Ботвинника шахматам был необходим Таль — и он явился, огромный, яркий художник. Он пронесся быстрым, ошеломляющим ураганом, расчищая место своему антиподу Петросяну. Шахматные качели уравновесил Спасский — цельный и совершенный универсал. Он одинаково хорошо и атаковал, и защищался, и накапливал позиционное преимущество. Это он создал моду универсальности, которая жива до сих пор.

Если Талю, чтобы стать чемпионом, было достаточно запутать соперников, ошеломить их, жертвовать и жертвовать (Петросян тоже умел комбинировать, но сдерживал свой удар, играя чисто позиционно), то сейчас, чтобы добиться больших успехов, этого мало. Нужно делать все достаточно хорошо (не имея явных изъянов) плюс к тому уметь что-то делать прекрасно.

Сейчас шахматы развиваются еще быстрей. Многие турниры дают богатый материал для анализа. Идет не просто накопление материала, но и одновременное переосмысление его. На наших глазах происходит переоценка вариантов и целых систем. Прежде игрались одни варианты, потом шахматная теория продвинулась, и выяснилось, что любимые схемы теперь применять непросто; скажем, черные научились уравнивать прежде неопасные позиции, а в других, где черные чувствовали себя превосходно, им приходится теперь так тяжело, что лучше их и не пытаться играть. Поэтому шахматисты вы-

нуждены все время искать что-то новое, менять дебютные системы и варианты.

Стал очень важен элемент психологии в шахматах, особенно в матчах. Понять себя, подыскать ключи к противнику, уметь использовать знание и себя и противника в конкретных ситуациях на шахматной доске. Где-то уйти от сильнейшего продолжения, но зато загнать противника в позицию, которую он не любит разыгрывать. И чем дальше, тем больший вес в шахматах будет приобретать это умение.

* * *

Советская шахматная «пирамида» огромна. У основания ее популярные всесоюзные соревнования пионеров и школьников. Учить шахматам как науке и искусству у нас умеют. Но, может быть, пора сделать акцент на третьем звене? Не только наука и искусство, но и спорт. Значит, мужество, решительность, упорство, трудолюбие — вот что нужно воспитывать у наших ребят одновременно с обучением их «видению доски» и счету вариантов. Чтобы потом, когда они выйдут на уровень всемирных шахмат, Родина могла гордиться ими. И положиться на них.

ТРИНАДЦАТЬ ПАМЯТНЫХ ПАРТИЙ

С комментариями АНАТОЛИЯ КАРПОВА

ПЕРВЕНСТВО МИРА СРЕДИ ЮНОШЕЙ

Стокгольм. 1969

КАРПОВ — АНДЕРССОН

Испанская партия

1.	e2—e4	e7—e5
2.	Kg1—f3	Kb8—c6
3.	Cf1—b5	a7—a6
4.	Cb5—a4	Kg8—f6
5.	0—0	Cf8—e7
6.	Лf1—e1	b7—b5
7.	Ca4—b3	0—0

С У. Андерссоном мы встретились в третьем туре финала. Я был доволен тем, что во встрече с сильным соперником случилась испанская партия. В то время дебютный репертуар у меня был еще весьма узким, а вот «испанку» я уже играл и белыми и черными с раннего детства. У меня появилась уверенность в успешном исходе и этого поединка (в двух предыдущих турах я победил).

8.	c2—c3	d7—d6
9.	h2—h3	Kc6—a5
10.	Cb3—c2	c7—c5
11.	d2—d4	Фd8—c7
12.	Kb1—d2	Cc8—b7

Одно из самых старых продолжений в системе Чигорина; сейчас этот ход встречается редко. Если уж его и делают, то после предварительного 12. ... cd 13. cd, чтобы завязать контригру по открывшейся линии «с». Теперь же белые немедленно запирают центр, и черному слону придется потратить еще пару темпов для того, чтобы занять позицию на d7, куда он мог попасть сразу же. Ссылка на то, что в закрытых положениях потеря темпов не имеет большого значения, несостоятельна. Конечно, в открытых позициях шахматное время (т. е. темпы) дороже, но и здесь терять его без нужды не следовало бы.

13.	d4—d5	Cb7—c8
14.	Kd2—f1	Cc8—d7
15.	b2—b3	. . .

Имеет своей целью ограничение черного коня. Вообще во многих дебютах черные испытывают немалые трудности с развитием тех или иных фигур. Вспомним, хотя бы «ограниченных» черных слонов во французской защите или в защите Беноин. В данном случае мы имеем дело с «безобразным испанским конем», который никак не может найти себе применения. Пока его лишили поля c4, а если черные двинут свою пешку «с», то после b3—b4 этот конь, отступив на b7, тоже не будет иметь благоприятных перспектив (кстати, нечто похожее случается с этим же ферзевым конем в так

называемом югославском варианте староиндийской защиты, так что идея эта отнюдь не нова).

15. ... Ka5—b7

Все-таки следовало, наверное, предварительно сыграть 15. ...c4, чтобы после 16. b4 Kb7 побороться за линию «а» (a6—a5).

16. c3—c4 Лf8—b8
17. Kf1—e3 Ce7—f8

Обычно черные стараются не допускать неприятельского коня на f5, играя g7—g6. Однако теперь, потеряв время на ферзевом фланге, они не без основания опасаются типовой жертвы: g2—g4, Kph2, Kf5, и атака по линии «g» может стать достаточно грозной.

18. Ke3—f5 Kb7—d8

Понятно, невыгодно C : f5, так как обладание пунктом e4 и возможность пешечной атаки на королевском фланге сделают белых полными хозяевами положения. Поэтому Андерссон приступает к построению «крепости» (Kd8, Ke8, f7—f6, Kf7 и g7—g6), а на другом краю доски вскрывает для своих ладей линию «b».

19. Kf3—h2 ...

Атака пешкой f4 здесь, пожалуй, будет более эффективной, нежели трафаретное g2—g4, Kph2, Лg1. Один из главных минусов позиции черных в том, что Cd7 отнял важное поле у своего коня, который оттуда мог бы поддерживать важнейший пункт e5. Именно этот пункт подвергнется в дальнейшем нападению (f2—f4).

19. ... Kf6—e8
20. h3—h4 ...

Не противоречит идее f2—f4. Белые намерены пока захватить побольше пространства. В свою очередь, нехорошо 20. ... g6 ввиду 21. Kh6+, и конь будет сильно действовать на нервы королю соперника.

20. ... f7—f6

Сказывается стесненность позиции черных — вводя в игру одного коня, они в то же время пешками отнимают поля у другого.

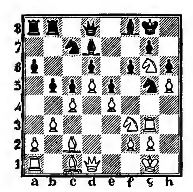
21. h4—h5 Kd8—f7
22. Лe1—e3 ...

Третья горизонталь — идеальная магистраль для переброски ладей на любой фланг. Вообще ладьи, как и легкие фигуры, должны по возможности быстро включаться в игру.

22. ... Kf7—g5

По-видимому, единственная в создавшихся условиях возможность построить если не крепость, то хотя бы передовые укрепления. За этими редутами расположились другие фигуры (в частности, чернопольный слон), которые войдут в игру, когда белые приступят к прямой атаке.

23. Kf5—h4 Фc7—d8
24. Лe3—g3 Ke8—c7
25. Kh2—f3 h7—h6
26. Kh4—g6 ...

Итак, получено все или почти все. Для «полного счастья» нужно еще разменять белопольных слонов, защитив предварительно пункты c4 и e4, после чего противнику и вовсе нечем станет защищать ослабленные поля в своем лагере. Таков генеральный стратегический план белых. Но для его осуществления еще придется преодолеть немало трудностей и учесть множество тактических тонкостей.

26. ... a6—a5

Начиная контригру, черные хотели бы дальнейшим продвижением пешки вскрыть сразу две вертикали «a» и «b». Две вертикали — не одна, и этому необходимо воспрепятствовать.

27. a2—a4! ...

Ослабление поля b4 не опасно — перевод коня на этот пункт ничем не грозит.

27.	...	b5 : c4
28.	b3 : c4	Kc7—a6
29.	Фd1—e2	Лa8—a7
30.	Cc1—d2	Лa7—b7
31.	Cd2—c3	...

Необходимо держать под контролем все пункты возможного вторжения неприятельских ладей.

31. ... Ka6—b4

«Пустой» ход. Конь только перекрывает единственную открытую линию. На этом поле надо жертвовать качество — Лb7—b4. Последующие замысловатые на вид маневры белых направлены как на осуществление их главного стратегического плана, так и на предупреждение всякой активности черных.

32.	Cc2—d1	Kb4—a6
33.	Kf3—d2	Ka6—b4
34.	Лg3—e3	Cd7—e8
35.	Kd2—f1	Фd8—c8
36.	Kf1—g3	Ce8—d7
37.	Фe2—d2	Kg5—h7
38.	Cd1—e2	Kpg8—f7
39.	Фd2—d1	Cf8—e7
40.	Kg3—f1	...

40... f6—f5 выгодно только белым, а потому конь с g3 спокойно отправляется сначала на h2, чтобы помочь размену слонов.

40.	...	Ce7—d8
41.	Kf1—h2	Kpf7—g8
42.	Ce2—g4	...

Ну, наконец-то... Кстати, теперь за черных не годится 42... C : g4 43. K : g4 Kc2 из-за 44. K : h6+.

42. ... Kh7—g5
43. Cg4 : d7 Фc8 : d7
44. Kh2—f1 ...

Белые осуществнли свой плаи н теперь иамерены при помощи маиевра Kf1—g3—f5 с дальиейшим пешечным штурмом g2—g3 и f2—f4 провести решающую атаку. Аидерссои делает попытку освободиться из тисков.

44. ... f6—f5
45. e4 : f5 Фd7 : f5
46. Kf1—g3 Фf5—f7

На 46... Фc2 последовало бы страшиое 47. f4, и иельзя 47... ef нз-за «матующего шаха» — 48. Лe8+.

47. Фd1—e2! ...

Сиова грозит программное f2—f4.

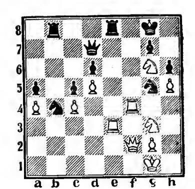
47. ... Cd8—f6
48. Лa1—f1! ...

По вскрывающимся вертикалям в иеприятельский лагерь вот-вот ворвутся тяжелые белые фигуры, а черные кони между тем все еще выступают в роли статистов.

48. ... Фf7—d7
49. f2—f4 e5 : f4
50. Лf1 : f4 Cf6 : c3
51. Лe3 : c3 Лb8—e8

Это, конечно, ие нападеиие на ферзя (52... Л : e2 — 53. Лf8+ Kph7 54. Лh8×), а скорее попытка иейтралнзацин давлеиня белых по лииии «e».

52. Лc3—e3 Лb7—b8
53. Фe2—f2 ...

Угрожает 54. Лe7! Партня решена.

53. ... Kg5—h7
54. Kg3—f5 Лe8 : e3
55. Фf2 : e3 Kh7—f6
56. Kg6—e7+ Kpg8—h8

Проигрывало и 56... Kph7 после того же 57. K : h6, а на 56... Kpf7 достаточно 57. Фg3. Еще последовало:

57. Kf5 : h6 Лb8—e8
58. Kh6—f7+ Kph8—h7
59. Лf4—e4! Лe8 : e7
60. Лe4 : e7.

Черные сдались.

МЕМОРИАЛ АЛЕХИНА

Москва. 1971

КАРПОВ ГОРТ

Сицилиаиская защита

1. e2—e4 c7—c5
2. Kg1—f3 d7—d6
3. d2—d4 c5 : d4
4. Kf3 : d4 Kg8—f6
5. Kb1—c3 e7—e6
6. g2—g4 ...

Нержавеющее оружие П. Кереса. Желание оттесинить коия f6 и создать предпосылки для атаки иа королевском флаиге подкреплсио тактическими обосиоваииями.

6. ... Kb8—c6

Проведеиию плаиа белых больше мешало бы 6. . . h6. Но и в этом случае у чериых есть свои иеприятиости.

7. g4—g5 Kf6—d7
8. Cc1—e3 ...

Очень острая игра с хорошими перспективами у белых получается после 8. Kdb5 Kb6. 9. Cf4 Ke5 10. Фh5 g6 11. Фh3, ио мы ие будем сейчас вторгаться в область теории дебютов.

8. ... a7—a6
9. f2—f4 ...

Быть может, сейчас я предпочел бы 9. Лg1.

9. ... Cf8—e7

Навериое, иа 9... h6 мой соперинк опасался хода, который я и собирался сделать, — 10. К : e6 (другого, собствеиио, и ие видио, так как 10. gh или 10. g6 белым просто иевыгодио из-за 10... Фh4+). В партии могли бы возникнуть иеобозримые осложиеиия — 10... fe 11. Фh5+ Кре7 12. Ch3 Фе8 13. Фh4 — с трудиооцеиимыми последствиями. Как раз к этому и выиуждала меня турнириая ситуация.

10. Лh1—g1 Kc6 : d4

Обычио черные ие спешат с этим размеиом, одиако здесь им непросто иайти другой ход. 10... Фc7 выглядит слишком медлительным; решиться на 10... 0—0 прямо под атаку — нелегко: 10... Kc5 11. K : c6 bc 12. C : c5 дает белым явный перевес.

11. Фd1 : d4 e6—e5
12. Фd4—d2 e5 : f4
13. Ce3 : f4 Kd7—e5

Разумеется, плохо было бы за чериых 13... Фb6 14. Лg3 Ф : b2 15. Лb1 Фa3 16. Kd5.

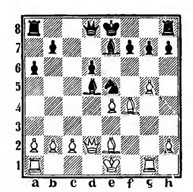
14. Cf1—e2 Cc8—e6

Чериые ие могли проявить активиость путем 14... Фa5, поскольку получавшийся эидшпиль к явиой выгоде белых: 15. Kd5 Ф : d2+ 16. Кр : d2 Cd8 17. Лad1 Ce6 18. Kpc1.

15. Kc3—d5 ...

Немедлеиио! Иначе ферзь соперника выскочит иа активную позицию (15. 0—0—0 Фa5!).

15. ... Ce6 : d5

16. e4 : d5 ...

Как правило, блокадиое поле стараются заиять фигурой. Действительно, 16. Ф : d5 тоже оставляло мие перевес, поскольку пункт

d6 у черных все время требовал бы защиты. Но тогда ведь и моя пешка e4 в некоторых случаях нуждалась бы в опеке, что могло стеснить белопольного слона. Теперь же этот слон свободен в своих действиях, тем более что с доски уже ушел его черный оппонент.

16. ... Ke5—g6

Позиция черных заметно хуже, потому В. Горт и выискивает тактические решения возникших перед ним проблем. На пассивную защиту обрекала его короткая рокировка либо 16... Фc7 и затем 17... 0—0—0.

17. Cf4—e3 h7—h6!?

Трудно ставить знак к такому ходу. Слишком большой и не один лишь шахматный смысл в нем заложен. Это и боевое настроение, желание вести борьбу в тактическом ключе. Это и точная оценка позиции с ясным пониманием ее недостатков. Короче говоря, ход, рискованный для обеих сторон!

18. g5 : h6 Ce7—h4+
19. Kpe1—d1 ...

Белого короля не смущает потеря рокировки. В то же время король черных сохранял за собой такую возможность до конца партии, но воспользоваться ею так и не успел.

19. ... g7 : h6
20. Ce3 : h6 Ch4—f6

Вероятно, 20... Фf6 не устраивало черных ввиду того, что слон h4 ощутимо терял в подвижности. Горт наметил идеальную перестройку сил, но в шахматы играют две стороны, и я, в свою очередь, предпринял необходимые контрмеры.

21. c2—c3 Cf6—e5

Кажется, что черные добились цели — угрожают 22... Фh4, а после 23. Cg5 Фb6 24. Ce3 Фc7 мои достижения совсем невелики. Но у белых находятся очень сильные возражения.

22. Лg1—g4! ...

Пешка h2 никого (пока!) не волнует. Сейчас главное — не пустить неприятельского ферзя на активную позицию на королевском фланге, где мои фигуры все-таки чуточку «повисают».

22. ... Фd8—f6

Относительно лучшим было 22... C : h2, восстанавливая материальное равновесие. Но можно понять и чехословацкого гроссмейстера: он хотел «развиваться».

23. h2—h4! ...

Нельзя 23... K : h4? — 24. Cg7. И вообще уже трудно будет отыграть эту еще недавно такую беспомощную, а теперь постепенно обретающую грозную силу пешку. Невозможно и 23... 0—0—0 из-за 24. Cg5.

23. ... Фf6—f5

Защитившись от угрозы 24. h4—h5, черные настаивают на длинной рокировке.

24. Лg4—b4! ...

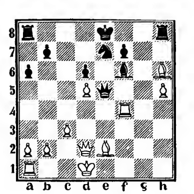
Прекрасное место для ладьи! По-прежнему невозможно 24...

0—0—0 — 25. Cg4, и на всякий случай под удар взята пешка b7.

24. ... Ce5—f6
25. h4—h5 Kg6—e7

Понятно, что это отступление менее почетно, чем 25... Ke5, но псевдоактивность сейчас могла уже стоить фигуры (после 26. Лf4). Попутно замечу, что черные все это время не имели возможности провести жертву качества — Л : h6.

26. Лb4—f4 Фf5—e5

27. Лf4—f3 ...

Ладья, зачастую такая неповоротливая, в данной позиции проявляет чудеса маневренности. Она создает одну угрозу за другой, причем действует продуктивно не только в нападении, но и в защите. Так, ничего не выходит сейчас у черных после 27... Ф : h5 28. Л : f6 Фh1+ 29. Cf1 (ладья защищает обоих слонов) 29... Kg8 30. Фe1+, и белые выигрывают.

27. ... Ke7 : d5
28. Лf3—d3 Лh8 : h6

Ничего лучшего и не видно — на 28... Ke7 последует 29. Cf4.

29. Лd3 : d5 ...

Ошибочно было бы 29. Ф : h6 ввиду 29... Cg5 и 30... Ke3+.

29. ... Фe5—e4

Кажется, у черных все в порядке. Но...

30. Лd5—d3! ...

Гимн ладье! Сознание шахматиста привыкло к работоспособности всех фигур, но, согласитесь, к ладьям это относится главным образом в эндшпиле.

30. ... Фe4—h1+

Черные вынуждены идти на этот отнюдь не равноценный обмен.

31. Kpd1—c2 Фh1 : a1
32. Фd2 : h6 Cf6—e5
33. Фh6—g5 ...

Препятствуя длинной рокировке и создавая неотразимые угрозы оставшемуся в центре королю.

В этом безвыходном положении Горт просрочил время, и ему было зачтено поражение. Партия признана лучшей на Мемориале Алехина, а югославский информатор назвал ее одним из лучших творческих достижений шахматного 1971 года. Признаться, я тоже очень люблю эту партию...

Гастингс. 1971/72

КАРПОВ МЕКИНГ

Сицилианская защита

1. e2—e4 c7—c5
2. Kg1—f3 d7—d6

3.	d2—d4	c5 : d4
4.	Kf3 : d4	Kg8—f6
5.	Kb1—c3	a7—a6
6.	Cf1—e2	...

Я часто примеияю эту систему и иеплохо ее знаю. Белые избегают доскоиально изучеиных форсированных продолжеиий, связаииых с 6. Cg5.

6.	...	e7—e5

К шевеиинигеискому вариаиту ведет 6... e6.

7.	Kd4—b3	Cc8—e6
8.	f2—f4	Фd8—c7
9.	a2—a4	...

Необходимое звено в плаие белых. Они ие только препятствуют 9... b5, но и стремятся посредством a4—a5 заблокировать пешки ферзевого фланга черных.

В ответ здесь обычио играли 9... Ce7 или 9... Kbd7. Но Э. Мекингу что-то ие понравилось, он иадолго задумался и избрал новое, ио отиюдь ие сильиейшее продолженне.

9.	...	Kb8—c6?!

Ход сомннтельиого достоииства. Черные препятствуют 10. a5 дорогой ценой: им сейчас придется разменять слона и тем самым предоставить соперику возможность господствовать по белым полям.

10.	f4—f5	Ce6 : b3
11.	c2 : b3	Фc7—b6

Если белые сумеют рокировать в короткую сторону и поставить слона иа c4, нх перевес будет подавляющим. Мекинг старается помешать проведению этого плаиа.

12.	Cc1—g5	Cf8—e7
13.	Cg5 : f6	Ce7 : f6
14.	Kc3—d5	Фb6—a5+
15.	Фd1—d2	Фa5 : d2+
16.	Kpe1 : d2	Cf6—g5+
17.	Kpd2—d3	0—0
18.	h2—h4	Cg5—d8

На h6 слои мог при случае попасть в опасиое положеиие (после g2—g4).

19.	Лa1—c1	...

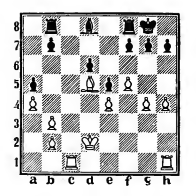
Коия с d5 «выкурнть» пока нельзя, так как иа 19... Ke7 последует 20. K : e7+ C : e7 21. Лc7. если же 19... Kd4, то 20. b4.

19.	...	a6—a5
20.	Kpd3—d2	Лa8—b8
21.	g2—g4	...

Плаи белых ясеи — пешечиая атака на королевском флаиге. После Ce2—c4 она стаиет весьма опасиой. Поиимая это, Мекинг ищет спасеиия в окончании с разноцветиыми слонами.

21.	...	Kc6—b4
22.	Ce2—c4	Kb4 : d5
23.	Cc4 : d5	...

Позиция стабилизировалась. У белых большой перевес при полиом отсутствии контригры у противиика. На следующий свой ход Мекииг возлагал большие иадежды, полагая, что ему удастся блокировать пешки королевского флаига и остановнть их продвижеиие.

23.	...	g7—g5
24.	f5 : g6	h7 : g6
25.	Kpd2—d3	Kpg8—g7
26.	h4—h5	Cd8—b6

Не лучше и 26... Cg5 27. Лс7.

27. Лh1—h3 ...

Чтобы после размена на g6 захватить линию «h».

27.	...	Cb6—c5
28.	Лс1—f1	f7—f6

Вынужденно. Угрожало 29. h6+.

29.	h5 : g6	Kpg7 : g6
30.	Лf1—h1	Лb8—e8
31.	Лh3—h7	Kpg6—g5

Мекинг находился в цейтноте и опасался матовых угроз после Лh1—h5.

32. Kpd3—e2 Kpg5—f4

Здесь мне пришла в голову «убийственная» идея, и я сыграл

33. Лh1—h3 ...

Соперник не заметил угрозы и ответил

33. ... Cc5—d4

Но и при лучшей защите — 33... Kp : g4 34. Лh1 Лg8 35. C : g8 и 36. Лf1 — белые легко выигрывали.

34. Лh7—g7.

Мекинг просрочил время, хотя мог бы и сдаться ввиду неизбежного мата.

МЕЖЗОНАЛЬНЫЙ ТУРНИР

Ленинград. 1973

КАРПОВ — КИНТЕРОС

Сицилианская защита

1.	e2—e4	c7—c5
2.	Kg1—f3	d7—d6
3.	d2—d4	c5 : d4
4.	Kf3 : d4	Kg8—f6
5.	Kb1—c3	a7—a6
6.	Cc1—g5	e7—e6
7.	f2—f4	Фd8—b6

Так часто играл Р. Фишер.

8. Kd4—b3 ...

Конечно, некоторая уступка черным, но хорошее турнирное положение позволяло мне не идти на головоломные варианты с жертвой пешки после 8. Фd2. Справедливости ради следует отметить, что 8. Фd2 — единственный путь борьбы за дебютное преимущество.

8. ... Cf8—e7

После 8... Фe3+ 9. Фe2 Ф : e2+ 10. C : e2 эндшпиль несколько лучше у белых. Я думаю, что точнее порядок ходов с 8... Kbd7, не определяя пока позицию чернопольного слона.

9. Фd1—f3 h7—h6
10. Cg5—h4 Kb8—d7
11. 0—0—0 Фb6—c7

Черные подготавливают b7—b5 и Cc8—b7. Белые, чтобы использовать перевес в развитии, должны как можно быстрее завязать игру в центре. Этой цели и служит их следующий ход.

12. Ch4—g3 b7—b5
13. e4—e5 Cc8—b7
14. Фf3—e2 d6 : e5

Гораздо перспективнее 14... Kd5. Тогда ничего не обещает белым 15. ed K : c3 16. dc K : e2+ 17. C : e2 Лc8 18. f5 e5 или 15. K : d5 C : d5 16. ed Ф : d6 17. f5 Фb6. Но есть заманчивая жертва качества: 15. K : d5 C : d5 16. Л : d5 ed 17. e6 Kf6 (плохо 17... fe из-за 18. Ф : e6) 18. ef+ Kp : f7 19. Фf3 и далее Cf1—d3, Cg3—f2 и пешечный штурм королевского фланга. Последствия этой жертвы очень трудно рассчитать.

15. f4 : e5 Kf6—h7

Как ни печально, но приходится отступить на край доски. 15... Kd5 не годится ввиду 16. K : d5 C : d5 17. Л : d5 ed 18. e6.

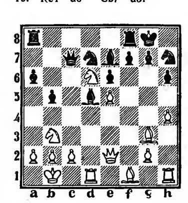
16. Kc3—e4 ...

Конь устремляется на d6, попутно препятствуя рокировке: 16... 0—0? 17. Kf6+ C : f6 18. ef с сильной атакой.

16. ... Ce7—g5+

Понятно, опасно 16... K : e5 из-за Kec5, а на 16... Kg5 я собирался сыграть 17. Kf6+ gf 18. ef Фc4 19. Ф : c4 bc 20. Ka5 с явным преимуществом.

17. Kpc1—b1 0—0
18. h2—h4 Cg5—e7
19. Ke4—d6 Cb7—d5?

Позиция черных малопривлекательна. Фигуры их разобщены, а конь h7 вообще отрезан от центра событий. И тем не менее черные могли защищаться, играя 19... Cc6 или 19... Лad8.

После хода в партии белые жертвой качества получают решающую атаку на короля.

20. Лd1 : d5 e6 : d5
21. Kd6—f5 ...

Грозит 22. K : e7+ и 22. e6. Ответ вынужден.

21. ... Фc7—d8
22. Фe2—g4 g7—g6
23. Kf5 : h6+ Kpg8—g7
24. Kh6 — f5+ ...

Быстрее приводило к победе 24. Kbd4 Kp : h6 25. h5 (наверное, выигрывает и более эффектное 25. Kf5+ gf 26. Cf4+ Kg5 27. hg++ Kpg7 28. Ф : f5 Лh8 29. Лh6 с матовой атакой): на 25... g5 следует красивый мат — 26. Kf5×, а на 25... Kpg7 — 26.

hg fg 27. Ke6+ или 26... Kg5 27. Kf5+ Kpg8 28. g7.

24.	...	Kpg7—h8
25.	Cf1—d3	Лf8—g8

После 25... gf 26. Ф:f5 черным не спастись от мата (26... Khf6 27. ef K:f6 28. Ce5).

26.	Kf5—h6	Лg8—g7
27.	h4—h5	Фd8—e8

Единственный способ защитить поле g6. На 27... Kdf8 могло последовать 28. hg fg 29. e6.

28.	e5—e6	Kd7—f6
29.	e6:f7	Фe8—d8

На 29... Фf8 белые выигрывали как простым 30. Фd4, так и красивым 30. hg! K:g4 31. K:g4 Cd6 (защищаясь от 32. Ce5) 32. Kf6 C:g3 33. K:h7 Фd6 34. Kf6+ Ch2 35. Ke8! Л:g6 36. C:g6 (указано М. Цейтлиным).

30.	Фg4—d4	Kf6:h5
31.	Cg3—e5	Ce7—f6
32.	Лh1—e1	Cf6:e5
33.	Лe1:e5	Kh5—f6
34.	g2—g4	Фd8—f8
35.	g4—g5	Kf6—e4
36.	Cd3:e4	d5:e4
37.	Фd4:e4.	

Черные сдались.

Мадрид. 1973

КАРПОВ — УЛЬМАН

Французская защита

1.	e2—e4	e7—e6

Репертуарный дебют гроссмейстера В. Ульмана — верного рыцаря французской защиты (правда, во время моего финального матча претендентов выяснилось, что есть и еще один ярый приверженец этой защиты).

2.	d2—d4	d7—d5
3.	Kb1—d2	c7—c5

Именно это разветвление варианта часто встречалось и в моих партиях (белыми), и в партиях Ульмана (черными), очевидно, оба мы еще дома готовили друг другу сюрпризы.

4.	e4:d5	e6:d5
5.	Kg1—f3	Kb8—c6
6.	Cf1—b5	Cf8—d6
7.	d4:c5	...

Маленькая хитрость. Если 7. 0—0, то 7... cd, и белые практически вынуждены продолжать 8. Kb3 и затем Kb:d4, потому что 8. K:d4 сопряжено с неясной жертвой пешки (8... C:h2+ 9. Kp:h2 Фh4+ 10. Kpg1 Ф:d4, как случилось во встрече Геллер — Ивков, 1970 г.). При продолжении в партии белые отнюдь не обязаны сразу же занимать поле d4 конем.

7.	...	Cd6:c5

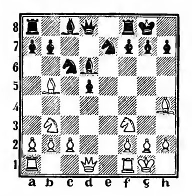
Мало перспектив в борьбе за уравнение сулит черным размен ферзей — 7... Фe7+ 8. Фe2.

8.	0—0	Kg8—e7
9.	Kd2—b3	Cc5—d6

Другим возможным продолжением является 9... Cb6 — это дважды случалось в моей практике, и оба раза мне удалось выиграть. На чемпионате РСФСР (Куйбышев, 1970 г.), впервые

встречаясь с гроссмейстером Н. Крогнусом (в первом же туре ответственного для меня турнира), я добился перевеса после 10. Ле1 0—0 11. Се3 Сg4 12. С : b6 Ф : b6 13. С : с6 К : с6 14. Ф : d5.

10. Сс1—g5 0—0
11. Сg5—h4 ...

Идея хода достаточно проста. Выгоды положения белых связаны с наличием у соперника изолированной ферзевой пешки «d». Чтобы использовать эту слабость, надо постараться упростить позицию, разменяв хотя бы часть легких фигур, и в первую очередь чернопольного слона, который «держит зону» вокруг пешки d5.

В партии Бронштейн — Фурман (1949 г.), где впервые был применен план с разменом чернопольных слонов, черные не почувствовали опасности и бесхитростно сыграли 11... Фс7, что облегчило белым задачу.

11. ... Сс8—g4

Ульман же в этой партии стремится активно бороться за центральные поля, используя связку коня f3.

12. Сb5—е2 Сg4—h5
13. Лf1—е1 Фd8—b6
14. Кf3—d4 ...

Освободив коня е7 от связки, черные намеревались направить его на охоту за слоном h4, ввиду чего необходимо контролировать пункт f5.

14. ... Сh5—g6
15. с2—с3 Лf8—е8
16. Се2—f1 Сg6—е4

Здесь слон занимает не очень прочную позицию (f2—f3), но поле g6 нужно коню е7 для переброски в центр. Стандартное 16... Лad8 снова создавало связку по диагонали h4—d8.

17. Сh4—g3 Сd6 : g3
18. h2 : g3 а7—а5

Вероятно, Ульман недооценил грядущих опасностей, иначе он ограничился бы простым 18... Лad8.

19. а2—а4! Кс6 : d4
20. Кb3 : d4! ...

В этом все дело. Пешка b2 неприкосновенна. Нельзя 20... Ф : b2 из-за 21. Кb5 сразу с двумя угрозами: очевидной «вилкой» — 22. Кс7 и менее заметным, но еще более страшным «капканом» — 22. Ле2!

20. ... Ке7—с6
21. Сf1—b5 Ле8—d8
22. g3—g4!! ...

Мне такие ходы доставляют наибольшее удовлетворение: белым удается заглянуть в будущее.

А в ближайшем будущем произойдет переход в тяжелофигурный эндшпиль с присутствием белопольных слонов. Подвижность черного слона ограничена собственной пешкой d5, теперь же и моя пешка g4 будет его стеснять. Могут возразить: но и вы же ставите пешку на поле цвета своего слона! Это действительно так, но мой слон «работает» по другим диагоналям.

22. ... Кс6 : d4

Техничнее было все-таки предварительное 22... Лас8.

23. Фd1 : d4 Фb6 : d4
24. с3 : d4 Ла8—с8
25. f2—f3 Се4—g6

Вот и первые последствия хода 22. g4. Слон вынужден занять наблюдательный пункт g6 вместо настоящего рабочего места на f5.

26. Ле1—е7 b7—b6

По-видимому, пора уже было решаться на активные действия, связанные с 26... Лс2. Однако немецкий гроссмейстер все еще пытается держать пассивную оборону.

27. Ла1—е1 h7—h6
28. Ле7—b7 Лd8—d6

Здесь же на 28... Лс2 очень неприятно для черных 29. Ле2 Л : е2 30. С : е2 Лd6 31. Сb5 с последующим выдвижением в центр белого короля, что позволит достичь доминации при ограниченном материале.

29. Ле1—е7 h6—h5

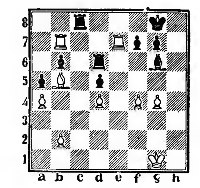
Теперь уже после 29... Лс2 приятно посчитать следующие весьма пикантные варианты: 30. Лb8+ Крh7 31. Лее8 Лс1+ (иначе некуда уходить слоном g6) 32. Крh2 Сb1 33. f4 Се4 (33... f5 34. Лh8+ Крg6 35. Лbf8! или 33... g6 34. g5!) 34. f5 g6 (34... g5 35. Лh8+ Крg7 36. Лbg8+ Крf6 37. Л : h6+ Кре7 38. Ле8×) 35. f6 g5 36. Лeg8! Л : f6 37. Лh8+ Крg7 38. Лbg8×. Избежать этих «красот» черные могут лишь путем 33... Крg6, что вынуждало бы и меня действовать более прозаически...

30. g4 : h5 Сg6 : h5
31. g2—g4 ...

На место павших встают новые бойцы.

31. ... Сh5—g6
32. f3—f4 ...

Казалось бы, белые подвергают своего короля лишним опасностям. Однако я учел, что черная ладья d6 не успевает войти в игру, в то время как хозяйничающие на седьмой горизонтали обе ладьи белых успевают провести матовую атаку.

32. ... Лc8—c1+
33. Kpg1—f2 Лc1—c2+
34. Kpf2—e3 Cg6—e4

Безнадежно и 34... Ле6+ 35. Л:e6 fe 36. Л:b6.

35. Лe7:f7 Лd6—g6

Приходится защищать пункт g7. В дальнейшем белым удается задержать эту ладью на шестой горизонтали, заставляя ее курсировать по ограниченному маршруту.

36. g4—g5 Kpg8—h7
37. Лf7—e7 Лc2:b2
38. Cb5—e8 Лb2—b3+
39. Kpe3—e2 Лb3—b2+
40. Kpe2—e1 Лg6—d6

Одной ладьей черные не могут создать никаких угроз, и король легко уходит от шахов после 40... Лb1+ 41. Kpd2 Лb2+ 42. Kpc3 Лc2+ 43. Kpb3.

41. Лe7:g7+ Kph7—h8
42. Лg7—e7.

Черные сдались.

МАТЧ ПРЕТЕНДЕНТОВ

(четвертьфинал)

Москва. 1974

(6-я партия)

КАРПОВ — ПОЛУГАЕВСКИЙ

Сицилианская защита

1. e2—e4 c7—c5
2. Kg1—f3 d7—d6
3. d2—d4 c5:d4
4. Kf3:d4 Kg8—f6
5. Kb1—c3 a7—a6
6. Cf1—e2 e7—e5
7. Kd4—b3 Cf8—e7
8. 0—0 Cc8—e6
9. f2—f4 Фd8—c7
10. a2—a4 Kb8—d7
11. Kpg1—h1 0—0

Этот вариант сицилианской защиты возникал каждый раз, когда Л. Полугаевский играл черными. При подготовке с матчу мы с моим тренером гроссмейстером С. Фурманом считались с такой возможностью и наметили наиболее целесообразную расстановку сил.

Обычное продолжение здесь — 12. f5. В 1971 году мне удалось выиграть этим вариантом у Д. Бронштейна. Так я играл и позже на межзональном турнире в Ленинграде против Р. Бирна, правда, успеха не добился.

12. Cc1—e3 ...

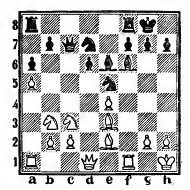
Идея не нова. «На высоком уровне» она обрела второе дыхание после партии Геллер — Ивков (1973 г.).

Белые сохраняют напряжение в центре, пока не определяя своих намерений.

12. ... e5:f4
13. Лf1:f4 Kd7—e5
14. a4—a5 ...

В четвертой партии матча я сыграл слабее — 14. Kd4, и после 14... Лad8 черные получили хорошую игру.

14. ... Kf6—d7
15. Лf4—f1 Ce7—f6

16. Кс3—d5 Се6 : d5
17. Фd1 : d5!? ...

Здесь я должен кое-что пояснить. Некоторые шахматные комментаторы иногда упрекают меня в сухости, рациональности, расчетливости. Да, я практичен, и игра моя во многом основана на технике. Я стараюсь играть в «правильные» шахматы и никогда не рискую так, как, скажем, Б. Ларсен. Белыми, как и все, стремлюсь к преимуществу с первых же ходов, ну а черными пытаюсь сначала уравнять позицию.

Но из нескольких возможных решений я выбираю отнюдь не самое простое, а самое целесообразное. Если имеется несколько равноценных продолжений, то выбор во многом зависит от моих соперников. Например, с М. Талем я предпочитаю идти на простые позиции, не соответствующие его творческим вкусам, а с Т. Петросяном пытаюсь затеять игру посложнее. Но если я вижу единственно правильный путь, то, кто бы против меня ни играл, я иду только по этому пути. Впрочем, я чувствую, что в последнее время мой стиль претерпевает некоторые изменения.

Возвратимся к партии. Жертва двух пешек, которую я предложил Полугаевскому, прежде мне бы, наверное, не пришла в голову. Все думали, что это домашняя заготовка. Но, видит бог, это чистейшая импровизация за доской. Мне и сейчас кажется «страшным» мое решение. Можно было играть спокойно — 17. ed, но тогда после 17... Кс4 18. С : с4 Ф : с4 о дебютном преимуществе белым остается только мечтать.

17. ... Фс7 : с2

Больше часа провел Полугаевский в сомнениях: брать или не брать? Ведь он мог считать, что если я пожертвовал, то, значит, дома все до конца проанализировано, а с другой стороны, никак не мог найти этот свой форсированный проигрыш и поэтому искал его снова и снова. В случае отказа принять жертву черные оказывались под тяжелым позиционным прессом.

18. Кb3—d4 Фс2 : b2

Как говорится: «Семь бед — один ответ!»

Попытка ограничиться «малым» (даже если бы черные и захотели так поступить) приводила к положению с материальным равенством и с заметным позиционным перевесом у белых. Например: 18... Фс5 19. Кf5! Ф : d5 20. ed, и черная пешка d6 гибнет.

19. Ла1—b1 Фb2—с3

Хуже 19... Фа3 — черный ферзь оказывался иа краю доски вие игры.

20. Kd4—f5 ...

Цель хода — защитить слоиа и ие допустить ферзя иа поле с5, что могло произойти в варианте 20. Лb3 Фс5 21. Kf5 Ф : d5 22. ed Кс5, и чериые защищаются.

20. ... Фс3—c2!

Полугаевский великолепио маневрирует. Это лучший ход.

В случае промедлеиия белые иалаживали взаимодействие фигур: 21. Cd4 Фd2 22. Лb2 либо 21. Лfc1 Фа3 22. Ла1 Фb2 23. Ла2 Фb4 24. Cd2! с поимкой ферзя. Ходом в партии чериые мешают этому.

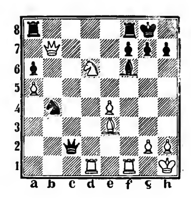
21. Лb1—e1 ...

Неточиость. После 21. Лfe1 белые получали большой перевес. Теперь же у чериых иаходится защита.

21.	...	Kd7—c5
22.	Kf5 : d6	Кс5—d3
23.	Ce2 : d3	Ke5 : d3
24.	Лe1—d1	Kd3—b4

В этом существеииая разница. Если бы на 21-м ходу я пошел Лfe1, то сейчас белые ладьи стояли бы на b1 и d1. Следовательио, чериые имели бы только две возможности: 1) 24... Kf2+ 25. С : f2 Ф : f2 26. е5 Се7 27. Лf1 или 2) 24... Ке5 25. К : b7 — в обоих случаях с иинциативой у белых.

25. Фd5 : b7 ...

У меия ие хватало сиачала двух, а затем одиой пешки, и, быть может, поэтому сиачала я подсозиательио стремился к ликвидации «материальиой иедостачи». А между тем 25. Фh5 создавало угрозу 26. Л : f6 gf 27. Фg4+ Kph8 28. Ch6, отразить которую было бы непросто (25... g6 26. Фс5).

25.	...	Лa8—b8
26.	Фb7—a7	Фc2—c6

Решающая ошибка. Нехорошо и 26... Кс6 27. Фс7 Кb4 28. Ф : с2 К : с2 29. Cb6 с перевесом у белых. Но 26... Фе2 давало чериым определеииую контригру, хотя и здесь после 27. Cb6 преимущество на стороие белых.

27. Ce3—f4 ...

Позже я узиал, что Фурман в этот момеит доказывал в пресс-бюро: к победе белых ведет жертва качества — 27. Л : f6! gf 28. Ch6 (угрожая 29. Фе3; иа 28... Kd3 последует 29. С : f8, а на 28... Фс2—29. Лс1 Фd3 30. Фс5!). Вероятио, он был прав, но указан-

ный гроссмейстером путь к победе не является единственым. Праа-да, говорят, что тренер, когда я сыграл 27. Cf4 с угрозой 28. е5, умнротворенио заметил: «И так тоже хорошо». В самом деле, угроза е4—е5 сковывает действня черных, а конь на b4 иаходится вие игры.

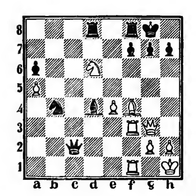
27. ... Лb8—a8

Защищаясь от 28. е5.

28. Фа7—f2 Лa8—d8
29. Фf2—g3! ...

Угроза сильиее ее нсполнения! Парадоксально, но часто имеиио так н бывает. Белые не торопятся с продвиженнем е4—е5 и иаращивают давление.

29. ... Фc6—c3
30. Лf1—f3 Фc3—c2
31. Лd1—f1 Cf6—d4

Иначе c4—e5 с решающей атакой. Впрочем, наступление уже не остановить.

32. Cf4—h6 ...

Прицельный огонь направлеи теперь одноаременио иа два пункта — f7 и g7.

32. ... Kb4—c6

В надежде осложинть игру после 33. К : f7 Фc4!

33. Kd6—f5! Фc2—b2

Любопытио закаичнвалась партия в случае 33... Се5 34. С : g7 С : g3 35. Л : g3, и чериым ие избежать мата.

34. Ch6—c1! ...

Белые с темпом освобождают поле h6 для коия. Защиты уже иет.

34. ... Фb2—b5
35. Kf5—h6+ Kpg8—h8
36. Kh6 : f7+ Лf8 : f7

На 36... Kpg8 черные получали мат: 37. Kh6+ Kph8 38. Л : f8+.

37. Лf3 : f7 Cd4—f6
38. Фg3—f2 Kph8—g8
39. Лf7 : f6 g7 : f6
40. Фf2 : f6.

Черные сдались.

МАТЧ ПРЕТЕНДЕНТОВ
(полуфинал)
Ленинград. 1974
(9-я партия)

КАРПОВ СПАССКИЙ

Сицилианская защита

Первую партию матча я начал своим любимым ходом 1. е2—е4 и проиграл. Тому было дае причины: прекрасная игра Спасского и мое недомогание а этот день. За-

тем я взял «творческий перерыв» и начинал последующие «белые» партии только ходом 1. d4. И вот наконец возвращение к пройденному.

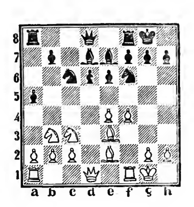
1.	e2—e4	c7—c5
2.	Kg1—f3	e7—e6
3.	d2—d4	c5 : d4
4.	Kf3 : d4	Kg8—f6
5.	Kb1—c3	d7—d6
6.	Cf1—e2	Cf8—e7
7.	0—0	0—0
8.	f2—f4	Kb8—c6
9.	Cc1—e3	...

Тут вторично (в первый раз — после первого хода) Спасский задумался: повторять или не повторять?

9. ... Cc8—d7

В первой партии матча экс-чемпион мира применил сравнительно новое продолжение 9... e5. Теперь он решил не проявлять любопытства — что, в свою очередь, подготовил его соперник? — и сыграл, как принято играть в шевенингенском варианте.

10. Kd4—b3 a7—a5!?

Но, даже решив отказаться от варианта первой партии, мой соперник все-таки находился под впечатлением той своей победы. Вероятно, этим объясняется его последний, весьма нервный, что ли, ход. Дело в том, что такое же продолжение он применил и тогда, но здесь 10... a7—a5 невыгодно, потому что «навечно» отдает в распоряжение белых пункт b5, а взамен черные ничего не получают.

11. a2—a4 Kc6—b4
12. Ce2—f3 Cd7—c6

Конечно, не очень-то по душе черным допускать возвращение белого коня на d4, но еще более неприятно играть 12... e5, получая позицию из первой партии, с той существенной разницей, что черный слон пассивно стоит на d7, а не на e6.

13. Kb3—d4 g7—g6

Для того чтобы провести e6—e5, приходится уже ослаблять позицию короля, иначе конь d4 прыгнет на f5.

14. Лf1—f2 e6—e5
15. Kd5 : c6 ...

Наверно, перевес белые сохраняли и в случае 15. Kdb5.

15. ... b7 : c6
16. f4 : e5 d6 : e5
17. Фd1—f1! ...

Борьба разгорается вокруг пункта c4, который белые рассчитывают занять одной из своих фигур. Если бы черные сумели воспрепятствовать этому, их дела были бы совсем не плохи. Не име-

ло смысла уводить ладью с линии «f» (17. Лd2), так как еще неизвестно, по какой вертикали надо будет проявлять активность.

17. ... Фd8—c8
18 h2—h3 ...

Естественно, не следует допускать размен коня на слона (18... Kg4).

18. ... Kf6—d7

В случае 18... Фе6 белые имели две возможности развития инициативы: либо 19. Лc1 Лfd8 20. Ce2 Лd4 21. b3 (устанавливая слона на поле c4), либо 19. g4 с дальнейшим g4—g5 и Cg4.

19. Cf3—g4 h7—h5

Очень уж ослабляется позиция черного короля. Следовало предпочесть простое 19... Фс7, уходя из-под связки и соединяя ладьи по восьмой горизонтали.

20. Cg4 : d7 Фc8 : d7
21. Фf1—c4 ...

Итак, ферзь прибыл-таки к месту своего назначения.

21. ... Ce7—h4

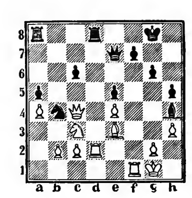
Неприятный эндшпиль ожидал черных после 21... Фе6 22. Ф : е6 fe 23. Лaf1.

22. Лf2—d2 Фd7—e7
23. Лa1—f1! ...

Меня не соблазнила перспектива выигрыша качества: после 23. Cc5 Фg5 24. Лd7 K : c2 25. C : f8 Л : f8 у черных активная контригра.

Одна линия «d» погоды не делает — поле d8 надежно прикрыто. Поэтому надо проявлять активность и на других направлениях.

23. ... Лf8—d8

24. Kc3—b1!

Хитрость этого хода в том, что удалось выбрать самый удобный момент для переброски коня на более активную позицию (особенно быстро это может произойти, если черные разменяют ладьи).

24. ... Фe7—b7
25. Kpg1—h2! ...

Редкий случай, когда подвижность слона соперника в миттельшпиле ограничивает сам король.

25. ... Kpg8—g7
26. c2—c3 Kb4—a6

Пришло время попросить с насиженного места коня черных.

27. Лd2—e2! ...

А теперь менять ладьи белые уже не намерены: тяжелые фигуры пригодятся для атаки по линии «f». Попутно освобождается поле для перевода коня, а также

угрожает 28. g3 Cf6 29. Лef2 Лd6 30. Cg5.

27. ... Лd8—f8
28. Kb1—d2 Ch4—d8
29. Kd2—f3 f7—f6

Защищая пешку e5, черные одновремеиио пытаются прикрыть вертикаль «f». Но атака белых уже иеотразима.

30. Лe2—d2! ...

«Колебания» белой ладьи могут показаться алогнчными. Сначала оиа собралась заиять лииию «d», потом покииула ее, а теперь возвращается обратио и решающим (это главиое!) образом врывается по открытой лииии.

30. ... Cd8—e7

На 30... Kb8 сразу выигрывало 31. Kg5! Когда Спасскнй сделал свой ход, я даже как-то немиого растерялся. Сиачала мие казалось, что я выигрываю во всех вариаитах, а тут вдруг смотрю и выигрыша ие вижу... Но, к счастью, «затменне» длилось всего иесколько мгиовеиий.

31. Фc4—e6 Лa8—d8

Пронгрывает форсированно. Затяиуть сопротивлеиие можио было лишь путем 31... Kb8, как бы расставляя фигуры для иовой партии.

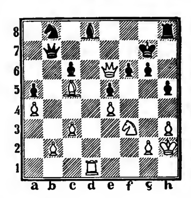
32. Лd2 : d8 Ce7 : d8

Если 33... Л : d8, то 34. K : e5 Фc7 35. Фf7+ Kph8 и хотя бы 36. Ф : e7 Ф : e5+ 37. Ф : e5 fe 38. Лf6.

33. Лf1—d1 ...

На доске материальиое равенство. Черный король вроде бы избежал иепосредствеииых угроз, ио позиция Спасского ухудшается с каждым ходом. Дело в том, что фигуры чериых разобщеиы н не могут прийти иа помощь друг другу. Сейчас, например, иельзя защитить седьмую горизоиталь (33... Лf7), потому что «висит» слон иа d8.

33. ... Ka6—b8
34. Ce3—c5 Лf8—h8

35. Лd1 : d8.

Чериые сдались.

После 35... Л : d8 белые выигрывают сразу — 36. Ce7!

МАТЧ ПРЕТЕНДЕНТОВ
(финал)

Москва. 1974

(2-я партия)

КАРПОВ КОРЧНОЙ

Сицилианская защнта

1. e2—e4 c7—c5
2. Kg1—f3 d7—d6

3.	d2—d4	c5 : d4
4.	Kf3 : d4	Kg8—f6
5.	Kb1—c3	g7—g6

Из крупных шахматистов вариант дракона в то время применял разве что один Корчной. В частности, дебют этот дважды встречался в его претендентском матче 1971 года с Геллером. Тогда Корчному удалось отстоять репутацию «дракона». Разумеется, и в 1974 году я не исключал вероятности применения им этого варианта.

6.	Cc1—e3	Cf8—g7
7.	f2—f3	Kb8—c6
8.	Фd1—d2	0—0
9.	Cf1—c4	Cc8—d7
10.	h2—h4	Лa8—c8
11.	Cc4—b3	Kc6—e5
12.	0—0—0	...

Возможно и немедленное 12. h4—h5.

12.	...	Ke5—c4
13.	Cb3 : c4	Лc8 : c4
14.	h4—h5	Kf6 : h5
15.	g2—g4	Kh5—f6

Вот позиция, которая встретилась в четвертой партии упомянутого матча Геллер — Корчной (там последовало: 16. Ch6 K : e4 17. Фe3 Л : c3 18. bc Kf6 19. C : g7 Кр : g7 20. Лh2 Фa5? 21. Kb3 Ф : a2 22. Ф : e7 с перевесом у белых).

16. Kd4—e2! ...

Попытку подкрепить этот ход вариантами сделал Е. Чумак, шахматист из города Днепропетровска, который опубликовал в 1972 году статью на эту тему.

Логически обосновать отступление коня из центра можно примерно так. Пункт c3 — важнейшая точка в расположении белых фигур, на которой черные сосредоточивают свои удары. Часто здесь случается типовая жертва качества (Л : c3), и соперник получает сильную атаку (показательно, что после сдвоения белых пешек по линии «c» позиция черных так богата возможностями, что и без атаки, даже в эндшпиле, они удерживают равновесие — это великолепно демонстрировал в своих партиях безвременно ушедший из жизни выдающийся советский гроссмейстер Леонид Штейн). Таким образом, основная идея хода 16. Kde2 — укрепление пункта c3. Кроме того, конь с e2 может быть легко переброшен для прямой атаки неприятельского короля. Как читатель уже, конечно, заметил, оба соперника, не считаясь с материальными затратами, ведут свои наступления на противоположных флангах — так обычно и бывает в позициях с разносторонними рокировками.

Все эти общие соображения не должны затуманивать и конкретной угрозы, созданной сейчас белыми по линии «d», — 17. e5 и 18. g5.

16.	...	Фd8—a5
17.	Ce3—h6	...

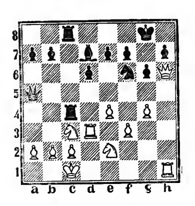
Типовой прием. Для успешного развития атаки белым нужно обязательно разменять слона g7 —

единственного защнтника черных полей вокруг своего короля; к тому же этот слон, как дальнобойное орудне, может прн случае по диагоналн h8—a1 открыть огонь по ферзевому флангу белых. Гроссмейстер Владнмнр Снмагин, щедро одаренный богатой творческой фантазией, в сходных познциях изобрел даже тематическую жертву качества за черных (Cg7—h8), лишь бы сохранить своего любнмца от размена.

17. ... Cg7 : h6

17... Лfc8 18. C : g7 Kp : g7 19. Фh6+ Kpg8 приводило к перестановке ходов.

18. Фd2 : h6 Лf8—c8
19. Лd1—d3! ...

До сих пор оба соперника нграли почти молниеносно. И вот я сделал заранее заготовленный ход. Корчной погрузился в длительные размышления. И впрямь ему есть над чем подумать... «Теоретическое» продолжение 19. Лd5, как было установлено, нигде не приносит реальных выгод. Напрнмер: 19... Фd8 20. g5 Kh5 21. Kg3 Фf8! 22. Ф : f8+ Л : f8! (считалось ранее, что надо бнть королем, н тогда познцня белых получше) 23. K : h5 gh 24. Л : h5 f5!, н чуть прнятнее уже у черных. Илн 20. e5 de 21. g5 Kh5 22. Kg3 Фf8 23. Л : h5 (23. K : h5 Ф : h6 24. gh Cc6!) 23... gh 24. Л : d7 Ф : h6 25. gh, н отдаленная проходная черных по линни «h» дает им хорошие контршансы.

Новннка 19. Лd3!, нзбыточно укрепляя пункт c3, одновременно в ряде вариантов освобождает коня e2 для атакн. Еслн без этого хода белые попыталнсь бы сразу устремиться вперед — 19. g5 Kh5 20. Kg3, то их ожидал неприятный контрудар 20... Л : c3; теперь это нестрашно.

19. ... Лc4—c5

Когда прн подготовке к матчу мы анализировали 19. Лd3, то пришли к выводу, что наилучшнм возражением на него является 19... Л8c5. Не исключено, что за партией после 36-минутного обдумывания Корчной тоже пришел к выводу: необходимо во что бы то ни стало обезопаснть себя от постоянно грозящих выпадов белых пешек — e4—e5 н g4—g5. Полагаю все-таки, что лучшим практическим шансом для черных было предложенное Ботвинником отступление 19... Фd8. Теперь же, затратив 18 минут на поиски опровержения 19... Л4c5, я нашел красивую форсированную комбинацию.

20. g4—g5 ...

Кони c3 и f6 защищают своих королей, потому-то именно они и подвергаются самым большим опасностям (уход черного коня с f6 почти сразу повлечет вторжение белых на d5).

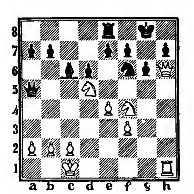
20. ... Лc5 : g5
21. Лd3—d5! ...

Понятно, не 21. Kd5—21. . . Л : d5!, и главный защитник черных — конь остается «в живых».

21. ... Лg5 : d5
22. Kc3 : d5 Лc8—e8

Здесь уже 22... Фd8 не годится: 23. Kef4 Фf8 24. K : f6+, 25. Ф : h7×. Если же 22... Kh5, то 23. K : e7+ Kph8 24. K : c8.

23. Ke2—f4 Cd7—c6

Обязательно надо взять на прицел пункт d5, иначе последует K : f6+ и Kd5 с матом. На 23... Ce6 я приготовился к 24. K : e6 fe 25. K : f6+ ef 26. Ф : h7+ Kpf8 27. Ф : b7 Фg5+ 28. Kpb1 Лe7 29. Фb8+ Лe8 30. Ф : a7 (но никак не 30. Лh8+?? Kpg7!, и выигрывают уже черные, которые грозят 31... Фg1×) 30... Лe7 31. Фb8+ Лe8 32. Ф : d6+ своеобразная, редко встречающаяся «мельница»!

24. e4—e5! ...

Перерезая все ту же пятую горизонталь. От обилия эффектных возможностей могут разбежаться глаза, а между тем только это продолжение является решающим. Не выигрывало прямолинейное 24. K : f6+ ef 25. Kh5 Фg5+ (в этом-то все дело!) 26. Ф : g5 fg 27. Kf6+ Kpg7 28. K : e8+ C : e8.

24. ... Cc6 : d5

После 24... de 25. K : f6+ ef 26. Kh5 мат неизбежен.

25. e5 : f6 e7 : f6

В таких позициях главное — выдержка! Хочется, конечно, побыстрее сделать красивый ход. Еще не поздно было проиграть партию: на 26. Kh5 (чтобы на 26... gh сыграть 27. Лg1+ и 28. Фg7×) следовало отрезвляющее 26... Лe1+.

26. Фh6 : h7+ Kpg8—f8
27. Фh7—h8+.

Черные сдались.

Если 27... Kpe7, то 28. K : d5+ Ф : d5 29. Лe1+.

Милан. 1975

КАРПОВ ГЛИГОРИЧ

Испанская партия

1. e2—e4 e7—e5
2. Kg1—f3 Kb8—c6

3.	Cf1—b5	a7—a6
4.	Cb5—a4	Kg8—f6
5.	0—0	Cf8—e7
6.	Лf1—e1	b7—b5
7.	Ca4—b3	0—0
8.	c2—c3	d7—d6
9.	h2—h3	Kc6—b8

Так уж получается, что все «белые» партии, которые мы играем с С. Глигоричем, превращаются в «испанскую дуэль». И каждый раз югославский гроссмейстер избирает вариант, начинающийся этим ходом. Обращает на себя внимание тот факт, что замечательный шахматист, легенда югославских шахмат, неоднократный претендент на звание чемпиона мира, имеет черными самый узкий дебютный репертуар из всех играющих ныне, а может быть, и игравших ранее ведущих гроссмейстеров мира. В ответ на 1. e4 вот уже много лет он разыгрывает только испанскую партию, а на 1. d4 постоянно применяет староиндийскую защиту.

10. d2—d4 ...

В первой партии, сыгранной между нами в Сан-Антонио в 1972 году, я избрал скромное 10. d2—d3. На межзональном турнире в Ленинграде я «сменил пластинку» и пошел 10. d2—d4. В обеих партиях мне сопутствовал успех. Затем мы сыграли вничью на международном турнире в Портороже в 1975 году (кстати, Глигорич превосходно провел весь тот турнир и занял в нем второе место). Сейчас мой соперник, по-видимому, не прочь повторить вариант. Что ж, в таком случае наши намерения совпадают.

10.	...	Kb8—d7
11.	Kb1—d2	Cc8—b7
12.	Cb3—c2	Лf8—e8
13.	Kd2—f1	Cc7—f8
14.	Kf1—g3	g7—g6
15.	a2—a4	c7—c5
16.	d4—d5	Kd7—b6

Все сходится. Так было и в Портороже. Там я продолжал 17. Kd2 и ничего существенного по дебюту не получил. Партия быстро закончилась вничью. Тогда же во время партии я нашел интересную идею — 17. Фe2, но решил приберечь ее для следующего, более важного в спортивном отношении случая. Чего греха таить, так поступают многие шахматисты. В Портороже я к моменту встречи с Глигоричем почти обеспечил себе первое место и к выигрышу не стремился. В Милане же мы встретились в момент самой ожесточенной борьбы за одно из четырех первых счастливых мест, позволявших в дальнейшем оспаривать общую победу в турнире.

17. Фd1—e2! ...

Новинка! И весьма обещающая. Что делать черным?

В случае 17... c5—c4 у белых есть очень простой план: Ce3 Kd2 с последующим сдвоением ладей по линии «a». Черным же очень трудно будет перегруппировать силы для встречной игры на ферзевом фланге, поскольку без размена ba конь f6 не может занять поле d7 ввиду a4—a5, а размен

создает хронические слабостн иа ферзевом флаиге.

Защнта же пешкн путем 17... Фd7 снимает удар с поля а5, и тогда после 18. а5 коию придется идтн уже ие на с4, а иа с8.

О продвижеиин 17... b5—b4 говорить не приходится. Остается не очень приятиое, но, пожалуй, едннственное...

17. ...	**Kb6 : a4**
18. Cc2 : a4	**b5 : a4**
19. Лa1 : a4	**...**

Подводя итоги дебютиого сражеиия, необходимо отметить следующее: белые прочно захватнли центр, и пешка d5 в случае подрыва f7—f5 может быть подкреплена продвижеиием c3—c4; в лагере черных появился островок — пешка а6 и как следствие — слабые поля а5, с4, которые с успехом могут быть оккупнрованы коием (Kf3—d2—c4—a5). Правда, у черных два слона, но в даииой позицин это скорее недостаток, нежели преимущество. Чериопольный слои упирается «по-старонидийски» в собственные пешкн, и в отличие от упомянутого дебюта ввестн его в действне гораздо сложнее. Белопольный слон черным очень иужеи, но более для защиты слабых пешек и полей, чем для активиых действий, которые ограиичиваются мощным центральным клииом белых пешек.

В ближайшие планы белых входит сдвоеиие ладей по полуоткрытой лииин «а», перевод коня иа с4 и, возможно, подрыв снльно укрепленного пуикта с5 путем b2—b4. Черным необходимо перестроиться и, оказывая давленне по полуоткрытой лииии «b», попытаться осуществить продвижеиие пешки «а» либо программное f7—f5.

В 1977 году иа комаидиом чемпиоиате Европы мною была сыграна еще одна партия иа эту тему с чехословацким гроссмейстером Я. Смейкалом. События развивались так: 19. Л : a4 Cc8 20. b3 Лb8 21. Лa3 Лe7 22. c4 Лeb7 23. Фc2 с иекоторым преимуществом у белых.

19. ... Cf8—g7

Этот профилактический ход в настоящей позиции является потерей темпа. Следовало сразу же заняться своими делами на ферзевом флаиге и в первую очередь отвестн слона с лннии «b» — 19... Cc8!?

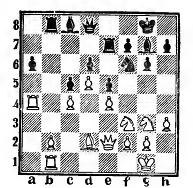
20. c3—c4 ...

Черные упустили время, поэтому белые успевают заблокировать пешку а6, а прорыв b2—b4 в дальнейшем создаст им пешечный перевес в центре и обнажит слабость черных на d6.

20. ...	**Cb7—c8**
21. Cc1—d2	**Лa8—b8**
22. Лe1—b1	**...**

Пока белые не успели подвести коня, b2—b4 преждевременно. Другая защита пешки «b» — 22. Cc3 давала хоть какую-то свободу слону черных после 22... Ch6.

22. ... Лe8—e7

Сейчас черные на правильном пути. Седьмая горизонталь является прекрасной базой для ладьи. Отсюда она может быть быстро переброшена с одного фланга на другой.

23. Kf3—e1 ...

Пожалуй, неточность. Следовало сыграть 23. b2—b3 и защищать пешку на этом поле либо ферзем, либо ладьей a4. В варианте, избранном мной, черным удается заблокировать пешку b2, а выкурить ладью оказалось делом не таким простым, как мне думалось поначалу. С этого момента я потерял нить, и положение постепенно начинает выравниваться.

23. ... Лe7—b7
24. Ke1—d3 Лb7—b3
25. Лb1—a1 ...

Незащищенная ладья по линии «b» мешала перестройке фигур белых. Сейчас я намеревался либо разменять одну ладью (что очень полезно для проведения прорыва b2—b4), либо выжить ладью с b3. К сожалению, план требует значительного времени, и черные успевают создать контругрозы на королевском фланге.

25. ... Kf6—e8

С явным намерением пойти f7—f5.

26. Cd2—c3 Фd8—h4

Угрожало 27. Kc1, и у ладьи нет поля для отступления. Поэтому не проходило немедленное f7—f5. Черные отвели ферзя с диагонали a5—d8 и одновременно взяли на прицел пешку e4. Пассивнее выглядело 26... Фe7.

27. Лa4—a3 f7—f5
28. Cc3—e1! ...

Размен никуда не уйдет. А слон становится в засаду! Противостояние ферзя и слона по одной диагонали делает возможным удар f2—f4, поэтому ферзю приходится ретироваться.

28. ... Фh4—e7

Продолжение 28... f5—f4 закупоривало королевский фланг и развязывало руки белым в борьбе на противоположном фланге. Черные запаздывали с пешечным наступлением.

29. Лa3 : b3 Лb8 : b3
30. Kd3—c1 Лb3—b8
31. Kc1—d3 ...

Убедившись в том, что без помощи коня провести b2—b4 весьма трудно, белые возвращают его на исходную позицию. Ответ черных представляется единственным ввиду созданной угрозы.

31. ... Лb8—b3
32. f2—f3 ...

Что делать, ладью придется вытеснять другим способом, а пока — общеукрепляющее профилактическое движение пешки. Одновременно навсегда снята угроза прорыва пешки «f», что могло случиться при 32. Фc2 Лb8 33. b4 cb 34. С:b4 f4 35. Кf1 f3!

32. ... Фe7—g5

Активизация слона — 32... Сh6 не мешала проведению стратегического замысла белых. Конь на g3 — единственная фигура, стоящая в стороне от борьбы за пространство на ферзевом фланге. В мои планы входила немедленная переброска его через f1 на d2. В этом случае опасно отдавать слона h6 за коня ввиду приоткрытого положения черного короля и слабости пешечного клина c5, d6, e5, что создавало предпосылки для жертвы фигуры на c5 либо e5 (при отсутствии слона).

Ферзь вышел на активную позицию и придерживает слона e1, связанного защитой коня g3, и самого коня — 33. Кf1? fe 34. fe С:h3. С другой стороны, ладье b3 необходима поддержка, и в этой связи заслуживало большого внимания 32... Кf6, что также препятствовало 33. Кf1? — 33... fe 34. fe К:e4 35. Ф:e4 Сf5.

33. Крg1—h2 ...

Король выполнил сразу две задачи: во-первых, защитил коня, а во-вторых, ушел из-под связки. Ход 34. Фc2 стал неизбежен, и Глигорич пытается найти контригру на королевском фланге.

33. ... Кe8—f6
34. Фe2—c2 Лb3—b8

35. b2—b4 ...

Наконец-то белые осуществили долгожданный подрыв и грозят разнести позицию черных в центре. Но черные, проиграв общее стратегическое сражение, в свою очередь, все же успели организовать активные действия непосредственно против короля. Поэтому наступает новый этап борьбы — чисто тактический.

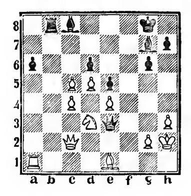
35. ... f5:e4

После размена 35... cb 36. С:b4 позиция черных разваливалась.

36. Кg3:e4 ...

Белым выгодно разменять одну атакующую фигуру черных, тем более такого опасного коня.

36. ... Кf6:e4
37. f3:e4 Фg5—e3
38. b4:c5 ...

Дает черным практические шансы. Форсированно белые достигали солидного перевеса путем

38. Cf2 Ф : e4 39. Лe1 Фf5 40. g4 Фf3 41. Лe3 и 42. bc.

38. ... Фe3 : e4

Единственное. Коиечио, плохо 38... dc ввиду 39. Cf2 Ф : e4 40. ЛeI Фf5 41. g4 и т. д.

39. c5 : d6 Cc8—f5
40. Лa1—a3 Лb8—c8
41. Лa3—c3 Cg7—f8
42. Ce1—f2 ...

После 42. c5 Ф : d5 (коиечно, не 42... C : d6? 43. cd Л : c3 44. Ф : c3 Ф : d3 45. Ф : d3 C : d3 46. d7 и d8Ф) пешки белых заблокированы, и продвинуть их очень трудно ввиду отсутствия белопольного слона. Поэтому иа c4 н d5 пешкн стоят лучше, хотя оин и иаходятся дальше от поля превращения. Заслужнвало внимания также 42. g4!?

42. ... Cf8 : d6
43. Фc2—a2? ...

Утомленный длительной и напряженной нгрой, я допускаю ошибку, которая могла свести на нет все предыдущие усилия. Да, это шахматы! Отлично проведенная партия, множество интересных ндей, а затем однн неосторожный ход и... незакономерный результат, по которому многие потом будут делать опрометчивые выводы.

Правильно было 43. c5!, теперь проигрывало 43... Ф : d5 (еще хуже 43... C : c5 44. C : c5 Ф : d5 45. Kb4!) 44. cd Л : c3 45. Ф : c3 C : d3 46. Фc8 + Kpg7 47. Фc7 +! Kph6 48. Ce3 +. А после 43... Cf8 44. Фa2 получалась позиция с теми же идеями, что и в партии, но с перестановкой ходов. Уставший Глигорич также не воспользовался подвернувшимся шансом и сыграл

43. ... a6 — a5

В распоряжении черных был прекрасный тактический удар 43... Фd4! 44. C : d4 ed+ 45. g3 (отступление короля давало черным возможность в отдельных случаях создать матовые угрозы) 45... dc, и белые вынуждены форсировать ничью: 46. Ф : a6 c2 47. Ф : d6 C : d3 48. Фe6 + Kpg7 49. Фe7 + Kpg8 50. Фe6 + и т. д., так как опасно 46. KcI ввиду 46... Лb8!

44. c4—c5 Cf5—d7
45. Лc3—a3 Cd7—b5

Не лучше и отступление слона d6. На ход в партии следует изящная заключительная комбинация.

46. c5 : d6 Cb5 : d3
47. d6—d7 Лc8—d8
48. Лa3 : d3! Фf5 : d3
49. d5—d6+ Kpg8—h8
50. Фa2 : a5.

Черные сдались.

Манила. 1976

ЛЮБОЕВИЧ КАРПОВ

Испанская партия

1. e2—e4 e7—e5
2. Kg1—f3 Kb8—c6
3. Cf1—b5 a7—a6
4. Cb5—a4 Kg8—f6
5. 0—0 Cf8—e7
6. Лf1—e1 b7—b5

7. Ca4—b3 d7—d6
8. c2—c3 0—0
9. h2—h3 Kc6—b8
10. d2—d4 Kb8—d7
11. Kb1—d2 Cc8—b7
12. Cb3 c2 Лf8—e8
13. b2—b4 Ce7—f8
14. a2—a4 ...

Испанская партня — однн нз самых старых, но до снх пор постоянно прнменяемых н полностью сохраннвшнх свою привлекательность дебютов. Некоторые ее варнанты нзучены досконально, отдельные требуют доработкн и практнческой проверки. Должен сказать, что заблуждаются те шахматисты. которые счнтают, что нспанская партня не заслужнвает более вннмання, что она нсхожена вдоль н поперек многнмн поколеннямн шахматнстов н что найтн новое в ней уже невозможно. Еще более ошнбаются те, кто думает, что, прочитав и вызубрнв варнанты, прнведенные в кннгах, можно с успехом прнменять нх в турннрных партнях. Гроссмейстеры очень серьезно подходят к нзучению этого сложного дебюта, н не случайно еще велнкнй Капабланка счнтал испанскую партню пробным камнем поннмання познцнонной нгры.

Л. Любоевич примеияет продолжение, вошедшее в практнку после матча Спасский — Фишер (Рейкьявик, 1972 г.).

14. ... Kd7—b6

Так было н в 10-й партии матча Фишер — Спасскнй. Прежде мне казалось, что снльнее 14... а6—а5, но после найдениого уснлення игры за белых — 15. ba Л : а5 16. Лb1 Са6 17. ab с последующнм 18. Cb3 — желанне защнщать позицню черных отпало само собой.

15. a4—a5 Kb6—d7
16. Cc1—b2 Лa8—b8

В упомянутой выше партнн было сыграно 16... Фb8.' Уснление найдено самим Спасскнм н было прнменено нм же после матча в партин с Планннцем (Амстердам, 1973 г.). Как то, так н другое продолженне направлено протнв прорыва белых в центре с3—˜4, дающего нм прекрасные конкретные возможностн.

17. Фd1—b1 ...

Новый ход, связанный с нзвестной ндеей давлення по днагоиалн а2—g8. Чаще встречалось 17. Лb1.

17. ... Kf6—h5!?

Ферзь ушел, н нсчезло косвенное нападенне на поле h5. Идея хода не только в стремленни занять конем важный стратегнческнй пункт f4. Черные подготовнлнсь также к контрудару в центре с7—с5, что сразу не годилось: 17... с5 18. bc dc 19. de K : e5 20. K : e5 Л : e5 21. c4 с явным перевесом.

18. c3—c4 ...

Борясь за ннн цнатнву, Любоевнч попадает в полосу затруднений. Актнвная нгра, завязывающаяся в цеитре, прн иалнчнн неприятного протнвостояния ферзя и ладьн по лннии «b» отнюдь не в пользу белых. Спокойнее 18. Kf1, хотя в этом случае для черных не страшно 18... с5 19. bc dc 20. de

(нли 20. К: e5 К: e5 21. de c4) ввиду 20... c4 с последующим 21... К: e5.

18. ... b5 : c4
19. Kd2 : c4 ...

После размеиа 19. de de под боем оказывалась пешка b4.

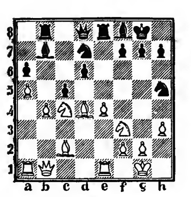
19. ... e5 : d4!

Имеино так! Лучшего момента затеять встречную нгру у черных ие будет.

20. Cb2 : d4 ...

Напрашнвающееся 20. К: d4 наталкнвалось на 20... Ke5! 21. Cb3 (конь e5 неприкосновеиен: 21. К: : e5 de н 22... С: b4) 21... Kf4 с многочисленнымн угрозамн нлн 21. Kd2 Cc8! с явной угрозой 22... Л: b4 и замаскнрованной 22... С: h3.

20. ... c7—c5

21. Cd4—e3 ...

Разумеется, невозможно 21. bc С: e4 с вынгрышем пешкн, а иа 21. Cc3 непрнятно простое 21... Cc6, но Любоевнч уже здесь задумал нитересную игру, которая, однако, встречает комбннационное возраженне.

21. ... c5 : b4

На прозаническое 21... Cc6 ферзь с темпом покидал лнннию «b» — 22. Фd1.

22. Kc4—b6 Kh5—f6

Поле f4 взято под контроль — пора возвращаться обратио. Сделанный ход кажется весьма простым. Однако найтн его за доской было довольно сложио. Лншь после длительного раздумья я пришел к выводу, что это «возвращенне» н есть самый целесообразный ход в данной познции.

23. Фb1 : b4 ...

Рискованно! А что делать?! Ведь лншияя пешка может остаться у черных навсегда.

23. ... d6—d5

23... С: e4 обеспечивало черным лншиюю пешку, но упускало большую часть познцнониого преимущества.

24. Фb4—b3 d5 : e4
25. Kf3—g5 ...

Конечно, прн выборе продолження Любоевнч рассчитывал варнанты на много ходов вперед, но мне удалось заглянуть чуть дальше.

25. ... Cb7—d5
26. Фb3—a4 Kd7 : b6

Иначе лншиюю пешку ие удержать. Напрнмер: 26... h6 27. К: d5 К: d5 28. К: e4 Лb4 29. Фa2 (забавио ловнтся ферзь белых в ва-

рианте 29. Фc6 Kb8! 30. Фa8 Kc7 31. Фa7 Kc6!).

27. Ce3 : b6 ...

В случае 27. ab ловился конь белых — 27... h6.

27. ... Фd8—e7!

Возможно, это явилось первой неожиданностью для белых. Ферзь добровольно встает на одну линию с белой ладьей. Но использовать это обстоятельство невозможно.

28. f2—f3 ...

Не отыграть пешку и в случае 28. С : е4 С : е4 29. К : е4 К : е4 30. f3 Л : b6! 31. ab Фc5+ 32. Kph1 Kf2+ 33. Kph2 Лb8.

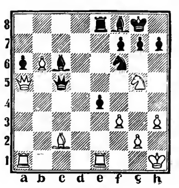
28. ... Лb8 : b6!

А жертва все-таки есть! Нелепо было бы полагать, что Любоевич не видел этого удара. Нет, не видел он чего-то дальше.

29. a5 : b6 Фe7—c5+
30. Kpg1—h1 Cd5—c6!

Несложный, но эффектный двойной удар — под боем ферзь и конь g5.

31. Фa4 — a5 ...

31. ... e4 : f3!

Вот и сюрприз! Разменяться ферзями нельзя — причина очевидна, но мне все же хочется привести матовый финал: 32. Ф : c5 Л : e1 + 33. Фg1 (33. Л : e1 fg + 34. Kph2 C : c5 с легким выигрышем) 33... fg+ 34. Kph2 Cd6X.

32. Kg5 : f3 Фc5 : c2
33. Фa5 : a6 ...

Лишь затягивало борьбу 33. Лac1 Л : e1+ 34. Ф : e1 Фa4.

33. ... Cc6 : f3
34. g2 : f3 Лe8 : e1+
35. Лa1 : e1 Kf6—h5!

С недвусмысленной угрозой 36... Kg3+ и 37... Cc5+. Конь также препятствует возвращению ферзя на защиту через поля е2 и f1. Ошибочно было 35... Фf2 36. Лf1 Фg3 37. Фc8! Kd5 38. b7 Ke3 39. Лg1 Ф : f3+ 40. Kph2 Фf2+ 41. Kph1, и только ничья.

36. Лe1—e8 ...

На 36. Лg1 выигрывало 36... Фc6, связывая пешку b6 и одновременно нападая на пешку f3.

36. ... Фc2—f2

Король белых заперт в углу, а вечного шаха у них нет. Далее уже все форсировано.

37. Лe8 : f8+ Kpg8 : f8
38. Фa6—a3+ Kpf8—e8
39. Фa3—a4+ Kpe8—e7
40. Фa4—b4+ Kpe7—f6
41. Фb4—d6+ Kpf6—g5
42. Фd6—e5+ Kpg5—h6

Белые сдались.

ПЕРВЕНСТВО СССР

(высшая лига)

Москва. 1976

КАРПОВ — ДОРФМАН

Сицилианская защита

1.	e2—e4	c7—c5
2.	Kg1—f3	d7—d6
3.	d2—d4	c5 : d4
4.	Kf3 : d4	Kg8—f6
5.	Kb1—c3	e7—e6
6.	g2—g4	...

В тех случаях, когда непременно нужна победа, обращаешься к этому острому варианту незабвенного Пауля Петровича Кереса. А я как раз встречался с одним из лидеров турнира...

6.	...	Cf8—e7
7.	g4—g5	Kf6—d7
8.	h2—h4	...

Многие играют 8. Лg1, но мне 8. h4 видится более решительным— все равно надо стремиться к быстрейшему пешечному зажиму королевского фланга черных.

8.	...	Kb8—c6
9.	Cc1—e3	a7—a6
10.	Фd1—e2!	...

Сильнее и уж во всяком случае интереснее, чем 10. Фd2, после чего черный конь, попадая на e5, постоянно угрожает прыгнуть на f3 или c4 (правда, после Ce2 эти опасные поля прикрываются, но то более спокойное, более позиционное продолжение). Теперь же ферзь становится на одну вертикаль с черным королем, что создает предпосылки для комбинационных выпадов Kc3—d5 или Kd4—f5. Хотя по линии «e» и расположилось много фигур, она, как правило, быстро расчищается.

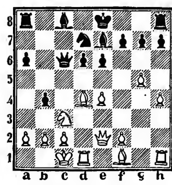
10.	...	Фd8—c7
11.	0—0—0	b7—b5

Черные провоцируют соперника на жертву, вроде бы не опасаясь ее последствий. Впрочем, иного способа развития фигур у них и не видно, поскольку, делая рокировку, они моментально попадали под пешечную атаку.

Здесь я надолго задумался, выбирая, в какой редакции лучше пожертвовать фигуру. Заманчиво выглядит 12. Kf5, и, конечно, плохо за черных 12... ef из-за 13. Kd5 Фd8 14. ef. Но промежуточное 12... b4! ведет к необозримым осложнениям — 13. Kd5 ed 14. ed Ke5! Можно было и подождать (12. f4), с тем чтобы партнер сам заставил меня отдать фигуру (12... b4 13. Kd5). И все же самым многообещающим показалось мне продолжение, избранное в партии.

12.	Kd4 : c6	Фc7 : c6
13.	Ce3—d4!	b5—b4

Защитить по-другому пешку g7 можно только ценой серьезного ослабления важнейшего пункта d5 (13... e5 14. Ce3).

14. Кc3—d5! e6 : d5

Сейчас грубой ошибкой было бы 15. ed?? — 15... Ф : d5 16. С : g7 Ф : h1 17. Лe1 Кe5 18. С : e5 de 19. Ф : e5. Кажется, что белые побеждают, ибо грозит и 20. Ф : : e7X, и 20. Сb5+, и 20. Ф : h8+, но... у черных ведь еще не использовано право рокировки, и они неожиданно выигрывают — 19... 0—0!

15. Сd4 : g7 Лh8—g8
16. e4 : d5 Фc6—c7
17. Сg7—f6 ...

В случае 17. Лe1 Кe5 18. С : e5 de 19. f4 ef нет хода 20. d6, а как раз наличие или отсутствие этого продвижения особенно влияет на принимаемые белыми решения.

17. ... Кd7—e5

Единственное, поскольку 17... Кb6 проигрывает после 18. Лe1 К : d5 19. Сg2, а 17... Кc5 — после 18. Лe1 Лa7 19. Сh3 С : h3 20. Л : h3, и белые завязывают черного слона e7 уже «тройным узлом» (сыграв еще Лh3—e3). В последнем варианте забавен кооперативный мат: 19... Крf8 20. С : c8 С : f6 21. Фe8+ Крg7 22. gf+ Крh8 23. Ф : g8+ Кр : g8 24. Лe8X.

18. Сf6 : e5 ...

Угрожало 18... Сg4, а потому не было времени на 18. f4.

18. ... d6 : e5
19. f2—f4 Сc8—f5

Не годится 19... e4 — 20. d6 С : : d6 21. Ф : e4+.

20. Сf1—h3 ...

Ход этот вызвал немало споров, так как продолжение 20. fe Лc8 21. Лh2 Сc5 22. Крb1, очевидно, к выгоде белых. Например: 22... Сg1 23. Сh3 (23. Лg2 Фc5) 23... С : h2 24. С : f5 Ф : e5 25. Ф:e5 С : e5 26. С : c8, хотя и тут еще предстояло бы преодолевать определенные трудности. Меня же беспокоило главным образом 21... Фa5, не хотелось играть окончание типа того, что получается после 22. Ф : a6 Ф : a6 23. С : a6 Лc5. Предвижу возражение, мол, не обязательно переходить в эндшпиль, ведь есть ход 22. Фf3 (на 21... Фa5) с нападением на слона f5 и выигрышем важного темпа. Но тогда борьба вспыхивала с новой силой: 22... b3! 23. Ф : b3 (вынуждено, ибо 23. Ф : f5 даже проигрывает — 23... ba 24. Ф : c8+ Сd8) 23... Лg6. Попутно замечу, что раньше 20... b3 не опасно для белых: 21. ab Фa5 22. Фf3 Фa1+ (или 22... Сb4 23. Крb1, и белый слон с решающим эффектом выходит

на c4, перекрывая все линии) 23. Крd2 Сh4+ 24. Кре2.

Я полагал, что добьюсь большего, сразу разменяв белопольных слонов.

20. ...	Сf5 : h3
21. Лh1 : h3	Ла8—с8
22. f4 : e5	...

Сыграв 22. b3, можно было бы отобрать у соперника поле c4 — трамплин для переброски черных фигур. В этом случае единственный ответ — 22... e4 (проигрывает 22... f6 из-за 23. gf С : f6 24. fe С : e5 25. Ле3 или 25. d6) все равно не позволял бы черным уравнять партию после 23. Ф : e4 Крf8 24. f5.

22. ...	Фс7—с4!

Маневр этот, органически связанный со всей последующей игрой черных, делает честь изобретательности И. Дорфмана.

23. Лd1—d3	Фс4—f4+!

Кроме этого шаха, необходимо было рассмотреть по меньшей мере еще две возможности:

I. 23... Л : g5 24. hg Ф : a2 25. d6 (обмен ударами — 25. Фg4 Лс4 26. Лd4 С : g5+! 27. Ф : g5 Л : d4 28. Фg8+ Кре7 29. Фg5+ Кре8 30. Фg8+ — приносит белым лишь ничью) 25... С : g5+ 26. Лhe3 Лс4 27. Фg2 (не проходит 27. e6— 27... Ле4! 28. d7+ Крd8 29. Фg2 С : e3+ 30. Л : e3 Фа1+ 31. Крd2 Лd4+ 32. Лd3 Л : d3+, и угрозы отражены. К тому же черные имеют вечный шах после 27... Фа1+ 28. Крd2 Ф : b2 29. d7+ Крd8 30. e7+ С : e7 Л : c2+ 31. Л : e7 Л : c2+ 32. Кре1 Л : e2+ 33. Л : e2 Фс1+ 34. Лd1 Фс3+ 35. Лdd2 Фg3+). В связи с угрозами 28. Ф : g5, 28. d7+, 28. Фа8+ белые добиваются большого преимущества. Примерный вариант: 27. ...С : e3+ 28. Л : e3 Фа1+ 29. Крd2 Лd4+ 30. Лd3 и т. д. Добавим, что на 26... Лс5 (вместо 26... Лс4) белые также могут играть 27. Фg2.

В распоряжении белых есть и другая возможность — 25. Лhg3 (вместо 25. d6) 25... Фа1+ 26. Крd2 Ф : b2 27. Фd1 и здесь: а) 27... Ф : e5 28. Лge3 Фd6 (28... С : g5 29. Кре2!) 29. Крс1 с хорошими шансами на выигрыш; б) 27... Лс4 28. d6 Сd8 29. e6, и преимущество белых неоспоримо.

II. 23... Ф : a2 24. d6, и черной ладье на линии «с» не уйти от преследования белого ферзя: а) 24... Лс6 25. Фе4 Фс4 26. Ф : c4 Л : c4 27. de с преимуществом; б) 24... Лс5 25. Фf2 с неизбежным de; в) на 24... Лс4 возможно 25. de Фа1+ 26. Крd2 Ф : b2 27. Лd8+ Кр : e7 28. Лd7+! Кр : d7 29. Ф : c4 с неотразимой атакой.

24. Крс1 — b1	Лс8—с4!

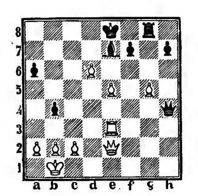
Повторяю, восклицательные знаки я ставлю ко всему плану защиты, найденному моим соперником.

25. d5—d6	Лс4—е4
26. Лh3—e3	Ле4 : e3

Если бы черные соблазнились 26... Л : g5, то вполне могли получить очень красивый мат: 27. hg С : g5 28. d7+ Крd8 29. Лd1! Л : e3 30. Ф : a6 и далее Фс8+ и Фе8X.

27. Лd3 : e3 Фf4 : h4

Нечто схожее с указанным в предыдущем комментарии получалось при 27... Л : g5 28. hg C : g5 29. d7+ Kpd8 (29... Kpe7 30. Фd3) 30. Ф : a6.

28. Фe2—f3! Фh4 : g5

Лучшее взятие из трех возможных. Два других слабее: 28... Л : g5 29. Фc6+ Kpf8 30. de+ Kp : e7 31. a3! или 28... C : g5 29. e6 fe 30. Л : e6+ Kpd8 (30... Kpd7 31. Фf7+ Kpc6 32. d7+) 31. Фc6!, и у черных нет ни единого шаха.

29. Лe3—e1 ...

Известный перевес сохраняли белые после 29. Фc6+ Kpf8 30. de+ Ф : e7 31. Фh6+ Лg7, но мне хотелось достичь большего, и потому я «ограничился» тихим (а на самом деле азартным) ходом.

29. ... Фg5—g2

Игровой азарт владеет и моим соперником, в распоряжении которого был ход, безусловно заслуживающий внимания, — 29... Фg4?! «Испугавшись», белые могут пристать к ничейной гавани—30. Фc6+ Фd7 31. Ф : d7+ Kp : d7 32. de; развития же инициативы следует искать в двух направлениях: 30. Фc6+ Фd7 31. Фe4 Cd8 32. Ф : : h7 Лf8 или 30. Фd3 с последующим 31. Ф : a6.

30. Фf3—f5 Лg8—g6

С потерей темпа уже не смотрится 30... Фg4 — 31. Ф : h7 Ch4 32. Лf1 Лg7 (32... Cf2 33. e6!) 33. Фd3, выигрывая как минимум еще одну пешку. Выводя же ладью на шестую горизонталь, черные не только прикрывают пешку h7, но и препятствуют прорыву e5—e6.

31. Лe1—f1 Фg2—d5
32. d6 : e7 Kpe8 : e7

Выжидательное 32... a5 не годилось из-за 33. Фh5 h6 34. e6!! Лf6 (34... Ф : e6 35. Ф : a5, а потом падет и пешка «b», и черный король останется открытым) 35. ef+ Ф : f7 (35... Л : f7 36. Фg6 Фe6! 37. Фg8+ Kp : e7 38. Лd1 с сильной атакой) 36. Фb5+ Kp : e7 37. Фc5+, и открытая позиция их короля делает положение черных более чем опасным.

33. Фf5—f4! a6—a5
34. Фf4—h4+ Kpe7—e8
35. Фh4 : h7 Фd5—f3

Последняя попытка использовать слабость первой горизонтали.

36. Фh7—h8+ Kpe8—e7

Хуже было 36... Kpd7. поскольку тогда 37. e6+ окончательно раскрывало бы короля: 37... Л : e6

(37... Кр : е6 38. Ле1+) 38. Фd4+ Кре8 39. Лd1 или 37... fe 38. Фd4+ Фd5 39. Фа7+ Крd6 40. Фb6+ Крd7 41. b3!, и у черных вообще не видно полезного хода.

37. Фh8—h4+ Кре7—е8
38. Фh4—c4! Фf3—b7
39. b2—b3 ...

Сделав наконец-то «форточку», белые могут атаковать, уже реже оглядываясь на свои тылы.

39. ... Лg6—е6
40. Лf1—g1 ...

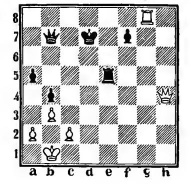
Я не колебался, отдавая пешку, потому что был уверен: лишенный прикрытия король черных не спасется от атаки.

40. ... Ле6 : е5
41. Лg1—g8+ ...

Очевидный ход этот я записал. Домашний анализ показал, что позиция хоть и выиграна, но требует от белых четких действий.

41. ... Кре8—е7
42. Фc4—h4+ Кре7—d7

Если 42... Кре6, то 43. Ле8+.

43. Фh4—f6! ...

Первая тонкость. Заманчиво было 43. Лd8+. Рассмотрим два возможных отступления:

1. 43... Крс6? 44. Фh1+ Крb6 (44... Крс7 45. Лd7+) 45. Лd6+ Кра7 46. Фg1+ Крb8 47. Фd4 (просмотром было бы 47. Лb6 ввиду 47... Ле1+!), и черным вряд ли удастся спасти ферзя.

II. 43... Крс7. Кажется, что немедленно выигрывает 44. Фd4 Ле1+ (нетрудно проверить, что другого хода нет) 45. Крb2 Фс6 (тоже единственное) 46. Лd5, и плохо 46... Фс3+ 47. Ф : с3 bc+ 48. Кр : с3; плохо и все остальное, кроме 46... а4!, и здесь у белых есть незавидный выбор между ферзевым и ладейным эндшпилями с двумя пешками против одной:

а) 47. Ф : b4 Ф : d5 48. Ф : е1 ab 49. ab; б) 47. а3 Фс3+ (не проходит 47... bа+ 48. Кр : а3 Ла1+ 49. Крb2 Ла2+ 50. Кр : а2 Ф : с2+ 51. Фb2, и белые выигрывают) 48. Ф : с3 bc+ 49. Кр : с3 ab 50. cb. В обоих случаях с проблематичными шансами на выигрыш.

Выглядит опасным для черных 44. Фf6, но и здесь они могут все свести к рассмотренным выше вариантам — 44... Фh1+ 45. Крb2 Ле6 46. Фd4 Фс6 или 44. Фg5 f6!

43. ... Ле5—е7

Сильнейшее. Проигрывает сразу 43... Фс7 — 44. Ф : f7+ Крс6 45. Фf6+ Крс5 (45... Крb5) 46. Фf1! Фе7 47. Фс4+ Крd6 48. Фа6+ Крd7 49. Фс8+ или 48... Крс7 49. Лс8+; слабо и 43... Фh1+ из-за 44. Крb2 Ле7 45. Фf5+ Крс6 46. Ф : а5.

44. Фf6—f5+ Крd7—d6

На 44... Крс6 белым не следует увлекаться шахами — 45. Лс8+ Крd6 46. Фс5+ Крd7, и фигуры заблудились в лагере противника. Проще 45. Ф : а5 с сильнейшими угрозами.

45. Фf5 : а5 ...

Шахи шахами, а пешки пешками...

45. ... Ле7—е5

Можно было активизировать ферзя — 45... Фе4 (45... Фh1+ 46. Крb2 Фе4 приводит к тем же вариантам) 46. Фb6+ Кре5 47. Фс5+ Крf4 48. Лb8 Фе1+ 49. Крb2 Фе5+ 50. Ф : е5+ Кр : е5 (еще легче выигрыш белых после 50... Л : е5 51. Л : b4+ и если 51... Кре3, то 52. а4f5 53. Лb5, а если 51... Крg5, то 52. Лb8 f5 53. Лg8+! Крh4 54. Лf8) 51. Лb5+! Крf4 52. Л : b4+ Крg3 53. Лb5! (заставляет короля сделать шаг назад) 53... Крg4 54. Лb8 f5 55. Лg8+ Крf3 56. Лf8 f4 57. а4 Кре3 58. а5 f3 59. b4 Ле4 60. с3 Лf4 61. Л : f4 Кр : f4 62. а6 f2 63. а7 f1Ф 64. а8Ф Фе2+ 65. Кра3, и белые выигрывают. Конечно, вариантов и возможностей в этой позиции много, особенно со стороны белых. Я показал лишь один основной — с сильнейшими, на мой взгляд, ходами той и другой стороны.

46. Фа5—d8+ Крd6—е6
47. Крb1—b2! f7—f6
48. Лg8—f8 ...

Самое четкое. Белые не дают королю черных возможности отправиться в путешествие.

48. ... Фb7—g7
49. Фd8—с8+ Кре6—d5
50. Фс8—с4+.

Черные сдались.

ЧЕМПИОНАТ ЕВРОПЫ

Москва. 1977

ПОРТИШ — КАРПОВ

Староиндийское начало

1. Кg1—f3 Кg8—f6
2. g2—g3 b7—b6
3. Сf1—g2 Сс8—b7
4. 0—0 е7—е6
5. d2—d3 d7—d5
6. Кb1—d2 Кb8—d7

Кажется, это новый ход. Занятная партия была сыграна в турнире первой лиги чемпионата СССР 1976 года: 6... Се7 7. е4 de 8 de К : е4? 9. Ке5, и черные сдались, поскольку на 9... Кd6 следует 10. С : b7 К : b7 11. Фf3 с двойным ударом — на f7 и b7 (А. Кочиев — И. Иванов).

7. Лf1—е1 Сf8—с5

А это уж наверняка новая идея. Черные решили все дебютные проблемы.

8. с2—с4 0—0
9. с4 : d5 е6 : d5
10. Кd2—b3 ...

Понятно, что слон с5 действует белым на нервы, но на b3 конь будет расположен неудачно.

10. ... Сс5—b4

Слабее было бы 10... Сd6 11. Кbd4 Ле8 12. Кb5.

11. Cc1—d2 a7—a5

Некоторое преимущество черные получали после 11... С : d2 12. Ф : d2 c5. Однако я стремился к более сложной игре.

12. Kb3—d4 Лf8—e8

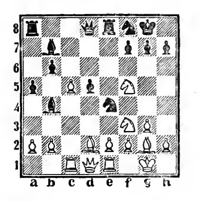
Нет смысла сразу прогонять коня (12... c5). Ход Лf8—e8 полезен, а у белых нет ничего лучшего, чем «вынудить» продвижение пешки «с».

13. Лa1—c1 c7—c5
14. Kd4—f5 Kd7—f8
15. d3—d4? ...

Рискованное решение, ибо черные лучше подготовлены к сражению в центре.

15. ... Kf6—e4
16. d4 : c5? ...

Связано с просчетом в возникающих осложнениях. Может быть, Портиш просто не заметил 17-го хода черных? Впрочем, у белых уже немалые трудности в выборе продолжений. Например, если 16. a3, то 16... С : d2 17. К : d2 Фf6, и конь f5 из активной фигуры превращается в весьма уязвимую.

16. ... Ke4 : d2
17. Kf3 : d2 Фd8—g5!

Внезапно «повисли» оба коня. Сразу проигрывает 18. Ke3 из-за 18... Л : e3 19. fe Ф : e3+ и 20... С : d2, поэтому выбора нет.

18. Kf5—d6 Cb4 : d2

А вот здесь у белых выбор большой, но... безрадостный. Перебор вариантов начнем с 19. h4: 19... Фh6 20. К : e8 (20. Kf5 Фf6, и белые остаются без фигуры) 20... Л : e8 21. c6 Ca6. Интереснее 20. К : b7, и если черные отвечают 20... С : e1, то после 21. Ф : e1 Л : e2 22. Ф : e2 Ф : c1+ 23. Kph2 (у короля находится лазейка — важное отличие от случившегося в партии) 23... bc 24. С : d5, и у белых появляется контригра. Все дело, однако, в том, что после 19. h4 Фh6 20. К : b7 черные берут другую ладью — 20... С : c1 21. Ф : c1 Л : e2 со скорым выигрышем.

Есть еще ход 19. c6. Тогда 19... Ca6 20. f4 (20. К : e8 Л : e8) 20... Фe7 (это лучше немедленного 20... Ce3+, на что могло быть 21. Kph1 Фe7 22. С : d5), и на 21. К : e8 у черных находится промежуточный ход 21... Фe3+!

19. Kd6 : b7 Cd2 : e1
20. Фd1 : e1 Лe8 : e2
21. Фe1 : e2 Фg5 : c1+
22. Фe2—f1 Фc1—d2!
23. c5 : b6 ...

В случае 23. c6 выигрывало 23... Лc8 24. Фb5 Фc1+ и 25. Ф : c6.

23. ... Лa8—c8

Белые сдались.

Онн лябо теряют ферзя, либо получают мат — 24. Фb5 Лс2!

Тилбург. 1977

ХЮБНЕР КАРПОВ

Англнйское начало

1. c2—c4 c7—c5
2. Kg1—f3 Kg8—f6
3. Kb1—c3 d7—d5

Одна нз нмеющнхся в распоряженнн черных возможностей, которая ведет к немедленным столкновениям в центре. Часто партня приходит к варнанту защиты Грюифельда. Прн этом следует отметнть, что только такой порядок ходов позволяет черным развить слона на g7, избегая построений тнпа Мароцн.

4. c4 : d5 Kf6 : d5
5. g2—g3 ...

Белые моглн перейти к конструкциям ферзевого гамбита (5. d4 e6 6. e4 K : c3 7. bc cd 8. cd Cb4+) либо защиты Грюифельда (5. d4 K : c3 6. bc g6).

5. ... g7—g6
6. d2—d3 ...

Более распространенным является няой порядок ходов: 6. Cg2 Cg7 7. 0—0 0—0 8. K : d5 Ф : d5 9. d3, но Хюбнер, по-вяднмому, решает развить сначала фнгуры ферзевого флаяга.

6. ... Cf8—g7
7. Cc1—d2 b7—b6!?

Заслужнвающая внимання ндея! Безболезненно открывая диагональ a8—h1, черные в то же время ие опасаются н шахов по днагоналн a4—e8. Замысел заключается в том, чтобы, во-первых, заранее защитить обычио весьма уязвимую пешку c5, а во-вторых, успеть выйтн слоном на большую диагональ, что, как правнло, ие получается в случае раииего развнтня на g2 белопольного слона.

Несложный расчет показывает корректность задуманного черными плана.

8. Фd1—a4+ ...

Попытка нспользовать прнсутствне черного короля в центре не прнводит к успеху. И прн спокойных продолжениях — 8. K : d5 Ф : d5 9. Cg2 Cb7 нлн 8. Cg2 Cb7 — познция черных также удовлетворительна.

8. ... Cc8—d7
9. Фa4—h4 Cd7—c6

Возможно было и немедлеиное 9... e7—e6.

10. Cf1—g2 ...

Преждевременяый выпад 10. Ch6 оставлял незащнщенным коня c3, н в ответ иа 10... Cf6 у белых в запасе едниственная реплика — 11. Cg5.

10. ... e7—e6

Чериые ие торопятся с рокнровкой, так как при размене ферзей король нм более нужеи в центре.

11. Фh8 : d8+ ...

В случае 11. Cg5 черные легко добивалнсь удовлетворнтельной познции — 11... f6 12. Ch6 0—0.

11. ... **Крe8 : d8**
12. Лa1 — c1 **...**

Белые освобождают диагональ a1—h8 с целью подготовки подрыва b2—b4. Кроме того, выявляется противостояние ладьи и слона по линии «с». Размен на d5 не должен был устроить белых, например: 12. К : d5 ed! 13. Сc3 d4 14. Сd2 a5! с большим пространственным перевесом у черных.

12. ... **Кb8—a6!?**

Конь на краю доски!.. Многие «цитируют» З. Тарраша, будто конь на краю доски — это всегда плохо. Но нет правил без исключения. В данной конкретной позиции конь на a6 расположен лучше, нежели в центре на d7. Работа, выполняемая этой фигурой, велика: во-первых, конь избыточно защищает пешку c5 на случай прорыва b2—b4; во-вторых, он не мешает черным удобно расположить остальные фигуры по линии «с»; в-третьих, он в любой момент готов обеспечить избыточную защиту и пункта d5.

13. Кc3 : d5 **...**

Белые больше не могут медлить с разменом, в противном случае (скажем, после 13.0—0) черные сыграют 13... Лc8 и после 14. К : d5 побьют пешкой — 14... ed.

13. ... **Сc6 : d5**

Сейчас бить пешкой было бы опрометчиво, так как после 14. b4 слон c6 нуждается в защите.

14. Сd2—c3 **...**

Предлагая размен, белые надеются уравнять шансы и сделать ничью, но я стремился к другому результату...

14. ... **f7—f6**
15. a2—a3 **Крd8—e7**
16. 0—0 **Лh8—c8**
17. Кf3—d2 **Кa6—c7**

Постепенно выкристаллизовывается позиционное преимущество черных. Понимая, что дальнейшее спокойное течение партии сулит лишь хлопоты в защите, Хюбнер принимает решение освободиться из позиционных тисков и попытаться прорваться на ферзевом фланге. Эта идея наталкивается на неочевидное опровержение.

18. b2—b4 **Сd5 : g2**

Необходимый промежуточный ход, преследующий своей целью завлечь короля белых на поле g2.

19. Крg1 : g2 **c5 : b4**
20. Сe3 : b4+ **Крe7—d7**

По правилам эндшпиля король двигается к центру и сам прикрывает слабости по открытой линии.

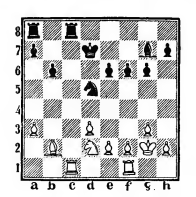
21. Сb4—c3 **...**

Форсированно ведет к очень трудной для белых позиции. Лучше было 21. Кc4 (слабее 21. Кe4 ввиду 21... Кd5 22. Сd2 f5) 21... Кd5 22. Сd2 b5 23. Кa5 f5, хотя и в этом случае наличие у черных пешечного большинства на ферзевом фланге определяет их стойкое преимущество в окончании.

21. ... **Кc7—d5**
22. Сc3—b2 **...**

После 22. Кe4 К : c3 23. К : c3

f5 черные добивались выигранной позиции. Сейчас же беда приходит с другой стороны.

22. ... Cg7—h6!
23. e2—e3 ...

Другой возможности перекрыть диагональ c1—h6 не видно. В случае 23. Лfd1 немедленно решало 23... Л : c1 24. С : c1 Кс3 25. Ле1 Ка2 26. Кb3 (проигрывает и 26. e3 Лс8 27. Cb2 Лс2!) 26... К : c1 27. К : c1 Лс8.

23. ... Ch6 : e3!

Несложная комбинация, форсированно ведущая к соотношению: ладья и две пешки против двух легких фигур.

24. f2 : e3 Kd5 : e3+
25. Kрg2—f3 Ke3 : f1
26. Kd2 : f1 Лс8 : c1
27. Cb2 : c1 Ла8—c8

Очень важный выигрыш темпа. В противном случае белые успевали слоном с b2 и конем с e3 защитить все поля вторжения ладьи по линии «с». Разумеется, перевес и тогда оставался на стороне черных, но его реализация была бы сопряжена со значительными трудностями.

28. Cc1—b2 Лс8—c2!

Самое решительное. Черные разменивают пешку «f» на пешку «а» и получают две связанные проходные на ферзевом фланге. Нарушение стройной пешечной структуры в центре и на королевском фланге не может сказаться, поскольку для использования слабостей белым требуется много времени.

29. Cb2 : f6 Лс2—a2
30. Kрf3—e3 Ла2 : a3
31. Kf1—d2 ...

После длительного обдумывания белые находят лучший план расстановки своих сил: король защищает пешку «d» и пытается приблизиться к проходным противника, слон действует по большой диагонали, а конь устремляется на e4. Гармония полная, и только материальное соотношение не в их пользу.

31. ... b6—b5
32. Kd2—e4 b5—b4?

Поспешность. Не следовало отдавать в распоряжение белых поле c4 и сужать диапазон действий собственной ладьи. Точнее было 32... a5.

33. Kрe3—d4 a7—a5
34. Kрd4—c4 ...

С очень неприятной угрозой 35. Cb2 Ла2 36. Kрb3, и ладья поймана.

34. ... Лa3—a2
35. h2—h4 Kpd7—c6
36. Cf6—d4 ...

Получилось что-то иаподобие крепости. Белые не дали возможности проходимым пешкам пройти дальше, ие пропустили короля, заияв своими фигурами центральные поля. Вот к чему может привести одиа лишь неточность! Ведь все могло быть иамиого проще, не продвинь чериые так поспешно пешку «b» вперед.

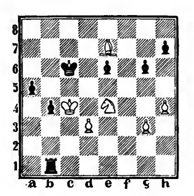
36. ... Лa2—e2

Я иаметил четкий плаи. Во-первых, ладья должиа перейти иа более активную позицию, иа первую горизоиталь, откуда можио тревожить короля белых. Во-вторых, до поры до времени оиа должиа сковывать коня белых, который сейчас не может ходить ввиду e6—e5.

37. Cd4—e5 Лe2—e1
38. Ce5—f6 Лe1—b1

Создается угроза продвижеиия пешки «a».

39. Cf6—e7 ...

Единственная защита, так как в случае попытки согнать ладью — 39. Kd2 следовало 39... Лc1+ 40. Kpb3 Kpb5, и все построеиие белых рушилось.

39. ... e6—e5

Наконец-то пешка «e» продвинулась вперед и перекрыла большую диагональ. Главиое же заключается в том, что теперь после шаха иа c1 король белых имеет едииствеиное поле отступлеиия b3. В этом случае король черных устремляется в противоположиую сторону и прорывается по линии «d».

40. g3—g4 Лb1—c1+
41. Kpc4—b3 Kpc6—d5
42. Ce7—g5 ...

Чериые форсированио выигрывали после 42. Cd8 Kpd4 43. C : a5 Kp : d3 44. Kf6 Лb1+ 45. Kpa2 Kpc2.

42. ... Лc1—b1+

Прежде чем уйти ладьей, необходимо подальше оттесиить короля противиика.

43. Kpb3—c2 Лb1—h1
44. Kpc2—b3 Лh1—h3!

Ладья проявляет завидиую активиость.

45. Ke4—f6+ Kpd5—d4
46. Kf6 : h7 Лh3 : d3+
47. Kpb3—c2 a5—a4
48. Cg5—e7 Лd3—c3+
49. Kpc2—b1 Лc3—c7

Белые сдались.

ПОБЕДА В БАГИО

Уже говорилось, что биография талантливого 27-летнего гроссмейстера далека от завершения. Когда печаталась наша книга, А. Карпов вписал в свою биографию новую славную главу.

18 октября 1978 года в филиппинском городе Багио закончился матч за мировое шахматное первенство. Самый длительный матч в истории шахмат — он продолжался ровно три месяца. Самый драматический матч — все время лидируя с заметным преимуществом (1 : 0, 4 : 1, 5 : 2), чемпион мира совершенно неожиданно позволил претенденту сравнять счет (5 : 5), а затем разгромил его в решающей партии. Самый ответственный матч из когда-либо игранных советскими шахматистами. «Молодой человек А. Карпов, — писала одна из филиппинских газет, — по-своему защищает социальную систему, которую он представляет и которую пытается дискредитировать соперник, бежавший из страны». Добавим: соперник многоопытный, опасный и коварный, призвавший на помощь не только высококвалифицированных шахматистов из целого ряда государств, но даже... фанатиков-террористов.

...Здесь нам волей-неволей приходится снова возвращаться назад... Еще в самом первом своем претендентском матче (Амстердам, 1968 год) Корчной на финише вел себя столь бестактно, что его соперник С. Решевский из США не желал продолжать игру с подобным партнером. Убедившись в «действенности» метода психологического давления, Корчной продолжил свою линию в следующем, полуфинальном матче того же цикла розыгрыша мирового первенства. Нанеся предварительно публичное оскорбление М. Талю в печати, он затем уже в ходе самого единоборства неоднократно обвинял уважаемого экс-чемпиона мира в использовании... гипнотического воздействия и требовал удалить его лечащего врача из зрительного зала. Печальную известность приобрели в шахматном мире скандалы в матче Корчного с Е. Геллером в 1971 году, во время претендентских матчей Корчного с бразильцем Э. Мекингом и Т. Петросяном в 1974 году и с Б. Спасским в 1977/78 году. О финальном претендентском матче Корчного против А. Карпова (Москва, 1974 год) было сказано и написано много. Но только то, что исходило от побежденного, носило

попытку бросить тень на победителя. При этом Корчной желал дезориентировать прежде всего зарубежных любителей шахмат, ибо в Советском Союзе его методы ведения «психологического давления» были давно и хорошо известны...

Тем не менее те же методы, да еще и приправленные изрядной дозой антисоветизма его подруги и «стряпчей» некой П. Лееверик, претендент старался использовать и в матче 1978 года. Провокационные скандалы, учиняемые Корчным и его сподвижниками, порой шокировали даже падких на сенсации западных журналистов. Апелляционное жюри матча, состоявшее из известных и авторитетных людей, последовательно отклоняло один протест претендента за другим.

Сначала они отвергли претензии Лееверик по поводу переданного А. Карпову стакана кефира через арбитра. Затем был положен конец — как мы знаем, уже не новым — утверждениям претендента, будто на него воздействуют при помощи мифического гипнотизера. Тогда он попытался заговорить о возросшем уровне радиации в зале, что решительно опровергли специально приглашенные представители филиппинской комиссии по атомной энергии. «Не считает ли мистер Корчной, что организаторы матча задумали отправиться на тот свет и решили прихватить его с собой, чтобы не остаться без развлечений в пути?» — иронически вопрошала в связи с этим местная газета.

В конце концов А. Карпов попросил ознакомить журналистов, присутствовавших на матче, с его точкой зрения на все имевшие место провокации соперника и отказался впредь подавать ему руку перед игрой, хотя в этом вопросе поначалу он и пошел навстречу просьбам любезных филиппинских организаторов матча.

Да, трудным выдался этот матч.

Абсолютное сосредоточение всех умственных, физических и духовных сил сделало закономерным его новый творческий взлет.

На сцене вечером 17 октября, когда игралась 32-я партия, ставшая решающей, мы увидели за столиком чемпиона, которого привыкли видеть и хотим видеть. Стратегическое давление на позицию черных увенчал красивый тактический удар. Партия была отложена в выигрышном положении, но ни он сам, ни его друзья не спешили принимать поздравления. И лишь на следующий

день, когда арбитр матча чехословацкий гроссмейстер М. Филипп сообщил, что противник сдает 32-ю партию без доигрывания, устало улыбнувшийся чемпион мира «разрешил» сообщить домой о своей победе. А председатель Шахматной федерации СССР летчик-космонавт СССР В. Севастьянов сказал: «Вот и настал, Толя, твой звездный час».

* * *

А что говорил сам чемпион мира?

— Я очень рад тому, что добился победы накануне славного юбилея Ленинского комсомола. Знаю, что к этому празднику в нашей стране готовилось много подарков — прежде всего трудовых. Свою победу я также посвятил юбилею комсомола.

Хочу выразить огромную благодарность всем своим верным болельщикам, которые переживали за меня, радовались моим победам, верили в меня, когда было трудно.

В этот же день Анатолий отправил телеграмму в Москву:

«Товарищу ВРЕЖНЕВУ Леониду Ильичу
Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Счастлив доложить, что матч на звание чемпиона мира по шахматам закончился нашей победой.

Примите, дорогой Леонид Ильич, сердечную благодарность за отеческую заботу и внимание, проявленные ко мне и нашей делегации в период подготовки и проведения матча.

Заверяю Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Советское правительство и лично Вас, Леонид Ильич, что в будущем приложу все усилия для приумножения славы советской шахматной школы.

Чемпион мира Анатолий Карпов.
18 октября 1978 года, Багио, Филиппины».

В заключение, как уже не раз мы делали в этой книге, приведем некоторые высказывания видных зарубежных гроссмейстеров.

В Буэнос-Айресе газета «Кларин», опубликовав статью под заголовком «Карпов по-прежнему царствует в мире шахмат», привела слова популярного аргентинского гроссмейстера Мигеля Найдорфа: «Молодой Анатолий

по праву отстоял титул чемпиона... Карпов приехал на Филиппины для того, чтобы играть в шахматы, и добился заслуженной победы».

«Анатолий Карпов играет лучше всех шахматистов в мире. Он вновь доказал это своей победой над претендентом, — сказал гроссмейстер Роберт Хюбнер из ФРГ. — Чемпион умеет поразительно быстро схватывать все и усваивать все новое и соединять это с тем, что было уже на его вооружении. Это исключительно важный фактор».

«Анатолию Карпову, чемпиону мира, сейчас нет равных!» — заявил обозреватель «Нью-Йорк таймс» американский гроссмейстер Роберт Бирн.

Ко всему этому добавим только то, что не могли сказать зарубежные специалисты. Анатолий Карпов проявил и шахматное мастерство, и наш советский характер. Он хорошо потрудился, и потому на груди сильнейшего гроссмейстера мира вместе с двумя золотыми чемпионскими медалями сверкает теперь орден Трудового Красного Знамени.

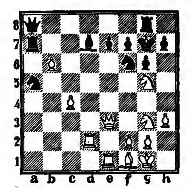
32-я решающая партия

КАРПОВ — КОРЧНОЙ

Защита Уфимцева

1. e4 d6 2. d4 Kf6 3. Kc3 g6. 4. Kf3 Cg7 5. Ce2 0—0 6. 0—0 c5 7. d5 Ka6 8. Cf4 Kc7 9. a4 b6 10. Лe1 Cb7 11. Cc4 Kh5 12. Cg5 Kf6 13. Фd3 a6 14. Лad1 Лb8 15. h3 Kd7 16. Фe3 Ca8 17. Ch6 b5 18. C:g7 Kp:g7 19. Cf1 Kf6 20. ab ab 21. Ke2 Cb7 22. Kg3 Лa8 23. c3 Лa4 24. Cd3 Фa8 25. e5 de 26. Ф:e5 K:d5 27. C:b5 Лa7 28. Kh4 Cc8 29. Ce2 Ce6 30. c4 Kb4 31. Ф:c5 Фb8 32. Cf1 Лc8 33. Фg5 Kph8 34. Лd2 Kc6 35. Фh6 Лg8 36. Kf3 Фf8 37. Фe3 Kpg7 38. Kg5 Cd7 39. b4 Фa8 40. b5 Ka5 41. b6, и в этом положении партия была отложена. Записан сорок первый ход черных (Лb7).

Утром 18 октября претендент заявил об отказе продолжать борьбу. Карпов победил!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Карпов А. Е., Рошаль А. Б.

К26 Девятая вертикаль. — М.: Мол. гвардия, 1978. 303 с., ил.

Чемпион мира по шахматам рассиазывает читателям о шахматах и о себе, о своих товарнщах-шахматистах, о шахматных поединнах, в ноторых приходилось ему участвовать. Его друг — журналнст, мастер спорта и заслуженный тренер РСФСР рассназывавт о чемпионв, о вго побвдах, о вго характере, интересах н увлечениях. В нингв приводятся высказывания об Анатолии Карпова многих ведущих гроссмейстеров мира и тринадцать самых памятных партий, прономмеитированных самим чемпионом мира.

К $\frac{70302-263}{078(02)-78}$ **108—73**

ББК 75.581
7А9.1

ИБ № 1965

Анатолнй Евгеньевнч Карпов, Алеисандр Борисович Рошаль
ДЕВЯТАЯ ВЕРТИКАЛЬ

Фото Д. Донсиого, В. Кутырева, ТАСС н из семейного архива Карповых

Редакторы **М. Лаврни, В. Таборко**
Художественный редактор **К. Фадин**
Техиический редактор **Н. Михайловсная**

Сдаио в иабор 7/VIII 1978 г. Подписаио к печати 4/X 1978 г. А06022. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 9,5 (усл. 15,96) + 16 вкл. Уч.-изд. л. 18. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 40 к. Т. П. 1978 г., № 108. Заказ 1198.

Типография ордеиа Трудового Красиого Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

1 р. 40 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ